

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

АРХЕОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ

Сборник научных статей
Четвертой международной научной конференции,
посвящённой 80-летию со дня рождения
профессора А. З. Винникова

(г. Белгород, 11-12 ноября 2020 года)

Белгород 2022

УДК 902(47+57)(063)

ББК 63.48(2)я431

А 87

Рецензенты:

А. Н. Бессуднов, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного
педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского;

И. В. Федюнин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор: В. А. Сарапулкин;
Члены редколлегии: А. И. Папков, И. Т. Шатохин,
В. С. Кулабухов, А. А. Божко, Л. Н. Журбенко

А87 **Археология в исследованиях молодых** : сборник научных статей
Четвертой международной научной конференции, посвящённой
80-летию со дня рождения профессора А. З. Винникова (г. Белгород,
11–12 ноября 2020 года) / отв. ред. В. А. Сарапулкин. – Белгород :
ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. – 256 с.

ISBN 978-5-9571-3176-2

В сборник вошли материалы четвертой международной научной конферен-
ции «Археология в исследованиях молодых», посвящённой 80-летию со дня рожде-
ния профессора Воронежского государственного университета А. З. Винникова.
Многие публикации посвящены анализу источников с археологических объектов
России, Украины, Грузии, Абхазии, основная часть из которых впервые вводится в
научный оборот. Кроме этого, в сборнике представлены материалы, освещающие от-
дельные историографические вопросы, дана оценка современным подходам к рекон-
струкции исторических, этнокультурных и природных процессов.

Издание предназначено специалистам-археологам, историкам, учителям ис-
тории, искусствоведам, студентам, краеведам и всем интересующимся древнейшим
прошлым нашей страны и сопредельных государств.

УДК 902(47+57)(063)

ББК 63.48(2)я431

ISBN 978-5-9571-3176-2

© НИУ «БелГУ», 2022

Профессору Анатолию Захаровичу Винникову – 80 лет

СОДЕРЖАНИЕ

Сарапулкин В. А., Бессуднов А. Н. О роли А. З. Винникова в развитии археологии на Белгородчине.....	7
Фомин К. В., Божко А. А. Раннесредневековой археологической экспедиции НИУ «БелГУ» – 20 лет: обобщение результатов исследований.....	11
Божко А. А. Исследования экспедиции ООО «Белгородская археологическая экспертиза» на Белгородчине во втором десятилетии XXI века.....	15

КАМЕННЫЙ ВЕК

Рукина Н. С. Одежда в палеолите.....	20
Ушкова А. П. Исследования палеолитических памятников в Дивногорье: ученые и научные направления.....	23
Лукинцева В. А., Воронков С. А. Орудия из лопаточных костей со стоянки Погостище 15 в бассейне озера Воже.....	26
Кузьмина А. В. Предметы из области искусства на памятниках эпохи мезолита – раннего неолита в бассейне озера Воже.....	30
Чхатарашвили Г. Л. Раннеголоценовые комплексы юго-восточного Причерноморья.....	33
Юркина Е. С. Первые результаты трасологического анализа каменного инвентаря с раннеолитической стоянки Доброе 9 на Верхнем Дону.....	37
Долгов А. О. Кремневый комплекс стоянки Ильинка.....	41
Пантелеева Т. Ю. Керамика стоянок Сокольный VII и Сокольный XII в контексте раннего неолита Марийского Поволжья.....	44
Ракишева А. И. Итоги исследования стоянки Кряж II в 2018 году.....	46
Васильева Т. А. Методы изучения древней керамики: возможности, итоги и перспективы (по материалам памятников эпохи неолита на территории Карелии).....	48
Манько Н. В. Коэффициент сечения как диагностический признак при делении бифасов на заготовки и законченные орудия.....	51
Кокоткина А. В. Разведочные исследования у с. Доброе в Липецкой области.....	55
Трошкина М. А. Фигурки уточек из археологических памятников на территории Вологодской области от эпохи камня до раннего железного века.....	58

ЭПОХА ЭНЕОЛИТА – БРОНЗЫ

Уварова К. А. Сравнение хвалынской и среднестоговской энеолитических культур.....	62
Игнатъев Ю. И. Находка артефакта на стоянке Алгай в 2019 году.....	65
Осипов С. Г. О неординарных погребениях энеолита Восточной Европы.....	67
Димидов Л. Г. Погребение мастера-изготовителя кремневых орудий начала бронзового века из кургана у г. Новочеркаска.....	70
Ларочкин А. А. Парные разнополюе погребения культур эпохи ранней бронзы на территории Барабинской лесостепи.....	74
Потапова А. В. Биологическая активность культурных слоев древних поселений Задонского района Липецкой области (с. Ксизово).....	77
Шишканов Н. В. О специфических наборах инвентаря в погребениях эпохи средней бронзы Нижнего Подонья.....	79
Коваленко П. П. Новая находка каменной литейной формы эпохи поздней бронзы в Среднем Подонцовье (предварительное сообщение).....	81
Грехов С. В. Экспериментальное сверление змеевика медной трубкой.....	86
Качесова О. А., Гриб М. А. Сравнительный анализ ирменских погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья.....	89

Панкина А. И., Ермаков Т. К. Орнитоморфное изображение с Шалаболинской писаницы: опыт культурно-хронологической и видовой атрибуции.....92

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Саратовцева А. В. К вопросу об интерпретации женских погребений с оружием на территории Нижнего Дона	95
Святой Я. С., Божко А. А. Материалы сарматского времени с территории Белгородской области	98
Лысенко Т. А. Зооморфные ручки на бронзовых котлах сарматских племен	102
Ронжова С. С. Система женских украшений пьяноборской культуры	105
Непчатова А. В. Результаты археологической разведки близ с. Ястребово Белгородского района Белгородской области	108
Костылёва А. А., Лошаков К. А. Материалы круга выемчатых эмалей с территории Старооскольского городского округа Белгородской области	111
Клюкойть А. А., Дугина Е. М., Симонов С. С., Шеменев С. В. Итоги изучения городищ раннего железного века и средневековья в Липецкой области в 2020 году	116
Гиблова А. А. Столовая посуда местного производства с поселения хоры Ольвии Козырки 12 – южной	119
Степикин А. И. К вопросу о египетских культах на Боспоре в IV–II вв. до н.э.	123
Тихонов Р. В. Оборонительные сооружения Бактрии эпохи эллинизма	126

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Рюмин И. В. Погребения потчевашской культуры в Северной Барабе	128
Гриб М. А., Качесова О. А. Эволюция погребальной обрядности у племен Одинцовской культуры в IV–VIII вв.	131
Гольшкин А. О. Новый памятник колочинской культуры Плещеево 2 в Верхнем Поочье.....	134
Журбенко Л. Н. Традиции гончарного производства кухонной посуды населения Поосколья (по материалам Ютановского археологического комплекса).....	137
Шушлебин А. И. Верхне-Ольшанский археологический комплекс: история изучения и перспективы дальнейших исследований	145
Цыкин М. С. Растительный «лотосовидный» орнамент в раннесредневековой торевтике Самарского Поволжья и Южного Урала.....	148
Балашов А. А. К вопросу о существовании наборного пояса на территории междуречья Сейма и Псла в X в.	151
Волов А. И. Культура сопков: история изучения и современное состояние вопроса	155
Черепов О. В. Образ Тора и символика его атрибутики как фактор укрепления военизированного мировоззрения скандинавов в период с IX по XI вв.	158
Симоненков А. В. «Гочево. Курганный могильник 1». Современные данные о состоянии памятника	161
Щербакова И. В. Реставрация чеснока (противоконное вооружение).....	165
Калугина Е. М. Археологический текстиль северо-восточного региона домонгольской Руси.....	168
Онищенко А. С. К вопросу о так называемых «плетях» на половецких каменных изваяниях.....	171
Руев В. Л., Неснов С. В. Исследование «пещерного города» Тепе-кермен в 2019 году	175
Карепин К. В. Чугунолитейное производство в Днепро-Донском междуречье во второй половине XIII – XIV веках	178
Хорольская Н. В. Реконструкция одежды алтайского тюрка из могильника Высокая гора Богучарского района Воронежской области	181

Муратбакиева А. Д. Ювелирная технология в применении к предметам культового металлического литья	184

**АРХЕОЛОГИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ.
ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АРХЕОЛОГИИ. ЭТНОГРАФИЯ**

Бувеч М. А. Самарский «земляной замок» в XVIII–XXI вв.	187
Ковалева Н. Н. Мотивы декора берестяных изделий городища Усть-Войкарское-1	190
Мамац-ипа Р. У. Палеолитические памятники Абхазии: история изучения.....	194
Алхуссейни А. Х. Историческое исследование древнего города Урук (Варка) и его керамики в урукский период (4000-3500 гг. до н.э.)	196
Бояркин М. В. Курганы у села Марки Каменского района Воронежской области: история изучения и современное состояние	199
Петрищева Д. П. Исследование приаральского могильника Северный Тагискен в контексте формирования раннескифского культурного комплекса	202
Арсенова Н. Е. Юго-восточная окраина славянского мира в период становления Древнерусского государства: история изучения памятников	206
Соколовский В. А. Мегалиты и монументализм в древних культурах островной части юго-восточной Азии	210
Бажина В. В. Еще раз об археологии в жизни воронежского дворянина А. Д. Черткова.....	213
Бирюкова Т. В. Деятельность Л. М. Савёлова по археологическому изучению Воронежской губернии	216
Кононович А. Ю. Гочевский курганный могильник в материалах исследований К. П. Сосновского	219
Чекрыжова В. С. О вкладе С. Д. Нечаева в сохранение историко-культурного наследия России	222
Кудрявцев А. А., Володин С. А. Деятельность сотрудников московского отделения ИИМК в работе комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР	225
Городцова Ю. Н. Роль Императорской археологической комиссии в изучении памятников Дивногорья.....	228
Пахомов Р. В. Древности Костёнок в исследованиях воронежских краеведов (вторая половина XIX в.).....	231
Сухова О. К. Древности Самарской и Симбирской губерний на Всероссийских археологических съездах	234
Осташова Д. В. Добрачные половые отношения южнорусского сельского населения в пореформенный период.....	237
Леснухин А. Ю. История изучения демонологических верований южнорусского населения.....	240
Поляков Е. С. Ю. В. Кнорозов и его вклад в изучение цивилизации майя	242
Агапова А. Р. Мореходство в древних культурах островной части юго-восточной Азии, Полинезии и Южной Америки: контакты, торговля, колонизация.....	245
Список сокращений	248
Сведения об авторах	252

О РОЛИ А. З. ВИННИКОВА В РАЗВИТИИ АРХЕОЛОГИИ НА БЕЛГОРОДЧИНЕ

В. А. Сарапулкин*, А. Н. Бессуднов**

**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия.*

***Липецкий государственный педагогический университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия*

Анатолий Захарович Винников является признанным специалистом в археологии Средневековья лесостепного Подонья. Его жизнь и научные исследования сосредоточены, в основном, на территории Воронежской области, но также он уделял внимание и смежным регионам. Авторы прослеживают вклад Анатолия Захаровича в развитие археологии Белгородчины, в становление местных научных кадров.

Ключевые слова: А. З. Винников, научные исследования, Белгородчина.

Четвертая международная научная конференция «Археология в исследованиях молодых», прошедшая 11-12 ноября 2020 г. в Белгородском государственном национальном исследовательском университете при активной помощи Белгородской региональной общественной организации «Общество любителей древней истории» была посвящена 80-летию юбилею известного российского ученого-археолога, профессора Воронежского государственного университета (далее – ВГУ), доктору исторических наук Винникову Анатолию Захаровичу.

А. З. Винников родился 7 ноября 1940 г. в городе Орджоникидзеград Орловской области (ныне Бежица – административный район г. Брянска). В 1964 г. окончил исторический факультет ВГУ, где под руководством своего учителя, основателя воронежской археологии, Москаленко Анны Николаевны, получил профессиональную археологическую подготовку. Практически вся его последующая научная и образовательная деятельность была связана с родной Alma mater, к исполнению которой на историческом факультете он приступил с 1966 г., после службы в Советской Армии. Здесь он прошел все ступени карьерного роста – от лаборанта до профессора, также успешно работал на административных должностях – заведующим кафедрой истории средних веков и зарубежных славянских народов, деканом исторического факультета.

Очень много внимания Анатолий Захарович уделял подготовке молодых археологов, научно-педагогических кадров, руководил аспирантами и соискателями в ВГУ и ЛГПУ, научным студенческим кружком. Под его руководством было успешно защищено 13 кандидатских диссертаций, опубликовано около 230 научных и методических работ, в том числе более десятка монографических и научно-популярных изданий. Он был ответственным редактором 60 сборников научных работ и монографий, выступал оппонентом при защите более чем 20 докторских и кандидатских диссертаций.

Ведущим направлением его научных изысканий была проблематика славян, Хазарского Каганата, Древней Руси, кочевников раннего и позднего средневековья лесостепного Подонья. Изучаемые археологические объекты располагались, преимущественно, в административных пределах современной Воронежской области, хотя без внимания ученого не оставались и прилегающие к ней территории. В частности, в зоне достаточного пристального исследовательского интереса Анатолия Захаровича находилась и современная Белгородская область, на территории которой под его руководством, а нередко и при личном участии проводились полевые исследования археологических памятников Раннего Средневековья, готовились публикации о результатах их изучения, в первую очередь, выявленных в бассейне р. Оскол.

Самый ранний практический интерес А. З. Винникова к древностям Белгородчины был связан с проблемой изучения юго-восточной окраины Руси XII–XIII вв., где ключевым памятником стало городище Холки в Чернянском районе Белгородской области. На нем в конце 80-х гг. прошлого века совместно с Е. Ю. Кудрявцевой были проведены раскопки, позволившие выявить многие аспекты материальной и духовной культуры этой пограничной крепости, уточнить данные по ее плановой структуре, хронологии, расширить представления о специфике древнерусско-половецких контактов. Полученные результаты легли в основу диссертационного исследования Е. Ю. Кудрявцевой (Кудрявцева, 2000), а также были использованы при написании ряда статей (Винников, Кудрявцева, 1998. С. 50-71; они же, 2006. С. 199-210).

В начале нового тысячелетия аспирантом А. З. Винникова В. А. Сарапулкиным проводились раскопки Мандровского грунтового могильника у с. Мандрово Валуйского района, результаты которых нашли отражение в кандидатской диссертации (Сарапулкин, 2003), а также в совместном монографическом исследовании, ряде статей, в выступлениях на международных конференциях (Винников, 2005. С. 210-211; Винников, Сарапулкин, 2007. С. 313-333; они же, 2008; Винников, 2009а. С. 127-129; он же, 2009б. С. 174-176. Винников, Кондратьева, 2012. С. 203-204).

Ключевую роль А. З. Винников сыграл при введении в научный оборот результатов раскопочных исследований Ютановского металлургического комплекса, расположенного у с. Ютановка Волоконовского района.

Удалось определить место выявленных в процессе полевых работ горнов в системе древностей салтово-маяцкой культуры. Итоги проведенных исследований нашли отражение как в диссертации А.В. Степового, выполненной под руководством А. З. Винникова (Степовой, 2011), так и в их совместной монографии (Винников, Степовой, 2012).

Следует также отметить очень значимую консультационную помощь А. З. Винникова при организации и проведении в 2008 г. экспедиции Белгородского государственного университета раскопок Маяцкого селища салтово-маяцкой культуры.

Анатолий Захарович традиционно предпринимал очень серьезные усилия для подготовки археологической смены, оказывая помощь, в первую очередь, подающим надежды студентам и аспирантам. И результаты очевидны: они дают все основания говорить о сложившейся под его руководством научной школе.

Мы также считаем себя последователями этой школы и в этой связи полностью солидарны с высказанной юбиляром мыслью, что «надо помнить тех, кто тебя учил» (Винников, 2003. С. 61-65) и, от себя добавим, что главное – всегда нужно оставаться благодарным нашим наставникам за то, что в свое время они не жалели времени и сил для нашего становления. И к такой категории наставников и педагогов, несомненно, относится и Анатолий Захарович Винников. Здоровья Вам и творческих успехов!

*А. З. Винников ведёт занятия
в археологической школе «Северный Дон»*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Винников А. З. 5-я Международная конференция «Праболгары в Восточной и Центральной Европе: праболгары и их соседи (V–X вв.)» // Исторические записки. – Воронеж, 2005. – Вып. 11. – С. 210-211.

Винников А. З., Кондратьева С. К. Международная научная конференция, посвященная 20-летию Природного Архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивного-рья» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. – 2012. – № 1. – С. 203-204.

Винников А. З., Кудрявцева Е. Ю. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства // Вопросы истории славян. – Вып. 12. – Воронеж, 1998. – С. 50-71.

Винников А. З., Кудрявцева Е. Ю. Древнерусско-половецкие контакты на юго-восточном побережье во второй половине XII – первой трети XIII вв.: военно-политический аспект // Проблемы всеобщей и отечественной истории. – Воронеж, 2006. – С. 199-210.

Винников А. З., Сарапулкин В. А. Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры лесостепного Поосколья // Проблемы на прабылгарската история и культура. – София, 2007. – С. 313-333.

Винников А. З., Сарапулкин В. А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник) / отв. ред. С. А. Плетнева. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2008. – 107 с.

Винников А. З., Степовой А. В. Древние металлурги Поосколья: (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры). – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. – 229 с.

Кудрявцева Е. Ю. Древнерусско-половецкое пограничье в лесостепном Подонье: вторая половина XII – первая треть XIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. Ю. Кудрявцева. – Воронеж, 2000. – 22 с.

Винников А. З. Международная научная конференция «Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья (VIII – начало XI вв.)» // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. – Воронеж, 2009а. – № 2. – С. 127-129.

Винников А. З. Международная научная конференция «Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья (VIII – начало XI вв.)» // РА. – 2009б. – № 4. – С. 174-176.

Винников А. З. «Надо помнить тех, кто тебя учил» / беседовал Л. Е. Кройчик // *Alma mater*. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2003. – Вып. 1. – С. 61-65.

Сарапулкин В. А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Липецк, 2003. – 21 с.

Степовой А. В. Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: (Ютановский археологический комплекс): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2011. – 21 с.

ON THE ROLE OF A. Z. VINNIKOV IN THE DEVELOPMENT OF ARCHAEOLOGY IN THE BELGOROD REGION

V. A. Sarapulkin*, A. N. Bessudnov**

** Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.*

*** Lipetsk State Pedagogical University named
after P. P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia*

Anatoly Zakharovich Vinnikov is a recognized expert in the archaeology of the Middle Ages of the forest-steppe Podonye. His life and scientific research are mainly focused on the territory of the Voronezh Region, but he also paid attention to adjacent regions. The authors trace the contribution of Anatoly Zakharovich to the development of the archeology of the Belgorod region, to the formation of local scientific personnel.

Keywords: A. Z. Vinnikov, scientific research, Belgorod region.

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НИУ «БЕЛГУ» – 20 ЛЕТ: ОБОБЩЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

К. В. Фомин*, А. А. Божко**

*НИУ «БелГУ», **БРОО «Общество любителей древней истории»,
Белгород, Россия

2020 год – это юбилейный год для Раннесредневековой археологической экспедиции НИУ «БелГУ» – 20-й полевой археологический сезон. Авторы на основе опубликованных материалов дают краткую характеристику работ экспедиции в первые два десятилетия XXI века.

Ключевые слова: Раннесредневековая археологическая экспедиция, Белгородская область, салтово-маяцкая культура, скифское время, селище, могильник.

В 2021 г. исполняется 20 лет со дня начала работ Раннесредневековой археологической экспедиции НИУ «БелГУ». Все началось в 2001 г., когда Владимир Александрович Сарапулкин, будучи старшим преподавателем кафедры отечественной истории ЛГПУ, организовал археологическую практику студентов исторического факультета НИУ «БелГУ» на раннесредневековом грунтовом могильнике у с. Мандрово Валуйского района Белгородской области. Два года спустя, в 2003 г., он перешел на работу в Белгородский университет, где и сегодня ведет курсы археологической направленности и руководит исследованиями археологической экспедиции вуза.

Основным направлением полевых изысканий является изучение памятников эпохи Раннего Средневековья, а более конкретно – салтово-маяцкой культуры. В первое десятилетие XXI в. основной упор был сделан на изучение грунтовых могильников.

В 2000-2003 гг. исследовался Мандровский могильник, где было выявлено 48 погребений, 3 захоронения коней и 5 тризн, датированных первой половиной IX в. (Винников, Сарапулкин, 2008), 1 погребение сарматского времени (Медведев, 2008. С. 23). В 2004-2007 гг. исследовано 85 погребений грунтового могильника Ржевка, время функционирования которого автор относит к концу VIII – пер. пол. IX в. н.э. (Сарапулкин, 2020. С. 98). В 2005 г. исследовано 2 погребения у с. Терехово (Сарапулкин, Сарапулкина, 2006. С. 285-289). В 2003 и 2006 гг. изучено 4 погребения могильника у с. Утиное (Сарапулкин, 2009а.

С. 273). В 2008 г. исследовано 7 погребений могильника у с. Рождествено.

Таким образом, за первое десятилетие XXI в. открыто и исследовано 5 новых грунтовых могильников Хазарского времени в лесостепи. Результаты этих работ нашли отражение в двух небольших обобщающих статьях (Сарапулкин, 2008. С. 56, 57; Сарапулкин, 2009б. С. 292, 293). Захоронения совершены в широтно ориентированных ямах, головой на запад с отклонениями. Погребенные располагались вытянуто на спине, снабжены довольно бедным (за исключением Ржевского могильника) погребальным инвентарем, включавшем керамику, ножи, украшения, предметы вооружения и конского снаряжения. Материалы Мандровского, Утиновского, Рождественского могильников находят параллели в степных древностях праболгарского (болгарского) типа – в погребениях «зливкинского» типа (Сарапулкин, 2008. С. 56). Население, оставившее Ржевский могильник, по мнению автора раскопок, связано с одной из венгерских орд, мигрировавших в первой половине IX в. н.э. из района Поволжья – Приуралья в западном направлении (Сарапулкин, 2006. С. 204).

В 2004 г. проводились спасательные исследования катакомбного могильника у с. Дмитриевка. В 5 раскопах было изучено 12 катакомб и 7 тризн (Сарапулкин, 2017а. С. 144).

Также исследованиям подвергались и памятники поселенческого типа.

В 2007 г. изучена часть площадки городища Колтуновка, где на аэрофоснимке

фикси́ровалось белое пятно. Исследовано бессистемно расположенное скопление меловых блоков, которое, по мнению автора раскопок, с большой долей допущения является объектом культового назначения (Сарапулкин, 2017б. С. 161).

В 2007 г. исследована часть Архангельского селища. В раскопе площадью 90 кв. м изучены две слабо углубленные, подквадратные в плане постройки с очагами в центральной части сооружений. По периметру одной из построек прослежены столбовые ямы (Сарапулкин, 2010. С. 187, 188).

В 2008 г. исследована часть Дмитриевского селища, разрушаемая карьером по добыче глины. Вскрыто 55 кв. м, изучена постройка и хозяйственная яма (Сарапулкин, 2016а. С. 189-197).

В 2008 г. проведены работы на Маяцком селище. Было изучено 2 постройки, в одной из которых было совершено захоронение человека, и 5 погребений грунтового некрополя. Постройка 54 представляла собой углубленное в материк хозяйственное сооружение с каркасно-столбовой конструкцией стен; постройка 55 – почти наземное легкое сооружение (Сарапулкин, 2016б. С. 277, 278). Погребения Маяцкого селища совершены в гробах в подпрямоугольных ямах. Костяки ориентированы головой в западный сектор, содержат разнообразный погребальный инвентарь (Сарапулкин, 2014. С. 127-136).

В 2009, 2010, 2012 и 2019 гг. исследовалось селище у хут. Шпенгарев и Подгоровский могильник. В 2009, 2010, 2012 гг. вскрыто 600 кв. м и изучено 6 катакомб, 5 погребений в подпрямоугольных ямах, 2 подбойных захоронения, 21 хозяйственная яма, часть из которых содержала погребения людей и животных (Сарапулкин, 2019. С. 267). В 2019 г. исследовано 84 кв. м, обнаружен угол полуземляночной постройки (законсервирован), скопление глиняной обмазки и 2 хозяйственные ямы.

В 2017-2018 гг. исследовалось селище Белый Плѣс. Изучено 314 кв. м культурного слоя, подпрямоугольная в плане углубленная постройка с каркасно-столбовой конструкцией стен и 2 хозяйственные ямы (Кнононенко, 2018. С. 10; Алиев, Журбенко, 2019. С. 12, 13).

Кроме Хазарских памятников экспедиция Белгородского госуниверситета принимала участие в научных исследованиях памятников бронзового и раннего железного веков.

Так, в 2013 г. было изучено поселение Красный Куток 1 с отложениями бронзового века и позднезарубинецкой культуры. Двумя раскопами исследовано 58 кв. м и хозяйственные объекты в месте обнаружения «черными копателями» треугольных фибул с выемчатой эмалью. Проведенные на поселении исследования и анализ обнаруженного материала позволяют отнести находки двух фибул к позднезарубинецкому этапу жизнедеятельности поселка (Божко, 2016. С. 189-199).

В 2014-2015 гг. изучен участок городища скифского времени у пос. Борисовка. Двумя раскопами и шурфами вскрыто 297 кв. м площади городища, изучены очаг и несколько ям хозяйственного назначения (Сарапулкина, Кудряшов, 2018. С. 186-218).

В 2016 г. исследовалось городище скифского времени у с. Петропавловка. Изучен культурный слой площадки крепости и оборонительная линия с напольной стороны на площади 375 кв. м. В округе крепости обнаружены два синхронных городищу селища и грунтовой могильник скифского времени (Сарапулкина, 2018. С. 167-169).

В 2018 г. изучалось городище Острово 1. Исследован насыщенный культурный слой скифского времени на площади 48 кв. м, изучено 2 очага и 3 хозяйственные ямы (Сарапулкина, 2019. С. 134-136).

Кроме того, экспедиция проводила археологические разведки по долинам отдельных рек (Ураева), обследовала 5 районов области на предмет обнаружения курганных насыпей, в результате чего было зафиксировано около 300 курганных могильников. Проводились исследования на землеотводах, в ходе которых выявлено 65 объектов поселенческого и погребального типа. Охранно-спасательные раскопочные исследования охватили как территорию области (поселения Хвостохранилище 1-2, Котеневка 1-2), так и территорию областного центра. Среди наиболее важных работ

отметим обнаружение усыпальницы Святителя Иоасафа Белгородского к 100-летию его канонизации.

Но экспедиция – это не только памятники, но и люди. За 20 лет через экспедицию прошло около 1000 студентов исторического (историко-филологического) факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Без их помощи, их вклада невозможно было бы провести ту работу, которая освещалась выше.

Таким образом, Раннесредневековая археологическая экспедиция НИУ «БелГУ» за 20 лет работы внесла весомый вклад в развитие археологии Белгородской области. Выявлено более 350 новых памятников археологии, на 25 из них проводились раскопки. Подготовлено 14 археологов – держателей Открытых листов. В настоящее время работа экспедиции продолжается – как в области археологических исследований, так и в подготовке археологических кадров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев Т. М., Журбенко Л. Н. Исследование памятника салтово-маяцкой культуры Белый Плес селище-1 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. – Липецк, Воронеж, 2019. – С. 12-13.

Божко А. А. Исследование многослойного неукрепленного поселения в Белгородской области // Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II-ой Международной научной конференции. Воронеж, 18-20 декабря 2015 года / отв. ред. к.и.н. А. М. Скоробогатов. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2016. – С. 189-199.

Винников А. З., Сарапулкин В. А. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). – Воронеж, 2008. – 107 с.

Кононенко А. А. Исследования селища Белый Плес 1 в Вейделевском районе // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. – Липецк, Воронеж, 2018. – С. 10-11.

Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. – М.: «Таус», 2008. – 218 с.

Сарапулкин В. А. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 12. – Воронеж, 2006. – С. 195-204.

Сарапулкин В. А. Грунтовые могильники с труположениями в ямах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего Средневековья. – Воронеж, 2008. – С. 56-57.

Сарапулкин В. А. Разведки и раскопки на территории Белгородской области // АО 2006 г. – М. 2009а. – С. 272-273.

Сарапулкин В. А. Грунтовые могильники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области // Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 13. – Воронеж: ВГПУ, 2009б. – С. 292-293.

Сарапулкин В. А. Разведки и раскопки на территории Белгородской области // АО 2007 г. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 186-188.

Сарапулкин В. А. Новые погребения Маяцкого селища // РА. – № 2. – М., 2014. – С. 127-136.

Сарапулкин В.А. Новые исследования Дмитриевского археологического комплекса // Степи Восточной Европы в средние века: Сборник памяти Светланы Александровны Плетневой. – М.: Издательство «Авторская книга», 2016а. – С. 189-197.

Сарапулкин В. А. Постройки из раскопа 20 Маяцкого селища // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье» / под ред. А. З. Винникова. – Вып. 6. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016б. – С. 269-280.

Сарапулкин В. А. Скульптурные изображения человека Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры // РА. – № 3. – М., 2017а. – С. 144-153.

Сарапулкин В. А. Раскопки Колтуновского городища салтово-маяцкой культуры в 2007 году // Вестник Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – №15 (264). – Вып. 43. – Белгород: БелГУ, 2017б. – С. 157-162.

Сарапулкин В. А. Костяное орудие с руноподобными знаками из Подгоровского селища // КСИА. – Вып. 256. – М., 2019. – С. 266-273.

Сарапулкин В. А. Военские погребения Ржевского могильника салтово-маяцкой культуры. *Via in tempore*. История. Политология, 47 (1). – Белгород, 2020. – С. 97-106.

Сарапулкин В. А., Сарапулкина Т. В. Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Терехово // Археологическое изучение Центральной России. Тез. международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. П. Левенка. – Липецк, 2006. – С. 285-289.

Сарапулкина Т. В. Раскопки городища скифского времени Петропавловка I и обследование его окружи // АО 2016 г. – М., 2018. – С. 167-169.

Сарапулкина Т. В. Памятники юго-западного пограничья среднедонской культуры скифского времени // Вестник Танаиса. – № 5. – Том 2. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. – С. 133-145.

Сарапулкина Т. В., Кудряшов А. Г. Исследования Борисовского городища скифского времени на р. Ворскла в 2014-2015 гг. // Археология восточноевропейской лесостепи: сборник материалов международной науч.-практ. конференции, посв. 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко (г. Белгород, 14–16 декабря 2017 года) / отв. ред. В.А. Сарапулкин. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2018. – С. 186-218.

EARLY MEDIEVAL ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION BSU – 20 YEARS: A SYNTHESIS OF RESEARCH RESULTS

K. V. Fomin, A. A. Bozhko

*NRU «BelSU», BROO «Society of Lovers of Ancient History»,
Belgorod, Russia*

2020 is the anniversary year for the Early Medieval archaeological expedition of the National Research University «BelSU» – the 20th field archaeological season. The authors, based on the published materials, give a brief description of the work of the expedition in the first two decades of the XXI century.

Keywords: Early Medieval archaeological expedition, Belgorod region, Saltovo-Mayak culture, Scythian time, village, burial ground.

**ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСПЕДИЦИИ
ООО «БЕЛГОРОДСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА»
НА БЕЛГОРОДЧИНЕ ВО ВТОРОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI ВЕКА**

А. А. Божко

ООО «Белгородская археологическая экспертиза», Белгород, Россия

2020 год – десятый полевой сезон археологической экспедиции ООО «Белгородская археологическая экспертиза». Автор обобщает информацию о проведенных Организацией исследованиях во втором десятилетии XXI века, приводит краткие сведения о работах на землеотводах, выявленных памятниках и более подробно останавливается на изученных раскопками древних поселениях и могильниках.

Ключевые слова: ООО «Белгородская археологическая экспертиза», разведка, раскопки, работы на землеотводах, объекты археологического наследия.

В 2020 г. экспедиция ООО «Белгородская археологическая экспертиза» провела свой десятый юбилейный полевой археологический сезон. Пришло время подвести определенные итоги работы Организации во втором десятилетии XXI в.

Вначале скажем пару слов о коллективе. В штате компании на постоянной основе трудятся 9 человек, однако в разное время для выполнения ряда проектов привлекались и привлекаются сторонние специалисты. За 10 лет археологами – держателями Открытых листов – было 18 человек. Это А. А. Божко (41 Открытый лист), Т. Е. Сидоренко (27), Т. М. Алиев (24), А. Г. Кудряшов (21), А. А. Кононенко (10), Е. В. Черных (9), А. А. Остапенко и Т. В. Смольянинова (по 7), А. А. Бессуднов (4), А. Э. Блинова, В. С. Пугач, А. А. Свиридов и В. В. Скребцова (по 2), С. В. Уваркин, В. И. Безбородых, В. В. Енуков, В. Л. Мишин и Я. С. Москвитин (по 1 разрешению).

Основной деятельностью Организации является изучение и сохранение объектов археологического наследия, попадающих в створ хозяйственных работ. Именно с них мы и начнем рассмотрение работы компании. Всего за 10 лет нашей экспедицией проведены разведочные работы почти на 400 земельных участках, из которых 309 расположено на территории Белгородской области. Их мы и будем рассматривать в дальнейшем.

Ранжирование обследованных участков по районам области показало, что чаще

других обследованию подвергались Белгородский район (66 уч.), г. Белгород (35 уч.) и Шебекинский округ (33 уч.). Это закономерно, ибо это самая экономически развитая часть региона, к тому же Белгородский район активно развивает ИЖС. Далее по убыванию идут Яковлевский (22 уч.) и Валуйский (20 уч.) округа, Корочанский и Ивнянский (по 18 уч.) районы, Старооскольский округ (17 уч.), Красногвардейский (16 уч.) и Ракитянский (11 уч.) районы. В каждом из остальных районов обследовано менее 10 участков, за исключение Красненского, где данный показатель равен нулю.

В целом, данное распределение не отражает реальной картины хозяйственного освоения разных муниципальных районов, хотя разная инвестиционная привлекательность районов здесь отмечается. Тут сказываются еще два фактора. Во-первых, слабая информированность или неверное толкование хозяйствующими субъектами положений 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Во-вторых, это невозможность полного контроля за хозяйствующими субъектами со стороны органа охраны ОКН.

Проанализируем размерные характеристики обследованных участков. Примерно поровну разделились площадные и линейные участки (158 против 151). Среди площадных 30 % составляют участки площадью менее 1 га, а доля участков площадью до 10 га составляет более 70 %. Среди

линейных участков также более 70 % составляют участки длиной до 10 км.

Перейдем к главному – объектам археологического наследия, которые мы изучали при обследованиях на землеотводах. Были повторно обследованы 2 городища, открыто 136 новых селищ и проведены работы на 49 ранее выявленных неукрепленных поселениях. Обнаружены 1 стоянка и 3 кремневых мастерских, выявлено 2 новых грунтовых могильника, обнаружено 68 новых и повторно обследовано 105 ранее известных курганных могильников. Кроме того, в 46 случаях зафиксированы отдельные археологические предметы без наличия культурного слоя, названные нами местонахождениями. Также обследованию подвергались слои исторических поселений, существующих с XVII в. – как Белгорода (10 уч.), так и иных населенных пунктов региона (11 пунктов), и в 4 случаях повторно обследовались укрепления Белгородской черты. Все вышеуказанные памятники имеют широкий диапазон бытования – от палеолита до Нового времени.

Кроме охранных работ сотрудниками ООО «БАЭ» проводятся обследования отдельных речных долин для составления археологической карты региона. Так, были обследованы участки долин рек бассейна Северского Донца (Разумная, Харьков, Сажновский Донец, Нежеголь, Айдар), Псла (Донецкая Сеймица), Оскола (Халань, Казинка), Тихой Сосны (Усердец) и Дона (Черная Калитва). В ходе работ обследованию подверглись 81 памятник археологии, в том числе 15 городищ, 48 селищ, 2 мастерские, 3 курганных могильника, 5 участков валов Белгородской черты и 8 местонахождений.

Кроме того, нашими работами были охвачены 11 районов области, где в ходе тотальных разведок удалось обнаружить 437 курганных могильника. Также, в ходе работ по мониторингу ранее обнаруженных памятников обследованиям подвергались 19 городищ, 56 селищ, 104 курганных и 1 катакомбный могильники, а также укрепления Белгородской и Изюмской оборонительных линий (Божко, 2019а. С. 15-19; Божко, 2019б. С. 20-28).

Раскопками были изучены части 50 поселений и могильников, из которых 38 расположены на территории Белгородской области.

Единственный памятник каменного века, который целенаправленно раскапывался нами – стоянка Колосково 3 в Среднем Поосколье. Основной слой стоянки принадлежит неолитической эпохе, хотя встречаются и единичные материалы мезолита и бронзового века. Этот памятник, по мнению И. В. Федюнина, является мастерской по вторичной обработке кремня со специализацией в изготовлении охотничьего вооружения (Кудряшов, 2018а. С. 13, 14).

Кроме того, единичные материалы мезолита – неолита встречены на поселении Козловка 5 в бассейне р. Оскол. Энеолитические материалы репинской культуры встречены в раскопе на поселении Казацкое 1 в бассейне Тихой Сосны, также единичные материалы этого времени найдены на поселении Подольхи 5 в Поосколье (Алиев, Божко, 2019. С. 9).

Материалы раннего и среднего бронзового века крайне немногочисленны, чего нельзя сказать о материалах позднего бронзового века и рубежа бронзового и железного веков.

Поселки срубной культуры исследованы на Осколе (Козловка 5 и Подольхи 4) и на Короче (Цепляево Второе 2) (Алиев, Божко, 2019. С. 9; Божко, 2016а. С. 8). Материалы срубной культуры получены и при исследовании курганов. Так, у с. Грушевка Волоконовского района изучено 2 кургана с 9 захоронениями, среди которых отмечены ранние срубные погребения с наличием катакомбных и бабинских пережитков. У с. Гороженое Корочанского района в кургане №10 исследовано 2 срубных захоронения (Кудряшов, Мельников, 2018. С. 141-150; Безбородых, 2018. С. 151-158). У с. Старая Нелидовка Белгородского района исследован курган № 2 с 14 погребениями и 4-мя одиночными сосудами срубной культуры. На поселении Козловка 5 в Поосколье была найдена срубная урновая кремация (Алиев, Мельников, 2018. С. 159-162).

Бондарихинские материалы отмечены на 7 поселениях, расположенных в долинах Ворсклы, Псла и Оскола. Наиболее

представительна коллекция керамики с поселения Венгеровка на притоке Псла, где обнаружена углубленная однокамерная постройка этого времени (Москвитин, Кудряшов, 2017. С. 10).

Предскифским временем (VIII – пер. пол. VII вв. до н.э.) может быть датировано одно из погребений в уже упоминавшемся нами кургане у с. Гороженое (Кудряшов, Мельников, 2018. С. 142, 145).

Скифские материалы получены при исследовании городища Стрелецкое 2 в бассейне Тихой Сосны – здесь была разрезана напольная оборонительная линия (Сарапулкина и др., 2012. С. 170-178; Сарапулкина, 2019. С. 136-138). Исследованию подверглись первое Борисовское городище на Ворскле (Сарапулкина, Кудряшов, 2018. С. 186-218) и могильник Захарово на притоке р. Оскол (Сарапулкина, Алиев, 2018. С. 42-80). Небольшие работы проводились на городище Сабынино (Кудряшов, 2016. С. 9) и на селище Беловское 3 в бассейне Сев. Донца.

Следующих хронологический этап – это материалы 1-3 четвертей I тыс. н.э. – пра- и раннеславянского времени. Изучены раскопками части 5 позднезарубинецких (Красный Куток 1, Беловское 4, Ильины 1, Верхне-Чуфичево 1 и 3 (Божко, 2016б. С. 189-199; Кудряшов, 2018б. С. 12)), 6 киевских (Нехотеевка 1, Цепляево Второе 2, Мокрая Орловка 2, Подольхи 5, Верхне-Чуфичево 3, Котенёвка 4 (Алиев, Божко, 2019. С. 9; Божко, 2016а. С. 8)), 3 черняховских (Белгород, Осколище 2, Венгеровка 1 (Божко, 2018. С. 267-271)) и 4 пеньковских (Козловка 5, Ильины 1, Подольхи 4, Беловское 3 (Алиев, Божко, 2019. С. 9; Кудряшов, 2018б. С. 12)) селищ.

На 8 селищах (Козловка 5, Осколище 2, Хуторцы 1, Белый Плес 1, Подольхи 5, Ильинка 8 и 19, Шпенгарёв 1) изучены культурные напластования Раннего Средневековья – салтово-маяцкой культуры (Кононенко, 2018. С. 10, 11; Алиев, Журбенко, 2019. С. 12, 13; Божко, 2019в. С. 14, 15). Среди них стоит выделить обнаруженный при исследовании поселения Хуторцы 1 на Тихой Сосне катакомбный могильник (Божко, 2019г. С. 20, 21).

Последний хронологический период, памятники которого мы изучали раскопками – это Новое время. Здесь мы отметим исследования Валуйской крепости совместно с Белгородским университетом и Управлением культуры области в 2014 г. (Сарапулкина, Сарапулкин, 2014. С. 137-139), в ходе которых было зафиксировано обширное кладбище XVII-XVIII вв. Позднее памятник изучался в 2017 г. (Сидоренко, 2018. С. 15-17). Исследования затрагивали историческую часть г. Белгорода, в пределах которой проводились исследования в 2013, 2015, 2016, 2018 и 2020 гг. (Сидоренко, 2016. С. 12, 13; Божко, 2019д. С. 16-19; Божко, 2019е. С. 22, 23; Божко, Сарапулкин, в печати).

Таким образом, за прошедшее десятилетие сотрудниками ООО «Белгородская археологическая экспертиза» внесен существенный вклад в региональную археологическую науку. Обнаружено около 700 новых памятников археологии и произведены раскопки на 38 из них. Получен широкий пласт исторических источников, начиная от каменного века и заканчивая Новым временем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев Т. М., Божко А. А. Исследование поселений у с. Подольхи Новооскольского района // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. – Липецк, Воронеж, 2019. – С. 8-9.

Алиев Т. М., Журбенко Л. Н. Исследование памятника салтово-маяцкой культуры Белый Плес селище-1 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. – Липецк, Воронеж, 2019. – С. 12-13.

Алиев Т. М., Мельников Е. Н. Кремационное погребение эпохи поздней бронзы в Среднем Поосколье // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко. – Белгород: ИД «Белгород», 2018. – С. 159-162.

Безбородых В. И. Результаты исследования антропологических материалов из кургана у с. Гороженное (Белгородская область) // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко. – Белгород: ИД «Белгород», 2018. – С. 151-158.

Божко А. А. Исследование поселения «Цепляево. Второе селище 2» // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015. – Липецк, 2016а. – С. 8.

Божко А. А. Исследование многослойного неукрепленного поселения в Белгородской области // Археология восточноевропейской лесостепи: материалы II международной научной конференции. – Воронеж, 2016б. – С. 189-199.

Божко А. А. Осколище 2 – черняховское поселение на р. Оскол? // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко. – Белгород: ИД «Белгород», 2018. – С. 267-271.

Божко А. А. Современное состояние бывших оборонительных линий Московского государства, возведенных на южном Побужье в XVII веке (в пределах современной Белгородской области) // Военная история Белгородчины в контексте военной истории России: сборник материалов научно-практической конференции. – Белгород, 2019а. – С. 15-19.

Божко А. А. Крепости юго-западного фаса Белгородской черты: археологические исследования и современное состояние // Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. – Вып. 4. – Белгород, 2019б. – С. 20-28.

Божко А. А. Исследование двух поселений в Алексеевском городском округе // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. – Липецк, Воронеж, 2019в. – С. 14-15.

Божко А. А. Новый катакомбный могильник Раннего Средневековья на Белгородчине // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. – Липецк, Воронеж, 2019г. – С. 20-21.

Божко А. А. Исследования на улице Пушкина в центральной части города Белгорода // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. – Липецк, Воронеж, 2019д. – С. 16-19.

Божко А. А. Исследования склепа утраченной Тихвинской церкви города Белгорода // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. – Липецк, Воронеж, 2019е. – С. 22-23.

Божко А. А., Сарапулкин В. А. Погребальные комплексы города Белгорода (по материалам археологических исследований 2005, 2009, 2012, 2013 и 2016 годов) // в печати.

Кононенко А. А. Исследования селища Белый Плес 1 в Вейделевском районе // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. – Липецк, Воронеж, 2018. – С. 10-11.

Кудряшов А. Г. Раскопки городищ скифского времени // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015. – Липецк, 2016. – С. 9.

Кудряшов А. Г. Раскопки стоянки Колосково 3 в Валуйском районе // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. – Липецк, Воронеж, 2018а. – С. 13-14.

Кудряшов А. Г. Исследования селища Ильины в Старооскольском городском округе // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. – Липецк, Воронеж, 2018б. – С. 12.

Кудряшов А. Г., Мельников Е. Н. Раскопки кургана эпохи поздней бронзы у с. Гороженное Корочанского района Белгородской области // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко. – Белгород: ИД «Белгород», 2018. – С. 141-150.

Москвитин Я. С., Кудряшов А. Г. Раскопки многослойного поселения Венгеровка селище 1 // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. – Липецк, Воронеж, 2017. – С. 10.

Сарапулкина Т. В. Памятники юго-западного пограничья среднедонской культуры скифского времени // Вестник Танаиса. – № 5. – Том. 2. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. – С. 133-145.

Сарапулкина Т. В., Алиев Т. М. Грунтовый могильник скифского времени у с. Захарово в Поосколье // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – №4. – Воронеж, 2018. – С. 72-80.

Сарапулкина Т. В., Кудряшов А. Г. Исследования Борисовского городища скифского времени на р. Ворскла в 2014-2015 гг. // Археология восточноевропейской лесостепи. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А. Г. Николаенко. – Белгород: ИД «Белгород», 2018. – С. 186-218.

Сарапулкина Т. В., Сарапулкин В. А. Раскопки Валуйской крепости в 2014 году // Областные краеведческие чтения: сборник материалов. – Белгород: КОНСТАНТА, 2014. – С. 137-139.

Сарапулкина Т. В., Сарапулкин В. А., Божко А. А. Оборонительные сооружения Стрелецкого городища-2 скифского времени // Восточноевропейские древности. Сборник научных трудов. – Воронеж, 2012. – С. 170-178.

Сидоренко Т. Е. Раскопки на территории Третьей Белгородской крепости // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2015. – Липецк, 2016. – С. 12, 13.

Сидоренко Т. Е. Раскопки на территории Валуйской крепости // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. – Липецк, Воронеж, 2018. – С. 15-17.

**EXPEDITION RESEARCH
LLC «BELGOROD ARCHAEOLOGICAL EXPERTISE»
IN THE BELGOROD REGION IN THE SECOND DECADE OF THE XXI CENTURY**

A. A. Bozhko

Belgorod Archaeological Expertise LLC, Belgorod, Russia

2020 – the tenth field season of the archaeological expedition of LLC «Belgorod Archaeological Expertise». The author summarizes the information about the research conducted by the Organization in the second decade of the XXI century, provides brief information about the work on land plots, identified monuments and dwells in more detail on the ancient settlements and burial grounds studied by the excavations.

Keywords: LLC «Belgorod archaeological expertise», exploration, excavation, work on land plots, objects of archaeological heritage.

КАМЕННЫЙ ВЕК

ОДЕЖДА В ПАЛЕОЛИТЕ

Н. С. Рукина

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

В статье рассматриваются различные теории происхождения одежды и материалы для ее изготовления. Также упоминаются косвенные доказательства существования одежды в эпоху экстремальных природных условий позднего плейстоцена – технологии, связанные с производством одежды из шкур животных – каменные скребки и лезвия, костяные шилья и иглы.

Ключевые слова: иглы с ушком, изготовление одежды, выделка шкур, технологии шитья.

Особую роль в адаптации человека к экстремальным природным условиям позднего плейстоцена Евразии сыграло совершенствование техник выделки шкур, пошива одежды из кожи и меха с использованием специализированных костяных инструментов – шильев, проколов и миниатюрных иглолок с ушком.

Костяные иглы с ушком и шилья составляют набор швейных инструментов, использовавшихся человеком каменного века повсеместно (Питулько, Павлова, 2019. С. 158). Данный компонент костяной индустрии является характерным признаком верхнего палеолита и считается одной из его наиболее важных инноваций.

Эти орудия выглядят тем, что они есть, т. е. обычными инструментами для шитья. На самом деле, поскольку они служат для пошива одежды, обуви, покрышек для жилищ и прочего снаряжения, шитьё становится критической технологией. Это умение позволило современным людям заселить открытые пространства Северного полушария (Питулько, Павлова, 2019. С. 158).

Среди разнообразных предметов из кости, встречающихся на памятниках верхнего палеолита, важное место занимают иглолки с ушком и шилья. Эти предметы выглядят настолько повседневно, что существовали, кажется, всегда. Они, однако, являются вещественным проявлением одной из критических инновационных технологий верхнего палеолита. Их справедливо соотносят с изготовлением одежды и обуви, производство которых в верхнем палеолите достигает высокого уровня, о чём

говорят погребения в Сунгире и на стоянках в Моравии, а также не прямые свидетельства: изображения одетых людей, следы использования волокнистых материалов в различных по времени объектах верхнего палеолита, особенности анатомического строения конечностей людей среднего верхнего палеолита (Питулько, Павлова, 2019. С. 159).

По мнению И. Гиллигэна, отраженному в монографии «Climate, clothing and agriculture in prehistory: linking evidence, causes, and effects», появление одежды связано, прежде всего, с решением проблемы изоляции тела людей от холода в ледниковую эпоху. Автор определяет одежду как «вещи, надеваемые для прикрытия тела» (Кузьмин, 2019. С. 133).

Существует три категории теорий о происхождении одежды: 1) физическая (защита от холода, насекомых и др.); 2) психологическая (украшение тела, стыд перед наготой, защита от злых духов); 3) социальная (статус индивида, предмет роскоши в сложных обществах). Что касается археологических свидетельств происхождения одежды, то наиболее надёжными, являются следующие категории артефактов: 1) иглолки с ушками для шитья, 2) ножевидные пластины и скребки для разделки и обработки шкур. Одни из самых ранних прямых свидетельств наличия у древних людей одежды – фигурки со знаками, изображающими одежду типа малицы, в частности, со стоянок Мальта и Буреть в Сибири, датированных около 27–31 тыс. л. н. (Кузьмин, 2019. С. 134).

Выделяется два типа древнейшей (палеолитической) одежды – простая и сложная. Первая представляла собой звериные шкуры, которые люди просто носили на плечах или обматывали вокруг тела. Эффективность такой одежды в плане изоляции от холода невелика, особенно при наличии ветра. Сложная одежда, состоявшая из скроенных и сшитых вместе нескольких кусков шкуры, требовала для своего изготовления не только скребков (которых было достаточно для подготовки простой одежды), но и ножевидных пластин, прокол и иглол с ушками (Кузьмин, 2019. С. 134).

Источником важнейшей информации о ранней сложной одежде является стоянка Сунгирь в центре Русской равнины. Уже около 30 тыс. л. н. обитатели стоянки могли создавать двухслойную одежду (включая меховую рубашку, одевавшуюся на голое тело), которая надёжно предохраняла их от холода. Очевидно, что для этого были необходимы иголки с ушками.

И. Гиллигэн приводит простую классификацию одежды в историческом развитии: простые формы в среднем палеолите, начиная примерно с 300–400 тыс. л. н.; сложные – в верхнем палеолите, начиная с 75 тыс. л. н. в Южной Африке и около 40 тыс. л. н. в Европе и Азии; появление плетёных изделий – мезолит, около 11 тыс. л. н.; производство тканей (текстиля) – неолит, около 9 тыс. л. н. (Кузьмин, 2019. С. 136).

О. Соффер, Дж. М. Адовазю, Д. С. Хайлэнд, концентрируясь на детальном анализе данных украшений «Венер», считают (Соффер и др., 2000. С. 39), что

люди умели ткать и плести из растительного волокна уже, по меньшей мере, к граветтийскому периоду.

Немногие ученые, такие как А. П. Окладников и З. А. Абрамова, ставившие вопрос о вероятности существования одежды в палеолите, считали, что она изготавливалась из меха и шкур животных. Авторы же считают, что одежда на европейских «Венерах» представляет собой не что иное, как тканые и плетеные предметы, изготовленные из растительного волокна (Соффер и др., 2000. С. 40).

Происхождение одежды – это тема, которая вызывает много споров и привлекает множество разных ответов и мнений. Наверняка можно сказать, что иглы и шилья свидетельствуют о появлении в культуре палеолита развитой формы швейного производства, которое, очевидно, было связано с расселением в эту область анатомически современных людей.

Иглы с просверленным ушком являются одними из наиболее инновационных костяных орудий начала верхнего палеолита (Деревянко и др., 2016. С. 74).

Широкое распространение этих изделий в палеолите Евразии явилось следствием достижения существенного прогресса в развитии целого ряда промыслов и технологий: например, тонкой выделки шкур при помощи концевых скребков, пошива одежды из кожи и меха, изготовления нитей из жил и волос животных или растительных волокон. В этот период палеолита традиции изготовления одежды оказались тесно связанными с практикой использования украшений из камня и кости, которые крепились к костюму при помощи разнообразных нитей и ремешков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Деревянко А. П., Шуньков М. В., Козликин М. Б., Федорченко А. Ю., Павленок Г. Д., Белоусова Н. Е. Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок в 2016 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Том XXII. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – С. 72-76.

Кузьмин Я. В. Древнейшая история одежды: первый опыт глобального обобщения // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. – № 2. – СПб.: Изд-во Институт истории материальной культуры РАН, 2019. – С. 133-139.

Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, Арктическая Сибирь // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. – № 1: Между Гоббсом и Руссо. Первобытная война. – Кишнев: Изд-во Stratum plus P.P., Университет Высшая Антропологическая Школа, 2019. – С. 157-224.

Соффер О., Адовазио Дж. М., Хайлэнд Д. С. Одежда палеолитических «Венер»: реалии и гипотезы // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – № 1. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2000. – С. 37-47.

CLOTHING IN THE PALEOLITHIC

N. S. Rukina

Voronezh State University, Voronezh, Russia

The purpose of this study is examined the theories of origin and materials for making clothes. The article mentions such circumstantial evidence of the existence of clothing in the late Pleistocene as stone scrapers, bone awls and needles. These tools were used to create clothing from skins in extremely cold environments.

Keywords: eyed needles, making clothes, manufacturing of skins, sewing technology.

Научный руководитель – Дудин Александр Евгеньевич.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В ДИВНОГОРЬЕ: УЧЕНЫЕ И НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

А. П. Ушкова

*Воронежский государственный технический университет,
Воронеж, Россия*

Открытие палеолитических памятников в Дивногорье вызвало значительный интерес. Это объясняется как самим фактом обнаружения непереотложенных горизонтов позднепалеолитического времени, так и наличием комплекса вопросов, касающихся условий и причин образования дивногорского костяка. В этом обзоре автор ставит своей задачей осветить проблематику комплексного подхода, примененного на памятниках палеолита Дивногорья.

Ключевые слова: палеолит, Дивногорье, восточный эпигравет, Русская равнина.

Территория музея-заповедника «Дивногорье» богата археологическими памятниками разных периодов, в том числе и палеолитическими. К настоящему времени выявлено два памятника, которые рассматриваются как составные части одного явления: Дивногорье 9 соотносится с местом массового забоя/гибели стад диких лошадей, а Дивногорье 1 – с кратковременным охотничьим лагерем (Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., 2018. С. 112) и 7 местонахождений (Захарова, Бессуднов А. Н., 2018. С. 62-63). Изучение этих объектов с 2004 г. ведется Дивногорской экспедицией (руководитель – к. и. н., доцент ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского А. Н. Бессуднов). В ее структуре выделяется несколько археологических отрядов (отряд ИИМК РАН под руководством к.и.н., научного сотрудника Отдела палеолита А. А. Бессуднова при активном участии к.и.н., старшего научного сотрудника Отдела охранной археологии Ст. А. Васильева; отряд ВГУ под руководством д.и.н., доц. Е. Ю. Захаровой; отряд музея-заповедника «Дивногорье» под руководством к.и.н. А. М. Родионова), однако собственно археологическими методами исследования не ограничиваются.

Современный комплексный подход к изучению палеолитических памятников предполагает использование естественнонаучных методов. Для Дивногорских памятников задействуются следующие: геолого-геоморфологические, палеопочвоведческие и палинологические, зоологические и зооар-

хеологические, метод радиоуглеродного датирования (Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., 2016. С. 73-81). Результаты этих исследований и их интерпретация способствуют формированию более полного представления о времени, условиях, характере обитания древних коллективов эпохи палеолита в окрестностях Дивногорья. Комплексный характер исследования обуславливает и появление различных точек зрения у представителей различных научных дисциплин.

Так, главной целью геолого-геоморфологического метода является определение характера и возраста слагающих отложений, а также реконструкция геоморфологической ситуации района «Дивногорья» в позднеледниковье. Однако единой точки зрения на этот счет до сих пор нет.

В строении отложений Дивногорья 9 д.г.-м.н., главный научный сотрудник ГИН РАН Ю. А. Лаврушин выделяет две толщи: верхняя отражает процессы склоновой денудации; нижняя представлена отложениями приустьевого расширения оврага. Он считает, что нижняя толща сформировалась в результате деятельности подпрудных палеоозер, существовавших в устье оврага (Лаврушин и др., 2010. С. 25-26). Однако авторы раскопок считают, что образование толщ – это результат сезонных стоков по руслу оврага (Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., 2016. С. 75). Еще одну версию о формировании слоев на Дивногорье 9 выдвигает к.г.н. О. Е. Вязкова, которая утвер-

ждает, что существенное влияние на заполнение оврага оказали селевые потоки (Вязкова, 2018. С. 37).

Геоморфологическое положение Дивногорья 1 также вызывает споры среди ученых: Ю. А. Лаврушин (Лаврушин и др., 2011. С. 26-39) и А. В. Бережной считают, что отложения, к которым приурочен культурный слой Дивногорья 1, представляют собой фрагмент пролювиального шлейфа; А. А. Бессуднов и А. Н. Бессуднов утверждают, что памятник скорее приурочен к отложениям низкой надпойменной (возможно, погребенной) террасы (Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., 2016. С. 75).

Не меньше вопросов вызывают результаты исследований в рамках зоологического и зооархеологического направлений. С одной стороны, с их помощью удалось установить различную функциональную направленность Дивногорья 1 и 9, причастность людей к гибели лошадей, промежуток между захоронениями на разных уровнях. С другой же стороны, отсутствует единое мнение о значении овражных паводков в формировании памятника Дивногорье 9. Вокруг этого вопроса сложилась дискуссионная среда, сводящаяся к трем вариантам: «овраг-убийца», «овраг-приманка», «овраг-ловушка». Однако первая теория не учитывает нередкое отсутствие связи цельных костяков с грубообломочными селевыми слоями и их залегание в

тонкозернистых слоях; вторая – свидетельство быстрого захоронения трупов в толще осадков; третья – остеологические данные, которые указывают, что особи умирали и в летний период (Бессуднов А. Н. и др., 2013. С. 72).

Различную интерпретацию у ученых вызвали и результаты радиоуглеродного датирования. Время образования скопления костей Дивногорья 9 укладывается в промежуток от ~14,5 до ~13 тыс. 14С л.н. Для Дивногорья 1 получены три радиоуглеродные даты, две из которых – около 13400 14С л.н. (Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., 2016. С. 79). Ведущий научный сотрудник ГИН РАН и к.г.-м.н. Н. Е. Зарецкая придерживается мнения, что возраст всех слоев примерно одинаков, только слой 6 несколько древнее, а слой 2 чуть моложе. А. Н. Бессуднов принимает для каждого слоя наиболее древние датировки как более соответствующие реальному возрасту. Эту точку зрения подтверждают археологические и зоологические данные (Бессуднов А. Н. и др., 2014. С. 325).

Для изучения палеолитических памятников задействован широкий круг различных методов исследования, которые позволяют исследовать памятник более многогранно и комплексно, закономерно порождая массу споров в научной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А. Направления комплексных исследований палеолитических памятников в Дивногорье // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. – Белгород, 2016. – № 1 (222). – Выпуск 37. – С. 73-81.

Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А. О памятниках поздней поры верхнего палеолита в Дивногорье // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2018. – №3 (66). – С. 111-113.

Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., Зарецкая Н. Е., Кузнецова Т. В., Нечушкин Р. И., Тиунов А. В. Некоторые результаты естественно-научных исследований памятников Дивногорской группы поздней поры верхнего палеолита // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Т. 4. – Казань: Отечество, 2014. – С. 302-306.

Бессуднов А. Н., Зарецкая Н. Е., Панин А. В., Кузнецова Т. В., Бессуднов А. А., Бурова Н. Д. Особенности и хронология тафоценоза лошадей в Дивногорье (бассейн Среднего Дона) // VIII всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 70-73.

Вязкова О. Е. Инженерно-геологическая палеорекострукция истории формирования памятника «Дивногорье-9» // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Воронеж, 2018. – Вып. 7. – С. 30-38.

Захарова Е. Ю., Бессуднов А. Н. Археологические памятники «Дивногорья»: история выявления и изучения. Вып. 1: Бытовые памятники. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – 116 с.

Лаврушин Ю. А., Бессуднов А. Н., Спиридонова Е. А., Кураленко Н. П., Холмовой Г. В., Бессуднов А. А. Дивногорье (Средний Дон): природные события времени финального палеолита // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. – № 70. – 2010. – С. 22-34.

Лаврушин Ю. А., Бессуднов А. Н., Спиридонова Е. А., Холмовой Г. В., Джалл Э. Д. Т., Ходжинс Г. В. Л., Кузьмин Я. В., Кураленко Н. П. Высокоразрешающая последовательность природных событий в центре европейской части России 15–13 тыс. л.н. (С14 возраст) // Вестник ВГУ. Геология. – № 2: 2011. – С. 26-39.

THE STUDY OF PALEOLITHIC MONUMENTS OF THE DIVNOGORIYE: THE SCIENTISTS AND THE SCIENTISTS DIRECTIONS

A. P. Ushkova

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

The discovery of Paleolithic monuments in Divnogorye raised the considerable interest. This is explained both by the fact of the discovery of the undeposited horizons of the Late Paleolithic, and by the presence of a complex of questions that regarding the conditions and causes of the formation of Divnogorsk killsite. The same article deals with question of the highlight of the integrated approach that was used at the Paleolithic sites of Divnogorye.

Keywords: Paleolithic, Divnogorye, eastern epigravet, Russian plain.

Научный руководитель – Захарова Елена Юрьевна, д.и.н., профессор.

ОРУДИЯ ИЗ ЛОПАТОЧНЫХ КОСТЕЙ СО СТОЯНКИ ПОГОСТИЩЕ 15 В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ

В. А. Лукинцева, С. А. Воронков

Череповецкий государственный университет

Череповецкое музейное объединение, музей археологии г. Череповец, Россия

Статья посвящена интересным орудиям, изготовленным из лопаточных костей животных, которые найдены на памятнике эпохи среднего мезолита Погостище 15 в Кирилловском районе Вологодской области. Авторами составлена типологическая классификация орудий, отмечены имеющиеся аналогии и сведения по использованию подобных изделий.

Ключевые слова: каменный век, мезолит, торфяниковые памятники, Погостище 15, орудия из лопаточных костей.

Поиск и исследование торфяниковых памятников является одним из наиболее перспективных направлений в археологии каменного века, т.к. на подобных объектах сохраняются органические материалы, что позволяет наиболее полно реконструировать картину прошлого.

Одним из таких памятников является стоянка эпохи среднего мезолита Погостище 15, расположенная на периферии бывшей деревни Погостище в Кирилловском районе Вологодской области на правом берегу реки Модлоны (Косорукова и др., 2019. С. 427).

Памятник Погостище 15 открыт в 2010 г., планомерные раскопки на нём ведутся с 2011 г. по настоящее время, заложено 8 раскопов общей площадью 510 м². Памятник является многослойным: в верхних оторфованных слоях содержатся находки от эпохи мезолита до деревянного времени, вплоть до второй половины XX в. В чистом виде находки эпохи мезолита (изделия из кости, дерева, коры, кремня, сланца, кварца, кости животных и рыб) залегают в слое сапропеля, на глубине примерно 1,1-1,2 м от дневной поверхности. Для находок из слоя сапропеля получено 9 радиоуглеродных дат, охватывающих период 7800-7100 кал. лет до н.э. (Косорукова и др., 2019. С. 427).

Всего на памятнике найдено 12 обломков орудий или изделий из лопаточных костей животных. Интересно, что подобные находки встречены только в раскопах, расположенных ближе к склону надпойменной террасы.

Типологическая классификация ножей из лопаточных костей разработана С. В. Ошибкиной для изделий с памятника Веретье I: они поделены на простые и сложные (с отверстиями) (Ошибкина, 1997. С. 80). Авторы работы придерживаются подобной классификации, но с той разницей, что кажется целесообразным к «сложным» отнести и орудия из лопаточной кости с орнаментом. Таким образом, на памятнике Погостище 15 представлено 2 типа подобных изделий.

Тип 1. Первое изделие данного типа довольно массивное со срезанным гребнем, имеет 4 отверстия ближе к тому месту, где у лопатки располагается хрящ. С противоположного отверстия края орудия, в нижней его трети, сохранилась часть приостренного лезвия. Размеры изделия: 20x4,5-8,5x1 см, диаметр отверстий – 0,5 см (рис. 1:11). Второе изделие этого типа представляет собой обушковый конец ножа с орнаментом. Слом проходит по шейке лопатки, гребень срезан, верхняя часть изделия также сломана. Нож украшен орнаментом из горизонтальных прерывистых линий, расположенных как бы тремя вертикальными рядами: один ряд слева от выступа лопаточной кости, и два ряда справа (Косорукова, 2019. С. 33). Размеры изделия – 14x5x0,1-1,5 см (рис. 1:1).

Тип 2. Первое изделие данного типа – это обломок неширокого ножа из лопатки животного со срезанным гребнем. Орудие сломано с двух сторон: со стороны лопаточного хряща и со стороны шейки лопатки, т.е. представляет собой срединную часть лопатки. Один край изделия вогнут и

приострен. Размеры изделия – 6,2-8х5х0,1-1,5 см (рис. 1:2).

Второе изделие представлено массивной обушковой частью орудия с сохранившейся суставной частью, другой конец орудия обломан, гребень срезан по всей оси. В верхней трети орудия сохранился участок вогнутого лезвия, возможно, что с противоположной стороны также было оформлено лезвие. Размеры орудия – 20х5-6х1-3,5 см (рис. 1:6).

Третье изделие – это обломок неширокой лопатки, сломанный с двух концов, гребень срезан не до основания оси, немного выступает. Размеры изделия – 11,5х5,5-6,5х1,8 см (рис. 1:8).

Остальные изделия представлены менее ясными обломками орудий. Первое такое орудие сломано с обоих концов и вдоль лопаточной оси, его размеры составляют 8,3х4х0,1-1,5 см (рис. 1:3). Второй обломок представляет собой орудие из широкой лопаточной кости, сломано с двух сторон, гребень частично сломан или срезан. Размеры изделия – 10-12,5х5,5-10-0,5-2,5 см (рис. 1:12). Третий обломок – от широкого орудия из массивной кости – представлен лишь обломком лопаточной впадины. Имеет размеры 11х5,5х1,5 см (рис. 1:9). Четвертое изделие – обушковая часть орудия, противоположный конец сломан. Гребень срезан, размеры орудия – 18,5х5,5х2,5 см (рис. 1:10). Пятое – обломок широкого орудия, сломанный с двух сторон. Гребень срезан не до основания оси. Размеры изделия составляют 8,5-9,5х7,5х0,4-2,5 см (рис. 1:7). Шестое орудие представлено нешироким обломком лопатки, сломанным с двух сторон. Гребень срезан не до основания, немного выступает. Размеры изделия

составляют 7,5-11х5х2 см (рис 1:4). Седьмой обломок орудия изготовлен из массивной лопаточной кости, сохранилась лишь ямочная часть лопатки. Размеры изделия составляют 18,5х5х2,5 см (рис. 1:5).

Широкие ножи из лопаточных костей нередко встречаются на памятниках каменного века лесной зоны: на Веретье I (Ошибкина, 1997. С. 80), Озерках 5 и 17; Окаемово 5; Нушполах 11; Ивановском 3 и 7; Становом 1 и 4 (Жилин, 2001. С. 96-97); на Кокшаровско-Юрьинской I и II стоянках (Жилин и др., 2012. С. 41, 92, рис. 26.2, рис. 43.5); на Второй Береговой торфяной стоянке (Савченко, 2014. С. 189-190).

Аналогии изделию типа 1 с отверстием можно найти на памятниках Веретье I, Ивановское 3 и 7 (Жилин, 2001. С. 96-97), Становое 4 (Кольцов, Жилин, 2008. С. 275).

По мнению ряда археологов, ножи из лопаточных костей имели хозяйственное назначение (Ошибкина, 1997. С. 80; Жилин, 2001. С. 96-97). М. Г. Жилин полагает, что широкие ножи были необходимы для очистки шкур от мягких тканей и мездрения (Жилин, 2001. С. 96-97), т.к. костяной нож имел определенное преимущество перед кремневым: он недостаточно острый для того, чтобы продырявить шкуру (Жилин, 2004. С. 96).

Нередко подобные орудия имеют плохую сохранность, из-за чего сложно установить их первоначальную форму, что затрудняет поиск аналогий изделиям с Погостища 15. Тем не менее, кажется возможным, что данные орудия предназначались для хозяйственных операций, а ножи с орнаментом и отверстием могли иметь особое значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жилин М. Г. Костяная индустрия лесной зоны Восточной Европы. – М.: URSS, 2001. – 328 с.
- Жилин М. Г. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. – М.: Academia, 2004. – 141 с.
- Жилин М. Г., Савченко С. Н., Сериков Ю. Б., Косинская Л. Л., Косинцев П. А. Мезолитические памятники Кокшаровского торфяника. – М.: ИА РАН, 2012. – 167 с.
- Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). – М.: ИА РАН, 2008. – 313 с.

Косорукова Н. В., Лукинцева В. А., Гринина Т. С. Новые находки рыболовного инвентаря на стоянке Погостище 15 в бассейне озера Воже // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. Коллективная монография по материалам VIII Международной научно-практической конференции 28-29 октября 2019. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 427-429.

Косорукова Н. В. Отчёт о раскопках торфяниковых памятников каменного века Погостище 15 и Караваиха 4 в Кирилловском районе Вологодской области, а также о разведках в Кадуйском и Кирилловском районах Вологодской области в 2018 г. Череповец, 2019 // Архив ИА РАН.

Ошибкина С. В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на севере Восточной Европы. – М.: Наука, 1997. – 204 с.

Савченко С. Н. Преемственность и инновации в развитии костяной индустрии мезолита горнолесного Зауралья // *Stratum plus*. – № 14. – Кишинев, 2014. – С. 181-208.

THE SHOLDER BONE TOOLS FROM THE SITE POGOSTISHE 15 OF THE VOZHE LAKE BASIN

V. A. Lukintseva, S. A. Voronkov

*Cherepovets State University Cherepovets Museum Association,
museum of archeology Cherepovets, Russia*

The article is devoted to the interesting tools that were made of the animal shoulder bones that were found on the middle mesolithic site Pogostishe 15 in Kirillov district, Vologda region. The authors compiled a typological tools classification and noted existing analogies and information on the use of such tools.

Keywords: Stone Age, Mesolithic, peat sites, Pogostishe 15, tools of shoulder bones.

Научный руководитель – Косорукова Наталья Валентиновна, к.и.н., доцент.

Рис. 1. Орудия из лопаточных костей на памятнике Погостище 15: 1, 11 - тип 1; 2-10, 12 - тип 2

ПРЕДМЕТЫ ИЗ ОБЛАСТИ ИСКУССТВА НА ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА – РАННЕГО НЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ ОЗЕРА ВОЖЕ

А. В. Кузьмина

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

В статье рассматриваются некоторые особо примечательные предметы из области искусства, найденные на памятниках эпохи мезолита – раннего неолита в бассейне озера Воже и их аналогии в материалах каменного века лесной зоны.

Ключевые слова: мезолит, неолит, бассейн озера Воже, предметы искусства.

Комплекс предметов, относящихся к области искусства эпохи каменного века в бассейне озера Воже, значительно расширился в результате раскопок торфяниковых памятников Погостище 14 и 15 и Каравайха 4. Данные памятники были открыты и исследуются по настоящее время археологической экспедицией Череповецкого государственного университета под руководством Н. В. Косоруковой. Стоянки Погостище 14 и 15 находятся на р. Модлоне, относятся к среднему этапу мезолита, стоянка Каравайха 4 находится на р. Еломе и датируется финальным мезолитом – ранним неолитом. Находки на данных памятниках залегают ниже уровня воды, что способствует высокой сохранности органических материалов, из которых, в основном, и изготовлены предметы, которые можно отнести к области искусства.

Предметы из области искусства можно условно разделить на две большие группы: орнаментированные хозяйственные изделия (орудия труда и оружие) и украшения.

Орнаментированные хозяйственные изделия представлены на памятниках Погостище 14 и 15 пятью экз. На Погостище 14 это фрагмент вкладышевого костяного орудия – небольшой, длиной около 3 см, обломанный с двух концов фрагмент ножа или кинжала с двумя пазами, который украшен с одной стороны несложным орнаментом из двух длинных вертикальных черт, вероятно, проходивших по всей длине изделия, и нескольких косых насечек, составляющий елочный узор на каждой черте (Косорукова, 2011. С. 20. Рис. 72:1). На Погостище 15 к числу предметов с орнаментом относятся следующие: зубчатое острие (в центральной части орудия нанесен

эле заметный орнамент из косых насечек), игловидный наконечник (орудие украшено орнаментом из коротких горизонтальных насечек и крестиков, напоминающих римские цифры «X») (Косорукова и др., 2017. С. 72-73), обломок ножа из лопаточной кости (украшен орнаментом из горизонтальных прерывистых линий, расположенных как бы тремя вертикальными рядами: один ряд слева от выступа лопаточной кости, и два ряда справа) и фрагмент рукоятки (с одной стороны изделия орнамент состоит из заштрихованных прямыми линиями треугольников и незаштрихованных треугольников или ромбов, с другой стороны – елочный узор; последний третий элемент – или не закончен, или одна часть узора стерлась, т.к. прослеживается только одна прямая линия с отходящими от нее штрихами) (Косорукова и др., 2020. С. 16-18).

На памятнике Каравайха 4 к числу изделий с орнаментом относятся два предмета: обломок зубчатого острия или гарпуна с одним зубом на сохранившемся участке (орнамент состоит из коротких горизонтальных насечек, расположенных вертикально в ряд вдоль боковой стороны) (Косорукова, 2005. С. 49. Рис. 247) и биконический наконечник (на цилиндрическом расширении нанесен орнамент в виде 4-х вертикальных рядов, украшающих все стороны изделия и состоящих из коротких горизонтальных насечек) (Косорукова, 2013а. С. 54. Рис. 152:5).

Такие типы орнаментов имеют широкие аналогии в каменном веке лесной зоны от Урала до Центральной России, например, в коллекциях Камня Дыроватого (Свердловской обл.) (Сериков, 2014) и подмосковных стоянок Замостье 2 и Минино 2 (Сорокин, 2013). Ближайшие аналогии в

территориальном плане можно найти в памятниках культуры Веретье, изучавшихся С. В. Ошибкиной (Ошибкина, 2017).

Орнамент всех представленных изделий строится из универсальных для многих культур простых элементов: насечек (коротких линий) и длинных прямых линий, сочетания которых становятся уникальными по исполнению, но, вероятно, также универсальными по значению (учитывая довольно широкие аналогии). Однако из-за единичности находок с орнаментом выделить какое-либо отчетливое назначение данных узоров не представляется возможным. Возможно, геометрический орнамент служил своеобразным языком для выражения понятий о мире, имел декоративное значение, или нес информацию о принадлежности к какой-либо группе.

В качестве украшений на всех трех памятниках встречены подвески из зубов и ко-

стей различных животных, а также уникальная костяная фигурка птички со стоянки Каравайха 4 (Косорукова, 2013б. С. 44). Последняя представляет собой плоскостное профильное изображение птички, вероятнее всего, утки, с двумя округлыми отверстиями в центре, вырезанное из тонкой костяной пластины. Нижний край изделия оформлен волнистой линией (Косорукова, 2013б. С. 44). Фигурка могла использоваться как нашивка (о чем говорят отверстия в центре). Близкие по исполнению находки можно встретить на стоянках Нижегородской (Волосово), Рязанской (Черная Гора) и других областей России, а также в Прибалтике (Кашина, 2005. С. 73).

Наличие украшений на памятниках каменного века говорит о развитии общества и обменных связях между разными поселениями и культурами, в том числе и в бассейне оз. Воже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кашина Е. А. Искусство малых форм неолита – энеолита лесной зоны Восточной Европы. Автореферат дисс. канд. ист. наук – М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2005. – 225 с.

Косорукова Н. В. Отчет о раскопках стоянок каменного века Марьино 11 и Сазоново 11 в Чагодощенском районе Вологодской области, стоянки раннего неолита Каравайха 4 в Кирилловском районе Вологодской области, а также разведках в Бабаевском, Белозерском, Кадуйском, Кирилловском, Устюженском и Чагодощенском районах Вологодской области в 2004 г. Череповец, 2005. // Архив ИА РАН.

Косорукова Н. В. Отчет о раскопках стоянки эпохи мезолита Погостище 14 и ранне-неолитической стоянки Каравайха 4 в Кирилловском районе Вологодской области в 2010 г. Череповец, 2011 // Архив ИА РАН.

Косорукова Н. В. Отчет о раскопках стоянки эпохи мезолита Погостище 15 и ранне-неолитической стоянки Каравайха 4 в Кирилловском районе Вологодской области, а также о разведках в Кирилловском, Устюженском и Череповецком районах Вологодской области в 2012 г. Череповец, 2013а // Архив ИА РАН.

Косорукова Н. В. Костяная подвеска-птичка из торфяниковой стоянки Каравайха 4 в бассейне озера Воже // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 3. Т.2. – Череповец, 2013б. – С. 43-46.

Косорукова Н. В., Кулькова М. А., Сапелко Т. В. Торфяниковая стоянка Погостище 15 по данным археологии и междисциплинарных исследований // Археологические вести. – Вып. 23. – СПб., 2017. – С. 67-84.

Косорукова Н. В., Лукинцев В. А., Воронков С. А., Гринина Т. С. Исследование торфяникового памятника Погостище 15 в бассейне озера Воже в 2018 г. // Археология Севера. – Вып. 8. – Череповец, 2020. – С. 6-22.

Ошибкина С. В. Искусство эпохи мезолита (по материалам культуры Веретье). – М.: ИА РАН, 2017. – 140 с.

Сериков Ю. Б. Очерки по первобытному искусству Урала. – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Нижний Тагил, 2014. – 268 с.

Сорокин А. Н. Стоянка и могильник Монино 2 в Подмоскowie: костяной и роговой инвентарь. – М.: ИА РАН, 2013. – 448 с.

**OBJECTS OF ART ON THE MESOLITHIC – EARLY NEOLITHIC SITES
IN THE LAKE VOZHE BASIN**

A. V. Kuzmina

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

The article deals with some particularly notable objects from the field of art found on the Mesolithic – early Neolithic sites in the lake Vozhe basin, as well as their analogies in the forest zone in Stone Age.

Keywords: Mesolithic, Neolithic, lake Vozhe basin, art objects.

Научный руководитель – Косорукова Наталья Валентиновна, к.и.н., доцент.

РАННЕГОЛОЦЕНОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЮГО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Г. Л. Чхатарашвили

Батумский археологический музей, Батуми, Грузия

В статье рассматриваются каменные комплексы раннеголоценовых памятников Юго-Восточного Причерноморья. В процессе исследования были использованы как комплексы, полученные автором в результате раскопок, так и те коллекции, которые сохранились в музеях.

Ключевые слова: Причерноморье, ранний голоцен, артефакты, миграция.

Территория Юго-Восточного Причерноморья (Аджария) была заселена в каменном веке. К настоящему времени выявлено и изучено 10 памятников каменного века, в том числе относящихся к эпохе раннего голоцена – Кобулету, Хуцубани и Квирике (Бердзенишвили, Небиеридзе, 1964. С. 7-16; Гогитидзе, 1978; 2008; Григолия, 2002. С. 5-10). К сожалению, большинство из них подвергалось интенсивному разрушению в результате использования территории для чайных и ореховых плантаций во второй половине XX в. (исключением является стоянка Кобулету, где сохранились участки с непо потревоженным культурным слоем). Каменные комплексы трех указанных стоянок характеризует единая технология обработки камня, единая типология орудий, что дает нам основание для их рассмотрения в рамках одной археологической культуры, которую мы называем кобулетской (рис. 1).

Памятники кобулетской культуры расположены в Западной Грузии в 10-15 км от курорта Кобулету на мысах р. Кинтриши и связаны с Колхидской равниной, занимающей часть приморской территории. В настоящее время Колхидская равнина связана с зоной субтропического климата. Памятники были обнаружены в 60-х гг. XX в. в ходе археологических разведочных работ (Бердзенишвили, Небиеридзе, 1964. С. 7-16; Гогитидзе, 1978; 2008). Исследование стоянки Кобулету было продолжено в 2019 г. (Chkhatarashvili et al., 2020; Chkhatarashvili, Manko, 2020).

В ходе археологических раскопок, проведенных С. Гогитидзе и автором, получено огромное количество материала (около 32 тыс.) из кремня и обсидиана. Анализ каменного инвентаря показывает, что на памятни-

ках кобулетской культуры техника расщепления ориентирована на получение пластинок и микропластин способом ручного отжима. Для получения таких пластинок и микропластин использовались конические и карандашевидные нуклеусы. Этот вывод подтверждает и наличие круглых таблеток. Пластинчатых заготовок почти в три раза больше, чем отщепов. Соответственно, мы полагаем, что большинство артефактов были принесены на стоянку уже в готовом виде. Данный вывод подкрепляется и крайне небольшим количеством чешуек и осколков.

В комплексе около 2500 орудий. Среди них наиболее многочисленными являются ретушированные пластинки и микропластины. Также много пластинок с выемками.

Большинство резцов изготовлены из пластинчатых заготовок, отмечается значительное типологическое разнообразие: в комплексе присутствуют боковые, угловые, двугранные резцы. Распространены также билатеральные формы. Скребок почти в 3 раза меньше, чем резцов. Почти все скребки – концевые, изготавливались как на пластинах, так и на отщепах. Встречаются тронкированные пластины, в том числе косотронкированные и косотронкированные с микрорезцовым сколом.

Весьма информативно наличие пластинок и микропластин с притупленными краями, связанных с охотничьим вооружением. Подобные изделия использовались в качестве вкладышей наконечников стрел (Бадер, Церетели, 1989. С. 95; Сапожникова, Сапожникова, 2011. С. 119).

Формально-типологический анализ каменного инвентаря показывает, что памятники кобулетской культуры представляли собой сезонный лагерь охотников, где

осуществлялась добыча и заготовка мяса. Наш вывод подтверждается трасологическим анализом орудий Кобулетской культуры из раскопок 2019 г. (Эсакия и др., 2020). Результаты анализа указывают на то, что почти половина орудий связана с обработкой продуктов охоты. В то же время довольно значительное количество орудий связано с обработкой дерева/кости, меньше – с обработкой шкур.

В памятниках кобулетской культуры имеем одну абсолютную дату (8670 ± 100 BP uncal), связанную с бореалом.

В современной археологии одним из важнейших вопросов является определение происхождения археологической культуры. К сожалению, первый исследователь кобулетской культуры – С. Гогитидзе – этот вопрос просто не поднимал. Мы постараемся исправить такое положение дел.

Сразу же нам пришлось отбросить версию происхождения кобулетской культуры на основе местного эпиграветта. На возможность такой связи указывало наличие в кобулетских комплексах пластинок с притупленными краями, встречающихся и в эпиграветтских комплексах. Однако, материалы пещеры Дзудзуана свидетельствуют, что эпиграветт прекратил свое существование в аллередское время (Bar-Yosef et al., 2011. P. 336. Table 2).

Следует также учесть, что мы не знаем ни одного комплекса, который мог бы быть охарактеризован как переходный от эпиграветтской к кобулетской индустрии.

Таким образом, мы можем утверждать, что индустрия кобулетской культуры не является продолжением местного Эпиграветта.

Изучением вопроса о происхождении раннеголоценовых памятников Северного и Юго-Восточного Причерноморья давно занимается В.А. Манько (Манько, 2015. С. 33-62; Манько, Чхатарашвили, 2020). По его мнению, в финале плейстоцена на склонах Загроса и в верхнем течении Тигра впервые получили распространение индустрии обработки камня, основанные на технике ручного отжима. Одним из таких индустрий являлся Млефатъен (Тель Млефаат, Карим Шахир) (Howe, 1983; Dittermore, 1983). Указанная индустрия

имела следующие черты: использование карандашевидных и конических нуклеусов для получения пластинок методом ручного отжима; распространение приема крутого ретуширования краев отжимных пластинок; использование тронкиро-ванных пластинок (Манько, Чхатарашвили, 2020). В начале голоцена, по мнению исследователя, началась масштабная миграция носителей млефаатской индустрии на территорию Кавказа (культура Кобулетской), затем на территорию Крыма (культура Кукрек). Интересен тот факт, что комплексы переселенцев демонстрируют совпадение как в технике расщепления, так и типологии оснащения метательного вооружения.

Мы полностью согласны с В. Манько. Более того, в 2019 г. в фондах Музея нами были изучены все комплексы культуры Кобулетской. Мы заключаем следующее:

1. Кобулетская культура возникает в результате миграции части млефаатского населения;
2. Миграция млефаатского населения произошла в раннем голоцене, когда в млефатских комплексах еще не появились геометрические микролиты;
3. Миграция млефаатского населения произошла до перехода к практике производящих форм экономики.

Работа выполнена при финансовой поддержке Батумского Государственного Университета Шота Руставели (грант № 02-12/19).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер Н. О., Церетели Л. Д. Мезолит Кавказа, Мезолит СССР. – М., 1989. – С. 93-105.
- Бердзенишвили Н., Небиеридзе Л. Стоянки каменного века в ущелье Кинтриши. Памятники юго-западной Грузии, I. – Тбилиси, 1964. – С. 7-16.
- Гогитидзе С. Неолитическая культура юго-восточного Причерноморья. – Тбилиси, 1978.
- Гогитидзе С. Археологические памятники каменного века в ущелье Кинтриши (Кобулетское раннеолитическое поселение). – Батуми, 2008.
- Григолия Г. Древнейший след первобытного человека в Аджарии. Труды Батумского археологического музея II. – Батуми, 2002. – С. 5-10.
- Манко В. О. Похождения кукрецької культури. Наукови студії, вип. 8. – Киев, 2015. – С. 33-62.
- Манько В. О. Чхатарашвілі Г. Л. Західна Грузія як транзитна територія на шляху міграцій протонеолітичного населення у Східну Європу. АРХЕОЛОГІЯ І ДАВНЯ ІСТОРІЯ УКРАЇНИ. – 4 (37). – Киев. 2020. – С. 329-339.
- Сапожников И. В., Сапожникова Г. В. Каменный век Северо-Западного Причерноморья // *Stratum plus*. – № 1. – СПб. – Кишинев – Одесса – Бухарест, 2011. – С. 15-149.
- Эсакия К., Чхатарашвили Г., Кахидзе А. Комплексный анализ каменного инвентаря раннеголоценовой стоянки Кобулет, *Tyragetia*. – XIV [XXIX]. – № 1. Кишинев, 2020. – С. 71-76.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto E., Goldberg P., Kvavadze E., Matskevich Z. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia), *ANTIQUITY* 85, 2011. – P. 331–349.
- Chkhatarashvili G., Manko V. Kobuleti site. The evidence for Early Holocene occupation in Western Georgia, *Documenta Praehistorica*, Ljubljana. – 47. 2020. – p. 28-35.
- Chkhatarashvili G., Manko V., Kakhidze A., Esakiya K., Chichinadze M., Kulkova M., Strelcov M. South-East Black Sea Coast in Early Holocene period (according to Interdisciplinary investigations in Kobuleti site), *Sprawozdania Archeologiczne*. – 72/2. 2020. – p. 213-230.
- Dittermore M. The Soundings at M'lefaat. In: Ed. by L.S. Braidwood, R.J. Braidwood, B. Howe, C.A. Reed, P. J. Watson. Prehistoric Archaeology along The Zagros Flanks. OIP 105, 1983. – P. 671-692.
- Howe B. Karim Shahir. In: Ed. by L. S. Braidwood, R. J. Braidwood, B. Howe, C. A. Reed, P. J. Watson. Prehistoric Archaeology along The Zagros Flanks. OIP 105, 1983. – P. 23-154.

EARLY HOLOCENE COMPLEXES FROM SOUTH-EAST BLACK SEA COAST

G. L. Chkhatarashvili

Batumi Archaeological Museum, Batumi, Georgia

The article discusses the early Holocene sites from South-East Black Sea region. In the process of the research were used materials excavated by the author and those collection which is preserved at museums.

Keywords: Black Sea Coast, Early Holocene, Artifacts, Migration.

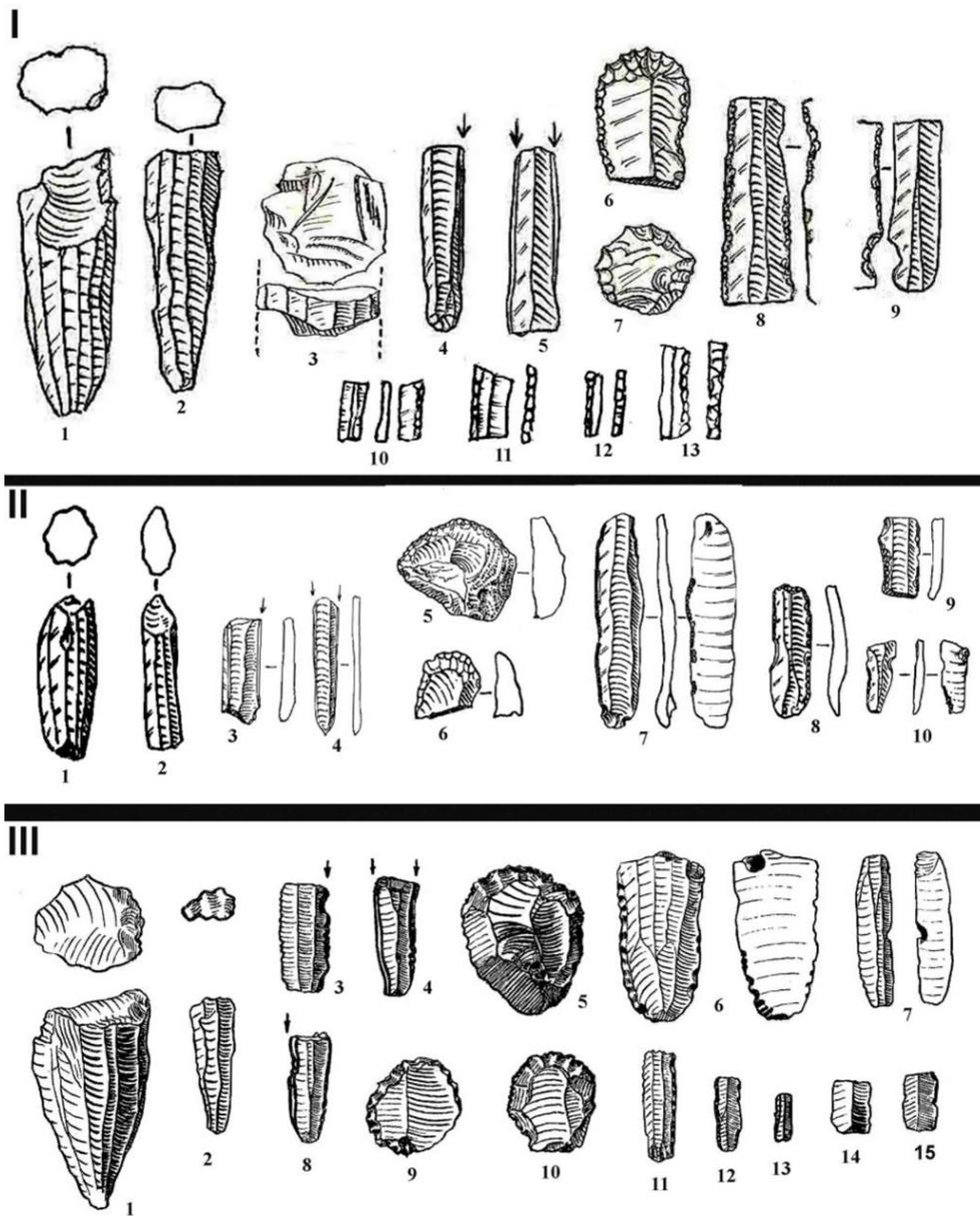

Рис. 1. Комплексы кобулетской культуры.

I. Кобулети. 1-2. Конические и карандашевидные нуклеусы. 3. Таблетка. 4-5. Резцы. 6-7. Скребки; 8. Ретушированные пластины. 9. Пластина с выемками. 10-13. Микропластины с притупленными краями.

II. Хуцубани. 1-2. Конические и карандашевидные нуклеусы. 3-4. Резцы. 5-6. Скребки. 7-10. Ретушированные пластины и пластинки.

III. Квирике. 1-2. Конические и карандашевидные нуклеусы. 3-4, 8. Резцы. 5-6, 9-10. Скребки. 6-7, 11-15. Ретушированные пластины и пластинки.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ С РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ДОБРОЕ 9 НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Е. С. Юркина

*Липецкий государственный педагогический университет им.
П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия*

В статье рассматриваются каменные орудия, обнаруженные в 2019 г. на стратифицированном памятнике среднедонской неолитической культуры – поселении Доброе 9, расположенном в пойме р. Воронеж на Верхнем Дону. Представлены данные по морфолого-функциональному исследованию. Оно позволило наметить отдельные направления хозяйственной деятельности раннеолитического населения, которые включали обработку продуктов собирательства и охоты, выработку изделий из дерева и кости.

Ключевые слова: неолит, каменный инвентарь, среднедонская неолитическая культура, типологический анализ, трасологический анализ.

Проблема слабой изученности каменного инвентаря эпохи неолита на территории Верхнего Дона обусловлена тем, что культурные слои большинства поселенческих памятников залегают в переотложенном, либо смешанном с более поздними находками, состоянии. Главным культуроопределяющим признаком для большинства археологических памятников региона выступают орнаментальные схемы на керамической посуде. В лесостепном Подонье в 1971 г. А. Т. Синюком была выделена раннеолитическая среднедонская культура (Синюк, 1971), а его полное представление о ней было сформировано в монографии 1986 г. (Синюк, 1986).

Обнаруженная в 2014 г. А. А. Ключойтем (Ключойть, 2015) стоянка Доброе 9 располагается у южной окраины с. Доброе Липецкой области на пойменном останце высотой 2 м над р. Воронеж. В 2017-2019 гг. на разрушающемся участке А. А. Куличковым и М. В. Султановой были заложены раскопы общей площадью 98 кв. м (Куличков, 2018а; Куличков, 2018б; Султанова, 2019). На памятнике прослеживается четкая стратиграфия. На территории Верхнего Подонья был выявлен несмешанный культурный слой среднедонской неолитической культуры, вмещающий в себя керамику, кости животных, изделия из камня.

Целью нашей работы является рассмотрение основных хозяйственных занятий насе-

ления поселения Доброе 9 на основе типологического и трасологического анализов каменного инвентаря из раскопа 2019 г.

В результате раскопок 2019 г. было найдено более 99 изделий из камня. Отходы каменного производства – отщепы и обломки – составили 70 ед. Основным материалом для производства орудий служил кремль, в единичных случаях – кварцит, кварцитопесчаник, песчаник и сланец.

Продукты первичного расщепления представлены 5 экземплярами одно- и многоплощадочных нуклеусов аморфной формы. Все они предназначены для производства отщепов. Морфологически выделенные орудия труда и артефакты со следами вторичной обработки представлены на памятнике весьма широко:

- самая многочисленная группа – концевые скребки и их обломки – 12 экземпляров различной формы и размеров.

- два ретушера, один изготовлен на кремневом отщепе, второй – на нуклевидном обломке и оба имеют приостренный конец.

- обломок проксимальной части пластины с краевой ретушью с дорсальной стороны и частичной подправкой с вентральной, не исключено его использование в качестве ножа.

- в единичных экземплярах выявлены: обломок шлифованного изделия из кремня, подвергнувшегося термическому воздействию, отбойник и кварцитовое

скребло. Кроме того, обнаружено шесть полифункциональных орудий, сочетавших в себе несколько рабочих функций.

Рубящие орудия представлены теслом из светло-коричневого кремня, изготовленным путем двусторонней обивки с последующим краевым ретушированием и шлифовкой всей поверхности орудия, а также с оформленным обушком.

Наконечник выявлен один кварцитовый и два кремнёвых.

Самой массовой категорией орудий, как при типологическом, так и при трасологическом анализе, были скребки. Типологически выделенные скребки в целом подтвердили свою функциональную принадлежность, но использование трасологического анализа позволило внести уточнения по обрабатываемому материалу (шкура, дерево, кость). Работа с частью коллекции производилась в рамках методики экспериментально-трасологического анализа (Семёнов, 1957; Коробкова, Щелинский, 1996) в период стажировки в экспериментально-трасологической лаборатории с научным руководителем стажировки, ведущим научным сотрудником экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН, д.и.н. В. Е. Щелинским. «Доказательная экспериментально-трасологическая интерпретация строится на исследовании следов изготовления, следов использования и следов общего неутилитарного износа в контексте формы конкретных артефактов» (Гиря, 2019. С. 67). Для выполнения задач исследования использовалось следующее оборудование и программное обеспечение: стереомикроскоп МБС-9 (косо направленное освещение; ув. до $\times 98$); металлографический микроскоп Olympus (встроенное освещение; ув. до $\times 500$); установка для макросъемки с камерой Canon EOS 450D, объектив Canon Macro EF-S 60 mm, при косо направленном внешнем освещении; программное обеспечение Canon EOS Utility, Helicon Focus. Для верификации зафиксированных утилитарных следов использовалась база эталонов, полученная в ходе экспериментов В. Е. Щелинского.

Относимый нами экземпляр № 1 (рис. 1: 1) к числу полифункциональных орудий, по трасологическому анализу подтвердил

только функцию скобления твёрдых материалов. Следы мелкофасеточной выщербленности, заполировка не столь локализована, занимает заметно большую площадь и пятниста, что указывает на использование его при скоблении дерева.

Анализ экземпляров № 2-4 (рис. 1: 2-4) позволил связать функцию орудий с обработкой шкур, приводящая к скруглению рабочего лезвия, прослеживается полоса жирного блеска, заметны линейные следы.

На экземпляре № 5 (рис. 1: 5) прослежены следы, которые мы связываем с первичной обработкой толстокожей шкуры, мездрение которой приводило к довольно интенсивному выкрашиванию и жирной проникающей распространяющейся заполировке с обеих сторон, фиксирующейся на выступающих участках лезвия.

Следы износа экземпляра №6 (рис. 1: 6) расположены на концевом частично боковом отрезке лезвия, что указывает на использование его при скоблении твердого материала. Следы представлены многоярусной, ступенчатой наслаивающейся выкрошенностью. На отдельных вершинках кромочной линии видна яркая, бликующая заполировка. Она поверхностная, резко обрывающаяся на границе с не заполированной поверхностью, такой характер блеска свидетельствует о работе по кости. Линейных следов нет. По характеру кромки лезвия и заполировки на экземпляре №7 (рис. 1: 7) мы его также связываем с работой по кости и рогу.

На части предметов, типологически отнесенных к скребкам, следы использования невозможно идентифицировать в связи с «замытостью» самого каменного материала или перекрытиями следами неустановленного происхождения (рис. 1: 8).

Сведения, полученные на первоначальном этапе трасологических исследований части каменного комплекса поселения Доброе 9, представляют исключительную ценность при выявлении и сопоставлении культурных особенностей в производственной деятельности древнего населения региона эпохи неолита. Сравнение итогов типологического и трасологического анализов каменных скребков показало, что функция большинства типологически вы-

деленных орудий подтверждается при трасологическом анализе. Сопоставление результатов показало наличие наряду с комплексом орудий по обработке продуктов собирательства и охоты, и группы изделий, связанных именно с обработкой дерева и кости. Отметим, что в культурных слоях ранненеолитических памятников на Верхнем Дону встречается крайне малое количество каменных артефактов, это характерно и для стоянки Доброе 9, что частично свидетельствует о высоком уровне заменяющих их производств: косторезного и деревообрабатывающего, как уже выше отмеча-

лось, было найдено одно теслице (Смолянинов и др., 2019), на котором выделяются следы закрепления в рукояти.

Таким образом, итоги типологического и трасологического анализов при характеристике каменных индустрий неолитического времени не противоречат, а взаимодополняют друг друга.

Работа выполнена при финансовой поддержке субсидии социально ориентированным некоммерческим организациям на реализацию социально значимых проектов из бюджета г. Липецка на 2020 год «Археология и молодежь».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гирия Е. Ю. Кварцевые орудия поселения Лемья 19.1 // Поселение Лемья 19.1 в верхних Конды: от неолита до средневековья: коллективная монография. – Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. – С. 67-117.

Клюкойть А. А. Отчет о проведении разведочных работ в среднем течении р. Воронеж на территории Добровского, Грязинского и Липецкого районов Липецкой области в 2014 году // Архив ИА РАН, 2015. №45618.

Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. – СПб.: ИИМК РАН, 1996. – 80 с.

Куличков А. А. Отчёт о проведении разведочных исследований в бассейне р. Воронеж в пределах Добровского района Липецкой области, Мичуринского района Тамбовской области в 2017 году // Архив ИА РАН, 2018а.

Куличков А. А. Отчет к открытому листу № 1927 об археологических исследованиях на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Доброе 9» в Добровском районе Липецкой области в 2018 году // Архив ИА РАН, 2018б.

Семёнов С. А. Первобытная техника // Материалы и исследования по археологии СССР. № 54. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 240 с.

Синюк А. Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону. Автореферат дисс. канд. ист. наук. – Воронеж, 1971. – 22 с.

Синюк А. Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. – Воронеж, 1986. – 178 с.

Смолянинов Р. В., Куличков А. А., Юркина Е. С., Яниш Е. Ю. Памятники ранненеолитической среднедонской культуры у села Доброе на Верхнем Дону // Światowit. Volume LVII. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2019. P. 23-40.

Султанова М. В. Отчет к открытому листу № 1211-2019 об археологических исследованиях на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение Доброе 9» в Добровском районе Липецкой области в 2019 году // Архив ИА РАН, 2020.

FIRST RESULTS OF TRASOLOGICAL ANALYSIS OF STONE INVENTORY FROM THE EARLY NEOLITHIC SITE DOBROE 9 ON THE UPPER DON

E. S. Yurkina

*Lipetsk State Pedagogical University. P.P. Semenov-Tyan-Shanskogo,
Lipetsk, Russia*

The article discusses stone tools of the Dobroe 9 settlement of the Neolithic era, located in the floodplain of the Voronezh River on the Upper Don. The time of its existence is determined

by the VI millennium BC. Stone artifacts are of particular interest due to their discovery in a stratified monument of the Middle Don culture. The publication presents data on morphological and functional research. The functional study of stone implements made it possible to outline certain areas of economic activity of the early Neolithic population, which included the processing of products of gathering and hunting, the production of wood and bone products.

Keywords: Neolithic, stone tools, Middle Don Neolithic culture, typological analysis, traceological analysis.

Научный руководитель – Смольянинов Роман Викторович, к.и.н.

Рис. 1. Микрофотографии следов сработанности на каменных орудиях с поселения Доброе 9: 1 - следы работы по дереву; 2-4 - следы обработки шкур; 5 - следы мездрения; 6-7 - следы работы по кости и рогу; 8 - без идентификации. (встроенное освещение; ув. до $\times 100$; 8- $\times 200$);

КРЕМНЕВЫЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ИЛЬИНКА

А. О. Долгов

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия*

На настоящем этапе изучения неолитического периода лесостепного Поволжья проблема выделения и характеристики кремневой индустрии средневожской культуры является одной из актуальных. Представленная статья посвящена обобщенной характеристике кремневого комплекса стоянки Ильинка, которая является одной из опорных при характеристике нового каменного века региона.

Ключевые слова: неолит, кремневый комплекс, лесостепное Поволжье, средневожская культура.

Стоянка Ильинка была открыта в 1986 г. археологической экспедицией Куйбышевского пединститута. Памятник расположен в 250 м к северу от села Ильинка Красноярского района Самарской области, на возвышенном мысу береговой террасы, образованной изгибом старицы реки Сок, в месте впадения в нее реки Тростянка. Изучение стоянки осуществлялось в 1986-1987 гг. (исследовано 240 кв. м) и 1999 г. (исследовано 80 кв. м) под руководством А. Е. Мамонова (Мамонов, 1988; 2002).

Стратиграфия памятника достаточно простая и выглядит следующим образом: слой дернины, мощностью до 20 см; темно-серая супесь, мощностью 40-45 см, содержала культурные напластования раннесрубного времени; светло-серая супесь мощностью около 30 см, содержащая в себе культурные остатки неолитического времени (Мамонов, 1988. С. 92). При работах 1999-го года удалось проследить в пределах слоя светло-серой супеси прослойку основной концентрации неолитических находок мощностью 10-15 см (Мамонов, 2002. С. 149).

На памятнике выявлена представительная коллекция неорнаментированной керамики, а также посуды, украшенной ногтевидными насечками, наколами и оттисками гребенчатого штампа. Последние группы посуды преобладают и находят ближайшие аналогии в комплексах средневожской культуры лесостепного Поволжья (Выборнов, 2000).

Коллекция кремневого инвентаря, с которой проводилась работа в 2020 г., насчитывает 526 единиц. В качестве сырья

использовался цветной кремль низкого качества (красного, желтоватого, болотного и коричневого оттенков) и серый кремль хорошего качества.

Отходы производства – 382 ед., что составляет 73% от всего комплекса изделий из камня. Они представлены: первичными сколами (37 ед. – 7%), отщепами (174 ед. – 33%), осколками и кусками (97 ед. – 18%), продольными сколами (74 ед. – 14%). Среди отщепов и осколков преобладают экземпляры из цветного кремня, в то время как среди продольных сколов – из серого. На 9 отщепках зафиксированы следы нерегулярной ретуши или утилизации.

Также выявлено 82 пластины и их фрагменты, что составляет 16% от комплекса изделий из кремня. Данную категорию артефактов по характерным признакам сырья и «правильности» изделий, допустимо разделить на две группы. Из цветного кремня изготовлены 23 пластины (10 целых, 4 проксимальных, 6 медиальных и 3 дистальных частей), они в подавляющем большинстве имеют искривленный профиль, неровные грани и не несут следов вторичной обработки. Ширина обозначенных пластин варьируется от 6 до 26 мм, толщина – от 1,5 до 8 мм. Остальные 59 пластин (17 целых, 10 медиальных, 10 дистальных и 11 проксимальных частей) изготовлены из серого качественного кремня и имеют правильные пропорции. Ширина пластин данной группы варьируется от 6 до 17 мм, толщина – от 1 до 9 мм. При этом 11 пластин, изготовленных из серого кремня, имеют следы вторичной обра-

ботки: 7 ед. с краевой приостряющей ретушью, нанесенной с дорсальной (6 ед.) и вентральной (1 ед.) сторон, на 2 ед. отмечена регулярная притупляющая ретушь по одной из продольных граней, еще на 2 ед. зафиксирована нерегулярная крупно- и мелко- фасеточная ретушь.

Морфологически выраженные орудия и нуклеусы представлены 62 экземплярами, что составляет 12% от комплекса изделий из кремня.

Нуклеусы представлены 13 экземплярами, или 22% от орудийного комплекса: 5 со следами бессистемного расщепления (аморфные); 5 торцевых; 1 призматический; 1 конический с обработкой на $3/4$ периметра и 1 нуклевидный кусок. Стоит отметить сработанный торцевой нуклеус, преобразованный в деревообрабатывающее, по всей видимости, долотовидное, орудие. Необходимо подчеркнуть, что нуклеусы из серого кремня имеют регулярную огранку и использовались преимущественно для получения пластинчатых заготовок.

Скребок в коллекции насчитывается 25 экземпляров или 42% от комплекса орудий. Они представлены несколькими типами. Концевые (8 ед.) на отщеплах и продольных сколах с округлым, прямым, реже, скошенным рабочим краем, зачастую с регулярной и не регулярной ретушью продольных граней. Дублированные (2 ед.) с прямыми рабочими краями и регулярной ретушью по одной из продольных граней. Боковые (8 ед.), конце-боковые (2 ед.), угловые (2 ед.) и стрелчатые (1 ед.) с ретушью продольных краев. Также в комплексе представлены 2 скребка-ложкаря. Ножи выявлены в коллекции в количестве 5 экземпляров (8% от комплекса орудий), из них 4 являются саблевидными и 1 прямолезвийным. Перфораторы представлены 6 экземплярами (10% от комплекса орудий), среди них: 4 на пластинах, 1 на отщепе, со следами утилизации на продольных гранях,

отдельного упоминания заслуживает перфоратор на массивной заготовке бифаса с залощенным рабочим концом и следами нерегулярной ретуши на одной из продольных граней. Наконечники выявлены в количестве 6 экземпляров (10% от орудийного комплекса): 2 постсвидерского типа; 2 близки типологически постсвидерским с нерегулярной ретушью пера и насада по одной из сторон; 1 треугольно-черешковый с бифасиальной ретушью и 1 наконечник с боковой выемкой (кельтеминарского типа?). Деревообрабатывающие орудия – 4 экземпляра (7% от орудийного комплекса): упомянутый выше переоформленный в долотовидное орудие нуклеус, а также 2 долота и скол рабочей части долотовидного орудия. Стоит отметить, что при публикации материалов стоянки А. Е. Мамоновым также был описан массивный топор с пришлифованными участками (Мамонов, 1988). Резцы представлены 3 экземплярами (5%) на углу сломанной пластины, на одном из которых противоположная от резцового скола грань имеет следы утилизации. Наконец, в комплексе памятника представлен двусторонне обработанный фигурный цветной кремь, по форме напоминающий голову птички, а также 3 отбойника со следами сработанности и 1 ретушер.

Подводя итог, стоит отметить, что кремневый комплекс стоянки Ильинка по сырью и типологически может быть разделен на две группы – изделия из цветного и серого кремня, которые значительно различаются между собой. В то же время вопрос о причинах упомянутых различий нуждается в дополнительном исследовании. В целом, стоит отметить, что на данный момент отсутствуют обобщающие работы по неолитической кремневой индустрии лесостепного Поволжья и ее изучение будет являться объектом нашего дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выборнов А. А. Средневожская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара: СНЦ РАН, 2000. – С. 177-215.

Мамонов А. Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. – Ижевск: Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР, 1988. – С. 92-105.

Мамонов А. Е. Новые материалы Ильинской стоянки в Самарской области // Историко-археологические изыскания. Вып. 5. – Самара: СГПУ, 2002. – С. 148-162.

FLINT COMPLEX OF ILYINKA SITE

A. O. Dolgov

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

At the present stage of the study of the Neolithic period of the forest-steppe Volga region, the problem of identifying and characterizing the flint industry of the Middle Volga culture is one of the urgent ones. The presented article is devoted to a generalized description of the flint complex of the Ilyinka site, which is one of the key characteristics of the new Stone Age in the region.

Keywords: Neolithic, flint complex, forest-steppe Volga region, srednevolzhskaya culture.

Научный руководитель – Андреев Константин Михайлович, к.и.н., доцент.

КЕРАМИКА СТОЯНОК СОКОЛЬНЫЙ VII И СОКОЛЬНЫЙ XII В КОНТЕКСТЕ РАННЕГО НЕОЛИТА МАРИЙСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Т. Ю. Пантелеева

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия*

В работе были проанализированы керамические комплексы стоянок Сокольный VII и Сокольный XII, исследованных в 2018-2019 гг. Было определено место данных памятников в системе раннеолитических древностей лесного Среднего Поволжья. Обозначены черты сходства и различия с одновременными комплексами Марийского Поволжья.

Ключевые слова: неолит, Марийское Поволжье, керамические комплексы, мотивы орнамента.

На стоянке Сокольный VII выявлено более 2500 артефактов. Подавляющее большинство находок составляют изделия из кремня (Пантелеева, 2020а. С. 24). Керамический комплекс стоянки Сокольный VII представлен 129 фрагментами. Пять сосудов не орнаментированы, три – украшены крупными овальными наколами, три – небольшими овальными наколами и два – подтреугольными наколами в разреженной манере. Мотивы орнамента простые – горизонтальные ряды, единично встречен более сложный (горизонтальный ряд с отходящим от него диагональным рядом (треугольник?) наколов) орнамент.

Стоянка Сокольный XII исследована в 2019 г. археологической экспедицией СГСПУ, располагается на левом берегу р. Волга в Республике Марий Эл (Никитин, 2009. С. 87). На памятнике заложен раскоп площадью 48 кв. м, на котором получено около 2700 артефактов. Керамический комплекс стоянки представлен ямочно-гребенчатой, накольчатой и неорнаментированной керамикой (Пантелеева, 2020б. С. 56).

Комплекс неорнаментированной керамики стоянки Сокольный XII представлен 193 фрагментами. В свою очередь данную группу керамику можно разделить на две части: сосуды с вдавлениями или сквозными отверстиями под срезом венчика (10 сосудов) и полностью лишенные орнамента (5 сосудов). Группа накольчатой керамики насчитывает 94 фрагмента от 26 сосудов. Наколы представлены следующими формами: округлые (5 сосудов), треугольные (17 сосудов), бобовидные (1 сосуд),

овальные (2 сосуда), подквадратные (1 сосуд). В коллекции примерно в равном количестве присутствует керамика с наколами, нанесенными в отступающей манере (12 сосудов) и в разреженной (14 сосудов). Наколы, нанесенные в разреженной манере, образуют, в основном, простые мотивы, представленные горизонтальными рядами (13 сосудов). Сосуды, орнаментированные в отступающей манере, украшены более разнообразными мотивами: горизонтальные ряды наколов (1 сосуд), плотные короткие диагональные ряды (9 сосудов), на одном плоскодонном сосуде между горизонтальными рядами нанесены короткие диагональные ряды наколов. Также к данной группе относится графически реконструированный сосуд, выявленный в развале.

Анализ керамических комплексов стоянок Сокольный VII и Сокольный XII показал следующие результаты. Толщина черепков варьируется от 0,4 до 0,8 см. Почти вся керамика – с видимой примесью шамота. Также сходство фиксируется и в обработке поверхности, внешняя чаще всего подложена, внутренняя – заглажена. В обоих комплексах преобладают простые мотивы орнамента. Формы наколов, в основном, округлые, треугольные. В то же время, относительно большое количество сосудов, украшенных крупными овальными наколами, является особенностью стоянки Сокольный VII. Также на этом памятнике подавляющее большинство посуды было орнаментировано наколами, нанесенными в разреженной манере, в то время как на стоянке Сокольный

ХII примерно в равном количестве представлены отступающие и разреженные наколы.

Сравнительное сопоставление Сокольных памятников со стоянками Дубовское III, Сутырское V и Отарское VI показало следующие результаты. Форма сосудов на данных памятниках, в основном, горшковидная, дно плоское или плосковогнутое, преобладают плоские срезы венчиков, прямые и прикрытие горловины. Форма наколов, в основном, треугольная и округлая, реже подквадратная. Также сходство прослеживается в манере нанесения орнамента. Для данных стоянок характерна разреженная традиция расположения вдавлений, мотивы простые, в основном, поясok из наколов, аналогичная картина представлена на стоянке Сокольный VII. Как

говорилось выше, на памятнике Сокольный XII обнаружено равное количество отступающих и разряженных наколов. Также на стоянке Дубовское III в единичных случаях встречается керамика с крупными овальными наколами, как и на Сокольном VII. Кроме того, прослеживается преобладание посуды с треугольными наколами на всех вышеперечисленных стоянках.

Керамика памятников Сокольный VII и Сокольный XII укладывается в контекст марийского неолита, опорными для которых являются стоянки Дубовская III, Сутырская V, Отарская VI (Никитин, 2011. С. 480), но имеет и определенную специфику, которая проявляется в форме наколов и манере нанесения орнамента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Никитин В. В. Археологическая карта республики Марий Эл. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2009. – 416 с.

Никитин В. В. Ранний неолит Марийского Поволжья. Тр. МАЭ. Т. IX. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2011. – 470 с.

Пантелеева Т. Ю. Стоянка Сокольное VII – новый памятник эпохи неолита. Материалы Третьей Международной научной конференции «АРХЕОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ», посвященной 120-летию С. Н. Замятнина (1899–1958) и М. Е. Фосс (1899–1955) – выдающихся археологов из первого поколения студентов ВГУ. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2020а. – С. 24-25.

Пантелеева Т. Ю. Ранненеолитический керамический комплекс стоянки Сокольный XII (новый памятник неолита Марийского Поволжья. LI Урало-поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, г. Пермь, 5-9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020б. – С. 56-58.

CERAMICS OF THE SOKOLNY VII AND SOKOLNY XII SITES IN THE CONTEXT OF THE EARLY NEOLITHIC OF THE MARI VOLGA REGION

T. Y. Panteleeva

Samara state social and pedagogical University, Samara, Russia

The paper analyzes the ceramic complexes of the Sokolny VII and Sokolny XII sites studied in 2018-2019. The place of these monuments in the system of early Neolithic antiquities of the forest of the Middle Volga region was determined. There are marked similarities and differences with simultaneous complexes of the Mari Volga region.

Keywords: Neolithic, Mari Volga region, ceramic complexes, ornamental motifs.

Научный руководитель – Андреев Константин Михайлович, к.и.н., доцент.

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ КРЯЖ II В 2018 ГОДУ

А. И. Ракишева

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия*

Стоянка Кряж II является памятником эпохи неолита, исследованным в Самарской области. Особый интерес представляет коллекция каменного инвентаря. Керамический материал сильно фрагментирован. На данном этапе изучения памятник может быть интерпретирован в качестве стоянки-мастерской.

Ключевые слова: лесостепное Поволжье, неолит, стратиграфия, керамика, кремневый инвентарь.

Стоянка Кряж II находится в 2 км к северу от пос. Кряж Куйбышевского района г.о. Самара Самарской области. Памятник расположен на юго-восточном мысу останца – местного возвышения поймы левого берега р. Самара, ограниченного с юга небольшим озером в заболоченной ложбине древней старицы – северо-восточном ответвлении оз. Гатное, соединяющейся с заболоченной ложбиной древней старицы, пролегающей в направлении ССЗ-ЮЮВ от левого берега р. Самара. Поверхность останца относительно ровная, покрыта дерном, возвышается над современным уровнем воды в озере на 2 м. Край мыса порос редкими деревьями, отдельно расположенные деревья растут и на его площадке. Памятник выявлен в 2006 г. В. А. Цибиным и осмотрен в 2015 г. А. С. Кутявиной и К. М. Андреевым. Полномасштабные исследования начались в 2017 г. археологической экспедицией СГСПУ под руководством К. М. Андреева. Вскрытая площадь за 2018 г. составила 96 кв. м.

Стратиграфия памятника относительно простая: под дерном (до 5 см) прослежен слой светло-коричневой супеси (10-15 см), под ним представлен слой серой, темнеющей по мере приближения к матерiku, супеси, подстиляет обозначенные слои оранжевый суглинок – материк.

Общая коллекция находок составляет 2767 единиц, из них 94,5% – изделия из кремня, остальные находки представлены мелкими фрагментами керамики (154 единицы).

В качестве сырья на стоянке использовался кремень, обладающий различными качественными и цветовыми характеристиками

(от бело-серого до коричневого). В коллекции представлено 1436 единиц мелких осколков и чешуек, 392 отщепов и осколка кремня, из них 9 отщепов с нерегулярной краевой ретушью, 110 продольных сколов, 8 из которых имеют регулярную краевую ретушь по одной или двум граням с дорсальной стороны, также выявлены 9 поперечных сколов и 67 кусков кремня без следов вторичной обработки.

В ходе работ обнаружено 165 пластин, из них 8 целых (7 без обработки и 1 с регулярной краевой ретушью по обеим граням с дорсальной стороны). Дистальные части пластин найдены в количестве 28 единиц (25 без ретуши и 3 – с регулярной краевой ретушью по одной или двум граням с дорсальной или вентральной стороны). Проксимальные части пластин выявлены в количестве 57 единиц (52 без обработки, 3 – с регулярной краевой ретушью по одной или двум граням с дорсальной стороны, 1 – с нерегулярной ретушью по одной из граней с вентральной стороны и 1 – с противоположной ретушью). Медиальные части пластин найдены в количестве 74 единиц (67 – без обработки, 4 – с регулярной ретушью по одной или двум граням с дорсальной стороны, 1 – с регулярной краевой ретушью с вентральной стороны и 2 – с нерегулярной краевой ретушью по двум граням с дорсальной стороны).

Нуклеусы и морфологически выраженные орудия представлены 37 экземплярами, что составляет около 1,3 % от всего комплекса находок.

Нуклеусов выявлено 13 экземпляров: 11 торцевых и 2 аморфных. Морфологически выраженные орудия представлены: 1 угло-

вым резцом на продольном сколе, 6 перфораторами (2 развертки и 4 проколки) и 11 скребками (6 концевых с округлым, скошенным и прямым рабочим краем, 2 угловатых, 1 скребок на отщепе с округлым рабочим краем, 1 боковой скребок, и 1 скребок-ложжарь), 8 обломков наконечников (листовидные). Также единично представлены следующие орудия: отбойник и продольный скол с нерегулярной краевой ретушью по одной из граней с дорсальной стороны, возможно, скобель.

Керамическая коллекция стоянки Кряж II – 154 единицы (5,5 % от общей коллекции артефактов) – фрагментирована и не выразительна. Из них 22 фрагмента относятся к одному или нескольким сосудам Нового времени и данные материалы не будут рассмотрены в рамках статьи. Керамика эпохи неолита представлена в количестве 132 единиц, из них мелких фрагментов меньше размера 2x2 см – 79, крупных – 53. Основная масса находок представлена неорнаментированными фрагментами стенок и придонной частью, относящимися к нескольким неолитическим сосудам (Мамонов, 2000; Выборнов, 2000; Андреев, Выборнов, 2017). Из них 108 неорнаментированных фрагментов, 2 венчика (1 неорнаментированный прямой с плоским срезом, 1 неорнаментированный слабопрофилированный с плоским орнаментированным насечками срезом). Найденные стенки орнаментированы наколами (3 фрагмента),

которые имеют подовальную форму и образуют такие мотивы, как горизонтальные ряды точечных разреженных или плотных наколов. Также на памятнике обнаружена керамика, которая имеет вертикально ориентированные оттиски узкого и широкого гребенчатого штампа. Было найдено 2 фрагмента придонных частей сосудов: 1 фрагмент, орнаментированный диагонально ориентированными линиями среднего гребенчатого штампа и 1 фрагмент плоскодонного сосуда, орнаментированный горизонтальными рядами овальных разреженных наколов.

Малочисленность и измельченность керамической коллекции, видимо, связана с условиями залегания материала, а именно, частым подтоплением площади памятника водами р. Самара.

Таким образом, исходя из того обстоятельства, что на стоянке найдено большое количество отщепов и осколков кремня с коркой, а также в коллекции абсолютно доминируют отходы производства, мы можем интерпретировать стоянку Кряж II в качестве стоянки-мастерской. Невыразительный керамический комплекс может относиться к неолитической эпохе. Культурно-хронологическая интерпретация стоянки, на данный момент, находится в состоянии разработки. По материалам памятника (по фрагменту придонной части сосуда) получена дата 5725 ± 100 ВР, которая маркирует примерное время его существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреев К. М., Выборнов А. А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура): монография. – Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. – 272 с.

Выборнов А. А. Средневожская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара: СНЦ РАН, 2000. – С. 177-215.

Мамонов А. Е. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. – Самара: СНЦ РАН, 2000. – С. 147-176.

RESULTS OF THE STUDY OF THE SITE KRYAZH II IN 2018

A. I. Rakisheva

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

The Kryazh II site is a Neolithic monument explored in the Samara region. The collection of stone tools is of particular interest. The ceramic material is highly fragmented. At this stage of the study, the monument can be interpreted as a parking lot.

Keywords: forest-steppe Volga region, Neolithic, stratigraphy, ceramics, flint inventory.

Научный руководитель – Андреев Константин Михайлович, к.и.н., доцент.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ, ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ)

Т. А. Васильева

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия*

В работе представлены результаты исследования неолитической керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации на многокомплексных поселениях Карелии. За основу взяты материалы эталонного памятника эпохи неолита – переходного этапа к энеолиту – Вигайнаволок I.

Ключевые слова: керамика, неолит, методы исследования, Карелия.

При изучении неолитической керамики в арсенале исследователя имеется значительный корпус методов, позволяющий не только систематизировать многочисленный и чаще всего фрагментированный материал, но и подойти к решению актуальных научных вопросов, решение которых подведет к глубокому осмысленному анализу комплекса источников и древностей.

Основным и во многом определяющим методом остается анализ основных морфо-типологических признаков древней керамики. Благодаря видимым особенностям, мы отличаем сосуды друг от друга и объединяем их в определенные группы. Характеристика глиняной посуды производится по следующим показателям: форма сосудов, донышек, венчиков, толщина стенок, орнаментация, обработка поверхностей, а также фиксируются просматриваемые особенности глиняного теста (возможные примеси – минеральные добавки, органические поры), качество обжига и пр.

При систематизации керамики среднего неолита – переходного этапа от неолита к энеолиту (конец V – пер. пол. III тыс. до н.э.) на территории Карелии ямочно-гребенчатая, гребенчато-ямочная и ромбо-ямочная керамика определяются, в основном, по особенностям декорирования глиняной посуды. Форма сосудов сохраняет устойчивые признаки. Для этого периода характерны полуяйцевидные горшки с прямыми или слегка выгнутыми стенками и округлым, либо округло-коническим дном; шаровидные с более выпуклыми

стенками и миски полусферической формы с округло-уплощенным дном. Встречается также глиняная посуда незначительных размеров, миниатюрная по форме, которая могла использоваться, например, в качестве игрушек. В позднем неолите сосуды более толстостенные (0,8–1,4 см), тесто со значительной примесью минеральных добавок, грубое. Относительно «качественное» тесто характерно для сосудов меньших размеров.

Структура орнамента сводится к использованию оттисков различных штампов и ямочных вдавлений. При исследовании керамических материалов многокомплексных поселений на территории Карелии (Хорошун, 2013) выделены общие элементы и узоры в декорировании поверхностей. В структуре орнамента намечается два вида: первый простой с узором из сплошных ямок (без выделения зон) и горизонтально-зональный орнамент, когда ряды из ямок разделяются зонами из оттисков штампов или незаполненными полями; при втором сложном виде керамика украшена наряднее – геометрическими рисунками, составленными из тех же элементов. Орнамент первого вида количественно преобладает над вторым. Оба вида орнаментации характерны для керамики среднего – позднего неолита.

Таким образом, опыт изучения орнаментации глиняной посуды позволяет выявить общие тенденции, которые улавливаются уже при первичной работе с керамическим материалом. В данном случае визуально определяющаяся схожесть позволила

обозначить характерные признаки, обозначить их своеобразие и очередность, произвести систематизацию и подойти к доказательной базе о принадлежности данной техники нанесения орнамента и сохранении его структуры в период бытования керамики с ямочно-гребенчатой системой орнаментации.

Кажущаяся на первый взгляд упрощенная система анализа орнамента вносит необходимую ясность в работе с керамическими фрагментами и существенно облегчает их идентификацию. Разработка вариантов узоров на сосудах возможна лишь на многочисленном поселенческом материале, как на памятнике Вигайнаволок I, где на площади 2748 кв. м обнаружено более 30 тыс. фрагментов керамики. Всего удалось выделить порядка 1140 сосудов, разделить на группы по особенностям орнаментации и морфотипологическим признакам, а также проследить общую тенденцию развития орнамента в течение длительного периода времени на локальном участке развития культур эпохи среднего – позднего неолита. На данный момент материалы этого памятника остаются наиболее полно изученными и эталонными для исследуемого периода.

При последующем изучении технологии древнего гончарства на материалах памятника Вигайнаволок I проведены петрографические исследования составов формовочных масс ямочно-гребенчатой, гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики. Результаты анализов позволили определить качественные характеристики основных компонентов глиняной массы, особенности

ресурсной базы используемых добавок, обозначить адаптивные признаки приспособления населения к местным источникам сырья для изготовления глиняной посуды (Хорошун, Кулькова, 2015). В процессе работы выявлена общая тенденция сохранения технологической и культурной преемственности в изготовлении глиняной посуды. Полученный вывод может свидетельствовать об эволюционном характере развития керамического производства в едином по своему происхождению и этнокультурной принадлежности сообществе на разных этапах его существования.

Изучение керамических комплексов является неотъемлемой составляющей исследования древностей неолитической эпохи. Особое место в разработке методологической базы для анализа глиняной посуды занимают многокомплексные поселения, включающие материалы, которые соотносятся с хронологически последовательно сменяющимися древностями. Использование морфотипологического и технико-технологического подходов существенно расширяют наши представления о древнейшем периоде изготовления глиняной посуды и помогают подойти к пониманию сложных процессов развития культурных традиций на конкретных локальных участках.

Работа выполнена при финансовой поддержке из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (А АААА-А20-120011690077-8).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Хорошун Т. А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V – начало III тыс. до н.э.). Дисс. канд. ист. наук. – М., 2013. – 246 с.

Хорошун Т. А., Кулькова М. А. К вопросу об изготовлении ромбо-ямочной керамики (по данным петрографического исследования эталонных памятников Южной Карелии и Верхнего Дона, IV–III тыс. до н.э.) // Геология, геоэкология, эволюционная география: Коллективная монография. – Том XIV. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. – С. 231–242.

**METHODS OF STUDYING ANCIENT CERAMICS: POSSIBILITIES, RESULTS
AND PROSPECTS (BASED ON MATERIALS OF NEOLITHIC MONUMENTS
IN KARELIA)**

T. A. Vasiljeva

*Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian
Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia*

The work presents the results of a study of Neolithic ceramics with a pit-comb ornamentation system in multi-complex settlements of Karelia. The basis is the materials of the reference monument Vigainavolok I.

Keywords: ceramics, Neolithic, research methods, Karelia.

КОЭФФИЦИЕНТ СЕЧЕНИЯ КАК ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК ПРИ ДЕЛЕНИИ БИФАСОВ НА ЗАГОТОВКИ И ЗАКОНЧЕННЫЕ ОРУДИЯ

Н. В. Манько

Донецкий национальный университет, Донецк, ДНР

Работа посвящена вопросу эффективности применения коэффициента сечения двустороннеобработанных орудий в рамках методики технологического анализа каменных артефактов. На основе репрезентативной выборки орудий из ряда неолитических памятников Европы подтверждается его универсальный характер и правомерность дальнейшего использования.

Ключевые слова: неолит, двустороннеобработанные каменные орудия, полированные орудия, технологический анализ, коэффициент сечения.

Изучение любого орудийного набора каменного века состоит из целого ряда последовательных и взаимосвязанных этапов. Оно включает в себя как типолого-морфологическое описание (определение и интерпретацию морфомии и морфологии исследуемых изделий, выделение и разграничение соответствующих «моделей», «эталонных форм» и заготовок для конкретных орудийных наборов), так и технологический анализ, а также применение трасологического и экспериментального метода (Гиря, 1997; Матюхин, 1995; 1999). Дополнительные аргументы для технологического анализа двустороннеобработанных орудий дает широкое применение коэффициента сечения заготовок и законченных форм изделий. Он представляет собой соотношение ширины и толщины, высчитанное по формуле: $\frac{\text{ТОЛЩИНА}}{\text{ШИРИНА}} \times 100 \%$.

В отечественной археологической практике понятие коэффициента сечения как элемента типолого-морфологического метода исследования каменных изделий применяется со второй половины 60-х гг. XX в. благодаря работе Н. К. Анисюткина, доказавшего его эффективность для вычисления коэффициента массивности палеолитических сколов с целью «более тонкого хронологического подразделения массового материала» (Анисюткин, 1968. С. 7). В рамках изучения бифасов как отдельно взятой категории орудий данный метод также нашёл своё применение. Так, в 2006 г. сотрудник Лейденского университета К. Вентинк в своём диссертационном исследовании использовал разницу коэффициентов

сечения обушковой части орудий (т.н. «butt-index») как один из основных критериев разработанной им типологии неолитических топоров, распространенных на территории Нидерландов (Wentink, 2006).

Более комплексная классификация готовых бифасиальных изделий и их заготовок на основе анализа соотношения коэффициентов сечения была предложена автором (Манько, 2019). В её основе лежит градация коэффициента сечения на несколько кластеров, соответствующих показателям массивности орудий:

1. Массивные – около 100 % – заготовки призматических нуклеусов, прошедшие стадию бифасиальной обработки;
2. Среднеразмерные – 50-70 % – двустороннеобработанные орудия из группы тёсел и топоров;
3. Малоразмерные – менее 30 % – наконечники и типологически неопределённые орудия.

Эти наблюдения базировались на орудийном наборе культур юга Днепро-Донского междуречья. В контексте данной территории, изделия такого типа характерны, прежде всего, для неолитической фазы донецкой мезо-неолитической культуры. Среди типологически законченных изделий этой культуры выделяются призматические нуклеусы, тесла, т.н. топоры-резак (отличаются специфическим приёмом формирования и подправки лезвийной части поперечными сколами), различные наконечники. Благодаря многочисленным неолитическим мастерским по изготовле-

нию нуклеусов и орудий в Северо-Западном Донбассе (Колесник, 2018), а также поселениям на дюнах в пойме Северского Донца, полностью восстанавливается технологический цикл производства этих типов изделий на мастерских и последующая редукция в зоне поселенческой активности.

Тем не менее, применение данного приёма анализа кремневых коллекций носит универсальный характер, выходит за рамки одного региона и может применяться как вспомогательный метод при техникоморфологическом анализе любого орудийного набора неолитического времени, независимо от территории распространения. В доказательство этого для полноценной апробации была проанализирована выборка из 106 законченных двустороннеобработанных изделий на различной стадии сработанности из разных памятников Европы, относящихся к периоду неолита (табл. 1). Апробация анализа именно данного диапазона была обусловлена его промежуточным положением в предлагаемой классификации, и как следствие – его ролью «разграничивающего» показателя между крупными массивными и относительно «тонкими» малоразмерными изделиями.

«Для того чтобы орудие «работало», оно должно соответствовать какому-то определённому, достаточному для выполнения конкретной функции, набору требований, относящихся как к качеству материала орудия, так и его форме» (Гиря, 2017. С. 41). Сохранение заданной морфологии орудия является одним из базовых принципов расщепления, не зависящих от особенностей и технологических приёмов обработки каменного сырья, характерных для представителей той или иной культурной традиции, и является необходимым условием для правильного функционирования любого изделия. Так, характерным признаком таких категорий двустороннеобработанных орудий, как тёсла и топоры, являются «массивные» пропорции корпуса, позволяющие

как можно дольше и наиболее оптимально выполнять специфические производственные операции. На это указывает также и полученный коэффициент сечения данных орудийных кластеров со значением от 30 % (нижняя граница) до 70 % (верхняя граница).

Это, в свою очередь, подтверждает универсальный характер предлагаемого метода, однако, вместе с тем, требует и определенного его уточнения. Так, при выделении кластеров в орудийном инвентаре определенной культуры необходимо учитывать не только степень износа изучаемого предмета (сохранность, сработанность рабочего фронта, наличие следов вторичной обработки и т.д.), но и условия депонирования в культурный слой. Это позволит более объективно идентифицировать уже не только сам тип орудия, но и его утилитарный/неутилитарный характер. Так, для основной массы шлифованных топоров из альпийского жадеита с территории Нидерландов (Schut, Kars, 2012) и Италии (Vrea et al., 2012), характерен коэффициент сечения среднеразмерных изделий (35-68 %), но, тем не менее, среди них также имеются экземпляры с большими показателями длины и ширины, но достаточно малой толщиной и малым сечением (14-25 %). Это говорит о том, что в выборку попадали изделия, которые могли выполнять не столько утилитарную, сколько ритуальную или сакральную функцию, так как при крупных размерах и низкой массивности эти изделия были мало приспособлены для «тяжёлой» работы. В других случаях коэффициент сечения демонстрирует фоновые значения, независимо от культурной принадлежности комплекса.

Таким образом, применение коэффициента сечения имеет свой потенциал для дальнейшего использования, но, вместе с тем, требует учёта ряда факторов и особенностей для правильного выделения орудийных кластеров и их последующей интерпретации.

Таблица 1. Коэффициент сечения законченных двустороннеобработанных изделий из неолитических памятников Европы.

№	Вариантность сечения бифасов	Количество экземпляров	Тип орудия	Памятник, регион	Источник
1.	35 – 67 %	16	Топоры с прямоугольным сечением	Великобритания (музейная выборка)	Walker, 2015
2.	34 – 69 %	21	Топоры	Поселение Лувье «Ла Виллет» (Нормандия, Франция)	Giligny et coll., 2005
3.	35 – 53 %	15	Шлифованные топоры	Нидерланды (музейная выборка)	Schut, Kars, 2012
4.	41 – 61 %	9	Шлифованные топоры (тип «Chelles»)	Западная Эмилия-Романья, Италия (музейная выборка)	Brea et al., 2012
	46 – 68 %	20	Шлифованные топоры (тип «Bégude»)		
5.	32 – 63 %	10	Шлифованные топоры	Поселение Караново (слои I – III) (Болгария)	Kostov, Lang, 2005
6.	29 – 59 %	8	Тёсла	Поселение Хлебозавода (Новозагорский край, Болгария)	Hadzhipetkov, 2017
7.	36 – 70 %	7	Частично шлифованные топоры с пришлифованным / оббитым лезвием	Ксёнжнице-Вельке (участок 1) (Прощовицкий повят, Польша)	Brzeska-Zastawna, 2020

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисюткин Н. К. Дополнения к методике обработки нижнепалеолитических комплексов // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. – Вып. 10. – Л., 1968. – С. 5-8.

Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика макро-микрo-анализа древних орудий труда. Часть 2. – СПб., 1997. – 198 с.

Гиря Е. Ю. Доказательная интерпретация каменных индустрий: морфономия, морфология, контекст // Древний человек и камень. Технология, форма, функция. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2017. – С. 34-45.

Колесник А. В. Кремнеобрабатывающее производство Большого Донбасса в каменном веке // Дисс. ... д-ра ист. наук: в 3-х т. Т.1. – СПб, 2018. – 341 с.

Манько Н. В. К характеристике технологий изготовления двусторонне обработанных изделий в инвентаре неолитических культур Донбасса // Новые материалы и методы археологического исследования: От критики источника к обобщению и интерпретации данных. Материалы V Международной конференции молодых ученых. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 31-32.

Матюхин А. Е. Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века // РА. – №3. – М., 1995. – С. 13-27.

Матюхин А. Е. О технологическом анализе каменных изделий // РА. – № 1. – М., 1999. – С. 12-22.

Brea M. B., Errera M., Mazziere P., Occhi S., Pétrequin P. Alpine axeheads in the Square-Mouthed Pottery Culture of western Emilia: contexts, typology and raw material origin // JADE. Grandes haches alpines du Néolithique européen. Ve et IVe millénaires av. J.-C. – Vol. 2. – Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté et Centre de Recherche Archéologique de la Vallée de l'Ain, 2012. – P. 822-871.

Brzeska-Zastawna A. Flint axes from the Funnel Beaker and Funnel Beaker-Baden settlement phases at site 1 in Książnice Wielkie, Proszowice district // Sprawozdania Archeologiczne. – Vol. 72, № 1. – 2020. – P. 197-211.

Giligny F. (dir.) et coll. Louviers «La Villette». Un site Néolithique moyen en zone humide. – Rennes, 2005. – 343 p.

Hadzhipetkov I. Ground stone tools from the Late Neolithic site Hlebozavoda, Nova Zagora district // Bulgarian e-Journal of Archaeology. – Vol. 7. – 2017. – P. 261-274.

Kostov R. I., Lang F. Nephrite artefacts from the Karanovo prehistoric site, Bulgaria // Geology and Mineral Resources. – № 9. – 2005. – P. 35-39.

Schut Peter A. C., Kars H. Jade axes in the Netherlands: some observations concerning distribution, date and typology // JADE. Grandes haches alpines du Néolithique européen. Ve et IVe millénaires av. J.-C. – Vol. 2. – Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté et Centre de Recherche Archéologique de la Vallée de l'Ain, 2012. – P. 996-1013.

Walker K. Axe-heads and identity: an investigation into the roles of imported axe-heads in identity formation in Neolithic Britain // Doctoral Thesis. Vol. 1-2. – University of Southampton, Faculty of Humanities, 2015. – 723 p.

Wentink K. Ceci n'est pas une hache. Neolithic Depositions in the Northern Netherlands. – Leiden: Sidestone Press, 2006. – 134 p.

BIFACIAL TOOLS SECTION FACTOR AS A DIAGNOSTIC SIGN OF DIVISION OF BIFASES INTO BLANKED AND FINISHED TOOLS

N. V. Manko

Donetsk National University, Donetsk, DPR

The article deals with the item of the effectiveness using the section factor of bifacial tools within methodology of the stone artifacts technological analysis. On the basis of the representative sample of tools from the European Neolithic sites set the validity of furthering use and its universal character is been confirmed.

Keywords: Neolithic, bifacial stone tools, polished tools, technological analysis, section factor.

Научный руководитель – Колесник Александр Викторович, д.и.н., доцент.

РАЗВЕДОЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ У С. ДОБРОЕ В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Кокоткина

ЛРНОО «Археологические исследования», Липецк, Россия

Публикация посвящена анализу материалов с выявленных в 2020 году многослойных памятников Доброе 30, поселение, Доброе 31, поселение, Доброе 32, поселение в окрестностях с. Доброе Липецкой области.

Ключевые слова: поселение, неолит, эпоха бронзы, Верхний Дон, пойма, керамика, кремль.

В 2020 г. разведочным отрядом ЛРНОО «Археологические исследования» под руководством автора у с. Доброе в Добровском районе Липецкой области осуществлялись разведочные работы в заболоченной пойме р. Воронеж (Донской бассейн) на территории природного ландшафтного заказника «Добровский» (Кокоткина, 2020). Было выявлено три новых памятника археологии (рис. 1). Все они расположены на пойменных останцах правого берега р. Воронеж высотой 4 м над уровнем реки (Кокоткина и др., 2020. С. 24).

Доброе 30, поселение. Для определения его границ было заложено четыре разведочных шурфа. На основании полученных материалов культурный слой поселения может быть отнесен к эпохе неолита среднедонской культуры (рубеж VI-V тыс. до н.э.).

В шурфе №1 выявлена одна неорнаментированная стенка лепного сосуда среднедонской культуры раннего неолита. Также был собран подъемный материал: четыре фрагмента стенок лепных сосудов эпохи неолита среднедонской культуры. Фрагменты тонкостенные – 5-7 мм, цвет серо-коричневый с примесью шамота, без орнамента (рис. 2: 2).

Доброе 31, поселение. Памятник многослойный. Для определения его границ было заложено 10 разведочных шурфов размером 1x1 м. В шести из них выявлен археологический материал: неолитических среднедонской (рубеж 6-5 тыс. до н.э.) (рис. 2: 1) и льяловской культур (2 пол. 5 тыс. до н.э.), катакомбной (сер. 3 тыс. до н.э.) (рис. 2: 12) и срубной (сер. 2 тыс. до н.э.) (рис. 2: 7-14) культур эпохи бронзы.

В шурфе №1 было выявлено 9 фрагментов стенок и 1 фрагмент венчика лепных сосудов эпохи бронзы катакомбной

культуры. Найденный венчик коричневого цвета с плоским срезом, без орнамента. Керамика светло-коричневого цвета с примесью песка. Два фрагмента стенок орнаментированы косо поставленным гребенчатым штампом.

5 венчиков, 3 донца и 32 стенки лепных сосудов катакомбной культуры были обнаружены в шурфе №2. 2 венчика украшены прямоугольными вдавлениями по их краю, а сам срез его имеет округлую форму. В свою очередь другие 2 венчика с плоским срезом украшены прочерченным орнаментом. Донца орнаментированы прямоугольными вдавлениями. 8 стенок украшены прочерченным орнаментом, одна – ямочными вдавлениями, одна орнаментирована косо поставленным гребенчатым штампом. Керамика коричневого цвета с примесью шамота.

В шурфе №3 в его первом пласте выявлены неорнаментированные с примесью шамота: 1 венчик, 2 обломка донцев и 8 стенок лепных сосудов эпохи бронзы катакомбной культуры. Также было обнаружено 2 стенки лепных сосудов эпохи неолита среднедонской культуры. Посуда коричневого цвета. Один фрагмент украшен наколами.

В третьем пласте шурфа №3 было выявлено 2 кремневых отщепы и 1 полукруглый скребок. Последний, с выпуклым лезвием из дымчатого кремня с крупной фасеточной ретушью по всей кромке изделия.

Во втором пласте шурфа №5 обнаружен один неорнаментированный с примесью дресвы фрагмент стенки лепного сосуда эпоха бронзы катакомбной культуры. Также в третьем пласте были выявлены 4 венчика и 3 стенки лепных сосудов эпохи бронзы сруб-

ной культуры коричневого цвета. Срез венчиков округлой формы, один фрагмент имеет гребенчатую орнаментацию. Посуда с примесью дресвы.

В третьем пласте шурфа №6 выявлен 1 венчик лепного сосуда эпохи неолита среднедонской культуры. Он светло-коричневого цвета с примесью песка. Украшен ямочными вдавлениями, нанесенными в один ряд. Срез венчика – острый. Наряду с венчиком найдено 12 неорнаментированных стенок лепных сосудов эпохи неолита среднедонской культуры. Каменная индустрия: 1 скребок-проколка из черного мелового кремня с разнофасеточной ретушью по кромкам на вентральной стороне орудия, 1 отщеп из светло валунного кремня и 1 отбойник из светло-коричневого валунного кремня, на одной из кромок которого прослеживаются следы забитости.

В шурфе №8 обнаружено 10 фрагментов стенок лепных сосудов эпохи бронзы катакомбной культуры без орнамента.

Доброе 32, поселение. Памятник многослойный. Для определения его границ было заложено шесть разведочных шурфов. В пяти выявлен археологический материал: неолитической среднедонской культуры (рубеж 6-5 тыс. до н.э.); катакомбной культуры эпохи бронзы (сер. 3 тыс. до н.э.), посуда 3 четверти I тыс. н.э. (рис. 2: 4-6) и позднего средневековья XIV-XVIII вв. н.э.

В шурфе №1 выявлено 2 фрагмента стенок лепных сосудов эпохи бронзы катакомбной культуры. Керамика светло-коричневого цвета, без орнаментации. Также найдено 19 неорнаментированных стенок и 1 фрагмент донца лепных сосудов 3 четверти I тыс. н.э.

В шурфе №2 обнаружено 4 стенки лепных сосудов эпохи бронзы катакомбной культуры без орнамента. Один фрагмент двуслойный, снаружи коричневого цвета, внутри – темного цвета. А также два фрагмента венчиков и 17 фрагментов стенок лепных сосудов 3 четверти I тыс. н.э. без

орнамента. Керамические фрагменты двухслойные, снаружи коричневого цвета, внутри – темного цвета, с примесью дресвы. Также получено 3 фрагмента венчиков и 6 фрагментов стенок гончарных сосудов XIV-XVIII вв. серо-коричневого цвета. Эпоха неолита среднедонской культуры представлена одним неорнаментированным фрагментом стенки темно-коричневого цвета и 6 отщепами из кремня светлых оттенков, на одном из них визуальнo прослеживаются следы утилизации.

В шурфе №3 в его первом пласте выявлен один фрагмент венчика гончарного сосуда XIV-XVIII вв. без орнамента, серо-коричневого цвета.

В шурфе №5 в его четвертом пласте обнаружено 16 фрагментов лепных сосудов эпохи бронзы катакомбной культуры без орнамента. Посуда снаружи светло-коричневого, внутри – темно-коричневого цвета, с примесью песка.

В шурфе №6 в его первом пласте выявлен 1 фрагмент неорнаментированного венчика гончарного сосуда XIV-XVIII вв. светло-серого цвета и 3 фрагмента костей животных.

Таким образом, наши исследования позволили выявить три новых археологических поселения очень перспективных для дальнейших археологических раскопок. Особенно в этом плане выделяется памятник Доброе 31, поселение, где при исследовании шурфа 6 были выявлены керамические и кремнёвые материалы только среднедонской культуры эпохи раннего неолита (рубеж 6-5 тыс. до н.э.).

Работа выполнена при поддержке гранта Фонда президентских грантов, проект №19-2-018793 «По следам древнего человека», и субсидии социально-ориентированным некоммерческим организациям на реализацию социально значимых проектов из бюджета города Липецка на 2020 год «Археология и молодежь».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кокоткина А. В. Отчет к открытому листу № 0230-2020 о проведении разведочных исследований в бассейне р. Воронеж на территории Добровского района Липецкой области в 2020 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Кокоткина А. В., Юркина Е. С., Кокоткин Д. Н., Горяинова Н. А. Материалы эпохи неолита с памятников у с. Доброе (по результатам разведочных исследований 2020 года) // Липецкая археологическая конференция молодых ученых: материалы Всероссийской археологической научной конференции с международным участием. – Липецк: ЛГПУ имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского, 2020. – С. 42-47.

EXPLORATION RESEARCH NEAR THE VILLAGE OF DOBROE LIPETSK REGION

A. V. Kokotkina

LRNOO «Archaeological Research», Lipetsk, Russia

The publication is devoted to the analysis of materials from the multilayer monuments identified in 2020, Dobroe 30, settlement, Dobroe 31, settlement, Dobroe 32, settlement in the vicinity of the village Dobroe Lipetsk region.

Keywords: settlement, Neolithic, bronze, Upper Don, floodplain, flint.

Научный руководитель – Смольянинов Роман Викторович, к.и.н.

ФИГУРКИ УТОЧЕК ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ ОТ ЭПОХИ КАМНЯ ДО РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

М. А. Трошкина

Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия

Фигурки уток, найденные на территории Русского Севера, представляют собой интереснейший материал для изучения культуры и верований финно-угорского населения.

Ключевые слова: фигурки уток, финно-угорское население, Русский Север

Культура и быт населения, проживавшего на территории Русского Севера в эпоху каменного и бронзового веков были тесно связаны с присваивающим хозяйством, огромное значение которого сохранялось и позднее – в эпоху раннего железного века и раннего средневековья. Данный факт подтверждают не только многочисленные находки костей диких животных и рыб на местах древних стоянок и поселений, но и предметы из области искусства – фигурки животных и птиц, а также этнографические данные, дошедшие до нас в форме легенд и сказаний.

На памятниках каменного века Вологодской области фигурки, изображающие птиц, относительно немногочисленны. Наиболее ранняя фигурка птички найдена на торфяниковой стоянке Каравайха 4 в бассейне озера Воже (Косорукова, 2013), на которой хорошо сохраняются изделия из органических материалов, в т.ч. из кости и дерева. Памятник Каравайха 4 представляет собой древнее место ловли рыбы и датируется финальным мезолитом – ранним неолитом: от конца третьей четверти VII тыс. до н.э. до второй четверти V тыс. до н.э. (Косорукова и др., 2018). Костяная фигурка птички была найдена здесь в 2007 г., ее размеры составляют 4,6×4,8 см, это резное изображение, вероятнее всего, уточки на тонкой костяной пластинке. Голова уточки приподнята вверх, но, к сожалению, она имеет повреждение – отломанный клюв, тем не менее, реконструкция фигурки возможна, клюв, видимо, был длинный и тонкий. Хвост птички имеет три небольших зубчика, а нижний край украшен волнистой резьбой. На туловище имеются два сквозных сверленных отверстия разного диа-

метра, на основании которых можно считать, что данная находка была украшением – нашивкой для одежды (Косорукова, 2013). Данная фигурка относится к предметам искусства малых форм, к которым традиционно принято относить каменные или костяные фигурки, изображающие птиц, животных или людей. Согласно классификации предметов искусства Е. А. Кашиной, фигурка из Каравайхи 4 относится к группе автономных, полнофигурных, с креплениями (Кашина, Емельянов, 2003). Подобные фигурки известны не только на территории нашей области, но и на близлежащих, например, фигурка птички найдена на известной стоянке Волосово, она хранится в Муромском музее (Усанов, 2008). Фигурка-нашивка, вероятно, несла в себе либо символ души, либо защитницы человека.

Другие известные фигурки уток сделаны из камня или глины. Так, на стоянке Старая Тотьма в бассейне р. Сухоны найден сланцевый гребенчатый штамп для орнаментации керамики, который оформлен в виде профильного изображения уточки (Ошибкина, 1978. С. 212; В глубину веков, 2016. С. 28). Штамп найден в подъемном материале, включающем находки эпох неолита – энеолита, предположительно, относится к эпохе неолита, времени распространения ямочно-гребенчатой керамики.

Глиняные фигурки уток найдены на другой также размытой стоянке – Устье Шолы 1 на Белом озере. Эта стоянка, по найденным на ней материалам, датируется в пределах эпох неолита – раннего металла. Фигурки уток, предположительно, относятся к эпохе неолита, это небольшие, иногда в обломках, профильные схематичные изображения (Андрианова и др., 2015. С. 109-123;

В глубину веков, 2016. С. 32). Подобные глиняные фигурки уточек найдены также в ходе раскопок на многослойном памятнике Тудозеро V-VI на берегу Онежского озера и многокомплексном памятнике Сойдозеро I в юго-восточном Прионежье, предположительно, относятся к эпохе неолита (Иванищева, Кашина, 2015).

Известная фигурка уточки происходит из памятника Свайное поселение на р. Моллоне, находящегося примерно в 12 км от Караваяхи. Этот памятник относится к эпохе энеолита. Фигурка уточки со Свайного поселения (находится в экспозиции ГИМ) сделана из кремня при помощи двустороннего ретуширования, представляет собой профильное изображение, в верхней части тулова выделен выступ, возможно, для привязывания (Брюсов, 1951. С. 42).

Образ птицы был широко распространён в искусстве лесной зоны в эпоху каменного века. Кроме предметов малых форм, изображения водоплавающих птиц известны на керамике и петроглифах (Жульников, Кашина, 2010), например, отдельные и очень чёткие изображения уток известны на петроглифах Пери Нос III и Бесов Нос на Онежском озере. Образ птицы в искусстве сохраняется в лесной зоне и в эпоху бронзового века, что доказывают, в частности, схематичные изображения уточек на сетчатой керамике со стоянки Березовая Слободка II-III на р. Сухоне (В глубину веков, 2016. С. 46), и хорошо представлен в более поздних памятниках эпохи раннего железного века.

Основное количество находок, которые дают представление о верованиях и культуре автохтонного населения Русского Севера эпохи раннего железного века, связано с погребениями. Особенно хорошо памятники этого времени изучены работами А. Н. Башенькина и М. Г. Васениной на юго-западе Вологодской области, на территории Молого-Шекснинского междуречья, где они связываются с финно-угорским населением, предками летописного племени весь. Несмотря на то, что в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. на этой территории был распространён обряд трупосожжения, когда тела умерших сжигали за чертой по-

селений вместе с погребальным инвентарём, археологи нередко находят обожжённые фрагменты металлических бляшек, стеклянные бусины и иные остатки украшений, которые становятся основным предметом для изучения. Особый интерес в изучении вопроса о культуре и быте финно-угорского населения представляют зооморфные изображения, представленные среди женских украшений в погребениях, изученных археологами на территории Устюженского, Чагодощенского и Кадуйского районов Вологодской области. Как пишут А. Н. Башенькин и М. Г. Васенина, «...о зооморфных подвесках можно сказать, что это – яркая своеобразная особенность культуры финно-угорского населения. В них отразились его представления об окружающем мире, о природе, а также о происхождении определенных групп людей от какого-либо животного и поклонение ему как своему предку» (Цит. по: Башенькин, Васенина, 1993. С. 11).

Всего учёные выделяют три основных типа изображений животных: птичку, медведя и уточку, и для каждого из них специалисты находят свою трактовку: медведь – хозяин места, птичка – символ души, а уточка – прародительница всего живого на земле.

Изображения уточек были найдены в нескольких археологических памятниках эпохи раннего железного века в Вологодской области: Куреваниха 3 и 17 на р. Мологе, Пугино на р. Суде, Усть-Белая 1 на р. Кобоже и Чагода 1 (курган) на р. Чагодоще.

Погребальные памятники у деревни Куреваниха (Устюженский район), Пугино (Кадуйский район) и Усть-Белая 1 (Чагодощенский район) представляют собой «домики мертвых» дьяковского типа. Это такой способ устройства захоронений, когда люди в отдалении от поселений ставили небольшой сруб размерами примерно 5×4 м, куда приносили прах умерших людей в берестяных коробочках, глиняных горшках, плотных мешочках или тусках с остатками погребального инвентаря. Такие домики стояли довольно долгое время и, когда они все же заполнялись, либо разрушались из-за старости, строили новые. В подобных «домиках» были найдены интереснейшие находки нагрудных

женских украшений. Полые внутри, но имеющие на себе специальное отверстие для шнура, подвески-уточка несли в себе не только функцию украшений, но таили и сакральное значение. Таких подвесок найдено две у дер. Куреваниха, одна – в кургане Чагода 1 (Башенькин, Васенина, 1993. С. 10), 5 – в могильнике Пугино (Башенькин, 2005. С. 122-123). Некоторые из них сильно повреждены после обряда сожжения, но все равно просматривается искусная работа мастеров: шея и голова уточек представляют собой часть стержня из бронзы, плотно припаянного к туловищу; в нижней части тулова есть некоторые намёки на лапки птиц, а по канту и спинке идут орнаментированные узоры. Единственное отличие у этих подвесок: экземпляр, найденный в кургане Чагода 1, имеет дополнительное украшение из тонкой проволоки, обмотанной у шеи уточки.

Известен и другой тип подвесок-птичек – птицы с распростертыми в разные стороны крыльями. Такие подвески найдены на памятниках Куреваниха 3, Куреваниха 17 и Усть-Белая 1. Подвески из Куреванихи 3 и Куреванихи 17 выглядят как небольшие фигурки с массивным бронзовым стержнем, изображающим голову (клюв) птички, далее стержень разделяется на четыре витка и образует хвост фигурки. Крылья представлены тремя спаянными и закругленными между собой частями проволоки. К фигурке, найденной на памятнике Куреваниха 17, на место грудки припаяны несколько металлических шариков, а украшение из могильника Куреваниха 3 имеет детальное изображение коготков на лапках (Башенькин, Васенина, 1993. С. 6). Небольшие отличия учёные выделяют и среди фигурок птиц, найденных на памятнике Усть-Белая 1. Дело в том, что две из них вместо крыльев (какие есть на фигурках из Куреванихи), имеют пластинчатые украшения, а одна – пластинчатые с загнутыми к низу краешками, из-за чего создаётся ощущение подвижности фигурки, будто неизвестный нам мастер запечатлел птичку в полете. Все найденные фигурки были датированы II в. до н.э. – I в. н.э. По мнению А. Н. Башенькина и М. Г. Васениной, такие подвески, вероятно, были принадлежностью только умершего человека,

так как они были найдены именно в погребениях (Цит. по: Башенькин, Васенина, 1993. С. 11).

Представляется, что изображения птичек эпох каменного, бронзового и раннего железного веков составляют единую историческую традицию и могут свидетельствовать об автохтонности основного населения, проживавшего в данные эпохи на территории Вологодской области, с которым контактировали, несомненно, приходившие сюда во все времена иные группы пришлого населения.

По этнографическим данным, у финно-угорского населения основными покровителями для людей были медведи и уточки (птицы). В верованиях ряда народов, родственных по происхождению финно-угорскому населению, есть сказания о том, что после смерти душа человека разделяется на несколько частей и, освобождаясь от тяжёлого тела, взлетает птицей ввысь. В Калевале – сборнике преданий финно-угорского населения – сорок шестая руна полностью представляет собой описание битвы человека с медведем, причём, в тексте упоминается не только «золотой» хозяин леса, но и большое количество птиц: рябчики, кукушки, пичужки, гуси, утки и так далее. Если образ медведя – это образ опасного хищника, способного убить человека, потому его нужно чем-то задобрить, то изображение птиц – это светлый и приятный слуху образ, который скорее помогает человеку, чем ведёт его к гибели, например, уточка становится символом жизни и прародительницей мира. В Калевале в первой же руне говорится об уточке, которая снесла золотые яйца, упавшие в воды моря. (Эпос Элиаса Лённрота, 2012. С. 6).

Среди разнообразия легенд и мифов финно-угорского народа есть легенда о девушке Суометар, родившейся из «золотого утиного яйца». Девушке дали два имени: Сорсатар, что означает «Дочь утки», так как девушка появилась из утиного яйца (как и весь мир), и Суометар, что означает «Дочь Суоми» – так называют свою землю финны. Через некоторое время девушка становится невестой и к ней сватаются женихи, но всем она отказывает: Месяцу – потому, что он не постоянный и ветреный, Солнцу – потому, что он жесток и горяч. Но

сын Полярной звезды приходится ей по душе, и ему она отдаёт своё сердце. Особенно интересна эта легенда тем, что в ней сочетаются два мифа о начале сотворения

мира: утка и соответственно её яйцо, из которого появилась девушка, и Полярная звезда – центр небесного мира, вокруг оси которого вращается наш мир (Эпос Элиаса Лённрота, 2012. С. 10-20).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрианова Л. С., Васильева Н. Б., Митрофанов В. К. Многокомплексный памятник Устье Шолы 1 на Белом озере // Тверской археологический сборник. – Вып. 10. – Т. 1. – Тверь: ООО «Триада», 2015. – С. 109-123.

Башенькин А. Н. Древности Андоги и Суды // Кадуй: краеведческий альманах. – Вологда: изд-во ВГПИ «Русь», 2005. – С. 104-129.

Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Женский убор древнего населения Устюженского края // Краеведческий альманах. Устюжна. – Вып. 2. – Вологда: изд-во ВГПИ «Русь», 1993. – С. 1-8.

Брюсов А. Я. Свайное поселение на реке Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // Материалы и исследования по археологии. – № 20. – 1951. – С. 7-76.

В глубину веков. Очерки вологодской археологии (Авторы: Андрианова Л. С., Васенина М. Г., Васильева Н. Б., Косорукова Н. В., Кукушкин И. П., Суворов А. В.). – Вологда: Древности Севера, 2016. – 136 с.

Иванищева М. В., Кашина Е. А. Наборы неолитической глиняной скульптуры на памятниках Южного Прионежья // Тверской археологический сборник. – Вып. 10. – Т. 1. – Тверь: ООО Триада, 2015. – С. 474-480.

Кашина Е. А., Емельянов А. В. Костяные изображения птиц финала каменного века Мещерской низменности // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. – Рязань: изд-во «Поверенный», 2003. – С. 53-70.

Жульников А. М., Кашина Е. А. Образ птицы в искусстве неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы // РА. – № 2. – М., 2010. – С. 5-17.

Косорукова Н. В. Костяная подвеска-птичка из торфяниковой стоянки Каравайха 4 в бассейне озера Воже // Вестник Череповецкого государственного университета. – №3. – Т.2. – Череповец, 2013. – С. 43-46.

Косорукова Н. В., Кулькова М. А., Пиецонка Х. Хронология раннего неолита бассейна озера Воже // Уральский исторический вестник. – № 3 (60). – Екатеринбург, 2018. – С. 78-86.

Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1978. – 230 с.

Усанов Е. Н. Древнее искусство Владимирского края. – Александров: Александровский художественный музей, 2008. – С. 17-29.

Эпос Элиаса Лённрота. Калевала. Руна 1 / Пер. Л. П. Бельского. – М., 2012. – С. 6-20.

FIGURES OF DUCKS FROM THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE VOLOGDA REGION FROM THE STONE AGE TO THE EARLY MIDDLE AGES

M. A. Troshkina

Cherepovets State University, Cherepovets, Russia

Duck figurines found in the Russian North are an interesting material for studying the culture and beliefs of the Finno-Ugric population.

Keywords: duck figurines, Finno-Ugric population, the Russian North.

Научный руководитель – Косорукова Наталья Валентиновна, к.и.н., доцент.

ЭПОХА ЭНЕОЛИТА-БРОНЗЫ

СРАВНЕНИЕ ХВАЛЫНСКОЙ И СРЕДНЕСТОГОВСКОЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

К. А. Уварова

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия*

В работе рассматриваются особенности среднестоговской и хвалынской культур и их хронологическое соотношение в рамках вопроса о связях энеолитических культур и их влияния на культуры бронзового века.

Ключевые слова: энеолит, среднестоговская культура, хвалынская культура.

Энеолитическая эпоха, как время перехода к металлообработке и распространения производящего хозяйства, является важной темой для изучения. В связи с этим, актуальным видится вопрос исследования хвалынской и среднестоговской культур и их сравнение. Во-первых, сопоставление памятников этих культур позволяет сделать выводы о распространении энеолита в Восточной Европе. Во-вторых, данный вопрос представляется интересным с точки зрения проблемы происхождения культур бронзового века. В частности, ямной культурно-исторической общности, по мнению некоторых исследователей, развившейся на основе хвалынской и среднестоговской культур при участии постэнеолитических групп населения лесостепи (Моргунова, 2014. С. 585).

Среднестоговская культура была обнаружена А. В. Добровольским в 1927 г. после раскопок памятника Средний Стог II, впоследствии давшего название культуре. Однако, понятие «среднестоговская культура» появилось лишь в начале 1970-х гг. и было введено в научный оборот Д. Я. Телегиным (Телегин и др., 2001). Выделение хвалынской культуры произошло позднее, в конце 1970-х гг. Большую роль в этом сыграл И. Б. Васильев, изучавший материалы Хвалынского и Хлопковского могильников (Моргунова, 2010. С. 81). Стоит отметить, что первые артефакты, ныне относимые к хвалынской культуре, были найдены еще в 20-х – 30-х гг. XX в. экспедициями В. В. Гольмстен (Евгеньев, 2017). На основании полученных материалов исследователи сделали вывод о двух

этапах энеолита Восточной Европы – мариупольском и хвалынско-среднестоговском (Васильев, Синюк, 1985. С. 43).

География распространения памятников хвалынской и среднестоговской энеолитических культур достаточно обширна. Памятники хвалынской культуры обнаружены в Астраханской, Саратовской, Самарской, Пензенской и Оренбургской областях (Васильев, 2003. С. 62). Среднестоговская культура распространена в Степном Приднепровье, в низовьях Дона, а также бассейне р. Северный Донец (Телегин, 1973. С. 27).

В настоящий момент вопрос о происхождении обеих культур остается открытым. По проблеме происхождения хвалынской культуры в науке закрепилось несколько позиций. Согласно одной из них, культура является автохтонной и происходит от прикаспийских и самарских памятников. В частности, этой версии придерживался И. Б. Васильев (Васильев, Габяшев, 1982). По другой точке зрения, она происходит от культур Восточного Прикаспия и Передней Азии (Горашук, 2003. С. 123-127). Что касается среднестоговской культуры, то по характеру инвентаря можно сделать вывод о том, что она сложилась на основе сурской неолитической культуры в Нижнем Подонье. Культура также носит отдельные черты раннеэнеолитических культур Крыма и Северного Кавказа. Исследователи доказывают автохтонный характер среднестоговской культуры (Телегин, 1985. С. 310).

Керамический комплекс хвалынской культуры, несмотря на обширную географию распространения, имеет большое число общих характеристик. Так, в тесте сосудов содержится примесь толченой раковины (Барынкин, 2010. С. 133). Размеры сосудов варьируют до 40 см в диаметре. По форме выделяются колоколовидные, мешковидные, шаровидные и чашевидные сосуды. Днища керамики округлые или острые. Характерной чертой хвалынской керамики являются валикообразные утолщения на внешнем крае венчиков. Для орнамента свойственны оттиски плетеных фактур и зубчатые штампы. Особенностью орнаментации является частичное заполнение площади сосуда, орнаментация лишь верхней его части (Васильева, 2002. С. 34-44).

Керамика среднестоговской культуры так же, как и хвалынская, имеет в составе теста примесь толченой раковины (реже – органики или песка). Цвет глины – серый, коричневый, коричнево-желтый. Обнаружены сосуды различных размеров – от 6 до 30 см в диаметре венчика. Большинство имеют округлую форму, встречаются как округлые, так и острые донца. Достоверно относимых к культуре фрагментов плоскодонной керамики не выявлено. Венчики различны: встречаются прямые, закругленные и заостренные венчики. В некоторых случаях венчик орнаментировался. Наиболее часто в орнаменте встречается гребенчатый штамп, прочерченные линии, насечки, наколы, ямки, длинные или короткие оттиски шнура. В большинстве случаев орнаментом покрывалась верхняя часть сосуда (Скоробогатов, Смолянинов, 2013. С. 99-102).

Каменный инвентарь хвалынских памятников разнообразен. Обнаруженные изделия характеризуются использованием техники двусторонней обработки и сочетанием усиленного и простого отжима, про-

являющегося в наличие крупных ножевидных пластин и вкладышевой техники. В составе изделий из камня преобладают пластины и скребки. Характерно изготовление пластин непосредственно на стоянке (Горашук, 2003. С. 118-133).

Для каменного инвентаря среднестоговской культуры характерно разнообразие инвентаря (одноплощадочные или двуплощадочные нуклеусы, пластины различных размеров (от больших ножевидных до микролитических), скребки на пластинах и отщепках). Наконечники стрел, дротиков и копий, как правило, треугольной формы, изготавливались из кремня путем двусторонней обработки (Скоробогатов, Смолянинов, 2013).

Стоит отметить, что для обеих культур характерно наличие молотов, изделий из меди. Схожесть прослеживается в погребальных обрядах культур.

Время существования хвалынской культуры определяется интервалом 4500 – 5000 лет ВС. Это подкрепляется последними полученными датами со стоянок Каиршак VI и Комбактэ, составившими 4600 и 4700 лет ВС соответственно (Выборнов и др., 2019. С. 362-364). Время существования среднестоговской культуры в среднем определяется периодом 5300 – 3750 лет ВС (Скоробогатов, Смолянинов, 2013. С. 105).

Таким образом, мы видим, что описанные культуры имеют ряд близких признаков. Определенная схожесть наблюдается в технологии изготовления керамики, ее форме (при этом, существенно различается орнаментация и венчики), находятся аналогии в погребальных обрядах и инвентаре. Изучение взаимосвязей этих культур важно для решения проблемы взаимодействия и образования общности степного населения в энеолите, а затем крупных культурно-исторических областей бронзового века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барынкин П. П. Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона) // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследование материалов. – Самара: Изд-во СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. – С. 133-152.

Васильев И. Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 3. – Самара, 2003. – С. 61-99.

Васильев И. Б., Габяшев Р. С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: КГПИ, 1982. – С. 3-23.

Васильев И. Б., Синюк А. П. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. – Куйбышев: Куйбышевский пединститут, 1985. – 118 с.

Васильева И. Н. О технологии керамики I Хвалынского могильника // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 2. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 15-49.

Выборнов А. А., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Платонов В. И. Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – Вып. 2. – Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2019. – С. 359-368.

Горащук И. В. Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры // Вопросы археологии Поволжья / под ред. И. Б. Васильева и др. – Самара: СНЦ РАН, 2003. – Вып. 3. – С. 118-133.

Евгеньев А. А. Деятельность по изучению археологического наследия Оренбуржья Веры Владимировны Гольмстен и ее учеников // Известия Самарского научного центра РАН. – Вып. 19. – Самара. №. 3-2, 2017. – С. 413-418.

Моргунова Н. Л. К вопросу о происхождении хвалынской культуры и о формировании хвалынского-среднепалеолитической общности // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова). – М.: МГОУ, 2010. – С. 81-91.

Моргунова Н. Л. О культурном статусе и хронологии памятников репинского типа в Заволжье и Приуралье // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – №3-2. – С. 585-591.

Скоробогатов А. М., Смольянинов Р. В. Среднепалеолитические материалы в бассейне Верхнего и Среднего Дона // РА. – №2. – М., 2013. – С. 96-106.

Телегин Д. Я. Среднепалеолитическая культура эпохи меди. – Киев, 1973. – 172 с.

Телегин Д. Я. Среднепалеолитическая культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и Степном Левобережье Украины // Археология Украинской ССР в трех томах. – К.: Наукова думка, 1985. – Т. 1. – С. 305-320.

Телегин Д. Я., Нечитайло А. Л., Потехина И. Д., Панченко Ю. В. Среднепалеолитическая и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: Археологоантропологический анализ материалов и каталог памятников. – Луганск, 2001. – 152 с.

COMPARISON ANALYSIS OF THE KHVALYN AND SREDNESTOG ENEOLITHIC CULTURES

К. А. Uvarova

Samara State Social Pedagogical University, Samara, Russia

The article examines the features of the Srednestog and Khvalyn cultures and their chronological relationship within the framework of the question of the connections of the Eneolithic cultural and their influence on the culture of the Bronze Age.

Keywords: Eneolithic, Srednestog, Khvalyn culture.

Научный руководитель – Выборнов Александр Алексеевич, д.и.н., профессор.

НАХОДКА АРТЕФАКТА НА СТОЯНКЕ АЛГАЙ В 2019 ГОДУ

Ю. И. Игнатъев

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия*

В работе рассматривается культурная принадлежность артефакта, обнаруженного на стоянке Алгай. В результате исследования было установлено, что аналогии молоточков-топориков встречаются в среднестоговской, ямной и катакомбной культуре.

Ключевые слова: энеолит, бронзовый век, Алгай, топоры-молоточки, радиоуглеродное датирование.

Начало социального расслоения в древнем обществе является одним из актуальных вопросов. В первую очередь, это связано с возникновением производящего хозяйства, что привело к появлению прибавочного продукта. Несомненно, это напрямую связано с появлением домашней овцы и крупного рогатого скота.

В нео-энеолитическую эпоху появляются новые каменные орудия, скипетры, которые символизировали атрибуты власти.

В 2014 г. начались исследования стоянок Алгай и Орошаемое в Александрово-Гайском районе Саратовской области, расположенных на одном из мысов правого берега р. Большой Узень (Выборнов и др., 2018. С. 3-4). Исследования данного памятника продолжаются по настоящее время.

В 2019 г. на стоянке Алгай в 5 горизонте был обнаружен уникальный артефакт. Изделие представлено в виде каменного обломка зеленоватого оттенка. Судя по форме, это молоточек или топорик. Не стоит исключать, что данный артефакт может являться символом власти. Каменный артефакт изготовлен из магматической породы – габбро. Данное изделие имеет зернистую структуру, а также следы сработанности.

Аналогичные находки известны для среднестоговской культуры и обнаружены в погребении 12 Дечим Мерешулуй, расположенном на севере Румынии (изготовлены из камня). В могильнике Петро Свистуново (Украина) и в погребение Фелчу (Румыния) встречаются схожие по форме медные находки. Радиоуглеродный анализ по кости скелета из погребения 12 Дечим Мерешулуй показал, что могильник имеет возраст около 4300-4150 лет до н.э. (Котова, 2006. С. 65).

Для поселения Орошаемое хвалынский слой датируется 5667±100 ВР по кости (Вы-

борнов и др., 2016). Для верхних слоев раскопа 2014 г. стоянки Алгай были получены следующие даты по кости: 5720±120 и 5680±80 ВР, и по коллагену – 5875±60 ВР. Аналогичные значения известны и по другим материалам хвалынской культуры (Юдин и др. 2016. С. 67; Выборнов и др. 2017. С. 189). Н. С. Котова рассматривает эти артефакты как символы власти, однако, вполне возможно, что они имели иное функциональное назначение (Котова, 2006. С. 327).

В верхних слоях данного памятника доминируют изделия из кварцита, встречаются артефакты из белого и светло-коричневого кремня. Из чего можно сделать вывод о наличии энеолитического материала в верхних слоях стоянки Алгай. На основании датировок аналогичных памятников мы можем предположить, что верхние слои укладываются в хронологический интервал хвалынской энеолитической культуры.

Не стоит исключать, что этот артефакт может принадлежать к эпохе бронзы, поскольку аналогии встречаются в ямной и катакомбной культуре.

Особое внимание следует уделить каменным топорам, которые были найдены на территории Крыма в Севастопольском районе в погребении 1 кургана у с. Черноземное. Эти артефакты относятся к ямной историко-культурной общности. Клиновидный нижний выступ лезвия имеет острый угол, весь клин слегка отогнут книзу. Аналогичные чеканы известны и на других памятниках ямной культуры: из Белозерки, Острой Могилы. Белозерский каменный сверленный топорик-молоточек имеет каннелированные щеки, что характерно для ямной и катакомбной культурно-исторической общности (Ступко, 2008. С. 11-34).

Также были получены радиоуглеродные даты по керамике со стоянок из Северного Прикаспия (Казыл-Хак I и II), Турганинского поселения (средний слой) в Южном Приуралье и поселения Репин Хутор. Хронологически, даты всех трех поселений близки между собой. Диапазон колеблется от 5230 ± 90 до 4540 ± 80 ВР, по калиброванной шкале – в пределах 4200-3100 ВС (Моргунова, 2013. С. 12).

Особый интерес вызывают памятники катакомбной культуры, основная масса которых концентрируется вдоль поймы р. Волга, располагаясь на ее высоком правом берегу. В 1968-69 гг. в нижнем культурном слое городища, расположенном на утесе Степана Разина, были обнару-

жены каменные сверлённые топоры, аналогии которым встречаются и в ямной культуре (Малов, Филипченко, 1995. С. 52-58).

Таким образом, можно сделать вывод, что артефакт, найденный на стоянке Алгай в 2019 г., имеет почти сходную форму с изделиями среднестоговской культуры, а также с изделиями культур раннебронзового века: ямной и катакомбной. Рассмотрев радиоуглеродные даты данных стоянок, можно предположить, что артефакт относится к IV-III тыс. до н.э. Важно отметить, что на данном этапе исследования трудно сказать, к какому периоду точно относится это изделие, так как оно обломано. Дальнейшее изучение позволит ответить на эти вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выборнов А. А., Юдин А. И., Барацков А. В., Дога Н. С., Попов А. С., Курбатова Л. А., Гилязов Ф. Ф. Исследования в Александро-Гайском районе Саратовской области в 2017-2018 годах // Археологическое наследие Саратовского края. – Вып. 16. – Саратов, 2018. – С. 3-23.

Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Попов А. С. Исследования поселения Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 18. – №3. – Самара, 2016. – С.140-145.

Выборнов А. А., Юдин А. И., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Попов А. С. Новые материалы исследований на поселении Орошаемое в Нижнем Поволжье // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 19. – № 3-1. – Самара, 2017. – С. 185-190.

Котова Н. С. Ранний энеолит Степного Поднепровья и Приазовья. – Луганск, 2006. – 327 с.

Малов Н. М., Филипченко В. В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. – Вып. 4. – СПб., 1995. – С. 52-58.

Моргунова Н. Л. Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // КСИА. – Вып. 258. – М., 2013. – С. 5-23.

Ступко М. В. Каменные сверленные топоры- молотки в системе ямно-катакомбных древностей // История оружия. Альманах. – Запорожье: Артишок, 2008. – № 1 – С. 11-34.

Юдин А. И., Выборнов А. А., Васильева И. Н., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Гослар Т., Филипсен Б., Барацков А. В. Неолитическая стоянка Алгай в Нижнем Поволжье // Самарский научный вестник. – № 3(16). – Самара, 2016. – С. 61-69.

ON THE QUESTION OF THE OWNERSHIP OF A STONE ARTIFACT FOUND AT THE ALGAY PARKING LOT IN 2019

Yu. I. Ignatev

Samara state social and pedagogical University, Samara, Russia

The paper considers the ownership of the artifact found in 2019 at the Algay Parking lot. As a result of the study, it was revealed that similar analogues of hammer-axes are found in Srednestogovosky, Yamnaya and catacomb kulutra.

Keywords: Neo-Eneolithic, Bronze, Algay, axes-hammers, radiocarbon Dating.

Научный руководитель – Выборнов Александр Алексеевич, д.и.н., профессор.

О НЕОРДИНАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЭНЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

С. Г. Осипов

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия*

В статье рассматриваются взгляды исследователей на понятие: неординарные погребения грунтовых могильников эпохи энеолита. Неординарные погребения делятся на две категории: престижные и девиантные погребения. Актуальность проблемы определяется неординарными погребениями, выявленными в последние годы.

Ключевые слова: энеолит, погребение, погребальный обряд, погребальный инвентарь, неординарность, престижность, девиантность.

В материалах энеолитических могильников встречаются погребения, которые отличаются от общей традиции захоронений изучаемого памятника по различным признакам. Они характеризуются, например, особенностями погребального обряда, отличными от других погребений, уникальным инвентарем. Такие погребения можно назвать неординарными. Неординарные погребения встречаются достаточно редко, они неизменно привлекают внимание исследователей. Существуют большие сложности объяснения причин появления таких погребений, установления общественного статуса человека, который был похоронен особым образом. Это объясняет вариативность трактовки подобных захоронений.

По мнению Н. А. Берсеновой неординарные погребения являются частью общей погребальной практики, для изучения которых нужно хорошо знать весь погребальный обряд. Автор считает, что из-за широкого круга возможных интерпретаций необходимо привлекать междисциплинарные методы анализа для правильной трактовки неординарных погребений (Берсенева, 2016. С. 14).

В рамках изучения неординарных погребений очень важным является исследование Льюиса Бинфорда. По его мнению, неординарные погребения могли появляться под влиянием: социального статуса умершего, его значения для племени и возраста; насильственной смерти; асоциального поведения человека при жизни; смерти вдали от дома; высокой значимости деятельности умершего (Binford, 1971. P. 23).

В своей работе 2004 г. И. Б. Васильев рассматривает сидячие погребения эпохи энеолита. По его мнению, такие погребения являются неординарными для этой эпохи, потому что основная поза погребенных в энеолитических могильниках – лёжа на спине вытянуто или с подогнутыми ногами. Причину появления небольшого количества особенных погребений автор видит в нестабильности погребального обряда (Васильев, 2004. С. 55).

В статье В. И. Пестриковой и Д. С. Агапова рассматриваются «антинормативные» погребения I Хвалынского могильника. К этой категории были отнесены сидячие и скорченные «клубком» погребения. Авторы считают, что погребенные из этих захоронений имели пониженный социальный статус и являлись зависимыми при жизни, потому что они располагались, как правило, в ногах других погребенных. Исследователи также выделяют группу престижных женских погребений, которые характеризуются наличием охры и различным инвентарем. Как правило, охра и сопутствующий инвентарь были характерны для мужских погребений (Пестрикова, Агапов, 2010. С. 61).

В 2011 г. С. Н. Корневский рассматривает неординарные погребения вождей эпохи энеолита. По мнению автора, предметы, выражающие трудовую или военную элитарность погребенного, клались в захоронение, чтобы сородич мог занять то же самое место в загробном мире, которое он занимал и при жизни. Сопутствующим инвентарем неординарных вождеских погре-

бений, по мнению автора, являются булавы, навершия скипетров (Корневский, 2011. С. 47).

С. Н. Корневский составил систему разделения престижных погребений, основываясь на сопутствующем инвентаре. Престижно-неорудийные захоронения, для которых характерно наличие престижного украшения; неординарные погребения со специальным оружием и навершиями, которые содержат явную сакральную и магическую символику (зооморфные навершия скипетров); неординарные простые погребения со скипетрами, в которых не встречается другого уникального инвентаря, кроме самого скипетра; неординарные простые погребения с орудиями престижа, среди которых можно выделить наконечники стрел и ножевидные пластины, топоры; неординарное сложное символическое погребение, в котором встречается несколько вариантов престижных орудий; неординарное сложное сакральное-символическое погребение, которое содержит навершие скипетра, тесло, наконечники стрел, ножевидные пластины и является самым редким видом захоронений (Корневский, 2012. С. 87-88). С. Н. Корневский считает, что неординарные погребения символизируют желание сородичей умершего проводить его в загробный мир в качестве человека, принадлежащего к определенной сфере деятельности.

А. А. Файзуллин в своей работе 2017 г. рассматривает погребения вождей ямной культуры. Их погребения характеризуются количеством трудовых затрат. Погребение вождя является основным, поэтому основные силы и время тратились на его обустройство. Другой важнейший признак погребения вождя выражается в наличии особого сопроводительного инвентаря. Этот инвентарь должен быть нехарактерным для большинства других погребений могильника (Файзуллин, 2017. С. 119).

В 2018 г. была опубликована статья об уникальном погребении №45 могильника Екатериновский мыс. Его неординарность устанавливается благодаря следую-

щим признакам: наличие уникального инвентаря, присутствие частей тел других людей, наличие жертвенного животного (Королёв и др., 2018. С. 294). По терминологии С. Н. Корневского, оно относится к типу неординарных сложных сакрально-символических погребений.

В 2018 г. была опубликована статья о неординарном погребении №90 могильника Екатериновский мыс. В данной работе авторы указывают на неординарность погребения, опираясь на полусидячее положение костяка с опорой локтями на дно ямы. Данное положение нетипично для большинства захоронений могильника. Неординарность погребения подкрепляется наличием инвентаря, нехарактерного для большинства захоронений могильника: костяной ложки и каменного навершия крестовидной булавы (Королёв и др., 2018. С. 295). Это погребение, по С. Н. Корневскому, может быть отнесено к неординарным сложным символическим погребениям.

При рассмотрении неординарных погребений становится очевидным принципиальное разделение этих погребений на две группы: престижные и девиантные погребения.

Возникновение социальной дифференциации в эпоху энеолита привело к появлению прослойки населения, которая отличалась от остальных сородичей по своему статусу. Эти члены общины наделялись властью, получали статус вождей и шаманов. Соответственно, погребения с каменными навершиями скипетров и роговыми жезлами можно сопоставить с появившейся элитой и отнести к престижным.

Девиантность погребения можно установить благодаря особой позе залегания костяка и по подчиненному положению костяка относительно других костяков.

Таким образом, можно констатировать, что расширение круга источников пополняет источниковую базу по неординарным погребениям и позволяет проанализировать их в рамках предложенных исследователями типов или групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берсенева Н. А. Подходы к интерпретации «девиантных» погребений в археологии // Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника: материалы Всеросс. науч. конф. – М.: Ин-т археологии РАН, 2016. – С. 13-14.

Васильев И. Б. Погребение в «позе сидя» у с. Старо-Кабаново в Башкирии // Вопросы Археологии Урала и Поволжья: Сборник научных трудов. – Вып. 2. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – С. 50-67.

Кореневский С. Н. О символике погребений лидеров в обществах ранних земледельцев и скотоводов энеолита юга Восточной Европы и Предкавказья (теоретический обзор проблемы и применение теории на практике) // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – С. 29-53.

Кореневский С. Н. Рождение кургана. – М.: Издательство ТАУС, 2012. – 248 с.

Королёв А. И., Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А., Хохлов А. А., Рослякова Н. В. Уникальное погребение могильника эпохи раннего энеолита Екатерининский мыс на Средней Волге // Поздняя преистория: социальные модели и культовая практика. № 2. – СПб., 2018. – С. 285-303.

Пестрикова В. И., Агапов Д. С. Хвалынский I энеолитический могильник как исторический источник // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская археологическая культура. Исследование материалов. – Самара: «Поволжье», 2010. – С. 11-118.

Файзуллин А. А. Погребения вождей в ямной культуре Волго-Уралья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 19. – № 3. – Самара, 2017. – С. 389-396.

Binford L. R. Mortuary Practices: Their Study and Their Potential // Memoirs of the Society for American Archaeology, No. 25, Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practices, 1971. – P. 6-29.

ABOUT THE EXTRAORDINARY BURIALS OF THE NEOLITHIC OF EASTERN EUROPE

S. G. Osipov

*Samara State Social and Pedagogical University,
Samara, Russia*

The article discusses the views of researchers on the concept: extraordinary burials of ground burial grounds of the Eneolithic era. Extraordinary burials are divided into two categories: prestigious and deviant burials. The urgency of the problem is determined by the extraordinary burials revealed in recent years.

Keywords: Eneolite, burial, funeral rite, funeral inventory, originality, prestige, deviance.

Научный руководитель – Королёв Аркадий Иванович, к.и.н., доцент.

ПОГРЕБЕНИЕ МАСТЕРА-ИЗГОТОВИТЕЛЯ КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЙ НАЧАЛА БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ КУРГАНА У Г. НОВОЧЕРКАССКА

Л. Г. Димидов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассмотрен нестандартный комплекс бронзового века – погребение 29 кургана 1 могильника Весёлый. Погребение обладает рядом особенностей ритуала и инвентаря: остеотомия, кремация, специфический производственный набор. Представлены комплексы с аналогичными чертами. Поставлен ряд вопросов о культурно-хронологической, культурной и социологической интерпретации погребения.

Ключевые слова: бронзовый век, ямная культура, погребения мастеров, производственный набор, кремация, остеотомия.

В рамках исследования обществ эпохи бронзы особенный интерес с точки зрения семантики обряда и социальной стратификации представляют собой погребения мастеров-изготовителей кремнёвых или металлических орудий, специалистов по обработке дерева и т.д. Яркий пример погребения мастера был обнаружен в 2018 г. при спасательных раскопках кургана 1 курганного могильника Весёлый близ Новочеркасска. Курган содержал богатый материал, начиная от энеолита и заканчивая XIX в. В том числе, было обнаружено интересное нас погребение, получившее номер 29 (рис. 1).

Оно располагалось в ЮВ секторе кургана, в 30 м от центрального репера. Могильная яма имела неправильную форму, диаметр ямы от 161 до 180 см, ориентирована по направлению СВ-ЮЗ, глубина – 20-30 мм. Заполнение ямы сверху состояло из светло-коричневого гумусированного суглинка, у дна его сменял рыхлый углисто-золистый грунт, содержащий большое количество недогоревших углей и обожжённых фрагментов костей. На дне ямы вытянуто на спине лежал костяк мужчины, приблизительно 40 лет, ориентированный черепом на ЮВ. Кости умершего были обуглены, вокруг костяка располагались пласты древесных углей и отдельные обугленные плахи, дно ямы было покрыто сажей и мелкими древесными угольками. Очевидно, скелет был подвергнут частичной кремации. Черепная коробка разрушена, отдельные её фрагменты встречаются по всей яме.

Ноги ампутированы выше колен: дистальные эпифизы обеих бедренных костей отсутствуют, концы диафизов обработаны в виде фасок. Признаков прижизненного заживления или реакции костной ткани нет, т.е. ампутация была произведена между смертью и захоронением.

С Ю и ЮЗ стороны к яме примыкала обширная вытянутая выемка в материковом грунте, ориентированная длинной осью по линии СВ-ЮЗ; размеры выемки составляли 4,5х3 м, глубина от уровня зачистки – до 30 см. Надо полагать, что она представляла собой ритуальную площадку возле погребения.

В могиле были обнаружены многочисленные кремнёвые изделия и производственный инструментарий, также подвергшиеся воздействию огня. Они представляли собой заготовки орудий, либо производственный брак и лом, хотя на некоторых есть следы утилизации-употребления: затёртости, выкрошенность, заломы. Многие изделия произведены из местного, нижнедонского галечного кремня. Кроме того, можно заметить два крупных кластера орудий в северном углу, там, где должны были быть стопы и напротив грудной клетки и головы скелета. Учитывая плотность расположения предметов, можно предположить, что оба набора лежали в отдельных мешках. Северный кластер содержал набор инструментов для обработки кремнёвых орудий и четыре крупных заготовки орудий: двух наконечников дротиков, скребка и развёртки.

Всего в погребении более 100 предметов. В первую очередь, это инструменты: три костяных отжимника-ретушёра, две каменные плитки-наковальни, каменный отбойник (рис. 1: 2-6). Остальное – кремнёвые орудия в разной степени готовности, либо их фрагменты. Среди них 21 наконечник дротика, 16 ножей, 16 топоришков-тёсел, 8 скребков, наконечник копья и 3 развёртки. Особый интерес представляют 6 наконечников стрел, 3 из которых относятся к черешковому типу (рис. 1: 9, 10).

Точная датировка погребения, ввиду отсутствия радиоуглеродного анализа, затруднена. С одной стороны, погребение находится под насыпью эпохи ранней бронзы и на границе насыпи эпохи энеолита, что позволяет отнести его к ямной культурной общности. На принадлежность к этому времени указывают отчасти положение умершего на спине с ориентировкой в В сектор, а также черешковые наконечники стрел. С другой стороны, погребение не имеет специфических черт (таких, как наличие определённой керамики, форма могильной ямы и трупоположение), без которых невозможно точнее определить культурную принадлежность и более узкие хронологические рамки.

Экстраординарность погребения выражается в размещении возле первоначальной насыпи кургана энеолитического времени и в отсутствии собственной насыпи, в необычной погребальной конструкции с обширной ритуальной (?) площадкой возле могилы. Ритуал обращения с умершим (посмертная остеотомия ног, частичная кремация, отсутствие характерного для культур ранней бронзы инвентаря при наличии нехарактерного, нетипичного трупоположение) также является экстраординарным и не даёт осуществить однозначную культурную и хронологическую атрибуцию типологическими методами.

Общий обзор позволяет установить, что погребённый являлся мастером-изготовителем кремнёвых наконечников металлического оружия. Вопрос о том, имел ли он более узкую специализацию, остаётся открытым, поскольку большая часть орудий остались незаконченными.

Возвращаясь к вопросу профессиональных погребений, таковыми, согласно концепции Ю. А. Смирнова, следует считать погребения, содержащие несколько элементов производственного комплекса, а именно сырьё, инструменты и изделия (Смирнов, 1983. С. 170). Такого же мнения придерживается С. Н. Разумов (Разумов, 2010, С. 21). В материале эпохи ранней-средней бронзы мы можем встретить профессиональные погребения с аналогичными погребению 29 особенностями. В их числе погребение 1 мастера-изготовителя стрел из кургана Желобок-3 (Санжаров, 2008. С. 12-13). В ногах мастера находится частично сохранившийся деревянный пенал с аналогичным инструментом и кремнёвым сырьём. Погребение 6 из того же кургана содержит производственный набор в виде единого кластера и наконечники дротиков. Оба погребения содержат аналогичные нашему роговые отжимники. Другой пример – Балабинский могильник I, курган 37, погребение 13. Во входной яме находится большое скопление изделий и заготовок, а в камере – скопление инструментов и изделий, принадлежавших мастеру-изготовителю древков и наконечников стрел. В числе инструментов – каменная наковаленка и отбойник (Смирнов, 1983. С. 180). Клад с производственным набором обнаружен на территории могильника Дюнное-5 (Гудименко, Дмитриенко, 1997. С. 47). Та же тенденция характерна для погребения мастера по металлу и кремню 10 кургана 1 могильника Глубокое II, скелет которого был частично кремирован (Прокофьев, 2009. С. 94-113). Погребения из курганной группы Шахаевской II (погребение 8 из кургана 1 и погребение 8 из кургана 2) также несут следы частичной кремации, аналогичные нашему случаю (Фёдорова-Давыдова, 1983. С. 64).

Таким образом, в контексте профессиональных погребений эпохи бронзы погребение даёт основания для дальнейших социологических интерпретаций, а именно, о детрибализации мастеров в обществах ранней бронзы и в целом об их социальной стратификации (преобладание горизонтальной (половозрастной и профес-

сиональной) стратификации над вертикальной, присущей индоевропейским обще-

ствам). Для решения этих проблем необходима более точная датировка и дальнейшие изыскания по поиску аналогий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудименко И. В., Дмитриенко М. В. Клад кремневых и каменных изделий эпохи бронзы на территории поселения «Дюнное-5» у станицы Старочеркасская // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. – №14. – Азов, 1997. – С. 46-49.

Прокофьев Р. В. Раскопки курганов на Северском Донце и Маныче // Археологические записки. – № 6. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 94-113.

Разумов С. Н. Наконечники стрел в погребениях эпохи бронзы Северного Причерноморья. Вопросы терминологии // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2010. – С. 21.

Санжаров С. Н. Стрелочные наборы инструментов и сырья из катакомбных погребений Украины. – Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля, 2008. – 88 с.

Смирнов Ю. А. Погребения мастеров-изготовителей древков и кремнёвых наконечников стрел // Древности Дона. – М.: Наука, 1983. – С. 164-187.

Фёдорова-Давыдова Э. А. Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче // Древности Дона. – М.: Наука, 1983. – С. 35-87.

FLINT CRAFTSMAN'S BURIAL OF THE EARLY BRONZE AGE FROM A MOUND NEAR NOVOCHERKASSK

L. G. Dimidov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The article considers a non-standard complex of the bronze age: grave 29 from mound Vesely-1. Burial has a number of features of the ritual and inventory: osteotomy, cremation, and a specific production kit. Complexes with similar features are presented. Author raises number of questions about the cultural-chronological, ritual and sociological interpretation of the burial.

Key words: bronze age, Yamnaya culture, craftsman's burial, production kit, cremation, osteotomy.

Научный руководитель – Кияшко Алексей Владимирович, д.и.н., профессор.

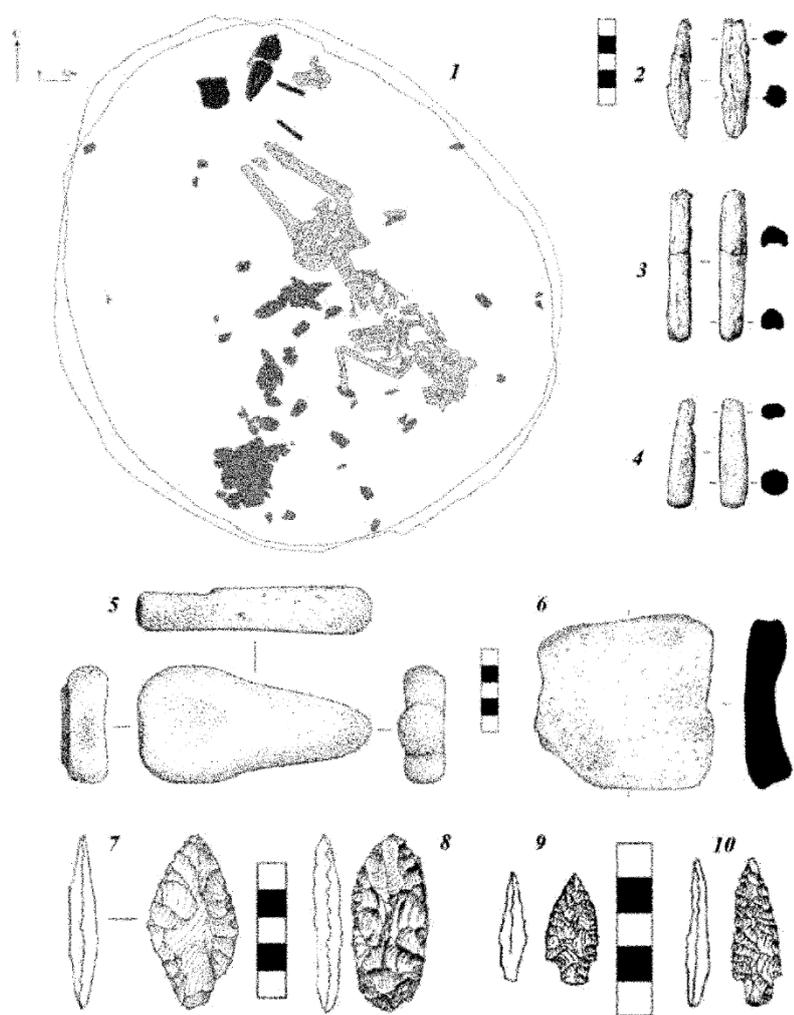

Рис.1. Погребение 29 из кургана Весёлый-1: 1 – общий план погребения; 2-4 – роговые отжимники; 5 – каменный отбойник; 6 – каменная наковаленка; 7 – кремнёвый наконечник дротика; 8 – кремнёвый нож; 9, 10 – кремнёвые наконечники стрел черешкового типа

ПАРНЫЕ РАЗНОПОЛЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

А. А. Ларочкин

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия*

В статье представлен анализ парных погребений археологических культур эпохи ранней бронзы. Все материалы относятся к многослойному некрополю Сопка-2, расположенному в Барабинской лесостепи. Удалось выявить некоторые закономерности. Они связаны с манипуляцией с телом умершего и последующей организацией сакрального пространства могилы.

Ключевые слова: погребальный обряд, Барабинская лесостепь, Сопка-2, Западная Сибирь, эпоха ранней бронзы.

Памятник Сопка-2 открыт Е. А. Сидоровым в 1971 г. Раскопки велись с 1979 по 1993 гг. под руководством В. И. Молодина. Материалы могильника охватывают временной промежуток от неолита до средневековья. Из 689 погребений этого памятника 481 могила относится к эпохе ранней бронзы.

На территории Барабинской лесостепи в этот период существовали несколько археологических культур: усть-тартасская (конец V – IV тыс. до н. э.), одинавская (первая половина III тыс. до н. э.), и кротовская (вторая половина III – начало II тыс. до н. э.).

Одной из тенденций погребального обряда раннебронзового населения Барабы является захоронение разнополых взрослых индивидов всех возрастных групп парами в ярусных и безъярусных могилах. Обратимся к материалам могильника.

В усть-тартасском сегменте Сопка-2/3 раскопано 67 могил, где обнаружено 197 особей (Молодин, 2001. С. 106). Зафиксировано шесть парных захоронений, в трех из них находятся останки разнополых особей. Относительно контекста погребений можно сказать следующее: все три могилы безъярусные. Инвентарь в составе костяной проколки, мотыжки и обломка наконечника стрелы был только в одной могиле. Поза погребенных в одном случае (№ 649) не установлена. В могиле № 674 два скелета лежали вытянуто на спине головой на СВ друг на друге. В погребении № 328 мужской скелет лежал на спине по линии

СВ – ЮЗ. Женский скелет представлен разрозненными костями, которые лежали к северо-востоку от черепа, который лежал в середине могилы.

В одинавской части могильника Сопка-2/4А раскопано 164 могилы (Молодин, 2012. С. 6). Всего в 9 из них есть разнополые особи. Четыре погребения (№№ 178, 190, 192, 276) не являются ярусными. Положение костяков относительно пространства могилы разделилось поровну: в двух случаях «западным» погребенным оказывался мужчина, а «восточным» – женщина, и в двух случаях ситуация была противоположная. Непосредственная поза умерших была в рамках одинавского погребального обряда: полулежа – полусидя, головой на северо-восток. В трех могилах (№№ 178, 190, 192) зафиксирован инвентарь из камня (булава, ножевидная пластина, наконечник стрелы), кости (чашечка, проколки, резцы из зубов бобра и лося), и капа (подвески в виде головы медведя).

В оставшихся пяти ярусных могилах одинавской культуры (№№ 184, 207, 258, 518, 580) скелеты располагались друг над другом. В четырех случаях в «верхнем» ярусе могилы находился женский скелет, а в «нижнем» – скелет мужчины. В могиле № 580 кости мужского скелета находились в беспорядке, возможно, в емкости по типу корзины. В одном погребении (№ 207) мужчина лежал в «верхнем» ярусе, а женщина – в «нижнем». Инвентарь есть только

в трех могилах. Наиболее представительными вещами являются массовая серия каменных наконечников стрел (№ 184), бусы из белого камня и бронзовое шило (№ 258), бронзовый кинжал сейминско-турбинского типа (№ 518).

В трех могилах с инвентарем (№№ 178, 258, 518) есть следы ограбления, что может в совокупности с инвентарем косвенно указывать на высокий социальный статус умерших.

В кротовском сегменте некрополя Сопка-2/4Б,В обнаружено 250 захоронений кротовской культуры (Молодин, Гришин. 2016. С. 12). Несмотря на такое большое количество могил, число парных разнополых захоронений равняется десяти. Также, как и у одиноцев, у кротовского населения присутствуют ярусные и безъярусные погребения.

У трех могил (№№ 217, 223, 226) ярус отсутствует. Только в одном случае, в погребении № 226, удалось установить, что в «западной» части могилы лежал мужчина, а в «восточной» – женщина. Скелеты лежали вытянуто на спине, головой на северо-восток «рука об руку». В двух других захоронениях лишь удалось выяснить наличие двух особей в могиле, поскольку костяк был потревожен в древности. Инвентарь был зафиксирован только в могиле № 226 и представлял собой развал кротовского сосуда, несколько бусин и серьги из бронзы.

Три могилы (№№ 85, 228, 452) являются ярусными. В погребении № 85 ярус оформлен слабо, скелет мужчины располагался прямо над скелетом женщины. В захоронении № 452 были обнаружены кости мужчины в позе «вытянуто на спине». В нижнем ярусе находился скелет женщины в позе «сгорчено на боку». В могиле № 228 в «верхнем» ярусе лежал мужчина со следами рубки костей вытянуто на спине. В «нижнем» ярусе была уложена женщина

вытянуто на спине, но ее колени были подогнуты вверх, а сам скелет был усеян дроблеными раковинами моллюсков. Также в данном захоронении встретился инвентарь в виде каменных бусин.

Остальные четыре захоронения (№№ 230, 407, 420, 422) можно назвать ярусными лишь условно, поскольку эти могилы имели следы нарушения. В трех погребениях (№№ 230, 407, 420) в заполнении были найдены кости женских скелетов, возможно, они лежали в «верхнем» ярусе, который был разрушен. На дне могилы лежали останки скелетов мужчин, которые также были потревожены. В могиле № 422 ситуация была обратной – в заполнении могилы зафиксированы кости мужчины, а на дне могилы лежал скелет женщины вытянуто на спине, ноги лежали на приступке внутри могильной ямы. В трех случаях в погребениях был обнаружен инвентарь в виде черепа соболя (№ 422), бронзовых кинжала и шила, 38 костяных наконечников стрел (№ 420), а также каменной булавы, сосуда, и створок раковин моллюсков (№ 230).

Подводя итог анализа материалов парных разнополых захоронений с памятника Сопка-2, можно сделать вывод о том, что у населения Барабинской лесостепи на протяжении всей эпохи ранней бронзы было два варианта оформления парных разнополых захоронений. В первом варианте могила была безъярусной, мужчина чаще всего покоился в «западной» части могилы, а женщина – в «восточной». Второй вариант представляет собой ярусное погребение, в котором женщина хоронится в «верхнем» ярусе, а мужчина – в «нижнем». Скорее всего, эти варианты могут свидетельствовать о наличии развитого воззрения о загробной жизни у раннебронзового населения Барабы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. 1. – 127 с.

Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – 220 с.

Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. 4. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 451 с.

PAIRED BURIALS OF DIFFERENT SEXES FROM EARLY BRONZE AGE CULTURES IN THE BARABA FOREST-STEPPE TERRITORY

A. A. Larochkin

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

The article provides an analysis of paired burials of archaeological cultures of the Early Bronze Age. All materials refer to the multilayer necropolis Sopka-2, located in the Baraba. We managed to identify some patterns. They are associated with the manipulation of the body of the deceased and the organization of the sacred space of the grave.

Keywords: funeral rite, the Baraba forest-steppe, Sopka-2, Western Siberia, Early Bronze Age.

Научный руководитель – Дураков Игорь Альбертович, к.и.н., доцент.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЗАДОНСКОГО РАЙОНА ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ (С. КСИЗОВО)

А. В. Потапова

*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН,
Пушино, Россия*

В данной работе представлены результаты исследования модельного участка поселения Ксизово-1 среднедонской катакомбной культуры. Проведено определение содержания минеральных и органических форм фосфора в культурных слоях, а также активность сопутствующих ферментов. В ходе работы был выделен информативный слой для почвенно-археологических реконструкций, соответствующий основному периоду функционирования поселения.

Ключевые слова: археологическое почвоведение, культурный слой, минеральный фосфор, органический фосфор, фосфатазная активность, уреазная активность.

Культурный слой археологических памятников является результатом поступления в почву материалов антропогенной природы и изменения условий почвообразования. Это относится к поселенческим памятникам эпохи бронзы и раннего железного века, а также средневековым селищам. Как правило, присутствие человека вызывает усиление эрозии почв в окрестностях памятника, а на самом памятнике, учитывая, что большинство поселений располагалось не на водоразделах, а в подчиненных элементах рельефа, происходит накопление почвенно-грунтового материала и рост слоя природно-антропогенных напластований (Сычева, 2006. С. 45). Поэтому мощность культурного слоя может достигать нескольких метров. Основой культурного слоя является строительный мусор, состоящий из органических и минеральных остатков. Помимо этого в его состав входят: бытовой мусор (навоз, пищевые остатки, древесные остатки, кости, керамика); производственный мусор (шлаки, остатки инструментов), остатки печей (в том числе бытовых) и горнов, представленные зонами прокаленного грунта, слоями золы (зола, угли); слои материнской породы, выброшенные на древнюю поверхность культурного слоя из ям, прослойки аллювия, почвы (Александровский и др., 2015. С. 1295).

Для реконструкции инфраструктуры древних поселений требуются комплексные междисциплинарные исследования с привлечением методов почвоведения и других естественных наук. В данной работе представлены результаты исследования модельного

участка поселения Ксизово-1 среднедонской катакомбной культуры (XXIV–XXIII вв. до н.э.) в лесостепной зоне. Памятник с уникальной сохранностью культурного слоя расположен в верхнем течении Дона на высокой первой террасе р. Сновы в окрестностях с. Ксизово Задонского района Липецкой области. Известно, что в каждом конкретном месте профиль культурного слоя будет сильно отличаться от соседних участков. Поэтому получить наиболее полную информацию о свойствах почв на территории древних поселений можно при анализе образцов из каждого квадратного метра культурного слоя и последующим построением площадных диаграмм (Александровская, Александровский, 2003). В связи с этим, целью данной работы было оценить свойства почв культурного слоя, выделить наиболее информативный уровень, свойства которого в наибольшей степени будут отражать период существования памятника. А также проследить такой показатель, как почво-память, как долго почва может накапливать и хранить в себе информацию о древних поселениях.

В отобранных образцах было проведено определение содержания минеральных и органических форм фосфора в культурных слоях, а также активность сопутствующих ферментов и выполнена статистическая обработка результатов (Saunders, Williams, 1955. P. 254; Дарманян, 2013. С. 324; Kandeler, 1988. P. 68).

Сравнение полученных данных с распределением археологических объектов и находок на территории раскопа позволило

установить особенности химических и биологических свойств культурного слоя, соответствующего основному периоду функционирования поселения и финалу существования поселения.

Установлено, что в период функционирования памятника имело место подкисление почвы, снижение биологической активности и резкое увеличение поступления в почву фосфора, в первую очередь, за счет минеральных форм фосфатов – золы и костей. В период запустения поселения увеличивается доля органических фосфатов за счет активизации всех биологических процессов на месте расположения памятника. В пласте, подстилающем культурный слой,

антропогенный след проявляется только в области очагов, где зафиксировано поступление в почву фосфатов, как биологической, так и минеральной природы.

Работ выполнена в рамках Госзадания № АААА-А18-118013190175-5 «Развитие почв в условиях меняющегося климата и антропогенных воздействий». Микробиологические исследования выполнены за счет средств гранта РФФИ 17-29-04257 офи_м «Археологическая микробиология: теория и практика выявления исходного присутствия органических материалов в археологических исследованиях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровская Е. И., Александровский А. Л. Историко-географическая антропохимия. – М.: НИА-Природа, 2003. – 204 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19488266> (дата обращения: 02.09.2020).

Александровский А. Л., Александровская Е. И., Долгих А. В., Замотаев И. В., Курбатова А. Н. Почвы и культурные слои древних городов юга европейской России // Почвоведение. – М., 2015. – № 11. – С. 1291-1301.

Дарманян А. П. Статистические особенности вычисления и графического представления макроэкономических индикаторов уровня жизни населения Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. – Пенза: Изд. дом «Академия Естествознания», 2013. – №1. – С. 324-332.

Сычева С. А. Культурные слои древних поселений как объект междисциплинарных исследований // Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика исследований. Материалы научной конференции. – М.: ИГ РАН, ИА РАН, НИА-Природа, 2006. – С. 45-54.

Kandeler E. Short-term assay of urease activity using colorimetric determination of ammonium // Biol Fertil Soils. – 1988. – V. 6. – P. 68–72.

Saunders W. M., Williams E. G. Observations on the determination of total organic phosphorus in soils // Journal of Soil Science. – 1955. – Vol.6, No.2. – P. 254-267.

BIOLOGICAL ACTIVITY OF CULTURAL LAYERS OF ANCIENT SETTLEMENTS OF ZADONSKY DISTRICT OF LIPETSK REGION (S. KSIZOVO)

A. V. Potapova

*Institute of Physical, Chemical and Biological Problems of Soil Science,
Russian Academy of Sciences, Pushchino, Russia*

This paper presents the results of a study of the model site of the settlement of Xizovo-1 of the middle don catacomb culture. The content of mineral and organic forms of phosphorus in cultural layers was determined, as well as the activity of accompanying enzymes (phosphatases, ureases). In the course of the work, an informative layer was identified for soil and archaeological reconstructions, corresponding to the main period of the settlement's functioning.

Keywords: archaeological soil science, cultural layer, mineral phosphorus, organic phosphorus, phosphatase activity, urease activity.

О СПЕЦИФИЧЕСКИХ НАБОРАХ ИНВЕНТАРЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ

Н. В. Шишканов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

В работе даётся краткий анализ топографии и компоновки наборов погребального инвентаря, аналогичных наборам из 26 и 42 погребений кургана 1 могильника Веселый I.

Ключевые слова: средняя бронза, катакомбные погребения, Нижнее Подонье, погребальный инвентарь.

В сезоне 2018 г. археологическим отрядом ООО «ИТЦ Специальных работ» были проведены раскопки кургана 1 курганного могильника Веселый I по открытому листу № 391 на имя Ю. К. Гугуева. Раскопки носили охранно-спасательный характер и проходили в рамках расширения трассы М-4.

Из 49 исследованных погребений порядка 15 относятся к периоду катакомбной культуры. Особый интерес представляют погребения 26 и 42, а конкретно их инвентарный набор. Полная публикация комплексов готовится к печати.

Погребения 26 и 42 совершены одновременно с уровня древней дневной поверхности до второй досыпки кургана. Оба маркируются принадлежностью к донецкой культуре (юго-восточная ориентировка костяков) и имеют схожий инвентарь.

Погребение 26 – парное захоронение ребенка и мужчины 45-55 лет. У правого локтя скорченного к выходу детского костяка лежал набор из бронзового ножа, обоюдоострого шила и костяной проколки.

42 погребение – также парное, представлено костяками женщины 25-35 лет и младенца. Наблюдается схожий набор, что и из предыдущего погребения. Справа от останков ребенка лежали три костяные проколки, обоюдоострое бронзовое шило и листовидный нож с наибольшим расширением в середине. Примечательно, что кроме этого набора в погребении также находились такие бронзовые изделия, как тесло привольненского типа и проушный топор. Однако, располагались они отдельной композицией за черепом женского костяка, что даёт повод говорить о маркиро-

вании в погребальной традиции фиксированного набора – нож – шило – костяные проколки. В обоих погребениях набор занимает вполне конкретную топографию: представляет собой отдельный комплекс, позволяющий предполагать его комплектование в пенале из органического материала, и размещающийся перед грудным отделом скорченного костяка.

Подобная инвентарная специфика не уникальна и прослеживается в погребениях Нижнедонского региона. Причём, зачастую костяные проколки отсутствуют или заменяются кремневыми изделиями.

Могильник Первомайский I, курган 1, погребение 1 – донецкая культура (Горбенко, 1984. С. 55-56). Перед костяком на боку – комплект из шила, пламевидного ножа и кремневого скребка.

Группа Шахаевская II, курган 1, погребение 8 – маньчская культурная принадлежность (Максименко, 1974. С. 55). Перед скорченным костяком – обломки остроконечных костей со следами обработки (проколки), под ними – пятно охры, под ним – маленькое шило и фрагмент ручки бронзового ножа.

Могильник у хутора Алитуб, курган 6, погребение 12 – маньчская культура. Справа от костей рук – набор из бронзового ножа и шила. Курган 15 погребение 11 – донецкое погребение. Шило, наложенное на треугольный нож, лежит перед скорченным вправо костяком (Засецкая, 1971. С. 8-9, 49-50).

Баранчук I, курган 3, погребение 5 – двойное погребение маньчской культуры. В заполнении погребальной камеры – бронзовый нож и два шила.

Шахаевская группа I, курган 1, погребение 12 – манычская культурная принадлежность (Фёдорова-Давыдова, 1971. С. 6-7). Перед грудью – бронзовый кинжал. Шило – в заполнении ямы грызуна.

Характерно, что большинство представленных погребений относятся к западно-манычской культуре, ввиду её исключительной насыщенности металлическим инвентарём.

Могильник у хутора Алитуб, 28 курган, погребение 5 – шило и нож расположены порознь (Засецкая, 1971. С. 55-56), причём последний с задней стороны таза костяка (предположительно, располагался на поясе).

Могильник Крепинский II, курган 3, погребение 7 – манычская культура – в инвентарь включены бронзовое шило и нож, однако, в этом случае уже шило лежало за спиной скорченного костяка (Горбенко, 1984. С. 55-56). Нож размещался с костями ног барана, играя уже роль составляющей не набора производственного характера, а заупокойной трапезы.

Отдельно нож со следами заупокойной трапезы представлен в 9 погребении 2 кургана могильника Шахаевского II (Максименко, 1974. С. 65-68) – на деревянном блюде с рёбрами барана располагался нож, обращенный рукоятью к костяку.

Шахаевская II, курган 2, погребение 17 – манычская культура – в этом случае отсутствует нож, однако наблюдается набор инструментов в виде одной костяной проколки перед лицом, двух проколки за затылком и бронзовым шилом перед лицом (Максименко, 1974. С. 82-84).

Таким образом, на данный момент нельзя выявить и описать конкретный тренд в наборах с металлическими погребениями из катакомбных погребений эпохи средней бронзы Нижнего Подонья. Однако, дальнейшее изучение проблемы с привлечением широкого статистического материала должно определить степень распространённости наборов, а также их корреляцию с другими элементами погребального обряда и их семантику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбенко А. А. Отчёт о работах археологической экспедиции Азовского музея в Песчанокопском и Азовском районах Ростовской области в 1974 и 1981 годах. – Азов, 1984. 112 с.

Засецкая И. П. Отчёт о работе Манычского отряда Волго-Донской экспедиции в 1971 г. Курганный могильник у х. Алитуб Аксайского района Ростовской области. 129 с.

Максименко В. Е. Отчёт Багаевского отряда Донской экспедиции Института Археологии АН СССР о раскопках курганов в зоне строительства Багаевско-Садковской оросительной системы в сезоне 1973 года. – М., 1974 г. 84 с.

Фёдорова-Давыдова Э. А. Отчёт о работе Манычского отряда Багаевской археологической экспедиции в 1971 году. 176 с.

THE PAPER PROVIDES A BRIEF ANALYSIS OF THE SET OF 26 AND 42 BURIALS OF THE 1ST KURGAN OF THE VESELY I BURIAL GROUND

N. V. Shishkanov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The paper provides a brief analysis of the topography and layout of the sets of burial equipment, similar to the set of 26 and 42 burials of mound 1 of the Vesely I burial ground.

Keywords: middle bronze, catacomb burials, Lower Don Region, burial equipment.

Научный руководитель – Кияшко Алексей Владимирович, д.и.н., профессор.

НОВАЯ НАХОДКА КАМЕННОЙ ЛИТЕЙНОЙ ФОРМЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СРЕДНЕМ ПОДОНЦОВЬЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

П. П. Коваленко

*Луганский государственный педагогический университет,
Центр археологии и этнографии, Луганск, ЛНР*

Настоящая работа посвящена публикации каменной литейной формы эпохи поздней бронзы из Среднего Подонцовья. Путем анализа сохранившихся фрагментов негативов определяется культурно-хронологическая характеристика выплавляемых типов орудий.

Ключевые слова: Среднее Подонцовье, эпоха поздней бронзы, литейная форма, матрица.

В 2019 г. местным жителем с. Новоселовка Перевальского района ЛНР на постоянное хранение в фонды музея Луганского педуниверситета передана выразительная коллекция археологического материала эпохи поздней бронзы и раннего средневековья. Представленные находки происходят, в основном, из сборов на пахоте фермерского участка, занимающего пологую площадку первой надпойменной террасы правого берега р. Белая в 500 м к востоку от восточной окраины с. Новоселовка (рис. 1: 1-2). По имеющимся архивным данным на обозначенной территории расположен многослойный памятник поздней бронзы – раннего средневековья, обозначенный как «Новоселовка-II»¹. Среди массива подъемного материала особого внимания заслуживает фрагмент трехсторонней литейной формы, публикации и анализу которой посвящена настоящая работа.

Литейная форма, обнаруженная во время пахотных работ на глубине около 0,2-0,3 м от современной поверхности, представляет собой фрагмент подпрямоугольного бруска серого мелкозернистого камня, вероятно, талькового сланца размерами 15,4x8,1x7,5 см (рис. 1: 3). Одна из боковых граней изделия утрачена, видимо, отколота под воздействием природных факторов или во время эксплуатации. Три другие боковые поверхности тщательно зашлифованы, на каждой из них сохранились

негативы для отливки индивидуальных металлических орудий. Торец формы округленный, его поверхность покрыта многочисленными выщерблинами. Принимая во внимание месторасположения негативов, их прослеживаемые параметры и известные аналогии выплавляемых орудий, сохранившийся фрагмент литейной формы соответствует примерно 1/3 части целого изделия.

Одна из сторон с сохранившимися размерами 13,7x8,1 см (плоскость до места округления торца) представляет собой матрицу для отливки черешкового ножа с листовидным клинком и кольцевым упором (рис. 1: 3А). Негатив расположен черешком к сохранившемуся торцу формы, его контуры более темного, чем плоскость грани, цвета, поверхность со следами трещин и выбоин, образовавшихся под воздействием высоких температур. На поверхности матрицы, в 2 см от кольцевого упора, выбрано конусовидное углубление-паз диаметром в верхней части 0,5 см и глубиной 1 см, предназначавшееся для соединяющего створки штифта. Здесь же просматриваются два отпечатка в виде небольших вдавлений подпрямоугольной формы, возникших при плотной состыковке двух створок. Судя по сохранившимся очертаниям негатива, выплавляемым орудием является листовидный нож с выраженным ребром жесткости, плавно переходящим в кольцевидный

¹ Настоящий памятник открыт в 1982 г. разведками К. И. Красильникова.

упор-утолщение, расположенный в основании плоского черешка. Края клинка имеют плавный изгиб, место их максимальной ширины, ввиду отсутствия части матрицы, надежно не устанавливается. Принимая во внимание рельефную форму орудия, следует полагать, что вторая створка, видимо, имела идентичные контуры и параметры. Размеры сохранившегося фрагмента негатива орудия: общая длина – 13,1 см, длина клинка – 8,3 см, реконструируемая ширина клинка – не более 6 см, диаметр упора – около 2,5 см, длина черешка – 3 см, ширина черешка – 1,4 см.

На второй плоскости размерами 13,6x7,5 см вырезан негатив массивного клинкового орудия с тремя продольными ребрами (рис. 1: 3Б). На поверхности матрицы, вдоль одной из сторон клинка, просматривается темно-коричневая линия, образовавшаяся, по всей видимости, в результате пригара и растекания металла. Здесь же проделано конусовидное углубление для фиксирующей створки штифта диаметром в верхней части 0,6 см и глубиной 1 см. Верхняя часть клинка в районе острия имеет слегка расширенное углубление, выступавшее, по всей вероятности, местом заливки металла. Судя по сохранившемуся фрагменту негатива, параметры выплавляемого экземпляра соответствуют массивному орудью типа кинжала. По центру плавно расширяющегося клинка проходит тройная нервюра, сливающаяся в единое ребро у конца изделия. Прочие характеристики формы орудия, из-за фрагментарности матрицы, не устанавливаются. Размеры сохранившегося фрагмента негатива орудия: длина клинка – 12,1 см, максимальная ширина клинка – 5 см, длина тройного ребра – 7,7 см, максимальная ширина тройного ребра – 1,5 см.

От третьей грани сохранился лишь фрагмент плоскости размерами 13,1x5 см с негативом трудноопределяемого орудия (рис. 1: 3В). На поверхности матрицы вдоль углубления негатива просматриваются продольные линии, оставленные во время

шлифовальных работ, здесь же зафиксирован темно-коричневый след от пригара металла. Непосредственно негатив значительно поврежден, на его поверхности присутствуют сколы и выщерблины, внутреннее пространство заизвестковано, что свидетельствует о пребывании в воде. Контуры выплавляемого орудия сохранились частично, в верхней части у округленного торца формы вырезано углубление серповидной формы 4,4x2,7 см, от которого вниз по диагонали отходит прямая борозда протяженностью 8,4 см. В данном случае возможно предположить, что сохранившиеся фрагменты негатива соответствуют составным частям изделия типа серпа – крюку для крепления рукояти и спинке тела орудия.

Из трех фрагментарно сохранившихся матриц наиболее надежна культурно-хронологическая атрибуция негатива ножа с листовидным клинком и кольцевым упором. В научной литературе подобные изделия упоминаются в качестве ножей-кинжалов «киммерийского» (Черняков, 1985. С. 111; Агульников, Иванова, 2010) или сабастиновского (Горбенко, 2008. С. 384) типов. По классификации Е. Н. Черных они соответствуют изделиям разряда Н-36² (Черных, 1976. С. 120-121), В. И. Клочко относит их к ножам красномаяцкого типа (Клочко, 2006. С. 185-186; 196-197). Центром концентрации рассматриваемых орудий выступает Поднепровье (Черных, 1976. С. 121), где они происходят из кладов и памятников ареала сабастиновской культуры. По имеющимся данным только в лесостепной части этого региона известно 10 отлитых экземпляров (Куштан, 2013. С. 140-141) и две матрицы для их производства (Гершкович, 2005-2009. С. 585. Рис. 4.2; 5.1). К востоку и западу от эпонимного региона их количество заметно сокращается, по сообщениям исследователей на огромном массиве прилегающего Днепро-Донецкого междуречья встречено всего 10 готовых ножей с кольцевым упором и различными вариациями клинка и 3 литейные формы для их отливки (Подобед и др.,

расширением в центральной части (тип Н-36), но фрагментарность матрицы не позволяет исключить его отношение к подобным ножам, но со смещением расширения к упору (тип Н-37).

² Судя по негативу матрицы клинок выплавляемого орудия новоселовского экземпляра имел наиболее встречаемую листовидную форму с максимальным

2009. С. 6). Географически ближайшими аналогиями негативу из Новоселовки выступают случайные находки ножей с кольцевым упором из Сватово и Трехизбенки на Луганщине (Археологический..., 1993. С. 165. Рис. 46.3-4). В хронологическом отношении рассматриваемый тип ножей датируется в широком диапазоне срубно-сабатиновского времени, что соответствует третьей четверти II тыс. до н.э.

Проблемной остается культурно-хронологическая характеристика фрагмента негатива клинкового орудия с тремя продольными ребрами. Единственным его отличительным признаком выступает сложная тройная нервюра, наличие которой сближает новоселовский экземпляр с кинжалами с цельнометаллическими или комбинированными рукоятями (тип Н-48/50 по Е. Н. Черных), на части которых встречаются подобные элементы жесткости (Черных, 1976. С. 123; 240-241. Табл. 37-38; Черняков, 1985. С. 108; 112. Рис. 56. 3, 5, 7, 12-13 и др.). В. И. Клочко рассматривает данную группу изделий в качестве мечей краснояцкого типа, классические варианты которых датирует XIV-XIII ст. до н.э. (Клочко, 2006. С. 183-184).

Третью сторону литейной формы, с большой долей осторожности, стоит рассматривать как матрицу для отливки серпа. Важнейшим диагностирующим элементом здесь является серповидный вырез в негативе, служащий, вероятно, для отливки крюка крепления рукояти. Если наши предположения верны, тогда новоселовский экземпляр следует относить к числу серпов восточно-карпатской и трансильванской групп прикарпатско-трансильванской серии, основная масса находок которой

учтена в рамках ареала культуры Ноуа. Для рассматриваемых изделий характерно присутствие цельнолитого крюка, в отличие от орудий других территориальных массивов, где эти элементы были кованными, либо вообще отсутствовали (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 188). По классификации Е. Н. Черных подобные орудия, различных форм и параметров клинковой и рукоятной частей, учтены в разрядах С-24 и С-26 (Черных, 1976. С. 96-97; 224-227, Табл. 21-25). Отметим, что Северский Донец является восточной границей распространения прикарпатско-трансильванских типов серпов (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 226). Здесь известно два орудия рассматриваемой группы, причем оба встречены в Райгородском кладе бронзовых вещей на р. Айдар (Лесков, 1967. С. 159-161; Ключева, 2005). Серпы из Райгородки отнесены исследователями к позднему варианту крюкастых серпов типа Илишень, время бытования которых приходится на XIII – первую половину XII вв. до н.э. (Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 226, 236).

Предварительно, рассматриваемую литейную форму следует связывать с импортом из ареала сабатиновских памятников на территории Поднепровья, где встречены основные типы выплавляемых орудий, представленные на новоселовском экземпляре. Какие-либо дальнейшие заключения требуют дополнительной информации, в том числе, необходимо проведение полевых исследований на месте обнаружения формы с целью поиска недостающих фрагментов матриц, а также определения характера памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агульников С., Иванова С. Кинжал «киммерийского типа» из окрестностей с. Севериновка // *Revista Arheologică. Serie nouă.* – Vol. V, nr. 2. – Chişinău, 2010. – P. 151-157.
- Археологический альманах. Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. – Вып. 1. – Донецк, 1993. – 236 с.
- Гершкович Я. П. Днепровокаменский комплекс литейных форм эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья // *STRATUM plus.* – № 2. – СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест, 2005-2009. – С. 578-590.

Горбенко В. К. Предварительные итоги археологических исследований укрепленного поселения поздней бронзы Дикий Сад // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. I. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 384-387.

Дергачёв В. А., Бочкарёв В. С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. – Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. – 348 с.

Ключко В. І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000-900 рр. до Р.Х.). – К.: АртЕк, 2006. – 337 с.

Ключнева И. Н. Райгородский клад // Матеріали та дослідження з археології Східної України. – Вип. 5. – Луганськ: СНУ ім. В. Даля, 2005. – С. 258-265.

Куштан Д. П. Південь Лісостепового Подніпров'я за доби пізньої бронзи. Археологічний альманах. – №29. – Донецьк: Донбасс, 2013. – 232 с.

Лесков А. М. О Северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. – К.: Наукова думка, 1967. – С. 143-178.

Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимицанов В. В. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналоги // Древности Сибири и Центральной Азии. – №1-2 (13-14). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009. – С. 3-17.

Черных Е. Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. – М.: Наука, 1976. – 302 с.

Черняков И. Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. – К.: Наукова думка, 1985. – 172 с.

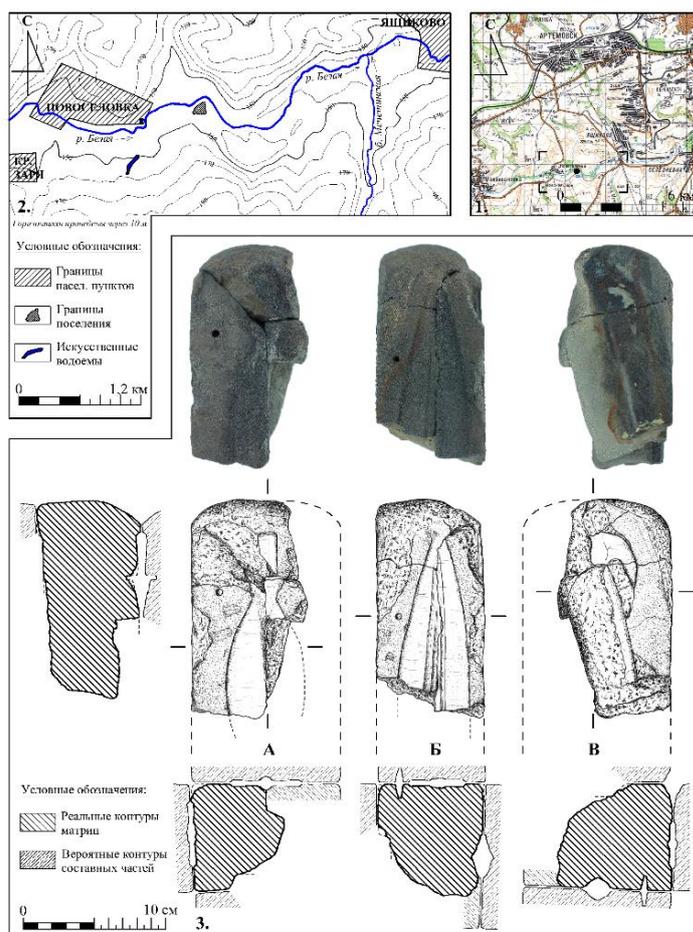

Рис. 1. 1-3. Новоселовка, Перевальський р-н, многослойный памятник эпохи бронзы – раннего средневековья «Новоселовка-II»

1-2 – месторасположение памятника; 3 – фрагмент трехсторонней литейной формы эпохи поздней бронзы: А – негатив ножа с кольцевым упором, Б – негатив клинкового орудия с тремя ребрами жесткости, В – негатив серпа с цельнолитым крюком под рукоять (?)

**NEW FIND OF A STONE CASTING FORM OF THE LATE BRONZE AGE
IN THE MIDDLE SEVERKY DONETS BASIN
(PRELIMINARY MESSAGE)**

P. P. Kovalenko

*Lugansk State Pedagogical University, The Center of Archaeology and Ethnography,
Lugansk, LPR*

This work is devoted to the publication of a new stone casting form of the Late Bronze Age in the middle Seversky Donets Basin. By analyzing the extanting fragments of negatives, the cultural and chronological characteristics of the tools are determined.

Keywords: The Seversky Donets Basin, the Late Bronze Age, a casting form, a matrix

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ СВЕРЛЕНИЕ ЗМЕЕВИКА МЕДНОЙ ТРУБКОЙ

С. В. Грехов

МАОУ СОШ № 1, Кушва, Россия

В данной статье представлены результаты экспериментального сверления змеевика при помощи коловорота и медных трубок. Для сверления автором были использованы разные абразивные порошки. В ходе экспериментов удалось выявить проблемы и особенности сверления отверстий в змеевике.

Ключевые слова: эксперимент, змеевик, сверление, абразивный порошок.

Змеевик (серпентинит) – минерал, твердостью от 2,5 до 4 единиц по шкале Мооса. В древности мог использоваться как материал для изготовления предметов утилитарного и неутилитарного назначения. Для того чтобы проверить возможность получения отверстий в данном минерале, автором была проведена серия экспериментов.

В настоящей работе представлены результаты сверления коловоротом змеевика с помощью медной трубки в качестве сверла и разными абразивами.

Коловорот представляет собой коленчатый деревянный стержень длиной 1,26 м, с прикрепленным к нему грузом в виде расколотого соснового полена длиной 0,63 м и весом (вместе со стержнем) 8,2 кг. Такой способ сверления описан у С. А. Семенова как «египетский» (Семенов, 1968. С. 69). Данный способ сверления более эффективен, чем буровой, что было доказано в ходе предыдущих экспериментов.

Сверлами послужили медные трубки диаметром от 13 до 15,9 мм. Сверление производилось при помощи разных абразивных порошков. Первый эксперимент проводился с использованием речного песка. Заготовкой, на которой проводилось сверление, стала плитка змеевика размером 123 × 52,6 × 24,8 мм. Сверлом являлась медная трубка с внешним диаметром 15,9 мм, длиной 80,6 мм и толщиной режущей кромки 1,3 мм. Через 10 минут сверления глубина отверстия составила 2,3 мм. Еще через 10 минут удалось углубиться до 3,2 мм. После 1 часа сверления глубина отверстия увеличилась до 7,6–8,1 мм. При этом стало заметно, что глубина отверстия неравномерна. Через 2 часа работы удалось

достичь глубины отверстия в 19 мм. На 128 минуте сверления сломалась высверлина. Это произошло из-за того, что была убрана фиксирующая деревянная планка, закрепленная поверх заготовки.

Через 2 часа 20 минут сверления глубина отверстия составила 22 мм. На 149 минуте плитка змеевика толщиной 24,8 мм была полностью просверлена. Диаметр отверстия со стороны начала сверления равнялся 18,5 мм, с противоположной – 17 мм. Высверлина, получившаяся в ходе сверления, не цельная. Первая высверлина конусообразная, длиной 19,2 мм и диаметром 10,4–11,8 мм. Вторая высверлина длиной 5 мм и диаметром 13 мм. Сверло по длине сточилось до 67,3 мм (на 13,3 мм). Диаметр трубки в месте режущей кромки уменьшился на 0,4 мм (с 15,9 до 15,5 мм) (Грехов, 2020а. С. 97).

В следующем эксперименте в качестве абразива использовался дробленый мелкозернистый наждак (корунд). В ходе эксперимента были использованы прямоугольная плитка змеевика размером 65 × 36 × 8,5 мм и медная трубка длиной 81,6 мм, внешним диаметром 14 мм, толщиной режущей кромки 1,2 мм.

Удивительно, но после 10 минут сверления отверстие было готово. Оно имело конический профиль. Диаметр отверстия с лицевой стороны плитки составил 15,8 мм, с противоположной – 14,3 мм.

В результате сверления была получена цельная высверлина конической формы длиной 8,3 мм и диаметром 11,5–9,5 мм. Сверло по длине сточилось до 80,7 мм (на 0,9 мм) (Грехов, 2020б).

Далее было осуществлено сверление этой же плитки змеевика, но уже дробленным мелкозернистым кварцем в качестве абразива. Для сверления использовалась медная трубка длиной 80,7 мм, внешним диаметром 14 мм и толщиной режущей кромки 1,2 мм.

После 30 минут сверления глубина отверстия составила больше половины толщины плитки – 6,7 мм. Еще через 5 минут сверления отверстие было завершено.

Отверстие получилось конусообразное, с небольшой ступенькой. Диаметр отверстия с лицевой стороны плитки равнялся 17,1 мм, с противоположной – 14,3 мм. Высверлина получилась цельная, конической формы, диаметром до 11,4 мм и длиной 8,3 мм. Сверло по длине сточилось до 76,8 мм (на 3,9 мм) (Грехов, 2020б).

Завершающим экспериментом стало сверление отверстия в толстой плитке змеевика длинным сверлом с помощью уже использовавшегося ранее наждачного порошка.

Параметры плитки следующие: 250 × 95 × 37,6 мм. Сверло имело размеры: длина 220,2 мм, внешний диаметр 13 мм, толщина стенки 1 мм.

После 20 минут сверления глубина отверстия составила 4 мм. Через 40 минут глубина отверстия была уже – 13,4-14,7 мм. Диаметр отверстия составил 15,4 мм. Сверло начало искривляться, а также сточилось до 215 мм.

Через 2 часа с начала сверления глубина отверстия равнялась 17,8-18,3 мм, диаметр отверстия увеличился до 15,8 мм. Сверло уменьшилось до 213 мм в длине и в диаметре немного приплюснулось на конце.

Еще через 1 час сверления глубина отверстия достигла 20 мм, а диаметр отверстия теперь стал 16 мм. Сверло сточилось

до 211 мм. Здесь встал вопрос, почему продуктивность сверления значительно снизилась? До этого эксперимента автор сверлил минералы меньшей толщины и при сверлении не прочищал трубку-сверло от забившейся туда абразивной массы. В сверле же, уплотнившийся наждачный порошок вкуче с водой образовал прочную субстанцию и, по всей видимости, последние 120 минут сверления стачивал высверлину. И действительно, высверлина значительно уменьшилась. Чтобы ускорить время сверления таких глубоких отверстий необходимо следить за состоянием сверла – постоянно прочищать его от накопившегося абразива или же реже подсыпать абразив.

Через 3 часа 24 минуты с начала сверления сверло треснуло посередине, Чтобы избежать слома, оно было распилено напополам и укороченная трубка была заново установлена. Теперь она имело длину 94,7 мм. Глубина отверстия на данном отрезке времени составила 27,7 мм.

В итоге, после 3 часов 57 минут сверления отверстие было готово. Диаметр отверстия со стороны начала сверления составил 16,5 мм, с противоположной стороны – 15 мм.

Высверлина образовалась не цельная – большая часть имела длину 23,4 мм, диаметр от 9,1 до 11,4 мм; меньшая – длину 3,4 мм, диаметр – 10 мм. Длина сверла после 33 минут сверления уменьшилась до 87 мм, т.е. на 7,7 мм.

Проведенные эксперименты позволили выявить особенности сверления змеевика медной трубкой с помощью разных абразивных порошков и, в частности, проблемы сверления отверстий в толстых заготовках. Накопленный опыт будет полезен при изготовлении экспериментального тора из змеевика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грехов С. В. Эксперименты по сверлению камня медной трубкой // ЛII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых учёных (УПАСК, 5-9 февраля 2020 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020 а. – С. 96-98.

Грехов С. В. Использование разных абразивных порошков при сверлении камня медной трубкой // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых с международным участием / ФГБОУ ВО «ИГУ»; отв. ред.: И. М. Бердников, Д. Н. Лохов. – Иркутск: Издательство ИГУ, 2020. – С. 37-38.

Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. – Л.: Наука, 1968. – 362 с.

EXPERIMENTAL DRILLING SERPENTINE USE THE COPPER TUBE

S. V. Grekhov

Secondary school № 1, Kushva, Russia

This article presents the results of experimental drilling of a serpentine using a brace and copper tube. For drilling, the author used different abrasive powders. During the experiments, it was possible to identify the problems and features of drilling holes in the serpentine.

Keywords: experiment, serpentine, drilling, abrasive powder.

Научный руководитель – Сериков Юрий Борисович, д.и.н., доцент.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИРМЕНСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ БАРНАУЛЬСКО-БИЙСКОГО ПРИОБЬЯ

О. А. Качесова, М. А. Гриб

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

В статье представлены результаты сравнительного анализа левобережных и правобережных ирменских погребальных комплексов на территории Барнаульско-Бийского Приобья. Дается описание погребального инвентаря и производится попытка выявления особенностей погребального обряда, проводятся аналогии с памятниками сопредельных культур эпохи поздней бронзы.

Ключевые слова: погребальный обряд, ирменская культура, эпоха поздней бронзы, Барнаульско-Бийское Приобье.

На данный момент исследовано достаточно памятников ирменской культуры на территории Барнаульско-Бийского Приобья, чтобы выделить особенности погребального обряда, характерного именно для этой территории. К настоящему времени исследовано около шестнадцати ирменских могильников.

На левобережье известно 3 ирменских погребальных комплекса, что составляет 19% от их общего количества в Барнаульско-Бийском Приобье. Это памятники Змеевка, Староалейка II, Телеутский Взвоз I.

Курганными группами являются могильники Телеутский Взвоз-I и Змеевка. На могильнике Староалейка-II погребения расположены в грунтовых ямах. На правобережье Оби расположены 4 курганных группы и 9 грунтовых могильников. Погребения на всех трех могильниках немногочисленны, что может свидетельствовать о непродолжительных стоянках ирменцев на близлежащих территориях. На памятнике Змеевка зафиксировано только одно погребение ирменской культуры, расположенное в кургане № 2, наряду с двумя андроновскими и одной стросткинской могилой (Членова, 1976. С. 77). Три погребения обнаружены на грунтовом могильнике Староалейка-II (Кирюшин, Шамшин, 1998. С. 107) и 5 ирменских курганов с 9 могилами – на памятнике Телеутский Взвоз-I (Папин, Грушин, 2004. С. 96). На правобережье располагаются могильники с многочисленными ирменскими погребениями. На могильнике Камышенка зафиксировано 68 ирменских захоронений, на могильнике

Плотинная-I – 52 (Тырышкина, 2008. С. 124).

Деревянные внутримогильные конструкции присутствуют только на памятнике Телеутский Взвоз-I (Папин, Грушин, 1998. С. 98). На двух других могильниках конструкций не фиксируется. На могильниках правобережья деревянные конструкции в захоронении – довольно распространенное явление. Наибольшее количество захоронений с внутримогильными конструкциями зафиксировано на памятниках Новотроицк-I, Плотинная-I, известен один случай погребения в каменном ящике на могильнике Суртайка (Тырышкина, 2008. С. 122).

К одиночным погребениям относится одно погребение на Змеевке, два погребения на Староалейке-II, 6 погребений на Телеутском Взвозе-I. Коллективное погребение из трех человек отмечено на могильнике Староалейка-II. В четырех могилах на Телеутском Взвозе-I люди были погребены по обряду кремации, судя по скоплению кальцинированных костей, можно предположить, что они тоже были одиночными. В итоге, на левобережных памятниках зафиксировано только одно коллективное погребение. На правобережных комплексах имеются и парные погребения (Камышенка, Новотроицк, Плотинная-I), и коллективные (Камышенка, Плотинная-I, Мельничихин Лог-I, Ближние Елбаны-IV) (Тырышкина, 2008. С. 123).

В большинстве захоронений, как правобережья, так и левобережья, поза погребенного ориентирована по линии ЮЗ-СВ, а погребенный лежит скорченно на

правом боку. Таким образом, в позе погребенных и ориентации левобережных и правобережных могильников особых различий нет (Членова, 1973. С. 114).

Для могильников ирменской культуры вполне типичен определенный набор инвентаря, который может варьироваться в зависимости от различных факторов. В могилах находят такие предметы, как орнаментированные и неорнаментированные керамические сосуды, бронзовые украшения (чаще всего, серьги и кольца), бронзовые ножи. Довольно часто встречается комбинация: керамический сосуд и бронзовое украшение. Проанализировав инвентарь в комплексах левобережья Оби, было замечено его достаточное разнообразие. Так, в одном погребении на могильнике Змеевка были найдены бронзовые кольцо, серьга, 2 ожерелья из бусин и пронизок, бляшка-пуговица и 2 керамических сосуда (Членова, 1976. С. 77). В комплексе Староалейка-II встречались также бронзовые кольца, развалы и фрагменты керамических сосудов, нож (Кирюшин, Шамшин, 1998. С. 109). На Телеутском Взвозе-I фиксировались керамические сосуды, нож, кольца, серьги и бляшка (Папин, Грушин, 2004. С. 96). Инвентарь могильников правобережья схож с могильниками левобережья. Исключение составляет богатое захоронение на могильнике Камышенка, в котором было найдено 115 украшений – среди них зеркала, диадемы, бронзовые украшения. Н. Л. Членова предполагала, что это было захоронение среднеазиатской женщины, по каким-то причинам вступившей в брак с представителем ирменского населения (Членова, 1981. С. 108).

На Староалейке-II и Телеутском Взвозе-I встречены пластинчатые ножи с кольцевым навершием, аналогии которым

довольно часто находят в погребальных комплексах Казахстана, относящихся к бегазинско-дандыбаевской культуре (Кирюшин, Шамшин, 1998. С. 109). Керамические сосуды тяготеют к саргаринско-алексеевской традиции, что подтверждается С. М. Ситниковым (Ситников, 2015. С. 7). Например, слабопрофилированные и неорнаментированные сосуды встречаются как в могильниках левобережья, так и в памятниках саргаринско-алексеевской культуры. Это частично подтверждает взаимодействие сопредельных культур позднего бронзового века.

В целом, погребальный обряд выше отмеченных культур также имеет схожие черты, за исключением того, что на ирменских памятниках Барнаульского Приобья отсутствуют каменные внутримогильные конструкции (исключение – памятник Суртайка, где единично встречен каменный ящик). О погребальном обряде саргаринско-алексеевской культуры говорить сложно в связи с малым количеством исследованных погребений, но известно, что умершие хоронились скорченно на правом или левом боку. В бегазинско-дандыбаевской традиции также присутствует кремация (Бейсенов и др., 2014. С. 75).

Таким образом, могильники левобережья имеют свои специфические черты, отличающие их от могильников правобережья Оби: немногочисленность погребений, преимущественно, одиночные захоронения, преобладание курганных могильников. Однако, если смотреть более глобально – погребальный обряд у ирменцев на различных территориях Барнаульско-Бийского Приобья был достаточно статичным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана 2014. – 212 с.

Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Погребения ирменской культуры из могильника Староалейка II // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы научно-практической конференции. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – С. 105-110.

Папин Д. В., Грушин С. П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 93-103.

Ситников С. М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. – Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. – 254 с.

Тырышкина Ю. Ю. Погребальный обряд ирменского населения Барнаульского Приобья // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. – С. 122-124.

Членова Н. Л. Суртайка – могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // КСИА. – № 134. – М., 1973. – С. 144-122.

Членова Н. Л. Андроновские и ирменское погребения могильника Змеёвка (Северный Алтай) // КСИА. – № 147. – М., 1976. – С. 76-84.

Членова Н. Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. – № 167. – М., 1981. – С. 100-109.

COMPARATIVE ANALYSIS OF IRMEN'S BURIAL COMPLEXES OF THE BARNAUL-BIYSK NEAR-OB' REGION

O. A. Kachesova, M. A. Grib

Altai State University, Barnaul, Russia

The article presents the results of a comparative analysis of the left-bank and right-bank Irmen burial complexes in the Barnaul-Biysk Near-Ob' region. A description of the grave goods is given and an attempt is made to identify the features of the funeral rite, analogies are drawn with the monuments of adjacent cultures of the Late Bronze Age.

Keywords: funeral rite, Irmen culture, Late Bronze Age, Barnaul-Biysk Ob' region.

Научный руководитель – Грушин Сергей Петрович, к.и.н., доцент.

ОРНИТОМОРФНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ С ШАЛАБОЛИНСКОЙ ПИСАНИЦЫ: ОПЫТ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ И ВИДОВОЙ АТРИБУЦИИ

А. И. Панкина, Т. К. Ермаков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В работе представлены результаты атрибуции изображения птицы с первого участка Шалаболинской писаницы на основе разработанного алгоритма биологической классификации орнитоморфных изображений. Также, с опорой на выявленный ряд стилистических признаков, сделаны попытки определить культурно-хронологическую принадлежность изучаемого изображения.

Ключевые слова: наскальное искусство, орнитоморфные изображения, биологическая классификация, культурно-хронологическая атрибуция, Шалаболинская писаница, Минусинская котловина

Орнитоморфные образы в наскальном искусстве Северной Азии встречаются значительно реже антропоморфных и зооморфных изображений. В связи с чем такие теоретические проблемы, как биологическая, стилистическая и культурно-хронологическая классификации известных на данный момент изображений птиц мало разработаны, а работы, затрагивающие их, немногочисленны (Окладников, Запорожская, 1970. С. 69-73; Кубарев, Забелин, 2006. С. 89-90; Чигаева, 2007).

С учетом уже имеющегося наработанного теоретического материала на данный момент первоочередной задачей видится уточнение и апробация алгоритма выявления таксономических и стилистических признаков для видового и культурно-хронологического определения орнитоморфных изображений. Для поставленной задачи представляется важным детальный анализ изображения птицы с участка 1а плоскости 1 уровня 1 Шалаболинской писаницы (юг Красноярского края).

Для работы с данным изображением использованы методы полевого описания для первичной вербальной фиксации характеристик образа. В качестве основного метода копирования использован метод фотограмметрии с последующей аналитической прорисовкой по полученной с 3D модели ортофотографии в программе «Krita» (3D Галерея НГУ).

Фигура выполнена в технике гравировки. Представлена фрагментарно: в профиль, обращена влево. Показаны открытый

длинный клюв, с загнутым вниз кончиком, характерной деталью является широкий разрез рта – при открытом клюве начало ротовой полости располагается дальше глаза. Изображение птицы обладает глазом, имеющим овальную форму и достаточно большой размер (занимает почти все пространство между клювом и макушкой головы). Яркой особенностью является наличие второй надбровной дуги, также имеющей подовальную форму.

Видовое определение данного орнитоморфного изображения опирается на аналогичные исследования в орнитологической науке, когда на основе разработанной системы критериев выявляются определенные биологические виды птиц: 1. Форма и размеры тела. 2. Окраска. 3. Голоса. 4. Повадки. 5. Биотопы (Сунгуров, 1960. С. 5). Ввиду графичности изображения, а также его фрагментарности, в исследовании были учтены только некоторые из них: морфологические особенности изображения (форма клюва, глаз), поведенческие особенности (аэродинамические особенности полета, сидячая поза), биотопы (остеологические материалы).

Подобными признаками обладают представители следующих отрядов птиц:

1. Соколообразные (семейство соколиные) – характеризуются крючкообразным загнутым надклювьем, широкой верхней частью клюва. Имеются развитые надбровные дуги, образующие читаемый полуовал над глазом. Кожистое кольцо вокруг глаз имеет овальную форму, крупный

размер и ярко-желтый цвет, выделяясь из общей окраски птицы. Атакуют добычу, расположенную в воздухе или на земле, всегда в полете, развивая при этом большую скорость (Бессарабов, Остапенко, 2011. С. 30; Бутурлин, Дементьев, 1936. С. 42, 52).

2. Чайковые (семейство чайковые) обладают довольно длинным клювом, у которого передняя треть или четверть верхней челюсти несколько загибается вниз, охватывая вершину нижней челюсти. Имеют слабо выраженные надбровные дуги, окологлазное кольцо небольших размеров, имеют оранжево-красный цвет (Рябицев, 2014. С. 196; Бутурлин, 1934. С. 123, 125). Отмечаются такие способы охоты, как зависание в воздухе перед броском, резкое пикетирование на добычу (Юдин, Фирсова, 2002. С. 117).

3. Козодоеобразные (семейство настоящие козодои) имеют маленький, загнутый на конце, клюв. Однако, разрез рта у этих птиц очень большой: челюстной состав расположен позади глаза. Имеются незначительные размеры надбровных дуг и окологлазного кольца. Охотятся с наступлением сумерек на разнообразных насекомых, которых они ловят в воздухе (Карташев, 1974. С. 219, 224).

Помимо выделенных отрядов не исключены такие виды как стервятники (семейство ястребиные), бакланы (семейство баклановые), крохали (семейство утиные), обладающие сходными морфологическими признаками (форма клюва и строение глаза).

За исключением чайковых и козодоев, представители всех рассматриваемых в данном исследовании отрядов и семейств птиц (соколообразные, ястребообразные, баклановые, утиные) встречаются в составе остеологического материала археологических памятников, начиная с позднего плейстоцена – начала голоцена на территории Минусинской котловины (Хакасии и юга Красноярского края) (Мартынович, 2006. С. 7, 18-20).

Таким образом, согласно выделенным таксономическим признакам, изображение птицы с Шалаболинской писаницы определяется как изображение хищника (большой овальный глаз, вытянутый изогнутый

клюв, глубокий разрез рта). Наиболее вероятные биологические виды: дневные хищники (соколообразные), речные/озерные хищники (баклановые, чайковые) и насекомоядные (козодоеобразные).

Для культурно-хронологической атрибуции исследуемого изображения был проведен сравнительный анализ характерных признаков как эталонных изображений птиц (дневные хищники, чайковые, баклановые), выделенных для территории Северной Азии (Чигаева, 2007. С. 37-39), так и локальных единичных изображений птиц, расположенных на территории Минусинской котловины.

Наибольшее сходство по имеющимся признакам (в профиль, открытый загнутый клюв, общая динамика фигуры, изображённой в полёте) изображение обнаруживает с орнитоморфными персонажами на окуневских стелах, они изображаются в полёте в профиль, часто с открытыми загнутыми клювами. Также для фигур данной культуры характерно наличие глаза (Леонтьев и др., 2006. Рис. 118, 129, 175, 219, 220; Чигаева, 2007. Табл. 3, 20).

Таким образом, согласно выделенным признакам, орнитоморфное изображение с Шалаболинской писаницы участка 1а имеет определенное сходство с изображениями птиц окуневской культуры. Однако, важно отметить, что стилистически данное изображение не находит на настоящий момент аналогий ни в окуневской изобразительной традиции, ни среди других известных орнитоморфных изображений на территории Минусинской котловины, и лишь с большой долей условности может быть определено как изображение эпохи ранней бронзы.

Работа выполнена в рамках проекта РФФ 18-78-10079 «Разработка технологий и информационной системы документирования и научного обмена археологическими данными».

Авторы выражают большую признательность за консультацию в вопросах орнитологии А. А. Маслову (Институт систематики и экологии животных СО РАН), Н. Н. Балацкому (Музей Природы НКГМ), Е. П. Шнайдер (ООО «СибЭкоЦентр»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессарабов Б. Ф., Остапенко В. А. Хищные птицы. Диагностика, лечение и профилактика заболеваний; методы содержания. Учебно-методическое пособие. – М.: «Аквариум-Принт», 2011. – 256 с.
- Бутурлин С. А. Кулики, чайки, чистики, рябки и голуби. – М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во, 1934. – 255 с.
- Бутурлин С. А., Дементьев Г. П. Трубноносые птицы. Дневные хищные птицы. Совы. Дятловые птицы. – М.-Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во, 1936. – 256 с.
- Карташев Н. Н. Систематика птиц. Учеб. пособие для ун-тов. – М: Высшая школа, 1974. – 362 с.
- Кубарев В. Д., Забелин В. И. Авиафауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам // Археология, этнография и антропология Евразии: журнал. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – № 2 (26). – С. 87-103.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. – 236 с.
- Мартынович Н. В. Позднечетвертичные птицы из пещерных местонахождений Южной Сибири (Алтае-Саянская горная страна). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. биол. н.: Спец. 25.00.02. – М., 2006. – 32 с.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. II. – Л., 1970. – 262с.
- Рябицев В. К. Птицы Сибири: справочник определитель. – М., Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. – Т. 2. – 456 с.
- Сунгуров А. Н. Экскурсионный определитель птиц Европейской части СССР. – М.: Просвещение, 1960. – 251 с.
- Чигаева В. Ю. Образы птиц в наскальном искусстве Северной Азии. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Спец. 07.00.06. – Кемерово, 2007. – 434 с.
- Юдин К. А., Фирсова Л. В. Ржанкообразные Charadriiformes. Ч. 1. Поморники семейства Stercorariidae и чайки подсемейства Larinae. – СПб.: Наука, 2002. – 667 с.
- 3D Галерея НГУ. [Электронный ресурс] URL: <https://3d.nsu.ru> (дата обращения: 03.10.20).

EXPERIENCE OF CULTURAL-CHRONOLOGICAL AND SPECIES ATTRIBUTION OF ORNITOMORPHIC IMAGE FROM SHALABOLINSKAYA PISANITSA

A. I. Pankina, T. K. Ermakov

Novosibirsk State University, Novosibirs, Russia

The paper presents the results of attribution of the bird image from the first section of the Shalabolinskaya Pisanitsa on the basis of the developed algorithm for biological classification of ornithomorphic images, as well as on the basis of a number of similar stylistic features, the cultural and chronological belonging of the studied image is determined.

Keywords: rock art, ornithomorphic images, biological classification, cultural and chronological attribution, Shalabolinskaya pisanitsa, Minusinsk depression.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ С ОРУЖИЕМ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА

А. В. Саратовцева

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Елизаветовское городище – важный памятник в изучении истории скифских племён, который содержит сведения о женских погребениях с оружием. Интерпретация данного явления – актуальный вопрос в археологии, требующий серьезного анализа имеющегося материала во избежание современного мифотворчества о «скифских амазонках».

Ключевые слова: женские погребения с оружием, скифы, Нижний Дон, Елизаветовское городище.

Находки предметов вооружения в женских погребениях являются характерной особенностью Елизаветовского могильника на Нижнем Дону. Начало исследований этого памятника было положено в 1853 г. и продолжается до сих пор.

На сегодняшний день мы имеем данные о 34 (из 89) женских погребениях с оружием, 21 из которых имеют узкую и надежную датировку благодаря находкам греческого керамического импорта.

Важно уточнить, что некоторые исследователи выделяют в нем 35 женских погребений с оружием, включая в этот список захоронение, найденное в 1854 г. П. М. Леонтьевым, что на наш взгляд не является верным. Так, в кургане 17 были погребены мужчина и женщина. С правой стороны костяка мужчины лежали бронзовые стрелы, привески от пояса и меч, находившейся возле головы. На костях женщины – два золотых гладких перстня простой работы, десять золотых дутых пуговиц простой работы, десять маленьких золотых спиральных украшений (около головы и в черепе), серебряные с золотыми вкраплениями серьги, два серебряных запястья и бронзовое круглое зеркало (ПроPILEI, 1854. С. 516). Здесь мы видим строгую дифференциацию инвентаря, что никак не позволяет относить принадлежность найденного оружия к женщине.

Наиболее частая находка в женских погребениях Елизаветовского могильника – наконечники стрел, встречающиеся в 25

погребениях; реже – копья (в 15-ти погр.), пращевые камни (в 10-ти погр.), мечи (в 7-ми погр.), панцири (в 2-х погр.), пояс (в 1-м погр.). Пять женских погребальных комплексов, три из которых содержат антропологическое определение пола погребенного, имеют полный набор наступательного вооружения, представленного стрелами, копьем и мечом:

1. Парное погребение мужчины и женщины 2/30/1967 – датируется второй четвертью V в. до н.э. Инвентарь: стрелы, копье, двулезвийный меч, ворворка (2 экз.), пряслице, браслет (2 экз.), кольцо (4 экз.), бусы, фрагменты золотых предметов, а также хиосская амфора. Уникальность этого погребения определяется богатым инвентарем, принадлежащим женщине (Брашинский, 1967).

2. Парное погребение мужчины и женщины 2/51/1976 – датируется V-IV в. до н.э. Инвентарь женского погребения включал обломок ракушечника, железный нож и оружие: железный меч, лежавший от правой кисти к левому колену, со следами деревянных ножен, под клинком находилось древко копья. Железный наконечник копья располагался к северу от правой плечевой кости, острием вверх. Рядом с коленным суставом левой ноги найдены остатки колчанного набора – наконечники стрел спекшимся пучком (Брашинский и др., 1976).

3. Одиночное погребение 2/130/1983 – датируется первой половиной IV в. до н.э. Инвентарь: стрелы, копье, двулезвийный

меч, пращевые камни, браслет, хиосская амфора. Погребение было основным, в центре кургана. Его сопровождал немногочисленный инвентарь (галька, следы железного браслета, амфора), в том числе оружие: железный наконечник копья рядом с левым плечевым суставом, острием вверх; железный меч вдоль левой ноги, остатки колчанного набора из двух бронзовых и около 20 железных наконечников стрел рядом с левой берцовой костью. Интересно, что возраст погребенной определен 25-30 годами (Копылов, 1983).

Огромную роль играет понимание смысла наличия оружия в женском погребении. Исследователи предлагают разные варианты, основные из которых мы представим:

1) Наличие оружия свидетельствует об участии женщины в военных действиях (Фиалко, 2010. С. 196). Ведь у каждого скифа-воина должен был быть лук и стрелы (Мелюкова, 1964. С. 14);

2) Оружие как сакральный элемент – амулет, талисман и др. (Пшеничнюк, 1983. С. 94);

3) Оружие как выражение уважительного отношения и любви родственников мужского пола к умершей (Ростовцев, 1925. С. 561);

4) Оружие было собственностью мужчины, который состоял в близкой связи

с женщиной (брачные узы). Так, она как будто «передавала» ему оружие и прочие предметы в другом мире (Богаченко, 2017. С. 219);

5) На пути в загробный мир женщине нужно было оружие в качестве защиты (Захаров, 2000. С. 38);

6) Вероятность того, что в женском погребении с оружием женщина выступает в качестве объекта, а субъектом является мужчина, костяк которого был практически разрушен (Плетнева, 1993. С. 168).

Так, имея несколько вариантов значения оружия в женском погребении, дать однозначную интерпретацию археологического материала не представляется нам возможным. Видовое и количественное разнообразие оружия в женских могилах свидетельствует о том, что причины наличия, по которым в могилы женщинам клали оружие, могли быть разными в каждом конкретном случае. Вероятно, мы можем развивать гипотезу о скифских воительницах лишь на примере трех рассмотренных погребений с полным набором наступательного оружия, надежной датировкой и антропологическим определением. Но это не позволяет нам говорить о военной принадлежности всех женщин, в погребении которых были найдены элементы оружия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богаченко Т. В. Исторические основы сказаний о женщинах-воительницах Южнорусских степей. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд. Южного федерального университета, 2017. – 268 с.

Брашинский И. Б. Отчет о работе Южно-Донской археологической экспедиции в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 3568, 3568-в.

Брашинский И. Б., Копылов В. П., Марченко К. К. Отчет о работе Южно-Донской археологической экспедиции за 1976 г. // Архив АКМ.

Захаров А. В. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону: Материалы и исследования по археологии Дона. – Вып. I. – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 27-45.

Копылов В. П. Отчет об исследовании Елизаветовского курганного могильника в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 9592, 9592-а.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д 1-4. – М., 1964. – 91 с.

Плетнева С. А. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // РА. – №4. – М., 1993. – С. 160-172.

Прописи: Сб. ст. по классич. древности, изд. П. М. Леонтьевым. Кн. 4. – М: Унив. тип., 1854. – 2838 с.

-
- Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М., 1983. – 200 с.
Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. – Л., 1925. – 627 с.
Фиалко Е. Е. Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // Stratum plus. 2010. – №3. – С. 187-196.

**TO THE QUESTION OF THE INTERPRETATION OF FEMALE BURIALS
WITH WEAPONS ON THE TERRITORY OF THE LOWER DON**

A. V. Saratovceva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The Elizavetovskoe settlement is an important monument in the study of the history of the Scythian nomads, which contains information about female burials with items of male implements. Interpretation of this phenomenon is a topical issue in archeology, requiring a serious analysis of the available material in order to avoid modern myth-making about the «Scythian Amazons».

Keywords: female burials with weapons, Scythians, Lower Don, Elizavetovskoe settlement.

Научный руководитель – Коваленко Александр Николаевич, к.и.н., доцент.

МАТЕРИАЛЫ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Я. С. Святой, А. А. Божко

БРОО «Общество любителей древней истории», Белгород, Россия

Памятники сарматского времени (II в. до н.э. – III в. н.э.) на территории современной Белгородчины пока еще слабо изучены археологически. Они известны на ряде городищ региона, присутствуют как в погребальных объектах, так и в качестве отдельных находок вещей. Авторы собрали воедино сведения о памятниках этого времени, происходящих с территории Белгородской области.

Ключевые слова: сарматы, Белгородская область, городище, могильник, клад, меч.

В настоящее время одним из наименее изученных вопросов в археологии края является вопрос присутствия сарматских племен на археологической карте современной Белгородской области. Научные представления о сарматах связаны со степью и это вполне понятно – по хозяйственно-культурному типу они были подвижными кочевниками, занимавшими степной пояс Восточной Европы от Южного Урала до среднего Дуная. В степной зоне сосредоточена основная масса оставленных ими памятников, прежде всего, курганов (Медведев, 2018. С. 14). Но со II в. до н.э. сарматы начинают проникать и далеко на север – в том числе и в Среднее Подонье (Медведев, 2008. С. 18).

Восточная часть Белгородчины (реки Оскол, Тихая Сосна, Айдар и др. с притоками) входит в состав историко-географического региона «Средний Дон». Именно здесь и сосредоточено большинство известных к настоящему времени сарматских памятников и отдельных находок. Единичны следы сарматского присутствия в западной части области: оно легко объяснимо – до рубежа эр сарматское население в регионе было малочисленным (Медведев, 2008. С. 22), а уже со второй половины I в. н.э. в регионе (в бассейне Северского Донца и Оскола) появляются позднезарубинецкие племена (Обломский, 2002. С. 10).

К одной из самых первых находок сарматского времени на территории региона относится так называемый Клименковский клад, обнаруженный «на хуторе Клименковом Воронежской губернии Валуй-

ского уезда» (совр. с. Клименково Ровенского района, р. Сарма – р. Айдар). Клад состоял из вещей конского снаряжения, включавшего две пары железных удил, три железных псаля и 8 серебряных фаларов. Кроме того, к этому комплексу принадлежал обломок лезвия ножа и бронзовая лампа. Проанализировав вещи из Клименковского клада, И. В. Яценко датировала его II в. до н.э. (Яценко, 1962. С. 50).

Следы сарматского времени обнаружены на ряде городищ региона. Так Г. Е. Афанасьев в 1981 г. обнаружил материалы рубежа эр на двух памятниках. Оборонительные укрепления городища Афоньевка (Волоконовский район, р. Оскол), судя по обнаруженным фрагментам лепных сосудов, фрагменту глиняного диска, льячки и пряслица, были возведены на рубеже н.э. (Афанасьев, 1987. С. 93). Аналогична ситуация и на городище у с. Подлысенки (совр. с. Тогобиевка) (Валуйский округ, бассейн р. Оскол). Выявленные им фрагменты лепных сосудов, лощеной миски и железной подвязной фибулы I в. н.э., а также обломки горшка на дне рва, позволили отнести устройство фортификационных сооружений городища к рубежу н.э. (Афанасьев, 1987. С. 96). Таким образом, оборонительные сооружения обоих городищ, возможно, связаны с сарматскими племенами.

Материалы, относящиеся к сарматскому времени, обнаружены Т. В. Сарапулкиной в 2005 г. при раскопках городища 1 у с. Ильинка (Красногвардейский район, р. Тихая Сосна). Найденная в раскопе тон-

костенная красноглиняная гончарная керамика позволила отнести следы поселения ко времени не ранее I в. н.э. (Сарапулкин, Сарапулкина, 2007. С. 252).

Фрагмент кувшина из городища Круглое (Алексеевский район, р. Камышенка – р. Тихая Сосна) может быть датирован сарматским временем (Либеров, 1965. С. 30; Медведев, 1990. С. 171). Несколько фрагментов лепных сосудов раннего железного века, обломок железного ножа и бронзовая лучковая фибула начала н.э. происходят с поселения у с. Шелаево (Шелаево III) (Валуйский округ, р. Оскол) (Синюк, 2014. С. 25, 26; Медведев, 1990. С. 171).

Система укреплений сарматского времени изучена А. З. Винниковым на городище Холки (Чернянский район, р. Оскол). На основании анализа лепной посуды И. Е. Бирюков относит сарматский слой Холковского городища к рубежу эр – первой половине I в. н.э. (Бирюков, 2020. С. 394, 395).

Наиболее достоверно атрибутированные материалы сарматского времени выявлены в курганных и грунтовых могильниках. В 1985 г. А. И. Пузикова изучена курганная насыпь №13 могильника у с. Вербное (Дуровка) (Красненский район, р. Камышенка – р. Тихая Сосна). Обнаруженное погребение относилось к женскому захоронению, костяк которого сохранился довольно плохо. Инвентарь представлен гончарной лощеной сероглиняной миской с вертикальным желобчатым бортиком, переходящим в конусовидно сужающийся ко дну корпус. Такие миски имели широкое распространение у меото-сарматских племен в последние века до н.э. Помимо миски найдены раковина багряница, каменная трапецевидная подвеска, фрагментированное бронзовое зеркало, пять бусин: 2 пастовые, 1 глазчатая и 2 сердоликовые, а также 63 мелких золотых полусферических бляшек, круглое железное кольцо. Исходя из инвентаря и конструкции могильной ямы, А. И. Пузикова датирует его II – I вв. до н.э. и относит ко времени проникновения сарматских племен на территорию Среднего Дона (Пузикова, 2001. С. 194). А. П. Медведев относит комплекс к раннесарматским и датирует II в. до н.э. (Медведев, 2008. С. 19).

Детское погребение ребенка 2-3 лет выявлено В. И. Гуляевым в кургане №9 некрополя Горки 1 (Красненский район, р. Потудань – р. Дон). В ногах погребенного располагались два лепных сосуда. По погребальному обряду и посуде В. И. Гуляев и Е. И. Савченко отнесли данное захоронение к сарматскому времени и датировали его 1-ой половиной III в. н.э. (Гуляев, Савченко, 2005. С. 127).

В 2007 г. при обследовании курганного могильника Орловка 2 (Белгородский район, р. Гостенка – р. Ворскла), состоящего из 4 насыпей, Т. В. Сарапулкиной на поверхности пашни была найдена круговая керамика сарматского времени (Сарапулкина, 2007. С. 10).

В 1950-х гг. борисовским краеведом А. Ф. Евминовой доследовано женское захоронение в поселке Борисовка (Борисовский район, р. Ворскла). В разрушенном погребении ею были найдены два узкогорлых глиняных кувшинчика, две зеленые косметические баночки и египетские бусы фисташкового цвета из непрозрачной пасты. Подобные предметы, по определению А. М. Обломского, относятся к сарматскому времени (Обломский, 2002. С. 14).

Одинокое грунтовое погребение с сопровождающим инвентарем, относящееся к среднесарматскому времени (I – начало II вв. н.э.) (Медведев, 2008. С. 23-25), изучено в 2001 г. В. А. Сарапулкиным у с. Мандрово (Валуйский округ, р. Валуй – р. Оскол). В погребении №5 обнаружены кувшинообразный сосуд, внутри которого были фрагменты каменной плитки, обломок железного шила (?), трапецевидная плитка из песчаника, бронзовое зеркало с остатками деревянного футляра, пряслице, бронзовый браслет, кусочек медной проволоки, свернутый из бронзовой пластины цилиндр (накосник (?)), большое количество бус (96 штук) и бисера. Кроме того, в заполнении ямы найден маленький необожженный лепной горшок (Винников, Сарапулкин, 2001. С. 57).

Также следует уделить внимание случайно найденным в регионе предметам сарматского времени. Они представлены 4-мя мечами и бронзовой статуэткой. Раннесарматский меч с серповидным навершием

случайно найден у с. Веселое (Красногвардейский район, р. Сосна – р. Тихая Сосна), датирован II – I вв. до н. э. (Медведев, 1990. С. 20, 21; Медведев, 2008. С. 19, рис. 8.2). Меч, найденный в окрестностях с. Ржавец (Шебекинский округ, бассейн р. Северский Донец), относится к I в. до н.э. – I в. н.э. (Сарапулкина, 2019. С. 130). Еще два меча с кольцевым навершием из с. Николаевка (Старооскольский округ, р. Осколец – р. Оскол) и с. Расховец (Красненский район, р. Камышенка – р. Тихая Сосна) датированы А. П. Медведевым началом н.э. (Медведев, 1990, с. 20; Медведев, 2008. С. 19, 25; рис. 8.9, 10). Кроме того, в Вейделевском

краеведческом музее хранится бронзовая статуэтка сарматского времени (История Белгородчины, 2015. С. 16).

Таким образом, на сегодняшний день на территории Белгородской области известно около 15 памятников и находок отдельных вещей сарматского времени. Это связано с тем, что целенаправленные поиски сарматских древностей на территории региона не проводились, а исследованные раскопками городища и некрополи этого времени изучались «попутно» при исследованиях памятников других культурно-хронологических горизонтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев Г. Е. Археологические открытия на новостройках. – М.: Наука, 1987. – 198 с.
2. Бирюков И. Е. Позднескифский горизонт в лесостепи от Днепра до Волги // Археологическое наследие. 2020. № 1 (3). Античность. Скифы. Сарматы. – Воронеж: Научная книга, 2020. – С. 393-403.
3. Винников А. З., Сарапулкин В. А. Раннесредневековый грунтовый могильник у с. Мандрово // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15: Средневековые древности евразийских степей. – Воронеж, 2001. – С. 55-65.
4. Гуляев В. И., Савченко Е. И. Исследования могильника Горки I на Среднем Дону // АО 2004 года. – М.: Наука, 2005. – С. 124-127.
5. История Белгородчины. Том 1. Под ред. Кононов Ю. В., Папков А. И., Сарапулкин В. А. – Рыбинск, «Медиарост», 2015. – 116 с.
6. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Вып. Д1-31. – М.: Наука, 1965. – 110 с.
7. Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 220 с.
8. Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса. – М.: «Таус», 2008. – 218 с.
9. Медведев А. П. Сарматы в лесостепи (40 лет спустя) // Вестник ВГУ. Серия: История, Политология, Социология. №1. – Воронеж, 2018. – С. 14-30.
10. Обломский А. М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.). – М.: Наука, 2002. – 255 с.
11. Пузикова А. И. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (Публикация комплексов). – М.: Индрик, 2001. – 272 с.
12. Сарапулкин В. А., Сарапулкина Т. В. Раскопки городища-1 у с. Ильинка // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 3. – Липецк, Спб., 2007. – С. 250-255.
13. Сарапулкина Т. В. Отчёт о разведочных работах на территории Белгородского, Валуйского и Яковлевского районов Белгородской области в 2007 году // Архив ИА РАН, Р-1, № 48776.
14. Сарапулкина Т. В. Мечи скифо-сарматского времени из собраний районных краеведческих музеев Белгородской области // Stratum plus. №3 –Спб., Кишинёв, Одесса, Бухарест, 2019. – С. 125-132.
15. Синюк А. Т. Избранные труды / ред. Гапочка С. Н., Федюнин И. В. – Воронеж: ВГПУ, 2014. – 765 с.
16. Яценко И. В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца // КСИА. – №89. – М.: Изд-во академии наук СССР, 1962. – С. 42-50.

MATERIALS OF THE SARMATIAN PERIOD FROM THE TERRITORY OF THE BELGOROD REGION

Ya. S. Svyatoy, A. A. Bozhko

BROO «Society of Lovers of Ancient History», Belgorod, Russia

Monuments of the Sarmatian period (II century BC – III century AD) on the territory of modern Belgorod region are still poorly studied archaeologically. They are known in a number of settlements in the region, are present in funerary objects, and as individual finds of things. The authors gathered together information about the monuments of this time, originating from the territory of the Belgorod region.

Keywords: the Sarmatians, Belgorod oblast, a settlement, a cemetery, the treasure sword.

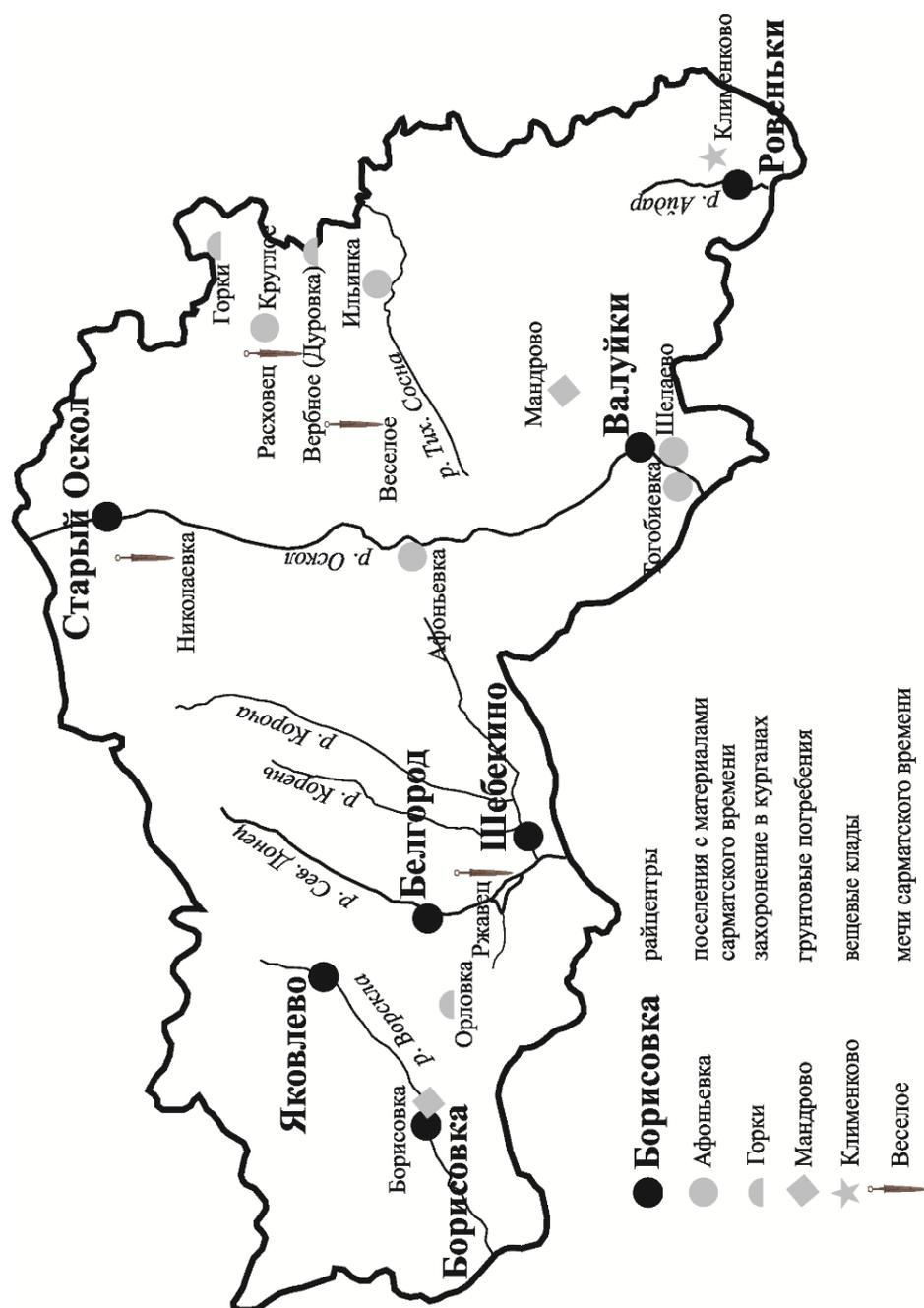

Рис. 1. Материалы сарматского времени с территории Белгородской области.

ЗООМОРФНЫЕ РУЧКИ НА БРОНЗОВЫХ КОТЛАХ САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН

Т. А. Лысенко

*Воронежский государственный педагогический университет,
Воронеж, Россия*

Статья посвящена зооморфным ручкам бронзовых литых котлов, получившим широкое распространение в первых веках н.э. в виде литых фигурок козлов, куланов (диких ослов), лошадей, баранов, архаров (горных баранов), а также верблюдов. Большинство видов животных, изображенных на ручках котлов, отображают реальных животных восточных территорий, с которых мигрировали сарматы в степи Нижней Волги, Нижнего Дона, Северного Причерноморья.

Ключевые слова: сарматы, котел, ручки котлов, литая фигурка, зооморфные ручки.

Группы литых бронзовых котлов с зооморфными ручками приобрели широкое распространение на территориях от Нижнего Дона, Нижнего Поволжья до Южного Приуралья в первых веках н.э. Животные, которые чаще всего изображались сарматами на котлах, были козлы, куланы, лошади, бараны, архары (горные бараны), а также верблюды.

Одним из самых распространённых животных, изображаемых на ручках, является козел. Котлы имеют две вертикальные зооморфные ручки, в виде козлов, стоявшие под наклоном мордами к устью сосуда. Козлы отлиты со сдвоенными ногами, двумя ушами, высоко поднятыми хвостами и одним рогом (Березуцкий, Золотарёв, 2017. Рис. 1, 2; Демиденко, 2008. Рис. 54.1, 67.2, 112, 113, 116-118).

Подобные ручки в виде литых бронзовых козликов мы можем встретить в донских и поволжских степях: в кургане 13 с. Верхне-Янченково, в могильнике Валовый I (курган 33), в могильнике Бердия (курган 8, п. 4), в могильнике Соколовский. У с. Кляковка был обнаружен котел, имевший две ручки в виде козликов, между ними располагалась еще одна ручка в форме лошадки, голова которой была отбита, а на спине находилось седло.

Что касается роли этих животных в жизни сарматских племен, то можно сказать, что ритуальные фигурки обладали особым языком, являясь своеобразными посредниками между миром природы и миром человека.

Изображения козлов и близких им архаров и баранов наиболее часто встречаются на сарматских котлах и прочих ритуальных и бытовых предметах. Не останавливаясь на широко распространенном представлении о баране и козле как символе солнца, божественного огня, отметим другие области его воплощения. Являясь в представлении древних священным животным, он предназначался для жертвоприношений предкам. Козел-баран традиционно служил в скотоводческих обществах символом богатства, силы и власти. По этой причине он приносился в жертву. Немалую роль играла также сила козла и барана, как символа плодородия – основного производственного животного скотоводческого общества.

Образ барана занимал видное место в религиозно-культурных представлениях сарматов, веривших в оберегающую силу животного. Вообще, культ барана – один из древнейших культов для ряда народов и местностей земного шара. Изображение барана и других животных на ручках сосудов обеспечивало, по верованиям сарматов, защиту сосуда с содержащейся в нем жидкостью от воздействия дурного глаза, от проникновения внутрь злых духов, враждебных человеку сил. Тем же целям, надо полагать, служили и изображения фигур животных на бронзовых котелках (Дюмизиль, 1976. С. 97).

Менее распространёнными изображениями животных являются олени. Ручки в виде оленей были обнаружены в Старобельске, а также в могильнике Отрадный II:

на венчике располагались две зооморфные ручки, они были обрублены в древности и лежали внутри котла. Ручки сделаны в виде стилизованных оленей (у одной из ручек сохранились ветвистые рога и короткий, загнутый вверх хвост), обращенных головами в противоположные стороны.

В нартовском эпосе олени часто очеловечиваются, разговаривают между собой. С ними связана вера в воскрешение, возрождение, оживление убитого зверя. Афсати – божество диких животных, в том числе оленей, жил в дружбе с нартами и дарил им целые стада оленей в дни пиршеств и свадеб. Скифам импонировали в олене такие его качества, как сила и стремительность. Потому его изображения встречаются на многих находках, в том числе и на знаменитом золотом олене с 18-ю отростками на рогах. Для нартов олень тоже был символом красоты и изящества. В эпосе упоминаются и 18-рогие олени. У скифов и сарматов сохранился культ небесного оленя. Нарты покрывают огромные воздушные пространства, поднимаются к богам на небесных оленях (Дюмизиль, 1976. С. 138).

Что касается фигурок лошадей, то их можно встретить в могильнике у с. Третьяки (Среднее Прихоперье). Котел имеет две вертикальные зооморфные ручки в виде лошадок. В могильнике «Новый» (Мартыновский район, Ростовская область) котел имеет две вертикальные зооморфные ручки в виде лошадок, прикивших к краю венчика котла (одна отбита) и две ручки петельки под венчиком (одна отбита); в могильнике Ново-Алек-сандровка (Азовский район, Ростовская область) имелись две ручки в виде лошадок, обе были отбиты.

Т. Ю. Тамерьян говорит о том, что культ коня, нашедший свое отражение в обряде посвящения коня, восходил к наиболее ранним тотемическим представлениям. Для мифологических представлений совершенно обычно и в порядке вещей, что первый земной конь произошел от небесного коня. Во всем нартовском эпосе, с начала до конца, конь играет первостепенную роль. Некоторые кони, как, например, конь Урузмага, Арфаи, пользуются не меньшей известностью, чем сами герои. Во многих сказаниях конь наделен человеческой речью и выступает как друг и советчик своего хозяина. Угон чужих конских табунов составляет главную цель нартовских «балцов» (экспедиций). Эти черты, как и многие другие, сближают нартовский эпос с аланским бытом. Аммиан Марцеллин пишет об аланах: «Они гонят перед собой стада крупного и мелкого скота и пасут их; но главный предмет их забот – лошади».

В заключении можно сказать что козлы, бараны, лошади, олени и т.д. играли необычайно большую роль в жизни кочевых племен. Они считали их культовыми животными, ритуальные фигурки обладали особым языком, являясь своеобразными посредниками между миром природы и миром человека. Кочевники с их развитым многообразием животных вобрали в себя домашних, диких и мифических животных и птиц. Большинство видов животных, изображенных на ручках котлов, отображают реальных животных восточных территорий, с которых мигрировали сарматы в степи Нижней Волги, Нижнего Дона, Северного Причерноморья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Березуцкий В. Д., Золотарёв П. М. Сарматский котел из донского левобережья // КСИА. – Вып. 246. – М., 2017. – С. 289-305.

Демиденко С. В. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 328 с.

Дюмизиль Ж. Осетинский эпос и мифология. / Пер. с французского А. З. Алмазовой / Под ред. и с послесловием В. И. Абаева. – М.: Наука, 1976. – 276 с.

ZOOMORPHIC HANDLES ON BRONZE CAULDRONS SARMATIAN TRIBE

T. A. Lysenko

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

The article is devoted to bronze cast cauldrons with zoomorphic handles, which became widespread in the first centuries ad. attention is drawn to cauldrons with zoomorphic handles in the form of cast figures of goats, kulans (wild donkeys) horses, rams, argali (mountain rams), and camels.

Keywords: sarmats, cauldron, boiler handles, cast figure, zoomorphic handles.

Научный руководитель – Березуцкий Валерий Дмитриевич, к.и.н., доцент.

СИСТЕМА ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С. С. Ронжова

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика
С. П. Королёва, Самара, Россия*

Во все времена у многих народов украшения являлись неотъемлемой частью жизни и культуры. Женские погребения пьяноборской культуры характеризуются значительным количеством личных украшений. В работе рассмотрены украшения головы, шеи, груди и рук, к которым относятся такие категории, как височные подвески, гривны, ожерелья, браслеты и перстни.

Ключевые слова: ранний железный век, Волго-Камье, пьяноборская культура, личные украшения, женский погребальный инвентарь.

К пьяноборской археологической культуре относятся памятники оседлого прикамского населения. Ареал распространения памятников пьяноборской культуры занимает, в основном, бассейн Средней Камы, нижнего и среднего течения р. Белой в пределах современных районов северо-запада Башкортостана, северо-востока Татарстана и юга Удмуртии (История башкирского народа, 2009. С. 255). Исследователи предполагают различные хронологические рамки существования культуры, не выходящие за пределы III в. до н.э. – первой половины III в. н.э.

Личные украшения, происходящие, преимущественно, из женских погребений пьяноборской культуры – одна из наиболее представительных категорий погребальной обрядности наряду с украшениями одежды, головного убора и обуви. К личным украшениям мы относим украшения головы – височные подвески, шейно-нагрудные украшения – гривны, ожерелья и украшения рук – браслеты и перстни.

Височные подвески – одно из самых многочисленных украшений. Данный вид украшения в погребениях находят в районе висков, отсюда и название. Они могли крепиться как к головному убору, так и к повязке, венчику, волосам. Чаще всего они изготовлены из бронзы, реже – из золота, серебра. Основу подвесок составляет простое разомкнутое проволочное кольцо, чаще всего дополненное привеской в виде конического стрежня или трубицы. Среди них можно отметить восьмеркообразные подвески, подвески с цельнолитой, гофриро-

ванной и спиральновитой конической трубицей. Последние отличаются от ананьинских и кара-абызских более крупными размерами (Агеев, 1992. С. 31-32). Редким типом являются широкие листовидные подвески. Височные подвески имеют стабильно устоявшиеся формы и по праву относятся к культуруопределяющим типам вещей пьяноборской культуры.

К шейным украшениям относятся *гривны*. Пьяноборские бронзовые гривны изготавливались из круглого дрота, из витой проволоки или из пластины с несомкнутыми концами. В большинстве своем гривны имеют на концах разнообразные замки для скрепления. Реже встречаются круглодротовые с зооморфными изображениями на концах. Некоторые исследователи указывают наличие прямых аналогий пьяноборских гривен с ананьинскими (Агеев, 1992. С. 35-36; Воробьева, 2011. С. 109), хотя между ними имеется значительный хронологический разрыв, поскольку в ранних погребениях пьяноборской культуры гривен пока не обнаружено. В целом, следует отметить, что использование пьяноборским населением гривен в качестве украшений носило не единичный характер (60 экземпляров по сводке Б. Б. Агеева (Агеев, 1992. С. 35-36).

Ожерелье – шейно-нагрудное украшение, основными составляющими которого являются бусы. Основу ожерелий в раннем железном веке составляли стеклянные бусы. В сочетании со стеклянными бусами в ожерельях использовались зубы животных, костяные подвески, бронзовые

пронизи, изделия из дерева и т.д. (Красноперов, 2006. С. 107). Стекланные бусы поступали в Прикамье из античных центров Северного Причерноморья через кочевников-сарматов, т.к. местного производства стекланных бус тогда не существовало. Состав ожерелий из различных импортных бус определялся теми типами, которые были наиболее распространены в конкретное время в античном мире. Складывалась ситуация, при которой торговые контакты напрямую зависели от военно-политической обстановки в степи. Именно поэтому на раннем этапе развития пьяноборской культуры довольно мало бусинного материала, а начиная с I в. н.э. – времени установления гегемонии в степи алан – в Волго-Камский регион хлынул поток разнообразных типов бус.

К украшениям рук следует отнести *браслеты*. В большинстве случаев браслеты являлись принадлежностью украшения женщин. В мужских захоронениях браслеты эпизодически встречаются. По сводке Б. Б. Агеева насчитывается 120 браслетов из железа и бронзы (Агеев, 1992. С. 44). Железные браслеты, преимущественно, одновитковые, пластинчатые или круглые в сечении. Кроме этого в пьяноборской коллекции встречаются и многовитковые, от 2 до 5 оборотов. Бронзовые браслеты более разнообразны: спиральновитые, сплетенные из двух тонких проволок, одновитковые пластинчатые и круглые в сечении с обрубленными и заостренными концами, многовитковые дровотые и другие. Известны браслеты и с зооморфными изображениями на концах, как и в случаях с гривнами. Многие образцы браслетов повторяют формы ручных украшений у кочевников-сарматов, но при этом отличаются простотой отделки.

В среде населения пьяноборской культуры для украшения кистей рук использовались *перстни* и *кольца*. Б. Б. Агеев

насчитывает 75 перстней (кольца у него входят в эту же категорию украшений) из бронзы (Агеев, 1992. С. 44-45). Практически каждый перстень имеет индивидуальную форму щитка и стилистику орнамента. В коллекции перстней присутствуют щитки с насечками по краю, круглые выпуклые, из сдвоенных бляшек, из четырех бляшек, с вставкой из стеклнной пасты. Также присутствуют перстни с прямоугольными щитками, оформленные выпуклыми полугорошинами, ажурные, из тонких полосок и прорезных колец. Популярным типом перстней были изделия со спиральновитыми щитками (Голдина, Лещинская, 2018. С. 28-29). Таким образом, перстни пьяноборской культуры характеризуются разнообразием своих форм.

Рассмотренные личные украшения населения пьяноборской культуры не выбиваются из сложившейся системы женских украшений раннего железного века. Однако, они имеют свои отличительные черты и технологические особенности. Украшения пьяноборской культуры характеризуются разнообразием типов изделий, имеющих особый орнаментальный мотив. Аналогии этим украшениям известны как в предшествующее время (ананьинская культурно-историческая общность), так и в параллельно существовавших культурах оседлого мира (кара-абызская, гляденовская культуры). Некоторые типы украшений имеют прообразы в материальной культуре кочевников.

Пьяноборские украшения, расцвет которых приходится на первые века н.э., послужили основой для дальнейшего развития материальной культуры в Волго-Камье. Украшения мазунинской и азелинской культур стали продолжением заложенных предшественниками традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев Б. Б. Пьяноборская культура. – Уфа, 1992. – 140 с.
- Воробьева С. Л. Гривны кара-абызского населения эпохи раннего железа (к вопросу о типологии и происхождении) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – № 2 (15). – Тюмень, 2011. – С. 108-115.
- Голдина Р. Д., Лещинская Н. А. О пьяноборской культурно-исторической общности // Археология евразийских степей. – №4. – Казань, 2018. – С. 17-55.

История башкирского народа. / Под ред. М. М. Кульшарипова. В 7 т., Т. 1. – М., 2009. – 403 с.

Краснопёров А. А. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье (II–V вв. н.э.) // Дисс. канд. ист. наук. – Ижевск, 2006. – 273 с.

SYSTEM OF WOMEN'S JEWELRY OF PIANOBOR CULTURE

S. S. Ronzhova

Samara National Research University, Samara, Russia

At all times jewelry was an essential part of life of many people and their cultures. Women's burials of the Pianobor culture are characterized by a significant number of personal jewelry. The article examines jewelry of the head, neck, chest and arms, which include such categories of discoveries as temporal pendants, torques, necklaces, bracelets and rings.

Keywords: early iron age, Volga-Kamyе, Pianobor culture, personal jewelry, women's grave goods.

Научный руководитель – Зубов Сергей Эдгардович, к.и.н., доцент.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ БЛИЗ С. ЯСТРЕБОВО БЕЛГОРОДСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А. В. Непочатова

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

В статье представлены результаты археологической разведки с осуществлением локальных земляных работ у с. Ястребово Белгородского района Белгородской области. По итогам работы в 2020 г. в данной местности было выявлено два кочевых стойбища, относящихся, предположительно, к раннему железному веку.

Ключевые слова: Белгородский район, Ястребово селище-3, Ястребово селище-4, шурф, стойбище, ранний железный век.

Осенью 2020 г. сотрудниками ООО «Белгородская археологическая экспертиза», а также студентами историко-филологического факультета НИУ «БелГУ» проводилась археологическая разведка вблизи с. Ястребово Беловского сельского поселения Белгородского района Белгородской области. Обследовался берег обводной балки Барский лог в долине р. Разумная (левый приток р. Северский Донец).

Археологическое изучение Белгородского района началось с конца 1940-х гг. и было связано с научными изысканиями советского археолога И. И. Ляпушкина (Ляпушкин, 1948). Во второй половине XX в. археологические работы по изучению района проводились Р. Л. Розенфельдтом, А. С. Смирновым, А. М. Обломским, А. В. Кропоткиным (Розенфельдт, 1969; Смирнов, 1979; Обломский, 1984; Кропоткин, 1987). В конце XX в. работу продолжили А. Г. Дьяченко, И. Т. Шатохин и В. М. Ряполов (Шатохин, 1998). В начале XXI в. обследование данной местности осуществлялось А. М. Обломским, И. В. и Д. В. Рукавишниковыми, И. В. Шляхтиным, А. А. Божко, а также Т. В. Сарапулкиной, А. А. Остапенко и Т. М. Алиевым (Рукавишникова и др., 2007; Божко, Шляхтин, 2007; Сарапулкина, 2010; Остапенко, 2012; Алиев, 2020).

Целью разведки 2020 г. стало обследование местности на предмет наличия памятников археологии с последующим уточнением сведений о них и планированием мероприятий по обеспечению их сохранности.

Нами было произведено натурное обследование склона балки Барский Лог и, частично, примыкающего к ней водораздела. В результате работ было выявлено два ОАН: «Ястребово селище-3» и «Ястребово селище-4».

ОАН «Ястребово селище-3» расположен на склоне задернованной балки Барский Лог. Территория селища распаивается. Подъемный материал представлен 23-мя фрагментами стенок сосудов с примесью искусственно введенного шамота, дресвы и дробленой раковины (рис. 1:1-4). Цвет в изломе – серый, толщина – 0,3-1,5 см.

Заложив в центральной части памятника разведочный шурф размерами 2х2 м, нам удалось зафиксировать археологический материал: в первом пласте – три фрагмента стенок сосудов, содержащих в формовочных массах примесь дресвы, во втором – три фрагмента обмазки и пять фрагментов стенок сосудов также с примесью дресвы. Мощность культурных напластований составила 0,4 м. Для определения границ памятника было заложено еще 4 шурфа, однако, археологический материал в них обнаружен не был. В результате границы памятника были установлены исходя из распространения подъемного материала и результатов шурфовки. Его размеры составили около 75х80 м.

ОАН «Ястребово селище-4» расположен на водоразделе балок Барский Лог и безымянной балки. В ходе визуального осмотра распаиваемой территории памятника было собрано: один кремневый отщеп

(рис. 1:5), один фрагмент обмазки и двенадцать фрагментов стенок сосудов с примесью искусственно введенного шамота и дресвы. Цвет в изломе – светло-серый и серый, толщина – 0,3-0,8 см.

Шурф размерами 2x2 м, заложенный в центральной части памятника, не показал наличия материала, из-за чего мощность культурных напластований не была определена. Помимо него, было заложено еще 4 шурфа для определения границ памятника, однако и в них археологический материал не был обнаружен. Поэтому границы памятника были установлены исходя из распространения подъемного материала. Его размеры составили приблизительно 68x90 м.

Анализ керамического материала позволил датировать оба памятника эпохой раннего железного века (нач. I тыс. до н. э. – I пол. I-го тыс. н. э.). В типологическом отношении они представляют собой кочевые стоянки с непродолжительным периодом бытования.

Также следует отметить, что в одном из шурфов, заложенном за пределами выявленных памятников, в качестве случайной находки была найдена медная монета Екатерины II 1779 г. номиналом в 5 копеек, с орлом 2 типа (1770 – 1777 гг.), изготовленная на Екатеринбургском монетном дворе (рис. 1:6).

Таким образом, в результате проведенной археологической разведки с осуществлением локальных земляных работ у с. Ястребово Белгородского района Белгородской области в 2020 г. было выявлено два ОАН: «Ястребово селище-3» и «Ястребово селище-4», представляющие собой кратковременные стоянки эпохи раннего железного века (нач. I тыс. до н. э. – I пол. I-го тыс. н. э.). На основании распространения подъемного материала и результатов шурфовки были установлены их границы. Полученные в ходе археологических работ находки и наблюдения в некоторой степени дополняют научные представления о заселении и материальной культуре населения бассейна р. Северский Донец в эпоху раннего железного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алиев Т. М. Отчет об археологических исследованиях (раскопки) на территории выявленного объекта археологического наследия «Беловское селище-3» в Белгородском районе Белгородской области в 2020 году // Архив ИА РАН.

Божко А. А., Шляхтин И. В. Разведки в Белгородском и Новооскольском районах Белгородской области // АО 2007 г. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 94-95.

Кропоткин А. В. Отчет о работах Черняховского отряда Белгородской раннеславянской экспедиции в Белгородской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13906.

Ляпушкин И. И. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции в 1948 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 263.

Обломский А. М. Отчет о работах Белгородской раннеславянской экспедиции в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9510.

Остапенко А. А. Отчет об археологических разведках в Белгородском и Валуйском районах Белгородской области в 2012 году // Архив ИА РАН, Р-1. № 35285.

Розенфельдт Р. Л. Отчет об археологической разведке в зоне затопления Белгородского водохранилища // Архив ИА РАН. Р-1. № 3858, 3858а.

Рукавишников И. В., Обломский А. М., Рукавишников Д. В. Разведки в зоне проектируемой трассы Москва – Симферополь // АО 2007 г. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С. 179-180.

Сарапулкина Т. В. Отчёт о разведочных работах на территории Белгородского, Грайворонского, Ровеньского, Шебекинского и Яковлевского районов Белгородской области в 2010 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 39479.

Смирнов А. С. Отчет о работах Белгородско-Деснинской экспедиции в зоне затопления строящегося Белгородского водохранилища в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7686.

Шатохин И. Т. Памятники Белгородской черты на территории Белгородской области. 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 25290.

**THE RESULTS OF ARCHEOLOGICAL EXPLORATION
NEAR THE VILLAGE OF YASTREBOVO
BELGOROD DISTRICT BELGOROD REGION**

A. V. Nepchatova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

The article presents the results of archaeological exploration with the implementation of local earthworks near the village of Yastrebovo, Belgorod district, Belgorod region. According to the results of work in 2020, two nomadic camps were identified in this area, presumably belonging to the early Iron Age.

Keywords: Belgorod district, Yastrebovo settlement-3, Yastrebovo settlement-4, pit, camp, early iron age.

Научный руководитель – Сарапулкин Владимир Александрович, к.и.н., доцент.

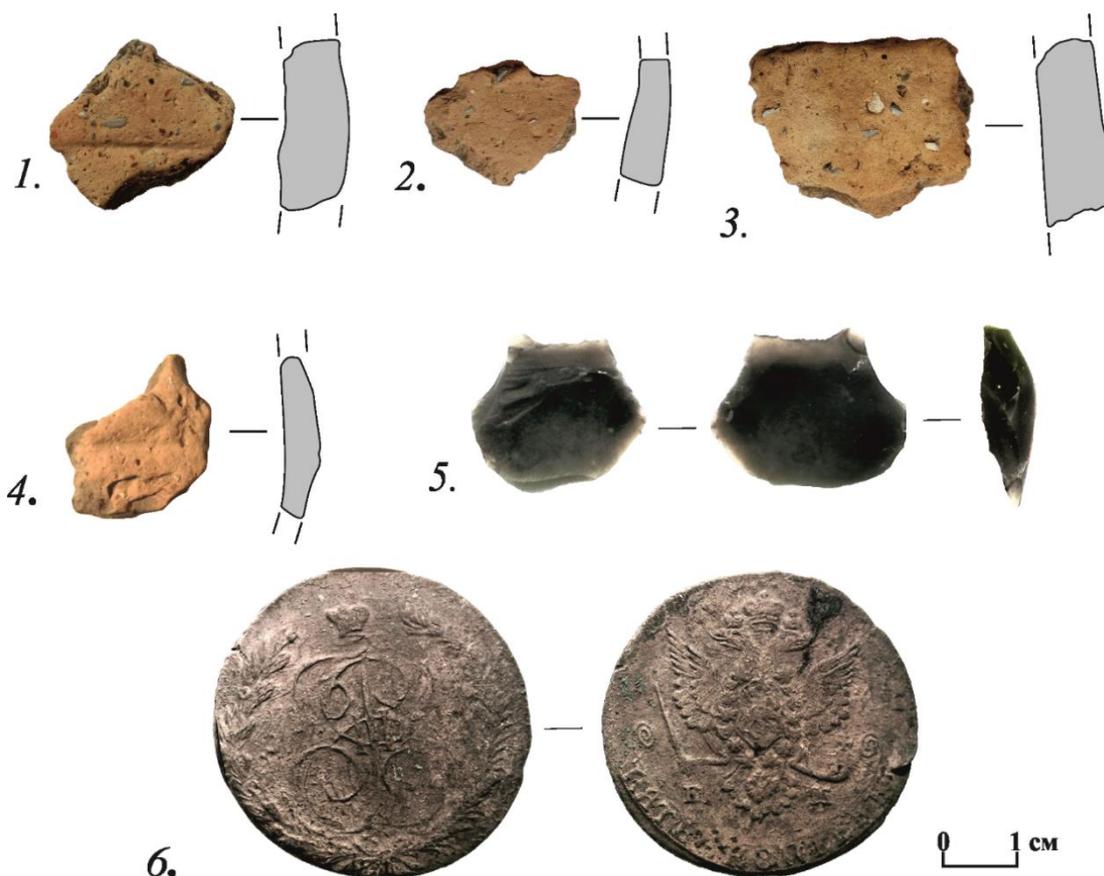

Рис. 1. 1-4 – фрагменты стенок раннего железного века; 5 – кремневый отщеп; 6 – медная монета Екатерины II 1779 г. номиналом в 5 копеек.

МАТЕРИАЛЫ КРУГА ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ С ТЕРРИТОРИИ СТАРООСКОЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО ОКРУГА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

А. А. Костылёва, К. А. Лошаков

*Управление государственной охраны объектов культурного наследия
Белгородской области, Белгород, Россия*

В данной работе опубликованы находки римского времени, изъятые УФСБ России по Белгородской области и переданные на хранение в Белгородский государственный музей народной культуры. Найденные и публикуемые материалы представлены 1 пластинчатым венчиком, 2 гривнами, 2 фрагментами нагрудной цепи, 1 бусиной.

Ключевые слова: украшения с выемчатой эмалью, римское время, Белгородская область.

Одним из наиболее ярких маркеров археологических культур римского времени Восточной Европы являются бронзовые изделия круга выемчатых эмалей.

С 1990-х гг. по настоящее время сложилась негативная тенденция нахождения большинства предметов круга выемчатых эмалей в результате деятельности т.н. «чёрных копателей». Как следствие, такие находки выпадают из исторического контекста и не могут служить для построения широких культурно-хронологических интерпретаций. Только часть из них попадает в поле зрения специалистов, а комплектность и достоверность местонахождения зачастую вызывают сомнения (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 114).

Очередной набор вещей круга выемчатых эмалей с территории лесостепного Подонья был обнаружен в ходе незаконной деятельности «чёрных копателей» на территории Белгородской области. В 2019 г. на одном из интернет-сайтов данный набор выставлен на продажу, что является нарушением статьи 7.15.1. Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации «Незаконный оборот археологических предметов». В рамках совместной работы Управления государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области и Управления федеральной службы безопасности России по Белгородской области в ходе оперативно-розыскных мероприятий последнего установлено лицо, занимавшееся противоправ-

ной деятельностью. Предметы, выставленные на продажу, изъяты. Уполномоченным специалистом (экспертом) на осуществление экспертизы культурных ценностей, аттестованным Министерством культуры Российской Федерации, установлено, что изъятый набор вещей является археологическими предметами, и относится к кругу восточноевропейских выемчатых эмалей I–III вв. н.э. Лицо, осуществляющее торговлю, привлечено к административной ответственности.

В 2020 г. при участии территориального управления Министерства культуры Российской Федерации по Центральному Федеральному округу и Управления государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области предметы переданы на постоянное хранение в фонды Белгородского государственного музея народной культуры.

Набор предметов обнаружен в лесном массиве, расположенном на склоне мыса, образованного балкой и правым берегом р. Убля (левый приток р. Оскол) в пределах Старооскольского городского округа Белгородской области. В ноябре 2020 г. сотрудниками Управления государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области проведён осмотр места, где обнаружены находки. Предметы располагались на небольшой глубине (не более 10 см от уровня современной поверхности почвы). В ходе осмотра прилегающей территории подъемный материал не зафиксирован.

Вероятнее всего, «копателями» обнаружен и изъят клад римского времени. В настоящее время науке известны 14 комплексов с украшениями в стиле восточно-европейских эмалей с территорий Верхнего Поочья, Поднепровья и Верхнего Подонья (Обломский, 2018. С. 11).

Обнаруженный набор предметов состоит из одного пластинчатого венчика, двух гривен, двух фрагментов нагрудной цепи, одной бусины.

Пластинчатый венчик – «Диадема» (рис. 1: 1а-1б) диаметром 17-18 см состоит из занимающей почти всю его длину пластинчатой части (длина – 46 см) и коротких (не тордированных) дротовых окончаний, отогнутые концы которых снабжены конусовидными навершиями, длиной 13 мм, диаметром у основания – 7 мм, у окончания – 4 мм. Пластина имеет отчётливое расширение посередине. Максимальная ширина в центре – 32 мм, на участках с боковыми ромбовидными композициями – 26 мм.

Пластина украшена орнаментом, основные элементы которого – углубленный (чеканка) зигзагообразный орнамент вдоль её краев, углубленный «Z»-образный орнамент по центральной части пластины вдоль всей ее длины (за исключением участков, занятых геометрическими композициями в виде ромба). В центральной части пластины и по бокам расположены 3 симметричные геометрические композиции. Каждая композиция образована из 4 декоративных штифтов со шляпками полушаровидной формы, покрытых эмалью зеленой цвета, расположенных в виде ромба, и углубленного орнамента в виде двух параллельных рядов точек, повторяющих форму ромба, внутри которого две углубленные линии «X»-образно пересекаются.

Точных аналогий венчика найти не удалось. По классификации, предложенной В. Е. Родинковой, рассматриваемая «диадема» по морфологическим признакам наиболее близка к дополнительному пятому типу диадем, который в настоящее время представлен всего одной диадемой из Мощинского клада (Родинкова, 2018. С. 69).

Типологически близкий пластинчатый венчик обнаружен у с. Знаменка Горшеченского района Курской области (басейн р. Оскол) (Радюш, 2020. С. 163).

Гривны. Две целых шейных гривны (рис. 1: 2-3) принадлежат к типу «витых» изделий, изготовленных из трёх скрученных вместе массивных бронзовых дротов, концы которых раскованы и завернуты в округлые петли. Размеры гривны 1: диаметр – 14-18 см, диаметр петель – по внешней стороне 22 мм, внутренней – 16 мм. Диаметр витой части изделия – 6 мм. Размеры гривны 2: диаметр – 15,8-18 см, диаметр петель – по внешней стороне 23 мм, внутренней – 16 мм. Диаметр витой части изделия – 6 мм.

Следует отметить, что во всех обнаруженных кладах с витыми гривнами с территории лесной и лесостепной зон (кроме Глажевского клада) присутствуют повреждённые экземпляры гривен (Воротянов, Хомякова, 2018. С. 84). Рассматриваемые гривны из Старооскольского клада не имеют следов повреждений.

Ближайшие аналогии гривен обнаружены в Межигорском кладае (Киевская область, Украина), Мощинском кладае (Калужская область), (Воротянов, Хомякова, 2018. С. 82), Брянском кладае (Брянская область) (Ахмедов и др., 2015. С. 147; Воронятов, Шинаков, 2020. С. 100) а также в погребальном инвентаре могильника Кораблино 1 (Рязанская область) (Воротянов, Хомякова, 2018. С. 83).

Детали нагрудной цепи. Представлены двумя большими бронзовыми подвесками-лунницами, соединенными колечками с ажурными звеньями, одна из которых дополнительно снабжена зажимом, также присоединенным к колечку.

Фрагмент нагрудной цепи 1 (рис. 1:5). Прямоугольное ажурное звено имеет для крепления с двух сторон выступающие овальные петли. Размеры звена: длина – 91 мм, ширина – 14,5 мм (в верхней части), 12 мм (в наиболее узкой части), 15 мм (в нижней части), толщина – 4 мм, длина изделия без петель – 67 мм. Звено представляет собой узкую вытянутую рамку, внут-

реннее пространство которой занято планками толщиной 1 мм, образующими зигзагообразный орнамент (всего 13 планок).

Лунница по классификации Г. Ф. Корзухиной относится к группе больших лунниц типа I трёхрогих (Корзухина, 1978. С. 36). Высота лунницы с петлей – 50,5 мм, без неё – 36 мм, ширина в нижней части – 74 мм. Верхнюю часть подвески ограничивает рамка шириной 4,5 мм. Центральную ось лунницы занимает линия, состоящая из трёх гнезд диаметром 8 мм, заполненных красной эмалью (диаметр 7 мм), соединенных между собой планками длиной 16 мм и 17,5 мм, по бокам которых читается зигзагообразный орнамент, образованный насечками по краю. Крайние гнезда вплотную примыкают к нижней части верхней рамки подвески. От центрального гнезда отходят две дугообразные планки, примыкающие краями к середине рамки верхней части лунницы. Нижняя часть подвески представляет собой плоскую трехрогую лунницу, перевернутую горизонтально срезанной спинкой вниз. Каждый из трёх ее отростков подтреугольной формы примыкает к верхним эмалевым гнездам, два боковых отростка завершаются по углам полусферными выступами диаметром 3 мм, плоскими на обороте. Высота нижней части – 12 мм.

К звену нагрудной цепи лунница прикреплена кольцом из проволоки диаметром 2 мм, размерами 14 x 16 мм.

К кольцу, помимо лунницы, прикреплен зажим. Зажим вытянутой трапециевидной формы из согнутой вдвое пластины с массивной петлей в верхней части и штифтом, соединяющим обе части пластины в 2,5 мм от её нижнего края. Длина – 40 мм, ширина основания пластины – 10 мм, ширина пластины в месте образования петли – 5 мм.

Подобное крепление зажима к луннице прослежено в составе цепи из клада близ г. Борзны (Корзухина, 1978. С. 71, 94)

Фрагмент нагрудной цепи 2 (рис. 1:4). Аналогичен вышеописанному. Отличие от первого фрагмента цепи – отсутствие зажима и незначительная разница в размерах.

Так, высота лунницы с петлей составляет 48 мм, без нее – 34 мм, ширина в нижней части – 79 мм. Верхнюю часть подвески ограничивает рамка шириной 6 мм.

Ближайшая аналогия указанных лунниц найдена у х. Александровский (Курчатовский район Курской области) (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 134; Чубур, 1996. С. 169). Типологически близкие лунницы обнаружены в Брянском кладе (Ахмедов и др., 2015. С. 147, Воронятов, Шинаков, 2020. С. 90), кладе близ г. Борзны (Корзухина, 1978. С. 71, 94).

Бусина (рис. 1:6). Призматическая уплощенная бусина размерами 13 x 8 x 4 мм с закругленными боковыми гранями и с ромбовидным отверстием изготовлена из красного глухого стекла.

Подобные бусы обнаружены в Брянском, а также Мощинском кладах (Румянцев, 2018. С. 116). По Е. М. Алексеевой указанные бусы близки к типу 104, датированному II-III вв. н.э. (Алексеева, 1978. С. 69).

Проведенный анализ вещей из Староскольского клада свидетельствует об их сходстве с вещевыми наборами из Брянского, Мощинского и Межигорского кладов. Данные комплексы исследователи связывают со средней стадией развития стиля эмалей, сложившейся не ранее конца II в. и существующей вплоть до середины – второй половины III в. (Обломский, 2007. С. 123; 2018. С. 247; Колесникова, Зиньковская, 2014. С. 34).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – Вып. Г1-12/2. – М.: Наука, 1978. – 104 с.

Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация) // РА. – № 2. – М., 2015. – С. 146-166.

Воронятов С. В., Хомякова О. А. Витые гривны с окончанием в виде петель // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). Раннеславянский мир. – Вып. 18. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 82-85.

Воронятов С. В., Шинаков Е. А. Отдельные находки и клады круга «варварских эмалей» в Брянском Подесенье // *Germania-Sarmatia*. – Вып. III. – М.: ИА РАН, 2020. – С. 80-115.

Колесникова А. Ю., Зиньковская И. В. Основные проблемы изучения предметов круга варварских эмалей Восточной Европы // Вестник ВГУ. Серия: История, политология, социология. – № 3. – Воронеж, 2015. – С. 29-37.

Корзухина Г. Ф. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI вв. н. э. в Среднем Поднепровье // САИ. – Вып. Е1-43. – Л.: Наука, 1978. – 124 с.

Обломский А. М., Терпиловский Р. В. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.). Раннеславянский мир. – Вып. 10. – М.: ИА РАН, 2007. – С. 113-141.

Обломский А. М. Введение // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). Раннеславянский мир. – Вып. 18. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 7-11.

Обломский А. М. Проблемы изучения кладов украшений с эмальями в Поднепровье и Подонье // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). Раннеславянский мир. – Вып. 18. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 237-253.

Радюш О. А. Распространение вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра и северского Донца на территории Курской и Белгородской областей России (материалы к каталогу) // *Germania-Sarmatia*. – Вып. III. – М.: ИА РАН, 2020. – С. 154-185.

Родинкова В. Е. Пластинчатые венчики или «диадемы» круга восточноевропейских эмалей // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). Раннеславянский мир. – Вып. 18. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 66-81.

Румянцева О. С. Бусы Брянского клада // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.). Раннеславянский мир. – Вып. 18. – М.: ИА РАН, 2018. – С. 115-124.

Чубур А. А. Памятники археологии, погибшие при строительстве Курской АЭС // РА. – №3. – М., 1996. – С. 167-170.

MATERIALS OF THE CIRCLE OF EXCAVATED ENAMELS FROM THE TERRITORY OF THE OLD OSKOL DISTRICT OF BELGOROD REGION

A. A. Kostyleva, K. A. Loshakov

*Department of State Protection of Cultural Heritage Objects of the Belgorod Region,
Belgorod, Russia*

In this work, finds of Roman times seized by the FSB of Russia in the Belgorod region and transferred for storage to the Belgorod State Museum of Folk Culture were published. The found and published materials are represented by 1 plate corolla, 2 hryvnias, 2 fragments of the chest chain, 1 bead.

Keywords: jewelry with excavated enamel, Roman time, Belgorod region.

Рис. 1. 1а, 1б – пластинчатый венчик – «диадема», 2, 3 – гривны, 4, 5 – детали нагрудной цепи, 6 – бусина.

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В 2020 ГОДУ

А. А. Ключойть*, Е. М. Дугина**, С. С. Симонов*, С. В. Шеменев*

*ЛРНОО «Археологические исследования», **ОБУК «Государственная дирекция культурного наследия Липецкой области», Липецк, Россия

В статье освещаются результаты масштабных разведочных исследований, проведенных в Липецкой области. Целью работ была полная инвентаризация и постановка на государственную охрану известных укрепленных поселений, находящихся в Липецкой области. В ходе работ проведена топографическая съемка 10 и повторное обследование 9 объектов, шурфовка трех из них.

Ключевые слова: археологическая разведка, городища, Липецкая область.

В 2020 г. сотрудниками Липецкой региональной общественной организации «Археологические исследования» проведены работы по проекту «Древнейшим городищам Липецкой области быть» в рамках гранта, выданного «Фондом президентских грантов». Целью проекта было помочь сохранению таких объектов археологического наследия Липецкой области, как городища. Необходимость выполнения этих работ была связана с наличием стандартной для многих регионов ситуации, когда фактически на охране стоит только небольшая часть известных археологических объектов. В Липецкой области из 38 выявленных городищ полноценно стоящими на охране можно считать лишь 19.

Для исправления сложившейся ситуации нами был запланирован ряд мероприятий: это мониторинг состояния 33 объектов, археологическое обследование 9 объектов, топографическая съемка 10 городищ, закладка шурфов на трех из них с целью актуализации информации о мощности и составе культурного слоя, и раскопки разрушающегося стихийным карьером участка городища у с. Демкино.

В результате проведенных работ на момент написания работы планы по мониторингу объектов перевыполнены: обследовано 35 объектов, на 8 из них выявлены следы незаконного поиска археологических предметов, вероятно, с применением металлоискателей, два объекта пострадали от стихийной добычи песка. На основе всех выявленных фактов в правоохранительные

и надзорные органы составлены соответствующие письма.

Также 9 объектов обследованы заново с целью постановки их на государственную охрану: несмотря на то, что для каждого из них есть весь необходимый пакет документов, в перечень выявленных объектов культурного наследия, они, без соблюдения в данном случае бюрократической процедуры выявления, включены быть не могут.

Работы по топографической съемке выполнялись для тех объектов, на которых съемка не проводилась совсем, либо проводилась давно и планы не соответствуют современным требованиям. Всё это не позволяло поставить эти городища на полноценную государственную охрану. Съемка проводилась с помощью GNSS приемника и тахеометра.

Помимо составления топографических планов нашей задачей было отработать технологию трехмерного моделирования снятых объектов с возможностью дальнейшего использования указанных моделей в научных и популяризаторских целях. Для реализации этой задачи использовался программный комплекс QGIS 3.10.6. с установленным плагином Qgis2threejs. Все полученные модели размещены на сайте ЛРНОО «Археологические исследования», в соответствующем разделе.

В результате новые планы были сняты для городищ: Дегтевое, Долгое, Ксизово второе, Ленино Северное, Перхвальское Первое (Большое) и Перхвальское Второе (Малое), Ратчино, Свишни, Стрешнево и Уткино.

Шурфы закладывались на трех городищах: Долгое, Ратчино и Свишни.

Поселение и городище Долгое выявлено Верхнедонской экспедицией под руководством В. П. Левенка в 1959 г. (Левенок, 1959. С. 12) и тогда атрибутировано им как городище без культурного слоя и селище за валом. Затем обследовалось в 1973 г. В. И. Матвеевой (Матвеева, 1973. С. 23), ею был заложен раскоп площадью 92 кв. м. В отчете отмечено, что находки из раскопа единичны. Памятник является хорошо известным, при этом для него полностью отсутствовала учетная документация и современные планы. По результатам работ проведена съемка, построена трехмерная модель.

Укрепления городища представлены одним хорошо сохранившимся валом и рвом, сложенным из известняковой породы. Первый же шурф размерами 1x1 м, заложенный на внешней стороне, в 40 м от вала городища, показал высокую концентрацию археологического материала, предвзительно отнесенного к раннему периоду заселения территории Верхнего Дона русским населением в XI-XIII вв.³ Дополнительно после закладки еще двух шурфов были установлены границы поселения перед городищем: его площадь составляет 16000 кв. м. Также один шурф был заложен на площадке городища, он подтвердил версию об отсутствии на ней археологического материала.

Городище Ратчино выявлено в 1988 г. С. И. Бражниковой (Бражникова, 1988. С. 15) и после этого больше не обследовалось. Тогда автором был составлен глазомерный план и заложены шурфы, в которых выявлена слабая концентрация материала, датированного ранним железным веком.

На сегодняшний момент на городище сохранились остатки рва и эскарпа, продолжающего его и протянувшегося по периметру городища на 55 м. Найденный археологический материал позволят говорить о

том, что объект сооружен в сарматский период на Верхнем Дону и датируется I-III вв. н.э.

Городище Свишни – самое компактное из известных на Верхнем Дону, его площадь составляет 1500 кв. м. Открыто в 2007 г. А. А. Иншаковым (Иншаков, 2007. С. 26). Автором на городище выявлено три линии укреплений, состоящих из вала и рва. Также исследователем был заложен шурф, в котором выявлен фрагментированный материал раннего железного века и часть стенки неопределимого гончарного сосуда. Автором, на основе размеров, было предложено датировать городище городищским временем, также высказывалась версия о позднем использовании укреплений во время освоения края русским населением в XVI-XVII вв.

На данный момент фиксируется три линии укреплений. На площадке городища был заложен один шурф, из него получено три фрагмента керамики раннего железного века, которая, вероятнее всего, датируется I-III вв. н.э. (определение И. Е. Бирюкова). В шурфе, заложенном перед линией валов, археологического материала не выявлено.

На момент написания данной публикации ещё не закончены спасательные работы на городище Дёмкино и их результаты будут опубликованы позднее.

По итогам проведенных работ нами обследовано 19 известных ранее укрепленных поселений, для них составлена необходимая учетная документация для постановки их на охрану. Для 10 городищ выполнены высокоточные топографические планы, три объекта изучались с помощью шурфовки.

Работа подготовлена при поддержке Фонда президентских грантов. Проект №: 20-1-035143 Название проекта: «Древнейшим городищам Липецкой области – быть!».

³ На момент написания работы обработка коллекции не завершена

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бражникова С. И. Отчет к открытому листу № 93 об археологических исследованиях в Добровском районе Липецкой области (бассейн р. Воронеж) в 1988 г. // Архив ИА РАН.

Иншаков А. А. Отчет археологическая разведка по р. Свишня Долгоруковского района Липецкой области в 2007 г. // Архив ИА РАН.

Левенок В. П. Археологический отчет о работах Верхне-Донского экспедиционного отряда Ленинградского отделения ИА АН СССР и Липецкого областного краеведческого музея (1959 г.) // Архив ИА РАН.

Матвеева В. И. Отчет об археологических работах Верхнедонской экспедиции в Липецкой области в 1973 г. // Архив ИА РАН.

RESULTS OF STUDYING CITIES OF THE EARLY IRON AGE AND THE MIDDLE AGE IN LIPETSK REGION IN 2020.

A. A. Klyukoit'*, E. M. Dugina, S. S. Simonov*, S. V. Semenov***

**LRNOO «Archaeological Research», **State Department of Culture «State Directorate of cultural heritage of the Lipetsk region», Lipetsk, Russia*

The article highlights the results of large-scale exploration studies conducted in the Lipetsk region. The purpose of the work was a complete inventory and state protection of well-known fortified settlements located in the Lipetsk region. In the course of the work, a topographic survey of 10 and re-examination of 9 objects was carried out, three of them were ground.

Keywords: archaeological exploration, ancient settlements, Lipetsk region.

СТОЛОВАЯ ПОСУДА МЕСТНОГО ПРОИЗВОДСТВА С ПОСЕЛЕНИЯ ХОРЫ ОЛЬВИИ КОЗЫРКИ 12 – ЮЖНОЙ

А. А. Гиблова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

В статье публикуются фрагменты сероглиняной и красноглиняной керамики, найденные в ходе работ Нижнебугской экспедиции ЛОИА АН СССР на поселении Козырка 12 – южная в 1990-1992 гг. В итоге были описаны основные закрытые и открытые формы простой столовой посуды, обнаруженные при исследовании памятника, а также сделана попытка выделить типы данной группы керамики. Материалы публикуются на основе архивных материалов.

Ключевые слова: сельская округа Ольвии, поселение Козырка 12 – южная, простая столовая посуда, сероглиняная керамика, местное производство.

Простая столовая сероглиняная и красноглиняная керамика, изготовленная после третьей четверти VI в. до н.э., для региона Нижнего Побужья традиционно в историографии относится к местному ольвийскому производству, что подтверждается находками производственного брака и химическим анализом глин (Буйских, 2012. С. 26-31). Неоднократно предпринимались попытки создания типологии сероглиняной посуды в различные периоды существования ольвийского полиса (Крапивина, 1987. С. 71-79; Крапивина, 2007. С. 98-105; Kravivina, Lejrunskaja, 2009. P. 67-76; Лейпунская и др., 2014. С. 410-434). Однако, полной обобщающей работы, посвященной исследованию продукции местного ольвийского производства, и, в первую очередь, сероглиняной керамики, так и не было создано (Буйских, 2007. С. 29-30).

В данной статье произведена статистическая обработка фрагментов сероглиняной посуды, обнаруженных в ходе раскопок поселения последней четверти VI – третьей четверти IV вв. до н.э. Козырки 12 – южной в 1990-1992 гг., а также предпринята попытка их первичного распределения по типам. Стоит сразу же оговориться, что материалами для написания работы послужили описи находок и рисунки профилей из отчетов Нижнебугской экспедиции ЛОИА, хранящиеся в научном архиве

ИИМК РАН. Основной целью статьи автор видит публикацию данных материалов для введения их в научный оборот.

В комплексе вещественного материала поселения Козырка 12 – южная простая сероглиняная, красноглиняная и реже светлоглиняная столовая посуда составляет до 8 % (52% без учета амфорной тары)⁴. Причем, преобладает сероглиняная лощеная керамика с покрытием или без него (44 %) (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1990 г. Д. 53; НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1991 г. Д. 44; НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1992 г. Д. 28), что характерно для Ольвии и ее округи в рассматриваемый период. Обе группы представлены широко известными по материалам Ольвии и ее округи открытыми и закрытыми формами (табл. 1). Среди закрытых форм преобладают кувшины, кратеры, горшки. Единичны фрагменты пелик, ольп, лекифов, асков.

Кувшины составляют не менее 15 % от массива сероглиняной и 26 % от красноглиняной керамики. Представлены, в основном, фрагментами венчиков и кольцевых поддонов. По форме венчиков можно выделить, по крайней мере, три типа сосудов, широко известных по материалам Ольвии и сельской округи. К первому типу по В. В. Крапивиной, Н. А. Лейпунской (Лейпунская и др., 2014. С. 410) относятся вен-

⁴ По всей видимости, красноглиняная и сероглиняная керамика производились в одних и тех же ольвийских мастерских. Отличия

цвета глины объясняются технологией обжига, формы же практически идентичны. В связи с этим обе группы рассматриваются вместе.

чики сосудов с достаточно широким цилиндрическим горлом, у некоторых форм слегка расширяющимся кверху, переходящим в округлое тулово с плоской или округлой ручкой (табл. 1: 1-2). Находки на поселении могут быть датированы по сопровождающему материалу в ямах № 24 и № 29 первой половиной IV в. до н.э.

Ко второму типу можно отнести плоские или слегка утолщенные венчики кувшинов с широким цилиндрическим горлом, отогнутые наружу (табл. 1: 3-5). Фрагменты кувшинов второго типа были найдены в заполнении строительных комплексов, датируемых не позднее конца V – первой четверти IV вв. до н.э.

Третий тип представлен фрагментами сосудов с округло-выгнутыми венчиками, переходящими в округлое тулово (табл. 1: 6, 7). Соответствуют типу четыре по В. В. Крапивиной, Н. А. Лейпунской (Лейпунская и др., 2014. С. 410). Венчики уплощенные и отогнутые, уплощенные или утолщенные и профилированные. По материалам с поселения данный тип датируется первой половиной – третьей четвертью V в. до н.э.

Фрагменты сероглиняных кратеров составляют лишь 1,3 % от общей массы простой столовой посуды. Судя по рисункам профилей из заполнения позднеархаических ям, для поселения можно выделить не менее двух вариантов венцов: 1) оттянутый наружу и вверх (табл. 1: 8); 2) горизонтальный венчик (табл. 1: 9). Отметим находку развала сероглиняного кратера с черным покрытием в яме позднеархаического времени (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1991 г. Д. 43. Л. 14).

В яме IV в. до н.э. была обнаружена верхняя часть сероглиняной пелики с рельефным горлом и широким желобком по тулову (табл. 1: 11). Прилепы ручек расположены сразу под венчиком. Форма хорошо известна по материалам некрополя Ольвии (НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1991 г. Д. 43. Л. 14).

К открытым формам относятся сероглиняные и красноглиняные миски и чаши, содержание которых в слоях и комплексах поселения достигает 10 % среди сероглиняных форм и 8,5 % в составе красноглиняной столовой посуды. Выделяются экземпляры красноглиняные с серым покрытием, с

красной краской или полосами так называемого красного лака. Сероглиняные сосуды чаще всего покрыты темной обмазкой и лощением или только лощением. Согласно рисункам профилей материалов с памятника можно выделить не менее двух типов мисок сероглиняной и четырех типов красноглиняной посуды данной категории.

Наиболее многочисленны миски-чаши первого типа (соответствует типу 1 по В. В. Крапивиной (Крапивина, 2007. С. 103)). К ним относятся сероглиняные и реже красноглиняные сосуды с широким округлым туловом и загнутым внутрь валикообразным венчиком на кольцевом или утолщенном плоском поддоне (табл. 1: 12-14, 16-18, 23-24). Миски данного типа активно использовались населением Ольвии и ее окружи в VI – первой половине V вв. до н.э. (Крапивина, 2007. С. 103). Иногда под венчиком присутствует отверстие для проведения веревки для подвешивания (табл. 1: 17). Среди мисок данного типа можно выделить глубокие (табл. 1: 13-14, 23-24) и уплощенные формы (табл. 1: 12, 16-18). По форме венчиков различают следующие варианты: 1) утолщенные; 2) загнутые внутрь удлиненные стенки без утолщения. По находкам из культурного слоя и строительных комплексов миски типа 1 могут быть датированы VI – V вв. до н.э.

Второй тип сероглиняных мисок представлен единственным фрагментом венчика. Профиль является продолжением стенки, срезан, по всей видимости, относился к сосуду с округлым туловом на кольцевом поддоне (табл. 1: 15).

Гораздо более разнообразен набор красноглиняных чаш-мисок. Однако без непосредственной работы с материалом не представляется возможным выделить среди них экземпляры местного производства.

К последнему периоду существования поселения относятся находки красноглиняных и сероглиняных рыбных блюд. Находки краев, солонок, донцев в культурном слое и строительном комплексе первой трети IV в. упоминаются в полевой описи за 1990 и 1991 гг. К сожалению, рисунки профилей отсутствуют, что не дает возможности судить об их форме. Можно лишь

предположить, что рыбные блюда имели обычную для ольвийской продукции форму с сужающимися прямыми стенками, двумя-тремя каннелюрами и солонкой с бортиком или без него (Крапивина, 2007. С. 105; Буйских, 2011. С. 242-264).

Среди других открытых форм единичными фрагментами стенок красноглиняных сосудов представлены килики, один из которых, возможно, относится к ольвийскому производству, имитирующему аттические образцы, а также миски с широкими полосами краски по тулову и венчику (табл. 1: 20). Встречаются в комплексах позднеархаического и классического времени.

Более многочисленны находки скифосов. Сероглиняные формы встречаются на поселении в комплексах конца VI – первой четверти V вв. до н.э. и раннеэллинистического времени. Два рисунка профилей представлены венчиками из позднеархаической ямы (табл. 1: 21, 22). По всей видимости, форма имитирует аттические скифосы конца VI – начала V вв. до н.э. Красноглиняные формы скифосов выделяются по находкам четырёх фрагментов стенок и четырёх ручек из заполнения ямы первой половины V века до н.э.

Категория бытовой посуды представлена, в основном, фрагментами светильни-

ков, которые составляют почти 4% от комплекса сероглиняной керамики на поселении. По большей части это фрагменты стенок и рожков, обычных для позднеархаического и классического времени открытых форм. Единственный археологически целый светильник также представлен открытой формой с загнутыми внутрь стенками и небольшим рожком с круглым отверстием (табл. 1: 25). Датируется, предположительно, V веком до н.э. К красноглиняным светильникам относится только один фрагмент рожка из ямы конца V – первой половины IV века до н.э.

Таким образом, массив красноглиняной и сероглиняной посуды на поселении Козырка 12 – южная представлен разнообразными типами столовой и хозяйственной посуды, большая часть которой, по всей видимости, относится к местному ольвийскому производству. Встречаются среди материалов и достаточно редкие формы сосудов, часто не упоминаемые в обобщающих работах, посвященных сероглиняной и красноглиняной керамике Ольвии и ее окружи. В качестве примера можно упомянуть верхнюю часть пелики с рифлёным горлом. В целом же основные типы сосудов соответствуют материалам позднеархаического и классического времени с памятников Нижнего Побужья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буйских А. В. Краснолощенные рыбные блюда из Ольвии // БИ. – Вып. XXV. – Симферополь, 2011. – С. 242-264.

Буйских С. Б. Серая гончарная керамика Ольвии и ее хоры VI – I вв. до н.э. (историографический аспект) // *Εὐχαριστήριον: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928-2004)*. Отв. ред. Тункина И. В. – СПб.: «Нестор-История», 2007. – С. 29-30.

Буйских С. Б. Серая гончарная керамика Боспора (попытка осмысления на фоне Северного Причерноморья) // БИ. – Вып. XXVI. – Симферополь, 2012. – С. 26-31.

Крапивина В. В. Простая столовая керамика // *Культура населения Ольвии и ее окружи в архаическое время*. – Киев: Наукова думка, 1987. – С. 71-79.

Крапивина В. В. Сероглиняна керамика Ольвії 98 VI–V ст. до н. е. // *Археологія*. № 1. – Киев, 2007. – С. 98-105.

Лейпунская Н. А., Крапивина В. В., Буравчук О. Е. Сероглиняная керамика // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. № 13. – Симферополь-Керчь, 2014. – С. 410-434.

Krapivina V., Lejpunskaja N. Grey Table Ware from Late Archaic – Early Classical Complexes of the Central Quarter of Olbia Pontica // *Pontica*. XLII. Suppl. I. – Romania: Museum of National History and Archaeology, 2009. – P. 67-76.

DINNERWARE OF THE LOCAL MANUFACTURING FROM THE SETTLEMENT KOZYRKA 12-SOUTH

A. A. Giblova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

The paper is dedicated to the publication of the part of the materials of Nizhnegubskaya expedition of the Leningrad Department of the Institute of Archaeology of the Academy of Science, that had been investigating the settlement Kozyrka 12-South during 1990-1992. Dinnerware of the local manufacturing was taken as the object of the research. It is the most important component of the Olbia site and its region's material culture. As a result of the study the basic open and close forms of gray-clay and red-clay ware, found during the investigating the site, were described. Also an attempt of distinguishing the primary types was undertaken.

Keywords: Olbia's rural districts, the settlement Kozyrka 12-South, simple dinnerware, gray-clay ware, local manufacturing.

Научный руководитель – Бутягин Александр Михайлович.

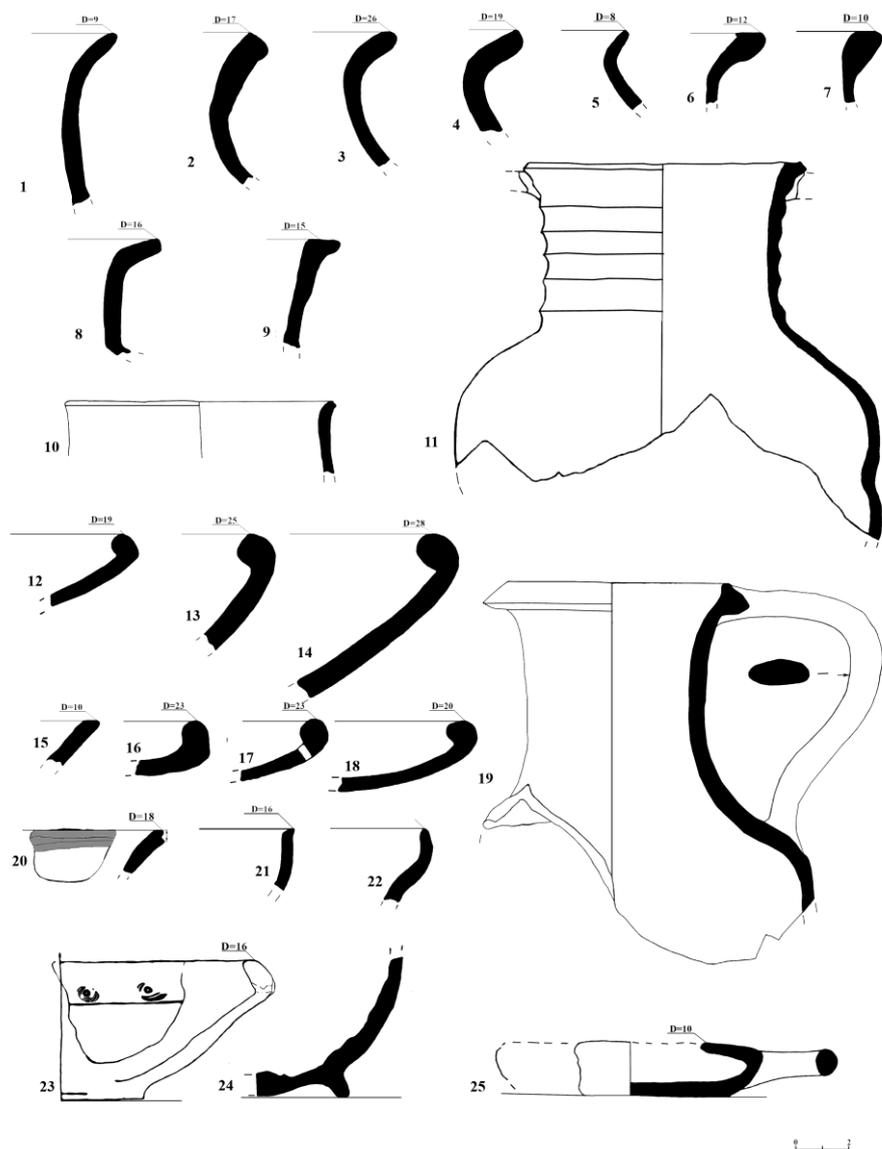

Таблица 1. Венчики сероглинянных и красноглинянных кувшинов: 1-2, 19 - тип 1, 3-5 - тип 2, 6-7 - тип 3; 8-9 - венчики кратеров; 10 - венчик сероглинянного скифоса; 11 - верхняя часть сероглиняной пелики; венчики сероглинянных мисок: 12-14, 16-18, 23-24 - тип 1, 15 - тип 2; 21-22 - венчики скифосов; 20 - венчик килика; 25 - сероглиняный открытый светильник.

К ВОПРОСУ О ЕГИПЕТСКИХ КУЛЬТАХ НА БОСПОРЕ В IV-II ВВ. ДО Н.Э.

А. И. Степикин

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Работа посвящена исследованию египетских культов на Боспоре IV-II вв. до н.э. Автор приходит к выводу, что на Боспоре уже существовали частные культы Исиды, Беса; возможно, были известны и другие боги. В перстнях с изображением Птолемеев могли видеть Афродиту и Геракла.

Ключевые слова: Боспор, египетские культы, Птолемеи.

В историографии вопрос о египетских культах на Боспоре до римского времени проработан, на наш взгляд, недостаточно подробно. В то же время мы имеем определенное количество археологических находок сакральных предметов, связанных с Египтом, и для более раннего времени.

Уже с VII в. до н.э. на Боспоре появляются первые скарабеи (Пиотровский, 1958. С. 24). Но значительное распространение находок, связанных с Египтом, прослеживается лишь с IV-III вв. до н.э. Это, прежде всего, фаянсовые бусы и бронзовые перстни.

Характерно, что подавляющее количество культовых находок происходит из некрополей. Это свидетельствует об их апотропеическом назначении. Причем эта особенность характерна для всего Северного Причерноморья вообще. Можно отметить и еще одну особенность египетских предметов в Северном Причерноморье: «вазы Гарда», встречающиеся почти исключительно в Александрии, найдены и в некрополе Ольвии (Шургая, 1972. С. 18); изделий из фаянса во всем античном мире в III в. до н.э. – III в. н.э. больше всего найдено на территории Северного Причерноморья (Алексеева, 1975. С. 27); на Боспоре перстней птолемеевского типа также больше, чем где-либо (Ладынин, 2007. С. 236). Это показывает, что греки Северного Причерноморья вообще были заинтересованы в активнейшем получении и использовании таких предметов, которые часто встречаются в составе погребального инвентаря.

Возвращаясь к Боспору, стоит обратить внимание на перстни с изображениями

царей династии Птолемеев, датируемые началом III – началом II вв. до н.э. Вопросу об их появлении на Боспоре посвящена значительная историография (Ладынин, 2007. С. 238-239). Однако, как бы мы его не решали, нельзя игнорировать факт нахождения их или в некрополях Пантикапея, Фанагории, Нимфея, Горгиппии, Танаиса, или – правда, в одном случае – в святилище «Береговой 4» (Завойкин, 2017. С. 234-235, рис. 2,1). Это может свидетельствовать об их сакральном характере. При этом из двадцати семи известных нам перстней двадцать четыре изображают именно цариц династии. Можно предположить, что в изображениях цариц, культ которых вряд ли возможен здесь, боспоряне видели Афродиту, но не Навархиду, а Уранию как более популярную ипостась на Боспоре. Арсиноя III, которую в Египте не отождествляли с Афродитой (Ладынин, 2007. С. 238), в представлениях боспорян могла отождествляться с ней в связи со схожей с прочими изображениями цариц иконографией. В таком случае в изображениях царей – мужских бородатых голов – греки могли видеть изображение местного паредра богини – Геракла. Впрочем, мы понимаем, что это предположение несколько умозрительно.

Точно засвидетельствован на Боспоре частный культ Исиды. Так, IV в. до н.э. датируется бронзовая протома богини из Нимфея (Соколова, 1998. С. 39); III в. до н.э. – перстни из некрополей Пантикапея и Феодосии, на первом из которых изображена Исида или ее жрица, а на втором – Исида и Серапис (Неверов, 1974. С. 112-113, рис. 27, 29). Наконец,

наиболее показательным является «посвящение на Делосе нимфейца», в котором некий Эвтих, сын Аполлония, приносит дар Зевсу Сопутствующему, Серапису, Исиде, Анубису, Гарфократу (Граков, 1939. С. 286-287). Значит, Исида рассматривалась как богиня-покровительница мореплавателей. Этот источник, помимо прочего, показывает знакомство, по крайней мере, со II в. до н.э., боспорян с египетскими культами Сераписа (которого мы уже видели на перстне), Анубиса и Гарпократа с той же функцией. С другой стороны, слова надписи «богам, почитаемым в одном храме и на одном алтаре» могут говорить о том, что нимфейец посвятил этим богам жертвы только по причине того, что они все почитаются здесь одновременно.

Бог Бес также, видимо, имел почитателей на Боспоре. Фаянсовая подвеска в виде его головы найдена в гробнице №4 кургана Большая Близница IV в. до н.э. (Пиотровский, 1958. С. 24). Сразу же отметим, что в этой гробнице был обнаружен и калаф с рельефными фигурками менад и сатиров, а похоронены в кургане, по одной из версий, жрицы Деметры (Шауб, 2007. С. 375, 377, рис. 85). С Бесом, возможно, связана и терракотовая статуэтка конца IV – начала III вв. до н.э. из культового комплекса Большой греческой колонии, изображающая, видимо, Диониса с отдельными чертами Беса – бог сидит в той же позе, в которой обычно изображается этот бог, и на голове у него тиара в виде лотоса. В заполнении культового комплекса найдены многочисленные фрагменты протом Деметры и серебряная пластина с изображением богини (Копылов, 2015. С. 123-124,

126, рис. 3,5). Возможно, такая двойная связь Беса с Дионисом и Деметрой на Боспоре не случайна; но это предположение требует дополнительных аналогий и аргументов.

Фаянсовая пронизь, изображающая сидящее в кресле божество второй половины IV в. до н.э. (Алексеева, 1975. С. 36, табл. 6:6); ожерелье из некрополя Тирамбы конца II – начала I вв. до н.э., состоящее из подвесок из голубого фаянса в виде протомы головы Гора, руки в апотропеическом жесте и кисти винограда (Коровина, 1972. С. 105, рис. 1,1), а также амулет в виде фигурки Имхотепа из зеленой пасты из кургана близ станицы Марьинской III-II вв. до н.э. (Пиотровский, 1958. С. 25) требуют отдельного рассмотрения. Учитывая, что у нас нет никаких других источников по культу Гора и Имхотепа, данные находки почти невозможно использовать для доказательства существования этих культов. Видимо, эти изделия были просто апотропеями, сакральный смысл которых скорее угадывался. С другой стороны, в них греки могли видеть изображения своих собственных богов.

Таким образом, боспоряне были знакомы с культами одних египетских богов (Исида, Бес); о почитании других мы можем говорить с большим сомнением. Возможно, в некоторых изображениях чужих богов (Гор, Имхотеп, династия Птолемеев) они видели своих собственных – или же отдельные, исключительные жители все-таки знали тайный смысл этих культов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, Г1-12. – М.: Издательство «Наука». – 1975. – 118 с.

Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. – № 3 (8). – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – С. 231-312.

Завойкин А. А. Металлические украшения и другие предметы из металла в святилище Деметры и Коры («Береговой 4») // КСИА. – Вып. 249. Ч. I. – М.: Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – С. 231-249.

Копылов В. П. Эллинистический культовый комплекс в Елизаветовском городище на Дону. // БИ: сборник – Вып. XXXI. – Керчь: Керченская городская типография, 2015 – С. 121-134.

Коровина А. К. Фаянсовые подвески из некрополей Тирамбы и Фанагории // ВДИ. № 1 (119). – М.: Издательство «Наука», 1972 – С. 104-113.

Ладынин И. А. Еще раз о перстнях «Птолемеевского типа» из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н. э. // ДБ. – Том 11. – М.: Институт археологии РАН, 2007. – С. 235-252.

Неверов О. Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. – № 1 (127). – М.: Издательство «Наука», 1974. – С. 106-115.

Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА. – № 1. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – С. 20-27.

Соколова О. Ю. Бюст Изиды из Нимфея // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Материалы научной конференции. – СПб., 1998. – С. 39-40.

Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н. э.). – СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та; Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 484 с.

Шургая И. Г. Ольвия и Александрия Египетская // ВДИ. – № 3 (121). – М.: Издательство «Наука», 1972. – С. 17-29.

TO THE QUESTION OF EGYPTIAN CULTS ON THE BOSPORUS IN THE IV-II CENTURIES BC

A. I. Stepikin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The work is devoted to the research of Egyptian cults on the Bosphorus of the IV-II centuries BC. The author comes to conclusion that there was already a private cults of ISIS, Bes on the Bosphorus; possibly and other gods were known. In rings that represent the Ptolemies they could see Aphrodite and Hercules.

Keywords: Bosphorus, Egyptian cults, Ptolemies.

Научный руководитель – Коваленко Александр Николаевич, к.и.н., доцент.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БАКТРИИ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА

Р. В. Тихонов

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, Елец, Россия

В системе поселений Бактрии эпохи эллинизма важная роль принадлежит крепостям и оборонительным стенам. Они защищали не только границы государства от набегов кочевников, но и отдельные оазисы.

Ключевые слова: Бактрия, эллинизм, крепость, оборонительная стена.

Материалы археологических исследований позволяют выделить несколько типов фортификационных сооружений в эллинистической Бактрии. К первому из них следует отнести крепости, а второй характеризуют оборонительные стены.

Наиболее полно в археологическом отношении изучены крепости Курганзол и Узундара. Курганзол расположен в Байсунском районе Сурхандарьинской области Узбекистана. Раскопки крепости велись с 2003 г. под руководством Л. М. Сверчкова и завершились полным вскрытием памятника в 2008 г. Курганзол возведен на естественной террасе, в плане представляет собой круг диаметром 30 м внутри с 6 башнями полукруглой формы на единственном уязвимом участке. Внутри крепостных стен располагались помещения, состоящие из двух обособленных блоков. Большинство из них предназначалась для обеспечения хозяйственных нужд гарнизона. Среди находок, полученных в процессе раскопок крепости, обращает на себя внимание практически полное отсутствие предметов вооружения (Сверчков, 2012. С. 10-120). Возведение крепости, видимо, следует отнести к времени не ранее начала III в. до н.э. (Кошеленко, 2015. С. 208-209).

Узундара была обнаружена Э. В. Ртвеладзе на юге Узбекистана в 1991 г. (Ртвеладзе, 2002. С. 100). Археологические исследования на памятнике ведутся с 2013 г. Бактрийским отрядом Среднеазиатской археологической экспедиции ИА РАН во главе с Н. Д. Двуреченской. Каменная крепость была возведена на высоте более 1650 м. Крепостные стены имели протяженность более 900 м, толщина достигает 3,5 м. Они сложены из камня, внутреннее пространство заполнено гравием и

камнем. Подтреугольная в плане цитадель окружена мощными стенами и укреплена пятью башнями. В ее центре открыт дом командующего гарнизоном. В культурном слое крепости выявлена достаточно богатая коллекция вооружения: наконечники стрел, ядра пращи, дротики, фрагменты доспехов (Двуреченская, 2015. С. 124-132; Двуреченская, 2019. С. 153-156).

Ко второму типу оборонительных сооружений относятся Дарбандская и Балхская стены. Дарбандская стена располагается в районе современного кишлака Дербент в Узбекистане. Она была открыта в 1986 г. сотрудниками Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ее протяженность – 1,5 км, высота – 2-5 м. Проведенные исследования показали, что ширина стены в основании около 6,5 м, с внутренней и внешней стороны она сложена из квадратных сырцовых кирпичей. Внутреннее пространство заполнено каменными глыбами и землей. Возведение стены было датировано кушанским временем (Ртвеладзе, 2003. С. 17). Дальнейшие исследования показали, что стена начала функционировать в эллинистический период и являлась важнейшим форпостом на северных рубежах Бактрии (Рапэн и др., 2006. С. 102-112).

Если Дарбандская стена фактически защищала северные рубежи государства от набегов кочевников, то Балхская усиливала обороноспособность столицы – города Бактры. Она, видимо, полностью окружала Балхский оазис и сохранилась лишь на отдельных участках. Общая протяженность стены составляет около 60 км. Возведена из пахсовых блоков, а бойницы сложены из сырцовых кирпичей. Ее основание превышало 4 м, высота на некоторых участках – более 5 м.

Время появления данного памятника археологи отнесли к античной эпохе (Кругликова, 1974. С. 10-14).

Традиция возведения мощных оборонительных укреплений земледельческих оазисов характерна и для других историко-культурных областей Средней Азии. Так, например, при Антиохе Сотере была построена стена, окружавшая древний Мерв в Маргиане (Вязигин, 1949. С. 260-275).

Упомянутые выше памятники Бактрии выполняли исключительно оборони-

тельные функции и располагались в стратегически важных районах. Кроме того, подобные функции в числе прочих, имели и многие другие населенные пункты Бактрии. Яркий тому пример – городище Кампыртепа, которое контролировало одну из важнейших переправ через Окс. В эллинистический период была возведена мощная фортификационная система памятника, состоящая из крепостной стены с бастионом и башнями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы // Труды ЮТАКЭ. Т. I. – Ашхабад: Изд-во Туркменского Филиала АН СССР, 1949. – С. 260-275.

Двуреченская Н. Д. Предварительные материалы археологических работ 2014 г. на крепости Узундара // ПИФК. – № 1. – М.–Магнитогорск–Новосибирск, 2015. – С. 124-133.

Двуреченская Н. Д. Фортификация крепости Узундара // Древности восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). – СПб.: «Невская Типография», 2019. – С. 153-156.

Кошеленко Г. А. Рецензия на: Сверчков Л. М. Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. – Ташкент: SMI-ASIA, 2012. – 182 с. // ВДИ. – № 2. – М., 2015. – С. 206-212.

Кругликова И. Т. Дильберджин (раскопки 1970-1972 гг.). – М.: Наука, 1974. – 120 с.

Рапэн К., Бо Э., Грене Ф., Рахманов Ш. Исследования в районе «Железных ворот»: краткое состояние проблемы в 2005 г. // ИМКУ. – Вып. 35. – Ташкент: Фан, 2006. – С. 91-101.

Ртвеладзе Э. В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. – Ташкент: MEDIA LAND, 2002. – 180 с.

Ртвеладзе Э. В. Дар-и Аханин – Дарбанд // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 1. – Ташкент: SAN`AT, 2003. – С. 13-22.

Сверчков Л. М. Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. – Ташкент: SMI-ASIA, 2012. – 182 с.

FORTIFICATIONS OF BACTRIA OF THE HELLENISTIC PERIOD

R. V. Tikhonov

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

In the system of settlements of Bactria of the Hellenistic period, an important role belongs to fortresses and defensive walls. They protected not only the borders of the state from nomad raids, but also individual oases.

Keywords: Bactria, Hellenism, fortress, defensive wall.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

ПОГРЕБЕНИЯ ПОТЧЕВАШСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРНОЙ БАРАБЕ

И. В. Рюмин

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

В статье автор анализирует материалы раннепотчевашских погребений (II-I вв. до н.э. – V-VI вв. н.э.), изученных в результате работ в притаёжной зоне Барабинской лесостепи. Выделяются характерные элементы погребального обряда в сравнении с другими регионами.

Ключевые слова: Барабинская лесостепь, потчевашская культура, сперановский этап, погребальный обряд.

Основной массив источников по изучению потчевашской культуры Барабинской лесостепи представлен материалами поселенческих комплексов. Полностью изучены такие городища, как Туруновка-1 (горносталевский этап) и Сопка-1 (сперановский этап). Отдельных погребальных комплексов данной культуры в Барабе не известно. Известные погребения с разновременных могильников содержат материалы сперановского этапа. В этих условиях нам видится актуальным рассмотреть основные элементы погребального обряда и выделить его характерные черты.

На данный момент в исследуемом регионе известно 11 погребений сперановского этапа. Из них 9 погребений обнаружено на памятнике Сопка-2, расположенном в непосредственной близости от городища Сопка-1.

Погребение №238 кургана 25 впускное, обнаружено в насыпи кургана на глубине 40 см от поверхности. Захоронение разграблено – сохранились лишь позвонки, тазовые кости и обломки лучевой кости взрослого человека. Найден целый сосуд и крупный костяной наконечник стрелы.

Погребение №486 кургана 60 впускное, обнаружено в центре насыпи кургана. Контуры могильной ямы не выявлены. Погребена женщина старше 60 лет. Костяк покоился в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Инвентарь не обнаружен.

Погребение №487 кургана 60 впускное. Границы могильной ямы не опреде-

лены. Захоронен ребенок 4-6 месяцев. Костяк покоился в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Обнаружены два астрагала с просверленными отверстиями.

Погребение №488 кургана 60 впускное. Захоронен мужчина 25-30 лет. Костяк покоился в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток. Рядом с левой височной костью погребенного помещен сосуд. Также найдена бронзовая пронизка.

Погребение №489 кургана 60 впускное. Расположено к югу от погребения №488. Представлено нижней челюстью взрослого мужчины.

Погребение №646. Захоронение грунтовое, совершенно в неглубокой могильной яме, не прорезающей погребенной почвы. Совершено по обряду трупосожжения. Обнаружены бронзовые пронизки, две оловянные бусины, два стеклянных шарика и развал сосуда.

Погребение №647. Захоронение грунтовое, совершенно в неглубокой могильной яме, не прорезающей погребенной почвы. Совершено по обряду трупоположения. Погребен мужчина в возрасте 35-40 лет. Костяк покоился в вытянутом положении на спине, головой на север. Обнаружены остатки костяных накладок на лук и сосуд в изголовье.

Погребение №650. Захоронение грунтовое. Могильная яма не прослеживается. Парное погребение обнаружено прямо под дерном. В южной части находился погребенный по обряду ингумации, в вытянутом

положении на спине головой на запад или северо-запад. Костяк в очень плохой сохранности, кости черепа (вероятнее всего, мужчины) развалились. Слева от черепа погребенного стоял сосуд. Также найдены стеклянные бусины, железная бритва, две бронзовые пронизки, кусочек охры и 11 костяных наконечников стрел. Второй человек похоронен по обряду кремации. В западной части скопления найдены развал сосуда и остатки берестяного и деревянных предметов. Обнаружены каменный терочник и фрагменты предмета из бронзы.

Погребение №654. Совершено в могильной яме. У южной стенки погребения обнаружены фрагменты черепа взрослого человека. Другие кости отсутствуют. Под черепом лежали три каменные бусины. Рядом с черепом, к востоку от него, находился сосуд. Второй миниатюрный сосудик стоял верхним дном у северной стенки могилы.

На памятнике Старый Сад-1 обнаружено одно погребение – №2 кургана 27. В могильной яме на глубине 10 см от уровня материка погребен ребенок. Костяк покоился в вытянутом положении на спине, головой на север. Могила частично перекрыта берестой. Обнаружены три сосуда: саргатский и два потчевашских. Инвентарь: бронзовая пряжка овальной формы с подвижным шпеньком и обломок бронзового ножа. В области шеи найдены мелкие темно-серые бусы.

На памятнике Протока обнаружено одно погребение – №1 кургана 1. Впускное, находилось на глубине 82 см от нулевой отметки. Сохранилась лишь верхняя часть скелета. Костяк покоился на спине, головой на юго-запад. Принадлежал женщине 30 лет.

Среди изученных погребений 55% – впускные, 45% совершены в неглубоких могильных ямах, не перерезающих верхний почвенный слой. Одно погребение – парное. Трупосожжение встречено дважды. Во всех погребениях по обряду труположения отсутствовала часть костей скелета, что

свидетельствует о вторичном захоронении. В двух случаях ориентацию покойников определить не удалось. 29% ориентированы на север, 14% – на северо-восток, 43% – на северо-запад и 14% – на юго-запад. Таким образом, преобладает северная ориентация с небольшими отклонениями. Все покойники находились в вытянутом положении на спине.

Половозрастные определения были сделаны для восьми погребенных. 25% – дети, 50% – мужчины, 25% – женщины. Погребальный инвентарь в могилах с детьми представлен астрагалами с просверленными отверстиями, бусинами и кусками бересты. Женские погребения инвентаря не содержали. Мужские погребения содержали бронзовые пронизки, накладки на лук, стеклянные бусины, обнаружена одна железная бритва.

57% погребений содержали керамические сосуды. Располагались они, как правило, в изголовье. Как отмечают исследователи, такие сосуды близки и сосудам с поселенческих комплексов, однако более мелкие (Елагин, Молодин, 1991. С. 58). Интересен сосуд из погребения №2 кургана 27 могильника Старый Сад, являющийся саргатским (Полосьмак, 1987. С. 23).

Таким образом, выявленные черты погребального обряда (неглубокие или впускные в курганные насыпи предшествующих эпох захоронения костяка в вытянутом на спине положении, а также преобладание северной ориентации) идентичны обряду Окуневского могильника, наиболее представительного в потчевашской культуре. Нахождение саргатского и потчевашских сосудов в одном погребении говорит об их сосуществовании и этническом взаимодействии. Сосуды устанавливались в изголовье погребения. Установлено, что женские погребения не содержали инвентаря, в то время как для мужских погребений характерно наличие бронзовых пронизок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елагин В. С., Молодин В. И. Бараба в начале I тысячелетия н.э. – Новосибирск: Наука, 1991. – 126 с.
Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 126 с.

BURIAL OF THE POTCHEVASH CULTURE IN NORTHERN BARABA

I. V. Riumin

Novosibirsk state pedagogical University, Novosibirsk, Russia

In the article, the author analyzes the materials of the early potchevash burials (II- I centuries BC – V-VI centuries AD), studied as a result of work in the Barabinsk forest-steppe zone. The characteristic elements of the funeral rite are distinguished in comparison with other regions.

Keywords: Baraba forest-steppe, potchevash culture, speranski stage, burial rite.

Научный руководитель – Дураков Игорь Альбертович, к.и.н., доцент.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ У ПЛЕМЕН ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В IV–VIII вв.

М. А. Гриб, О. А. Качесова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Рассматриваются погребальные памятники одинцовской археологической культуры, занимавшей территорию Лесостепного Алтая в период перехода от древности к средневековью. Приводятся характеристики признаков погребального обряда и данные об их количественном соотношении, согласно разработанной периодизации. Фиксируется тенденция изменения погребальных традиций от более сложной модели к более простой.

Ключевые слова: могильники, ингумация, кремация, Лесостепной Алтай, Великое переселение народов, раннее средневековье.

Изучение одинцовской археологической культуры вносит широкий диапазон мнений по вопросам ее происхождения и оставляет эту проблему до настоящего времени открытой. Ее решение во многом зависит от анализа погребальных памятников. К началу XXI в. с территории Лесостепного Алтая был получен значительный объем материалов из могильников одинцовской культуры. Это позволило ученым выделить три этапа в развитии данной общности (Тишкин, Горбунов 2002. С. 82).

Наша задача состояла в том, чтобы проследить изменения погребальной обрядности в намеченных хронологических рамках. Для этого была проведена классификация всех признаков погребений и выделены основные из них (Гриб, 2019. С. 166). Следующий шаг – это сравнительный анализ признаков по хронологии. В связи с этим сначала обозначим распределение погребальных памятников по этапам, с учетом новейших раскопок:

1. Сошниковский этап (втор. пол. IV–V вв.). Могильники: Тугозвоново, Чекановский лог-9, Троицкий Елбан-1, Ераска, Ближние Елбаны-III, XII, XIV, Татарские могилки, Нечунаевский Елбан, Малый Гоньбинский Кордон-1/2.

2. Осинкинский этап (VI – пер. пол. VII вв.). Могильники: Осинки, Ближнее Елбаны-XVI, Горный-10, Страшный Яр-1, Чумыш-Перекат.

3. Акутихинский этап (втор. пол. VII – пер. пол. VIII вв.). Могильники: Осинки, Горный-10.

Первый этап характеризуется преобладанием одиночной ингумации в положении вытянуто на спине (35 могил из 9 памятников). Также встречаются случаи парных захоронений (3 могилы из 3 памятников) и коллективное погребение (4 человека). Ориентировка умерших людей по сторонам горизонта позволяет выделить несколько групп: северо-восток (27 могил из 7 памятников), северо-запад (5 могил из 1 памятника) и юго-восток (2 могилы из 2 памятников). Часть погребений по обряду ингумации сопровождаются захоронениями лошадей (4 могилы из 3 памятников), которые ориентированы либо на северо-восток (2 могилы из 2 памятников), либо на юго-запад (2 могилы из 1 памятника). Помимо этого, на первом этапе встречаются погребения по обряду кремации (8 могил из 1 памятника) (Горбунов, 1993. С. 81). Важной чертой погребений первого этапа являются внутримогильные конструкции, представленные тремя вариантами: древесный тлен по бокам, древесный тлен по бокам с берестяным покрытием, древесный тлен по бокам с берестяным покрытием и берестяной подстилкой. Всего таких объектов 23 из 6 памятников (Грязнов, 1956. С. 115). Еще один признак погребальной обрядности на данном этапе – это деформация черепа у человека (6 могил из 5 памятников).

На втором этапе преобладающим типом погребения остается одиночная ингумация вытянуто на спине (112 могил из 5 памятников). Сокращается число парных захоронений (1 могила) и также редки кол-

лективные погребения (1 могила). Ориентировка умерших людей распределяется следующим образом: северо-запад (78 могил из 2 памятников), северо-восток (24 могилы из 2 памятников), юго-восток (2 могилы из 1 памятника), юго-запад (2 могилы из 1 памятника). Сопроводительные захоронения лошадей встречены в 3 могилах на одном памятнике. Все они ориентированы на северо-запад, в том же направлении, что и человек. От аналогичных погребений предыдущего этапа их отличают вытянутые, а не согнутые ноги (Серегин и др., 2019. С. 17). Кроме этого на втором этапе появляется новый признак – сопроводительные захоронения собак (5 могил из 3 памятников), которые ориентированы, в основном, на северо-запад (4 могилы из 2 памятников) и реже – на северо-восток (1 могила) (Горбунов и др., 2017. С. 109). Нередко собаки встречаются с лошадьёю в одной погребении (3 могилы из 1 памятника). Внутримогильные конструкции на данном этапе представлены слабо (1 могила). Обычай деформации черепа человека прослежен в 6 могилах из одного памятника.

Третий этап является пока малоизученным (6 могил из 2 памятников). Преобладающим типом остается одиночная ингумация вытянуто на спине, но одно погребение представлено положением умершего на боку. Анализ ориентировки по сторонам света позволил выделить 2 группы: северо-восток (5 могил из 2 памятников) и юго-восток (1 могила).

Таким образом, сравнительный анализ рассмотренных данных показал, что эволюция погребального обряда населения одинцовской культуры проходила, прежде всего, на основе изменения следующих

признаков: способ погребения человека, его ориентация, сопроводительные захоронения лошади и собаки, внутримогильные конструкции, деформация черепа человека. Самым устойчивым из них является способ ингумации человека, характерный для всего времени существования одинцовской культуры. Абсолютно преобладает одиночная ингумация в положении вытянуто на спине. Меняется лишь соотношение ориентации умерших. На первом этапе господствует северо-восточное направление, на втором этапе более широко распространяется северо-западное направление, а на позднем этапе снова преобладает северо-восток. Погребения по обряду кремации фиксируются лишь на первом этапе. Для него же характерно разнообразие внутримогильных конструкций, роль которых в дальнейшем падает. Сопроводительные захоронения животных малочисленны. Лошади фиксируются на первых двух этапах, собаки появляются на втором. Деформация черепа также присутствует на первых двух этапах. Наибольшее разнообразие признаков погребальной обрядности наблюдается на раннем этапе, когда в эпоху Великого переселения народов происходило формирование одинцовской культуры и состав ее населения был многокомпонентным. На развитом этапе, в начале раннего Средневековья, наблюдается тенденция к большей унификации погребального обряда, видимо, вызванная консолидацией одинцовской общности. Материалы позднего этапа показывают крайнее упрощение погребальной традиции, возможно, связанное с обозначившимся упадком одинцовского объединения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Горбунов В. В. Грунтовый могильник с обрядом кремации Троицкий Елбан-I // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. – С. 80-90.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Фролов Я. В. Редкое погребение одинцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время: Материалы международной конференции, посвященной 80-летию юбилею Л. А. Чиндиной. – Томск: ИД «Д'Принт», 2017. – С. 106-110.

Гриб М. А. Основные признаки погребальных памятников одиновской культуры // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. – Благовещенск – Хэйхэ, 8-12 апреля 2019 г. / Науч. ред. О. А. Шеломихин. – Благовещенск, 2019. – С. 166-167.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л., 1956. – С. 100-126.

Серегин Н. Н., Абдулганеев М. Т., Степанова Н. Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный-10 (Северный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2019. – №2. – С. 15-34.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Культурно-хронологическая схема изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая №9: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. В. И. Соенов. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – С. 82-91.

EVOLUTION OF FUNERAL RITES OF THE TRIBES OF ODINTSOVO CULTURE IN THE IV-VIII CENTURIES

M. A. Grib, O. A. Kachesova

Altai State University, Barnaul, Russia

The burial sites of the Odintsovo archaeological culture, which occupied the territory of the Forest-Steppe Altai, during the transition from antiquity to the Middle Ages, are considered. The characteristics of the signs of the funeral rite and data on their quantitative ratio, according to the developed periodization, are given. There is a tendency to change burial traditions from a more complex model to a simpler one.

Keywords: burial grounds, inhumation, cremation, forest-steppe Altai, Great Migration of Nations, early Middle Ages.

Научный руководитель – Грушин Сергей Петрович, к.и.н., доцент.

НОВЫЙ ПАМЯТНИК КОЛОЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЛЕЩЕЕВО 2 В ВЕРХНЕМ ПООЧЬЕ

А. О. Гольшкин

*Липецкий государственный педагогический университет имени
П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия*

В статье приводится характеристика нового памятника колочинской культуры Плещеево 2. Произведен анализ керамики и разделение ее по типологиям А.М. Обломского, Д. В. Середы, А. М. Воронцова.

Ключевые слова: киевская культура, колочинская культура, мощинская культура, раннеславянское время, Верхнее Поочье.

На территории Орловского муниципального района Орловской области, на краю водораздельного плато в месте впадения р. Мезенка в Оку, в 2017 г. В. Н. Гурьяновым было выявлено поселение Плещеево 2 (рис. 1: 1). В 2018-2019 гг. на памятнике были проведены спасательные археологические работы под руководством А. А. Иншакова (Иншаков, 2019) и А. В. Суркова (Сурков, 2019). Общая площадь исследования составила почти 11,5 тыс. кв. м. В ходе работ были выявлены материалы эпох мезолита – неолита (VIII-VI тыс. до н.э.), бронзы (II тыс. до н.э.), киевской культуры (III-IV вв. н.э.), Развитого Средневековья (XIII-XV вв.), Позднего Средневековья (XV-XVI вв.) и Нового времени (XVII – нач. XX вв.). Однако, как показало дальнейшее исследование, славянские материалы относятся не к киевской культуре, а более поздней – колочинской (V-VII вв.).

Материалы этой культуры на данном памятнике представлены исключительно коллекцией лепной керамики, датирующих предметов не выявлено. Из слоя происходит 51 находка (венчиков – 7, стенок – 35, днищ – 9), из объектов – 21 (стенки – 17, днища – 4). Вся группа керамики толстостенная, неорнаментирована, имеет красный или коричневый цвет. Поверхности сосудов грубо заглажены, в глиняном тесте присутствует примесь крупного шамота. Венчики прямые, но имеются и со слегка отогнутым наружу краем и раструбовидным горлом. Днища массивные, иногда с резко отогнутыми закраинами, при переходе в тулово прямые, либо резко отогнуты.

Три фрагмента керамики удалось распределить по классификации А. М. Обломского (Обломский, 2002. С. 152; Он же, 2016. С. 83) и Д. В. Середы (Середи, 2003. С. 25). Два венчика относятся к I классу, 3 типа, разновидности а (I, 3–а) по классификации А. М. Обломского (тип II по Д. В. Середи) (рис. 1: 2, 3) и один диск с невысоким бортиком ко II классу (тип «Б» по Д. В. Середи) (рис. 1: 9). Определение культурной принадлежности двух фрагментов керамики затруднено, можно предположить их вероятное отношение к мощинской традиции. Это один венчик с резким переходом от шейки к короткому плечу с уступом (II класс, 3 тип по А. М. Обломскому или тип V вариант 4 по А. М. Воронцову (Воронцов, 2013. С. 25, 90)) (рис. 1: 1) и предвенчиковая часть (предположительно, тип V вариант 3 по А. М. Воронцову) (рис. 1: 4).

Следует также отметить, что через реку от данного памятника находится поселение Касьяновка 1, изученное Г. Л. Земцовым в 2018 г. (Земцов, 2019). На нем выявлена коллекция лепной керамики колочинской культуры, отмечено также наличие лощеной посуды. Присутствуют несколько биконических пряслиц, находки из железа (ножи). Из индивидуальных находок – фрагмент серебряного браслета с расширенными концами и гранями, типичный для колочинской культуры, а также серебряное височное кольцо. Были обнаружены остатки трех слабоуглубленных в материк построек-жилищ размерами $\approx 4 \times 4$ м.

Итоги: Славянский керамический комплекс поселения Плещеево 2 достаточно сложен в плане определения его

культурной принадлежности, однако, благодаря раскопкам на близко расположенном поселении Касьяновка 1 можно предположить, что и данная группа керамики относится к колочинской культуре (V-VII вв.). Данная керамическая традиция укладывается в горизонт двух родственных разновременных культур – киевской и колочинской. Также в наборе керамики присутствуют ярко выраженные формы мощинской посуды, что является своеобразием

данных комплексов. Подобные элементы встречены и на других поселениях этого времени (Сорокино 1 и 2) в Орловской области. Благодаря уже целой серии, хотя и не столь представительных по численности коллекций, можно, тем не менее, говорить о новой, ранее в Верхнем Поочье неизвестной, группе памятников киевско-колочинского круга (точка зрения А. М. Обломского, Г. Л. Земцова, И. Е. Бирюкова)⁵.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронцов А. М. Культурно-хронологические горизонты памятников II – V веков на территории Окско-Донского водораздела. – Тула: «Куликово поле», 2013. – 173 с.: ил.

Земцов Г. Л. Технический отчет об археологических раскопках объекта археологического наследия «Касьяновка 1, поселение» в Орловском районе Орловской области в 2018 году на участке строительства объекта «Реконструкция МНПП «Участок №42» через ПП р. Ока 2 км (лупинг)». Том 1. Текстовая часть. – Саратов, 2019. – 175 с.

Иншаков А. А. Технический отчет об археологических раскопках ОАН «Плещеево 2, поселение» в Орловском районе Орловской области в 2019 г. на участке строительства объекта «Реконструкция МНПП «Участок №42» через ПП р. Ока 2 км (лупинг)». Том 1. Текстовая часть. – Саратов, 2019. – 212 с.

Обломский А. М. Днепровское лесостепное Левобережье в поздне римское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.) // РСМ. – Вып. 5. – М.: Наука, 2002. – 255 с.

Обломский А. М. Колочинская культура // РСМ. – Вып. 17. – М.: ИА РАН, 2016. – С. 10-113.

Середа Д. В. Классификация керамики колочинской культуры (по материалам памятников Днепровского Левобережья) // КСИА. – Вып. 215. – М.: Наука, 2003. – С. 20-29.

Сурков А. В. Отчет о проведении работ на объекте археологического наследия «Плещеево 2, поселение» в Орловском районе Орловской области в 2018 г. по объекту 03-ТПР-001-012502/93-ТДР/ТСД/ТПР/1-09.2018 «Реконструкция МНПП «Участок №42» через ПП р. Ока 2 км (лупинг)». – Ростов-на-Дону, 2019. – 177 с.

NEW SITE OF KOLOCHINSKAYA CULTURE PLESCHEEVO 2 IN THE UPPER POOCHIE

A. O. Golyshkin

*Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky,
Lipetsk, Russia*

The article describes a new archaeological site of Kolochin culture Pleshcheevo 2. The analysis of ceramics and its division according to typologies of A. M. Oblomsky, D.V. Sereda, A. M. Vorontsov was made.

Keywords: Kiev culture, Kolochin culture, Moschyn culture, early Slavic time, Upper Poochie.

Научный руководитель – Бессуднов Александр Николаевич, к.и.н., доцент.

⁵ Выражаем искреннюю благодарность И. Е. Бирюкову и А. М. Обломскому за помощь в обработке коллекции.

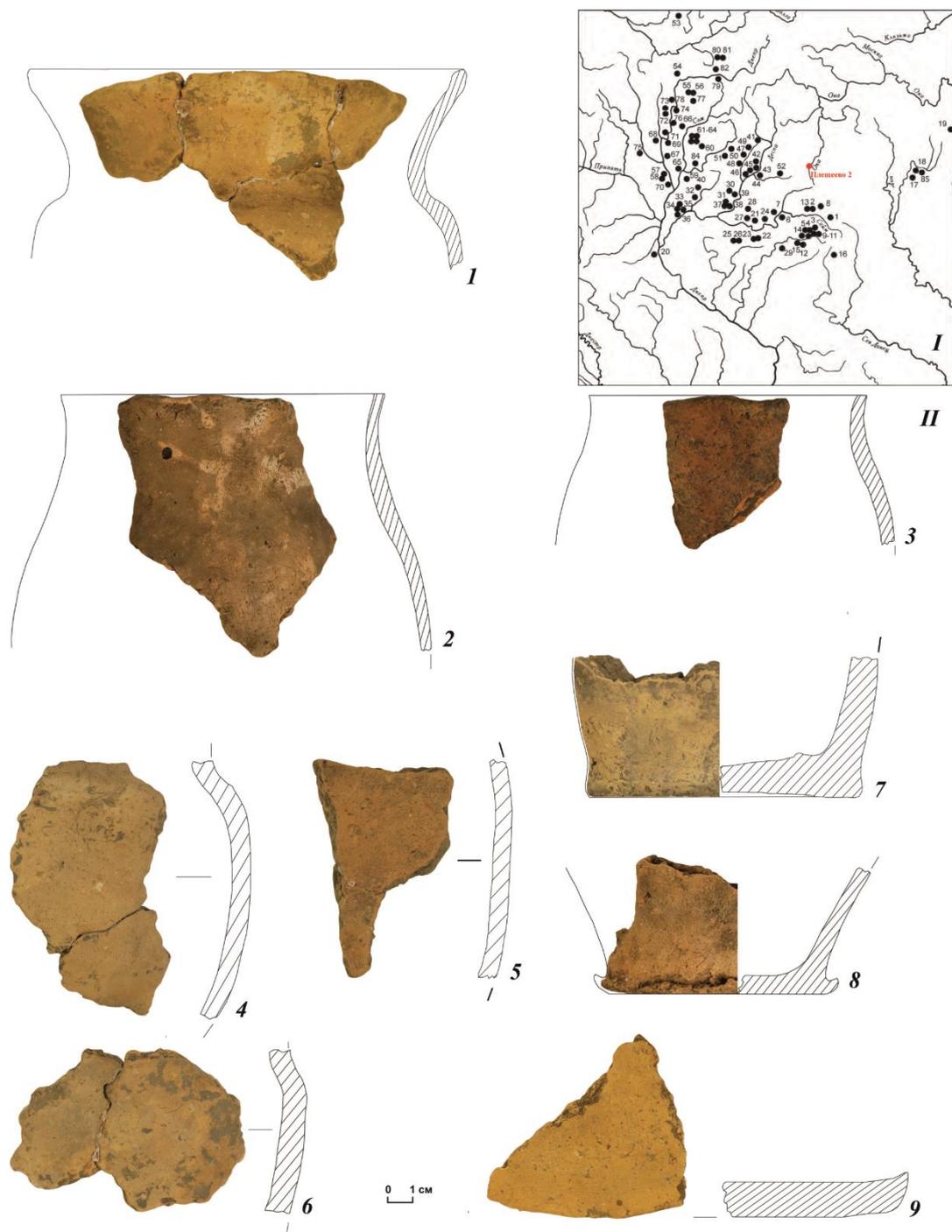

Рис. 1. I - поселение Плешеево 2 на карте памятников колочинской культуры (по А. М. Обломскому).

II - керамика колочинской и мощинской культур с поселения Плешеево 2.

1, 4 - керамика мощинской культуры;

2, 3, 5-9 - керамика колочинской культуры.

ТРАДИЦИИ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА КУХОННОЙ ПОСУДЫ НАСЕЛЕНИЯ ПООСКОЛЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮТАНОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА)

Л. Н. Журбенко

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

Статья посвящена изучению технологии изготовления кухонной керамики салтово-маяцкой культуры из Ютановского пункта древней металлургии-II, расположенного в бассейне реки Оскол. В ходе анализа керамики были выявлены навыки гончаров на нескольких ступенях гончарного производства. Изучение рецептов формовочных масс позволило определить доминирующие технологические традиции, связывающие данный памятник с поселениями салтово-маяцкой культуры в бассейне реки Северский Донец на территории Среднего Дона в период раннего Средневековья, а также зафиксировать факты смешения местных гончаров с носителями иных гончарных традиций в предположительной форме.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, гончарное производство, кухонная керамика.

Ютановский археологический комплекс – памятник лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры середины VIII – начала X вв. Расположен на правом берегу реки Оскол (левый приток реки Северский Донец), вблизи сёл Ютановка и Нижние Лубянки Волоконовского района Белгородской области (Афанасьев, 1987. С. 177). В топографическом плане комплекс занимает участки речной поймы, высокие меловые холмы и склоны балок, спадающие в долину Оскола справа (Николаенко, 2003. С. 5).

Сейчас Ютановский комплекс включает городище, три селища (Ютановка-1, Ютановка-2, Нижнелубянское), два катакомбных могильника (Ютановский, Нижнелубянский) и Ютановский пункт древней металлургии-II (Степовой, 2017. С. 92).

Первое упоминание об этом комплексе принадлежит валуйскому краеведу Г. Ф. Денисенко: в 1930 г. им был открыт Ютановский катакомбный могильник. Во второй половине XX в. открытие и изучение памятников связано с деятельностью известных отечественных археологов: С. А. Плетневой и Г. Е. Афанасьева (Винников, Степовой, 2012. С. 15). Значительный вклад в археологическое изучение комплекса внесли белгородские археологи

и краеведы: А. Г. Николаенко и А. В. Степовой (Николаенко и др., 2003. С. 42; Николаенко, Степовой, 2008. С. 62; Степовой, 2011. С. 12).

С 2000-х гг. проблемы гончарного производства Ютановского комплекса стали привлекать внимание отечественных исследователей (Николаенко и др., 2001. С. 230; Николаенко и др., 2006. С. 35). Так, основные морфологические признаки целых форм сосудов, происходящих из Нижнелубянского и Ютановского катакомбных могильников, были охарактеризованы В. А. Сарапулкиным (Сарапулкин, 2003. С. 79). Особенности состава формовочных масс и функционального назначения сосудов, представленных многочисленными обломками из раскопок Ютановского городища, были исследованы А. Г. Николаенко (Николаенко, 2000. С. 8).

Целью данной работы является изучение некоторых аспектов технологии изготовления кухонной керамики из коллекции Ютановского пункта древней металлургии-II, полученной А. В. Степовым в 2014, 2016-2018 гг. и хранящейся в фондах Муниципального казенного учреждения культуры «Волоконовский районный краеведческий музей»⁶.

⁶ Автор выражает благодарность директору Муниципального казенного учреждения культуры «Волоконовский районный

краеведческий музей» М. В. Липской за предоставление возможности работы в фондах музея и археологу А. В. Степовому за

Применение к массовому керамическому материалу приемов технико-технологического изучения археологической керамики, разработанных А. А. Бобринским, дает возможность получить новый пласт историко-культурной информации о населении, занимавшимся её непосредственным изготовлением и использованием. К таким приемам относятся: правила отбора материала для микроскопического анализа с целью выделения технологической информации, правила сравнительного анализа образцов археологической керамики с эталонными экспериментальными образцами и др. (Бобринский, 1978. С. 82; Бобринский, 1999. С. 35). Для микроскопического изучения археологической керамики в работе использовался микроскоп МС-2 ZOOM, при 10-40-кратном увеличении.

Для технологического анализа керамики в 2020 г. были отобраны 50 фрагментов венчиков сосудов, происходящих от разных единиц гончарного производства, на что указывали их морфологические особенности, различные способы орнаментации, цвет поверхности и изломов. По классификации керамики салтово-маяцкой культуры, разработанной С. А. Плетнёвой, отобранные для изучения обломки относились к категории кухонной посуды, традиционно разделяющейся на «круговую кухонную керамику» (37 обр.) и «керамику, подправленную или сделанную на ручном круге из грубого теста с примесью шамота» (13 обр.). Эти виды посуды различались функциональным назначением: первая использовалась в быту для приготовления пищи и хранения жидкостей, вторая – служила в качестве «домашних пифосов» для хранения сыпучих продуктов (Плетнёва, 1967. С. 112).

В данной статье изложены предварительные данные технико-технологического изучения керамики в области: 1 – навыков отбора исходного пластичного сырья, 2 – навыков составления формовочных масс,

предоставление массового керамического материала Ютановского пункта древней металлургии-II в целях научного изучения.

⁷ Шкала размерности искусственно введенных примесей: 0,5-0,9 мм – мелкая размерность, 1,0-1,9 мм – средняя размерность, 2,0 и более –

включая определение видов, размера и концентрации искусственных примесей⁷, 3 – навыков обработки внешней поверхности сосудов, 4 – их орнаментации и 5 – приемов термической обработки изделий.

В результате проведенного технологического анализа были получены следующие результаты:

1. Исходное пластичное сырье. Для изготовления кухонной посуды раннесредневековыми гончарами отбиралась природная глина, преимущественно, слабой – вид 1 (28 обр.) или средней – вид 2 (21 обр.) степени запесоченности, в единичном случае – сильной степени запесоченности – вид 3 (1 обр.), которая оценивалась по методике, предложенной Н. П. Салугиной.

Слабозапесоченная глина содержала в качестве естественных примесей песок от пылевидной фракции до 0,1-0,2 мм в небольшой концентрации (менее 10 песчинок на 1 см²), включения тонких пластин известняка размером до 1 мм или известняка в виде мелкой крошки (1 обр. и 4 обр. соответственно), шаровидные включения бурого железняка (5 обр.), ярко-рыжие мягкие охристые включения (1 обр.), а также отпечатки органики естественного происхождения (8 обр.).

Среднезапесоченная глина имела сходный набор естественных примесей: включения мягкого известняка (2 обр.), шаровидные включения бурого железняка (3 обр.) и органику (1 обр.). Примесь естественного полуокатанного разноцветного песка имела размеры 0,2-0,5 мм и среднюю концентрацию (30-50 песчинок на 1 см²).

Единичные образцы были изготовлены из сильнозапесоченных глин (2 обр.), в которых полуокатанный разноцветный песок размерами 0,2-0,5 мм содержался в большой концентрации (70-100 песчинок на 1 см²).

крупная размерность (Бобринский, 1978. С. 82). Шкала концентрации искусственно введенных примесей: 1:1-1:2 – высокая, 1:3-1:5 – средняя, 1:6 и менее – низкая (Бобринский, 1999. С. 35).

Таким образом, на изучаемом памятнике были зафиксированы сосуды, изготовленные как минимум из трех видов глины разной степени запесоченности.

2. Формовочные массы (рис. 1:1).

К числу доминирующих технологических традиций были отнесены:

1.1) Глина, вид 1 + чернометаллургический шлак (далее – шлак) (9 обр.) (рис. 1:3,4). Искусственно введенный шлак имел среднюю (5 обр.), крупную (3 обр.) или мелкую (1 обр.) размерность, вводился в низкой концентрации (1:5 или 1:6 и ниже).

1.2) Глина, вид 2 + шлак (10 обр.). Размерность включений шлака была, преимущественно, крупной (7 обр.), реже – средней (3 обр.). Примесь добавлялась, как правило, в низкой концентрации (1:6 и ниже), однако, в 1 образце концентрация крупного шамота была средней (1:3).

1.3) Глина, вид 3 + шлак (1 обр.). Включения шлака имели крупные размеры, примесь добавлялась в низкой концентрации (1:6 и менее).

2.1) Глина, вид 1 + шлак + шамот (9 обр.). Искусственно введенные минеральные примеси в большинстве случаев имели крупную размерность (7 обр.), в единичных случаях – среднюю размерность (2 обр.). Они добавлялись в природную глину в низкой концентрации (1:6 и менее). На устойчивость данной традиции указывали фрагменты венчиков сосудов, в изломе которых была зафиксирована примесь шамота, содержащая в себе частицы другого шамота (1 обр.) или частицы шлака (1 обр.) (рис. 1:5).

2.2) Глина, вид 2 + шлак + шамот (3 обр.). В рамках данной традиции было выявлено сочетание включений шлака и шамота, обладающих различными характеристиками: *a)* крупного шлака в средней концентрации (1:3) с шамотом средней размерности в низкой концентрации (1:6 и менее) (1 обр.), *b)* разноразмерного шлака в средней концентрации (1:4) с крупным шамотом в низкой концентрации (1:6 и менее) (1 обр.), *c)* крупного шлака и шамота средней размерности в низких концентрациях (1:6 и менее) (1 обр.).

В отобранных для исследования образцах керамики были выявлены слабовыраженные технологические традиции в

предположительной форме. Они были установлены при исследовании малых площадей свежих изломов крайне фрагментарного керамического материала. В данных образцах нам удалось зафиксировать включения тех или иных минеральных примесей и следов органических добавок только в единичных случаях. К таким технологическим традициям относятся:

1.1) Глина, вид 1 + шамот (2 обр.). Включения шамота имели светло-серый цвет, крупную (1 обр.) или среднюю (1 обр.) размерность, добавлялись в формовочную массу в низкой концентрации (1:6 и менее). В частице шамота была зафиксирована примесь естественного песка (Рис.1:6).

1.2) Глина, вид 2 + шамот (2 обр.). Включения шамота также имели крупную (1 обр.) или среднюю (1 обр.) размерность, добавлялись в природную глину в низкой концентрации (1:6 и менее).

2) Глина, вид 1 + песок (2 обр.) (рис. 1:7). Примесь окатанного полупрозрачного песка имела мелкий размер и добавлялась к природной глине в средней концентрации (приблизительно 1:4-1:5).

3) Глина, вид 1 + органический раствор (1 обр.) (рис. 1:8). Органический раствор был выявлен в изломе венчика по участкам с характерным «маслянистым» блеском в сочетании с редкими продолговатыми пустотами до 1 мм от выгоревшей органики.

4) Глина, вид 2 + шамот + песок (1 обр.). Для данной традиции было характерно добавление в природную глину шамота средней размерности в средней концентрации (1:3) и окатанного полупрозрачного песка средней размерности в низкой концентрации (1:6 и менее).

5.1) Глина, вид 1 + шлак + шамот + органика/органический раствор (2 обр.). Включения шамота имели крупный размер, шлака – как крупный, так и средний размер. Концентрация минеральных примесей была низкой (1:6 и менее).

5.2) Глина, вид 2 + шлак + шамот + органика/органический раствор (2 обр.). Данной традиции было присуще добавление светло-серого или светло-коричневого крупного шамота (рис.1:9) в сочетании с

разноразмерными включениями шлака в низких концентрациях (1:6 и менее), а также растительной органикой с органическим раствором, зафиксированными по достаточно многочисленным полостям с бороздчатым ложем и участкам изломов с «маслянистым» блеском. Также в 1 образце во включении шамота была зафиксирована примесь естественного песка.

6.1) Глина, вид 1 + шамот + песок + органический раствор (?) (3 обр.). Для данной традиции было характерно добавление крупного или среднего шамота в низкой концентрации (1:6 и менее), крупного калиброванного окатанного полупрозрачного песка (размером 1,9-2,0 мм) и органического раствора (?).

6.2) Глина, вид 2 + шамот + песок + органический раствор (1 обр.). В рамках традиции к природной глине добавлялись: разноразмерный окатанный полупрозрачный песок и шамот средней размерности в низких концентрациях (1:5 или 1:6 и менее), а также органический раствор, выявленный по блестящим пустотам от выгоревшей растительности с бороздчатым ложем длиной до 1,5 мм.

7) Глина, вид 2 + мраморовидный известняк + песок + органический раствор (1 обр.) (рис. 1:10). Традиции было свойственно добавление в природную глину крупного мраморовидного известняка и окатанного полупрозрачного песка в низкой концентрации (1:6 и менее) в сочетании с растительной органикой и органическим раствором.

8) Глина, вид 2 + окатанные включения камня + песок + органический раствор + шлак (1 обр.) (рис. 1:11). Включения шлака и темно-серых окатанных камней имели крупную размерность, окатанного полупрозрачного песка – среднюю размерность. Все указанные минеральные примеси содержались в глине в низкой концентрации (1:6 и менее).

3. Обработка внешней поверхности. В большинстве случаев поверхность сосудов заглаживалась пальцами, на что указывали отдельные отпечатки подушечек пальцев гончаров и тонкие длинные линии папиллярных узоров. Также поверхность сосудов могла обрабатываться с помощью

деревянных инструментов, о чем свидетельствовали частые параллельные полосы с малой глубиной вдавления, отражающие особенности рельефа рабочих краев орудий из дерева (Бобринский, 1978. С. 228). Следы такого заглаживания прослеживались на внутренней поверхности венчиков, где они образовывались, вероятно, при повороте сосуда в процессе изготовления, и в некоторых случаях на внешней поверхности, где, предположительно, появлялись путем вертикального заглаживания снизу-вверх в процессе формирования шеи сосуда. На внешней поверхности наиболее крупных фрагментов венчиков (8 обр.) было отмечено заглаживание с помощью гребенчатого штампа с разной шириной бороздок: в 2 мм (1 обр.), в 3 мм (3 обр.), в 4 мм (3 обр.).

4. Орнаментация. Венчики сосудов могли украшаться двумя способами. Первый способ заключался в накалывании гребенчатого штампа, оставлявшего на поверхности сосуда наклонные гребенчатые линии из определенного количества зубцов (от двух до шести). Так, двухрядный штамп был выявлен на 8 образцах, трехрядный – на 4, четырехрядный – на 10, пятирядный – на 4, шестирядный – на 1 образце (рис. 1:12). Вторым способом предполагалось вдавление округлой палочки, оставлявшей гладкие наклонные насечки (15 обр.). В единичных случаях была прослежена орнаментация в виде «елочки» (3 обр.) (рис. 1:13) и «креста» (2 обр.) (рис. 1:14). Зоной нанесения орнамента служила губа сосуда.

5. Обжиг. Осмотр поверхности и изломов венчиков кухонных сосудов позволил установить, что обжиг изделий проводился в восстановительной или окислительной газовой среде. Фрагменты с серым (11 обр.), темно-серым (10 обр.), серо-коричневым (7 обр.) или черным (1 обр.) цветом излома и серым/серо-коричневым цветом поверхности были отнесены к керамике, обжигавшейся в восстановительной среде, при котором на заключительном этапе термической обработки происходило ограничение свободного доступа воздуха в обжиговое устройство (рис. 1:15) (Коваль, 2016. С. 45). Фрагменты, имеющие светло-коричневый (4 обр.), оранжево-коричневый (2 обр.) или оранжевый (1 обр.) цвет излома

и соответственно оранжевые или оранжево-коричневые оттенки внешней поверхности были отнесены к керамике, обжигавшейся в окислительной среде со свободным доступом воздуха в обжиговое устройство на всем протяжении термической обработки (рис. 1:16).

С точки зрения обозначенных Ю. Б. Цетлиным направлений и видов термического воздействия на сосуды, по изученным материалам были выявлены признаки непродолжительного обжига при температурах каления глины (выше 650-700°C) вида 1, в соответствии с которым изделия подвергались быстрому нагреванию до температур каления при помещении в уже горящее пламя, короткой выдержке (до 5 минут) и быстрому остыванию путем извлечения из огня (Цетлин, 2012. С. 118). К ним были отнесены 6 фрагментов венчиков, имеющих черный/темно-серый/серый цвет срединной части излома и тонкие прокаленные слои светло-коричневого цвета толщиной 0,05-0,1 см, расположенные по краям излома (рис. 1:17,18).

Выводы. Подводя итог проведенному исследованию, следует отметить, что в среде раннесредневековых гончаров Ютановского пункта древней металлургии-II наиболее распространенными рецептами составления формовочных масс для изготовления кухонной керамики стали: во-первых, двухкомпонентный рецепт «глина, виды 1-3 + шлак» (20 обр. или 40% от выборки), во-вторых, трехкомпонентный рецепт «глина, виды 1,2 + шлак + шамот» (12 обр. или 24% от выборки).

Вероятно, вышеупомянутый трехкомпонентный рецепт сложился в процессе культурного смешения групп населения: пришлые гончары, добавлявшие в слабо- или среднезапесоченную глину примесь дробленного шамота, выявленную в 4 образцах (8% от выборки), переняли доминирующую на поселении традицию добавления шлака. Сложившийся трехкомпонентный рецепт со временем превратился в устойчивую традицию, что подтвердили выявленные во включениях шамота частицы другого шамота (1 обр.) и шлака (1 обр.).

Присутствие шлака в 37 образцах (74% от выборки) кухонной керамики Ютановского пункта древней металлургии-II

(рис. 1:2), установленное в результате компонентного анализа искусственно введенных примесей, могло объясняться наличием на данном памятнике развитого местного металлургического производства.

К тому же отечественные исследователи неоднократно отмечали содержание отходов чернометаллургического производства в кухонной керамике салтовомаяцких памятников Поосколья (Плетнева, Николаенко. 1976. С. 279; Николаенко, 2000. С. 8; Сарапулкин, 2003. С. 130-131). В дополнение Г. Е. Афанасьевым была установлена северо-восточная граница распространения керамики с примесью шлака: он содержался в единичных фрагментах керамики (5% тарной и 4% кухонной), найденной на селище у с. Красное городище – последнем памятнике в долине реки Тихая Сосна, расположенном на границе с долиной реки Оскол (Афанасьев, 1983. С. 100).

Случаи же зависимости традиций составления формовочных масс от производственной специализации населения, использующего керамические сосуды в бытовых или погребальных целях, известны по материалам других археологических культур. Например, в керамическом комплексе могильника Уранбаш позднего бронзового века, расположенного вблизи Каргалинского медных рудников, в формовочных массах сосудов исследователи зафиксировали примесь шлаков (Салугина, 2015. С. 135).

Следует отметить, что при изучении отобранных фрагментов венчиков кухонных сосудов нами были выделены более редкие рецепты формовочных масс, каждый из которых в процентном отношении составлял от 2 до 8% от выборки. К ним относились двухкомпонентные рецепты – «глина, вид 1 + песок», «глина, вид 1 + органический раствор»; трехкомпонентный рецепт – «глина, вид 2 + шамот + песок»; четырехкомпонентные рецепты – «глина, вид 1,2 + шлак + шамот + органика/органический раствор», «глина, виды 1,2 + шамот + песок + органический раствор (?)», «глина, вид 2 + мраморовидный известняк + песок + органический раствор»; пятикомпонентный рецепт – «глина, вид 2 + окатанные включения камня + песок + ор-

ганический раствор + шлак». Перечисленные рецепты формовочных масс указывали на неустойчивые культурные контакты с носителями иных гончарных традиций, возникавшие в период функционирования изучаемого археологического комплекса.

Искусственно введённые минеральные примеси в виде мраморовидного известняка и окатанных включений камня, встреченные в единичных случаях, подлежат дальнейшему изучению и идентификации. На сегодняшний момент в историографии известно лишь два случая фиксации подобных примесей: измельченный мел в качестве искусственно введенной добавки отмечался В. Ф. Генингом и А. Х. Халиковым в раннеболгарских лепных сосудах из материалов Больше-Тарханского могильника на Нижнем Дону (Генинг, Халиков, 1964. С. 41), а также К. И. Красильниковым во фрагментах корчаг, обнаруженных на памятниках Среднего Дона (Красильников, 1999. С. 172-173).

Что касается локальных особенностей технологии производства кухонной посуды на Среднем Дону, изученная посуда Ютановского пункта древней металлургии-II тяготеет к керамическим комплексам памятников бассейна реки Северский Донец (правый приток Дона): Архангельскому селищу-1 с доминирующим рецептом «глина + шлак + шамот» (Сарапулкин, 2007) и Дмитриевскому селищу-1 с наиболее часто встречающимися рецептами для кухонных круговых горшков – «глина + шамот» и для пифосообразных горшков – «глина + шамот + шлак» (Сарапулкин, 2008). Данное обстоятельство позволяет говорить о формировании на территории Подонья в период раннего Средневековья группы поселений салтово-маяцкой культуры со сходными технологическими традициями изготовления кухонной посуды. Однако, приведенные в статье выводы требуют дополнительных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г. Е. Памятники салтово-маяцкой культуры в долине р. Тихая Сосна // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э.: Сб. науч. тр. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1983. – С. 89-101.

Афанасьев Г. Е. Археологические открытия на новостройках. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). – М.: Наука, 1987. – Вып. 2. – 198 с.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. – М., 1978. – 272 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. – С. 5-109.

Винников А. З., Степовой А. В. Древние металлурги Поосколья (Ютановский металлургический комплекс салтово-маяцкой культуры): монография. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2012. – 229 с.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). – М.: Наука, 1964. – 201 с.

Коваль В. Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). – М.: ИА РАН, 2016. – 128 с.

Красильников К. И. Кухонна керамика та керамични вироби спеціального призначення салтово-маяцкої культури на Середньодонеччя // Vita antiqua. – 1999. – № 2. – С. 170-177.

Николаенко А. Г. Керамика округи Ютановского городища // Люди. Железо. Керамика: (Метод. пособие). – Волоконовка, 2000. – 29 с.

Николаенко А. Г. Чтобы не плакать – надо хранить // Ремесленно-солярно-культуовые объекты из Ютановки: учебно-методическое пособие. – Волоконовка, 2003. – С. 4-6.

Николаенко А. Г., Гребенюков В. И., Сарапулкин В. А. Гончарная мастерская №1 из Ютановки // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, Государственная дирекция по охране культурного наследия Липецкой области, 2001. – Вып. 2. – С. 230-231.

Николаенко А. Г., Пашнев А. Н., Степовой А. В. Металлургическая мастерская №1 из Ютановки – еще один археологический памятник салтово-маяцкой культуры // Белгородский краеведческий вестник. Редкол.: А. И. Папков (отв. ред.) и др. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – Вып. 3. – С. 42-50.

Николаенко А. Г., Сарапулкин В. А., Степовой А. В., Пашнев А. Н. Гончарный горн №1 из Ютановки // Белогорье: краеведческий альманах №5 / Администрация Белгор. Обл. Белгор. гос. ун-т [редкол.: В. А. Шаповалов и др.] – Белгород: БелГУ, 2006. – С. 35-37.

Николаенко А. Г., Степовой А. В. Металлургический горн салтово-маяцкой культуры у села Ютановка Белгородской области // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи: сборник научных трудов. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2008. – С. 62-71.

Салугина Н. П. Социально-культурная интерпретация технологии изготовления керамики позднего бронзового века Волго-Уралья (по материалам срубной культуры) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29-31 октября 2013 г., Москва). – М.: ИА РАН, 2015. – С. 133-141.

Сарапулкин В. А. Керамика и керамическое производство лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: дис. ... канд. ист. наук. – Липецк, 2003. – 285 с.

Сарапулкин В. А. Отчет о раскопках селища-1 у с. Архангельское Шебекинского района Белгородской области в 2007 году // Архив кабинета археологии НИУ «БелГУ». – 24 с.

Сарапулкин В. А. Отчет о раскопках селища-1 у с. Дмитриевка Шебекинского района Белгородской области в 2008 году // Архив кабинета археологии НИУ «БелГУ». – 16 с.

Степовой А. В. Металлургическое производство населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры: Ютановский археологический комплекс: дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2011. – 296 с.

Степовой А. В. К истории изучения Ютановского пункта древней металлургии-II салтово-маяцкой культуры // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. – 2017. – №22(271). – Вып. 44. – С. 92-98.

Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М.: Наука, 1967. – 200 с.

Плетнёва С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. – М., 1976. – №3. – С. 279-298.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 430 с.

TRADITIONS KITCHEN WARE'S POTTERY PRODUCTION OF OSKOL RIVER'S POPULATION (BY YUTANOVKY ARCHAEOLOGICAL COMPLEX'S MATERIALS)

L. N. Zhurbenko

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

The article is devoted to the study of production technology of Saltovo-Mayaki culture's kitchen ware from ancient metallurgical point in Yutanovka in Oskol river. We identified potters' skills at some pottery production's stages. The study of the pottery pastes' recipes allowed us to define dominant technological traditions, which linked this archaeological monument with Saltovo-Mayaki culture's settlements in Seversky Donets river on the Middle Don during the early Middle Ages. In addition, we fixed the facts of mixing native potters with holders of others pottery traditions in hypothetical form.

Keywords: Saltovo-Mayaki culture, pottery production, kitchen ware.

Научный руководитель – Сарапулкин Владимир Александрович, к.и.н., доцент.

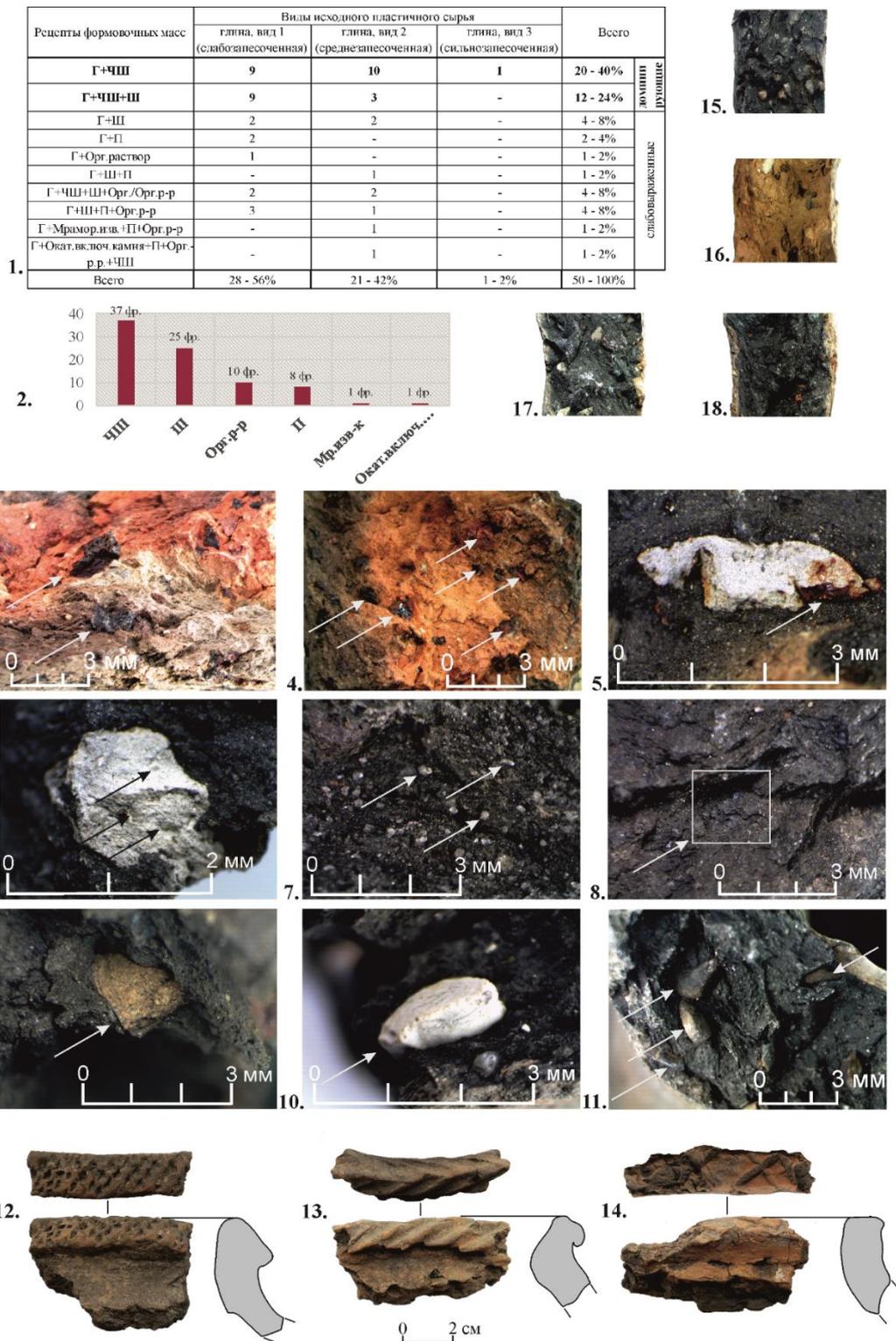

Рис. 1. 1 – соотношение видов исходного сырья и рецептов формовочных масс на Ютановском пункте древней металлургии-II; 2 – компонентный анализ искусственно введенных примесей; 3, 4 – примесь шлака; 5 – примесь шлака во фрагменте шамота; 6 – примесь естественного песка во фрагменте шамота; 7 – примесь искусственно введенного песка; 8 – участок излома со следами органического раствора; 9 – примесь шамота из более ожелезненных глин; 10 – примесь мраморовидного известняка; 11 – примесь окатанных включений камня; 12 – орнаментация 4-х рядным гребенчатым штампом; 13 – орнаментация в виде «елочки»; 14 – орнаментация в виде «креста»; 15 – излом сосуда, подверженного обжигу в восстановительной среде; 16 – излом сосуда, подверженного обжигу в окислительной среде; 17, 18 – изломы сосудов, подверженных непродолжительному обжигу при температурах каления глины (выше 650-700°C) вида 1.

ВЕРХНЕ-ОЛЬШАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. И. Шушлебин

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

В работе проводится анализ истории изучения Верхне-Ольшанского археологического комплекса. Выделяются два этапа изучения памятника. Описываются основные результаты полевых исследований с 1921 до 2020 гг. Выделяются перспективные направления дальнейшего изучения археологического комплекса.

Ключевые слова: Ольшанское городище, салтово-маяцкая культура, Хазарский каганат, городища, Белгородская черта.

Верхне-Ольшанский археологический комплекс расположен в Острогжском районе Воронежской области на территории с. Верхний Ольшан на левом берегу р. Тихая Сосна и состоит из городища и селища. Площадь городища – 1,2 га. Оно является объектом культурного наследия федерального значения. На территории городища нет современной застройки. Площадь Верхне-Ольшанского селища – около 100 га. На его территории расположены жилые и фермерские постройки. На памятнике зафиксировано три культурно-хронологических горизонта: эпоха раннего железного века, раннее средневековье, эпоха нового времени.

Тема истории изучения Верхне-Ольшанского комплекса поднималась в исследованиях Г. Е. Афанасьева. Им выделено два периода в истории изучения памятника: 1) время между его первым упоминанием в письменных источниках до начала археологического изучения; 2) «культурно-историческая археология» (раскопки С. Н. Замятниным в 1921 г.). (Афанасьев, 2019. С. 8-10). Периодизация Г. Е. Афанасьева относится только к городищу. Он не анализировал итоги работ Е. В. Якименко на селище в 1988-1992 гг. Также исследователь не рассмотрел раскопки В. С. Флёрова в 1991 г.

Выделение двух этапов в истории изучения памятника представляется обоснованным. Критерии периодизации – методы, объект исследования и представления о культурно-исторической принадлежности памятника. Первый период (с пер. пол. XVII до нач. XX вв.) характеризуется

использованием таких методов, как визуальный осмотр территории городища, анализ письменных источников и этнографического материала. Объект исследования – Верхне-Ольшанская крепость. Существовало представление о наличии нескольких этапов жизни на городище. К этому периоду можно отнести посещение городища Ф. Вахромеевым, Ф. Сухотиным и Е. Юрьевым в 1636 г., В. Майновым в 1875 и Е. Л. Марковым в 1900 г.

Второй этап (с 1921 г.) характеризуется проведением полевых исследований и анализом археологического материала. Объект исследования – не только крепость, но и примыкающее к нему селище. Господствует точка зрения о датировке раннего городища VIII–X вв. (салтово-маяцкая культура). Данная культурно-историческая атрибуция была предложена С. Н. Замятниным. В 1921 г. он заложил на городище 4 раскопа и обнаружил остатки крепостных стен. Большую ценность представляет план городища, снятый Замятниным (Флёров, Флёрова, 2012. С. 90).

Раскопки селища проводились в 1988-1992 гг. экспедицией ВОКМ под руководством Е. В. Якименко. Было заложено 3 раскопа, вскрыто более 600 кв. м. Обнаружены 6 строительных комплексов, 5 погребений, фрагменты керамики салтово-маяцкой культуры и кости животных. Коллекция керамики частично сохранилась и хранится в фондах ВОКМ. Е. В. Якименко пришла к выводу о том, что для изучения и сохранения пригодно лишь около 30% площади памятника (Якименко, 1994. С. 65).

В 1991 г. раскопки крепости проводил В. С. Флёров. Им заложен раскоп на северо-западной стене (2x3 м). Изучались внешний панцирь стены и забутовка. Обнаружено 10 крепостных блоков. Основные выводы В. С. Флёрова: городище пригодно для дальнейших исследований, подтверждены сведения С. Н. Замятниной, необходимо поднять вопрос о методике исследования (Флёров, Флёрова, 2012. С. 90-95).

В 2020 г. сотрудниками ООО НПЦ «Черноземье» проведена археологическая разведка на Верхне-Ольшанском археологическом комплексе (держатель открытого листа – М. А. Скинкайтене). В результате работ на Ольшанском городище обнаружены единичные фрагменты круговой керамики салтово-маяцкой культуры и многочисленные фрагменты посуды эпохи нового времени. Разведочные исследования осуществлялись на Верхне-Ольшанском селище. По предварительным данным площадь его составляет более 100 га, в пределах которой обнаружен керамический материал, относящийся к трем культурно-хронологическим горизонтам: эпоха раннего железного века, раннее средневековье (салтово-маяцкая культура), эпоха нового времени (XVII-XIX вв.). Основная часть находок представлена круговой посудой салтово-маяцкой культуры, которая массово фиксировалась практически на всей площади Верхне-Ольшанского селища.⁸

Результаты археологических раскопок и разведок памятника показали перспективность продолжения исследований. Можно предложить следующие линии дальнейшего изучения: 1) мониторинг состояния памятника и охранные работы; 2)

продолжение археологических разведок и раскопки (в т. ч. поиск верхне-ольшанского могильника, который по аналогиям с другими могильниками лесостепной салтово-маяцкой культуры может находиться в одном из ольшанских оврагов); 3) использование новых методов археологических исследований (в т. ч. неразрушающей археологии). 4) сравнение материалов Верхне-Ольшанского городища с другими памятниками салтово-маяцкой культуры не только в лесостепи, но и на нижнем Дону (Правобережное Цимлянское городище); 5) выявление и изучение крепости XVII в. О возможности обнаружения крепости XVII в. свидетельствуют массовые находки керамики нового времени на Ольшанском городище, обнаруженные в ходе археологической разведки 2020 г. В. П. Загоровский опубликовал план городка Ольшанска, построенного в 1644 г. (Загоровский, 1968. С. 202). Перспективным представляется сравнение этого плана с планом раннесредневековой крепости с целью выявления укрепления нового времени и уточнения границ памятников.

Подводя итоги, можно отметить, что историю изучения Верхне-Ольшанского археологического комплекса можно разделить на два этапа. В качестве перспективных направлений будущих исследований можно назвать мониторинг состояния памятника и охранные работы, продолжение археологических разведок и раскопок, использование новых методов археологических исследований, сравнение материалов Ольшанского городища с другими памятниками салтово-маяцкой культуры, выявление и изучение крепости XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г. Е. К истории и перспективам изучения Верхнеольшанского городища в долине Тихой Сосны // Развитие взглядов на интерпретацию археологического источника. Материалы Всероссийской научной конференции. – М., 2019. – С. 8-10.

Загоровский В. П. Белгородская черта. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1968. – 148 с.

Флёров В. С., Флёрова В. Е. Верхне-Ольшанское городище: извлечение из Отчета о раскопках в 1991 году // Салтово-маяцкая археологическая культура: проблемы та дослідження

⁸ Данная информация предоставлена участником археологической разведки В. В. Скинкайтисом. В настоящий момент

разведочные работы на Верхне-ольшанском комплексе не закончены.

: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання». – Вып. 2. – Харьков, 2012. – С. 90-95.

Якименко Е. В. Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в 1988-1992 гг. // Труды ВОКМ. – Вып. 2. – Воронеж, 1994. – С. 51-66.

VERKHNE-OLSHANSKY ARCHAEOLOGICAL COMPLEX: HISTORY OF RESEARCH AND PROSPECTS FOR FURTHER RESEARCH

A. I. Shushlebin

Voronezh state University, Voronezh, Russia

The paper analyzes the history of the study of the upper Olshansky archaeological complex. There are two stages of studying the hillfort. The main results of excavations from 1921 to 2020 are described. Promising directions for further study of the archaeological complex are highlighted.

Keywords: Olshanskoye settlement, Saltovo-Mayak culture, Khazar Khaganate, settlements, Belgorod line.

Научный руководитель – Цыбин Михаил Владимирович, к.и.н., доцент.

РАСТИТЕЛЬНЫЙ «ЛОТОСОВИДНЫЙ» ОРНАМЕНТ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКЕ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА

М. С. Цыкин

*Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва,
Самара, Россия*

В работе рассматривается изображение цветка лотоса в раннесредневековой торевтике Урало-Поволжского региона. Делается попытка поиска аналогий данному элементу в материалах салтово-маяцкой культуры и ранних мадьяр эпохи «Завоевания Родины» на Дунае.

Ключевые слова: Растительный орнамент, салтово-маяцкая культура, культура ранних мадьяр, изображение лотоса.

На территории Самарского Поволжья и Южного Урала обнаружен ряд погребальных комплексов эпохи раннего средневековья с богатым инвентарем, на отдельных предметах которого прослеживается своеобразный растительный «лотосовидный» орнамент. К данным комплексам относятся впускное погребение 7 кургана №7 могильника Просвет I (Багаутдинов и др., 2006. Рис. 3: 1-12), погребения у ж/д разъезда Немчанка (Матвеева, 1977. Рис. 1: 6-7), курган №2 Бруснянского VII могильника (Багаутдинов и др., 1998. Таб. XVII: 2; Лифанов, 2017. Рис. 9: 2), Синеглазовский могильник (Боталов, 2012. Рис. 14: 9), могильник Уелги (Боталов, 2012. Рис. 8: 35), Ямашитаунский, Ишимбаевский, Стерлитамакский и Каранаевский могильники (Мажитов, 1981. Рис. 13: 5; Рис. 17: 6; Рис. 46: 14; Рис. 48: 33; Рис. 58: 25).

В Самарской области у ж/д разъезда Немчанка были обнаружены два полуразрушенных погребения. Среди предметов погребального инвентаря выделяется ряд находок с изображением лотоса. К ним относятся серебряный поясной набор и грушевидное серебряное навершие сабли.

Поясной набор среди прочих включает в себя шесть накладок с фигурной основой: одну – с прорезью и пять – с прикрепленным к основе свободно вращающимся кольцом. Предметы декорированы упрощенным изображением нераспустившихся цветков лотоса. У каждого прослеживается низкая цветоножка, из которой выходит по две плавных линии, образуя

щие бутон. В центре каждого бутона изображена небольшая окружность, которая схематично изображает пестик. Количество лепестков в бутоне не прослеживается из-за схематичности изображения. Декор навершия рукояти сабли стилистически близок к оформлению серебряных накладок.

Декор накладок из Немчанки находит аналогии в материалах Верхне-Салтовского (Плетнева, 1967. Рис. 42: 31, 39), Дмитровского (Плетнева, 1989. Рис. 85) и Нетайловского (Аксенов, 2011. Рис. 1: 23, 25) могильников. Близкий орнамент прослеживается в ковше из Коцкого городка (Даркевич, 1974. Рис. 2: 2). Навершие рукояти сабли стилистически близко навершию из Верхнего Салтова (Arendt, Zakharov, 1935. Таб. II: 1a). Н. А. Фонякова определяет такой декор, как условное изображение центральной части цветка лотоса. По её классификации мотив близок к 3 этапу развития изображения лотоса в торевтике салтово-маяцкой культуры, когда происходит упрощение, а после – и полная схематизация лотоса. Этап датируется IX – началом X вв. (Фонякова, 1986. Рис. 4; 2007. Рис. 6. С. 159). Орнамент в виде нераспустившегося цветка лотоса прослеживаются также в материалах южноуральских кочевников Башкирии (Мажитов, 1981. Рис. 13: 5; Рис. 17: 6; Рис. 48: 33), однако, в отличие от немчанского, этот лотос еще не претерпел сильной схематизации.

Стилистически иное оформление мотива цветка лотоса прослеживается в наборе бронзовых позолоченных поясных

накладок из курганного могильника Просвет I. В отличие от закрытого бутона лотоса с округлыми плавными чертами из Немчанки, здесь четко прослеживается распустившийся цветок с острыми лепестками. Просветский лотос имеет цветоножку, из которой выходят два чашелистика. Венчик лотоса состоит из трех лепестков. Центральный лепесток возвышается над остальными двумя, которые прижимаются к нему по бокам. Высокая дуга изображает пестик.

Близкими просветскому являются изображения с территории Южного Урала: в могильниках Уелги и Синеглазово, в кургане №3 Каранаевского и в кургане №2 Ишимбаевского могильников обнаружены поясные накладки с изображением лотоса с острыми рельефными лепестками. Как и в Просвете, он имеет цветоножку, два чашелистика и пестик. Мотив лотоса был известен на территории Южного Урала с момента появления здесь населения кушнаренковской и караякуповской культур, которые были связаны торговыми отношениями с населением Средней Азии (Чичко, 2012. С. 201).

Кроме того, похожее оформление прослеживается в материалах ранних мадьяр на Дунае (The Ancient Hungarians, 1996. P. 80. Fig. 6. P. 121. Fig. 2. P. 132. Fig. 1. P. 189. Fig. 10). «Лотосовидный» (Подосенова, 2017. С. 148) или «пламеневидный» (Комар, 2016. С. 454) декор является одним из элементов «венгерского» стиля оформления металлических изделий.

В датируемом рубежом VIII-IX вв. кургане №2 Брусянского VII могильника на Самарской Луке была найдена бляха-решма с изображением распустившегося

цветка лотоса с плавными округлыми чертами. Этот орнамент имеет отдаленные аналогии в салтово-маяцких материалах (Артамонов, 1962. С. 311; Лифанов, 2017. С. 99-101).

Таким образом, в материалах Самарского Поволжья и Южного Урала выделяется несколько стилистически различных видов оформления мотива лотоса. Первый стиль, прослеживаемый в материалах погребений у ж/д разъезда Немчанка, находит аналогии в материалах салтово-маяцкой культуры. Он широко распространен в IX – начале X вв. Немчанские накладки относятся к 3 этапу развития салтово-маяцкого пояса по хронологической схеме, предложенной А. В. Комаром, и, предположительно, датируются не позднее середины IX в. (Комар, 2018. С. 354). Яркие аналогии второму стилю – распустившемуся лотосу с острыми лепестками из могильника Просвет I – прослеживаются в материалах венгерских памятников эпохи «Завоевания Родины» на Дунае. Это позволяет предположить, что население, оставившее такой орнамент, являлось раннемадьярским. Уникальное изображение на бляхе-решме из Брусянского VII могильника также близко к салтово-маяцким материалам, однако присутствующий там мотив раскрытого бутона лотоса сближает его с мадьярским искусством (Казаков, 2001. С. 54).

Прослеживаемые на материалах раннесредневековой торевтики стили «лотосовидного» орнамента, по всей видимости, демонстрируют процессы взаимодействий различных этнокультурных групп на территории Урало-Поволжского региона в IX столетии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В. С. Новые материалы к вопросу о мадьяро-салтовских контактах в верхнем Подонцовье // Археологія і давня історія України. – Київ, 2011. – С. 133-143.
- Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. – 523 с.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге. – Самара, 1998. – 286 с.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Средневековые комплексы могильника Просвет I // Вопросы археологии Поволжья. – Вып. 4. – Самара, 2006. – С. 400-410.
- Боталов С. Г. Новые аспекты и перспективы в исследовании проблемы «Magna Hungaria» // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 50. – Челябинск, 2012. – С. 128-146.

- Даркевич В. П. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос // КСИА. – Вып. 140. – М., 1974. – С. 27-28.
- Казаков Е. П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2001. – С. 53-59.
- Комар А. В. Поясные наборы IX-X вв. с «мифологическими» сюжетами // *Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical in Honour of Csánád Bálint on the Occasion of His 70th Birthday.* – Budapest, 2016. – С. 545-557.
- Комар А. В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. – Будапешт, 2018. – 426 с.
- Лифанов Н. А. «Княжеский» курган на Самарской Луке: вопросы культурно-хронологической атрибуции // *Эпохи. Издание на Исторический факультет на Великотърновски университет «Св.св. Кирил и Методий».* Том / Volume XXV (2017), Книжка / Issue 1. Гл. ред. И. Тютюнджиев. – С. 92-119.
- Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII-XII вв. – М., 1981. – 164 с.
- Матвеева Г. И. Погребения VIII-IX веков у разъезда Немчанка // *Древности Волго-Камья.* – Казань, 1977. – С. 52-56.
- Плетнёва С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). – М., 1967. – 209 с.
- Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). – М., 1989. – 288 с.
- Подосенова Ю. А. «Древнененгерские» поясные наборы из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // *Труды Камской археологической экспедиции. Средневековая археология Восточной Европы.* – Пермь, 2017. – С. 147-160.
- Фонякова Н. А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII-IX вв. // *СА.* – М., 1986. – №3. – С. 36-47.
- Фонякова Н. А. Восточные элементы в прикладном искусстве Хазарии (вторая половина VIII – начало X в.) // *Средневековая археология евразийских степей. Т.2.* – Казань, 2007. – С. 158-173.
- Чичко Т. В. Направление культурных импульсов в Приуралье и Прикамье во второй половине I тыс. н. э. // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции.* – Пермь, 2012. – С. 195-202.
- Arendt V., Zakharov A. *Studia Levedica.* – Budapest, 1935. – 87 с.
- The Ancient Hungarians: Exhibition Catalogue.* – Budapest, 1996. – 480 с.

LOTUS ORNAMENT IN THE EARLY MEDIEVAL TOREUTICS OF SAMARA REGION AND SOUTH URALS

M. S. Tsykin

Samara National Research University S. P. Koroleva, Samara, Russia

The paper considers the image of lotus flower in the early Middle Ages toreutics of the Ural – Volga region. An attempt is made to search for analogies to this element in the materials of the Saltovo-Mayaki culture and the early Magyars of the era of Hungarian conquest of the Carpathian Basin.

Keywords: Floral ornament, Saltovo-Mayaki culture, early Magyar culture, lotus image.

Научный руководитель – Лифанов Николай Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник.

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ НАБОРНОГО ПОЯСА НА ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУРЕЧЬЯ СЕЙМА И ПСЛА В X В.

А. А. Балашов

*Курский государственный университет,
НИИ археологии юго-востока Руси, Курск, Россия*

В статье поднимается вопрос о традиции ношения наборного пояса у северян. Используя ранее опубликованные детали поясной гарнитуры, а также привлекая широкий круг аналогий, делается вывод о возможном складывании такой традиции среди населения Посемья в конце X в.

Ключевые слова: роменская археологическая культура, северяне, салтово-маяцкая культура, наборные пояса.

Элементы поясной гарнитуры, являясь ярким образцом декоративного искусства раннего средневековья, неоднократно становились объектом изучения. Существование традиции ношения наборных поясов достоверно выявлено у населения Хазарского каганата, венгров, болгар, среднеднестровской мордвы (Воронина, 2005. С. 105; Селюн, 2020. С. 295). В отличие от кочевых народов, оседлая мордва, которая, согласно письменным источникам, находилась в даннической зависимости от Хазарии, не только переняла эту моду, но и оригинально осмыслила ее, создав свой собственный тип украшений (Селюн, 2020. С. 300-302). Северяне, также входившие в число данников каганата, не избежали влияния степи. На сегодняшний день в Посемье известно 37 находок, из которых только 19 экземпляров могут быть интерпретированы как составные части от двух поясов. В отличие от соседних регионов, где богато украшенная поясная гарнитура происходит исключительно из захоронений, среди носителей роменской культуры в IX–X вв. был распространен обряд малоинвентарной кремации на стороне (Енуков, 2007. С. 26), вследствие чего практически все находки элементов поясной гарнитуры происходят из культурного слоя памятников.

Из шести накладок, найденных в ходе работ на Горнальском селище, пять имеют аналогии в венгерских древностях. Три пятиугольные накладки с параллельными сторонами, с ободком вдоль края бляшки, в центре которых помещен выпуклый орнамент в виде сердца, а по вершинам – выступы (рис. 1: 1-3). Подобные изделия были

распространены на значительной территории от Хазарского каганата до Бирки, но изначальным местом их изготовления является Венгрия. Квадратная накладка с отверстием у основания и отсутствием орнамента (рис. 1: 4) аналогична находкам в Хусаиновских курганах и Лядинском могильнике и датируется кон. VIII – сер. X вв. (Мурашева, 2000. С. 26, 27, 31). Достаточно необычной находкой на славянских памятниках является бляшка в виде округлых стилизованных цветков, обрамленных рубчатым орнаментом и соединенных перемычкой (рис. 1: 5). Полные аналогии горнальской находке происходят из Больше-Тиганского могильника, где такие накладки использовались для декора женского головного убора и датируются 2-й пол. VIII – нач. IX вв. (Халикова, 1976. С. 172). По всей видимости, все находки, описанные выше, тяготеют к крупному жилищу (яма 2), принадлежность обитателей которого к горнальской дружине не вызывает сомнений (Енуков, Енукова, 2015. С. 72). Согласно анализу керамического материала, возведение и гибель сооружения приходится на период с середины по 80-е гг. X в.

Практически полный поясной набор был обнаружен на склоне городища Кудеярова гора (Енуков, 2005. С. 263). В состав гарнитуры входят тринадцать накладок, делящихся на три типа в зависимости от декора, и ременной наконечник. Отличительной особенностью кудеяровских бляшек является поперечное расположение кольца-подвески, что чаще встречается среди элементов конской упряжи (Мажитов, 1981. С. 80-83).

Накладки сердцевидной формы, с прямоугольной петлей-прорезью, украшенные пальметтой в виде бутона с двумя симметрично отогнутыми листьями (5 экз.) (рис. 1: 6-10). Представляют наиболее раннюю группу в этом комплексе, с буддийским мотивом «пылающая жемчужина». Подобный стиль изображения соцветия формируется в начале IX в. под влиянием среднеазиатских прототипов (Фонякова, 2010. С. 50-60; Комар, 2018. С. 139).

Накладка сердцевидной формы с небольшой литой петлей украшена изображением пересекающихся «лиан» со «строеными ягодами» на концах, а также в местах их пересечения (1 экз.) (рис. 1: 11). Орнаментальная композиция представляет собой переходную форму между салтовской и мадьярской этнокультурными традициями. Схожие стилистические черты присущи декору поясного набора погребения I кургана № 1 около с. Твердохлебы (рубеж IX–X вв.) (Супруненко, 2007. С. 80).

Сердцевидная накладка, в двух случаях – без прорези, хотя площадка под нее предусмотрена, внешняя поверхность украшена растительным орнаментом, состоящим из «трилистника» и «строенных ягод» (всего 7 экз.) (рис. 1: 12-18). Подобные накладки типичны для древностей венгров (Комар, 2018. С. 133; Супруненко, 2007. С. 81).

Ременной наконечник в виде широкой подпрямоугольной пластины, украшенной изображением крылатого коня – «пегаса», с одним закругленным краем (рис. 1: 19). Является самым распространенным образом фантастического животного. Согласно определению А. В. Комара, относится к северокавказской группе изображений: все копыта лошади прижаты к земле (Комар, 2018. С. 128).

Примечательно, что горнальские и кудеяровские находки не несут на себе следов ремонта и продолжительного ношения,

а, учитывая гибель горнальского сооружения в огне, можно предположить, что элементы поясной гарнитуры попадают в Посемье на финальном этапе существования культуры (сер. – кон. X вв.). Детали ременной гарнитуры с территории Посемья сближает ряд специфических черт. Так, из 19 проанализированных предметов 13 изготовлены по образцу и несут на себе следы брака, вызванного некачественной литейной формой. Для рассмотренных комплектов характерно смешение стилей и использование в качестве поясных накладок украшений конской сбруи или головных уборов. Стиль изготовления наглядно свидетельствует о том, что найденные в Посемье детали поясной гарнитуры были произведены массово и не являлись эксклюзивными изделиями.

Таким образом, проникновение в северянскую среду во второй половине X в. поясных наборов, имеющих аналогии в венгерских древностях, является отражением процесса, который фиксируется в этот период на территории Восточной Европы (Рябцева, Рабинович, 2007. С. 205-207). Ременные гарнитуры схожего облика встречаются в погребениях среднецнинской мордвы, что, возможно, свидетельствует о складывании в среде данников Хазарского каганата специфической воинской культуры, одним из элементов которой были поясные наборы, сложившиеся под влиянием степной «моды» (Мурашева, 2000. С. 91; Зеленцова и др., 2012. С. 49-51).

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №20-09-00041 «Днепровское левобережье и Поочье в конце I – начале II тысячелетия н.э.: роменская культура».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронина Р. Ф. Южные и степные влияния в культуре среднецнинской мордвы 8–11 вв. // КСИА. – Вып. 218. – М.: Наука, 2005. – С. 98-109.
2. Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей: Монография. – Курск: Учитель, 2005. – 352 с.
3. Енуков В. В. История Посемья – Курской волости на рубеже эпох (IX–XI века) // Автореферат дисс. док. ист. наук. – Курск, 2007. – 40 с.

-
4. Енуков В. В., Енукова О. Н. Исследования Горнальского археологического комплекса в 2012–2013 гг. // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре: сборник статей и материалов. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2015. – С. 62-82.
 5. Зеленцова О. В., Митоян Р. А., Сапрыкина И. А. Поясной набор с позолотой из Крюковско-Кужновского могильника средневековой мордвы // РА. – №2. – М., 2012. – С. 42-52.
 6. Комар А. В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. – Budapest: Pauker Nyomdaipari Kft., 2018. – 426 с.
 7. Мажитов Н. А. Южный Урал в IX – начале X в. / Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 80-83.
 8. Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 136 с.
 9. Рябцева С. С., Рабинович Р. А. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпатско-Днестровских землях в IX–X вв. // Revista archeologica. Ser. noua. Volumul III. № 1-2. – Chişinău, 2007. – С. 195-230.
 10. Селюн Д. В. К вопросу о местном типе наборного пояса у среднецнинской мордвы VIII–IX вв. // XI Поленовские чтения: художественное творчество как фактор развития личности. Материалы Международной научно-практической конференции-форума. Март, 2020. – Тамбов, 2020. – С. 295-302.
 11. Супруненко А. Б. Курган з угорським некрополем у пониззі Псла: Наукове видання. – Київ-Полтава: Вид-во ПП «Друкарня «Гротеск», 2007. – 108 с.
 12. Фоянкова (Чувило) Н. А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – X вв. по материалам художественной металлообработки. – Казань: Институт истории АН РТ, 2010. – 168 с.
 13. Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА. – № 2. – М., 1976. – С. 158-179.

TO THE QUESTION OF THE EXISTENCE OF A TYPESETTING BELT ON THE TERRITORY BETWEEN THE SEIM AND THE PSEL RIVERS IN THE 10th CENTURY

A. A. Balashov

Kursk State University, Research Institute of Archeology of the South-East of Russia, Kursk,
Russia

The article raises the question of the tradition of wearing a typesetting belt among northerners. Using the previously published details of the belt set, as well as drawing on a wide range of analogies, we concluded that such a tradition may be developing among the population of the Posemye in the 10th century.

Keywords: Romny archaeological culture, northerners, Saltovo-Mayak culture, typesetting belts.

Научный руководитель – Енуков Владимир Васильевич, д.и.н., профессор.

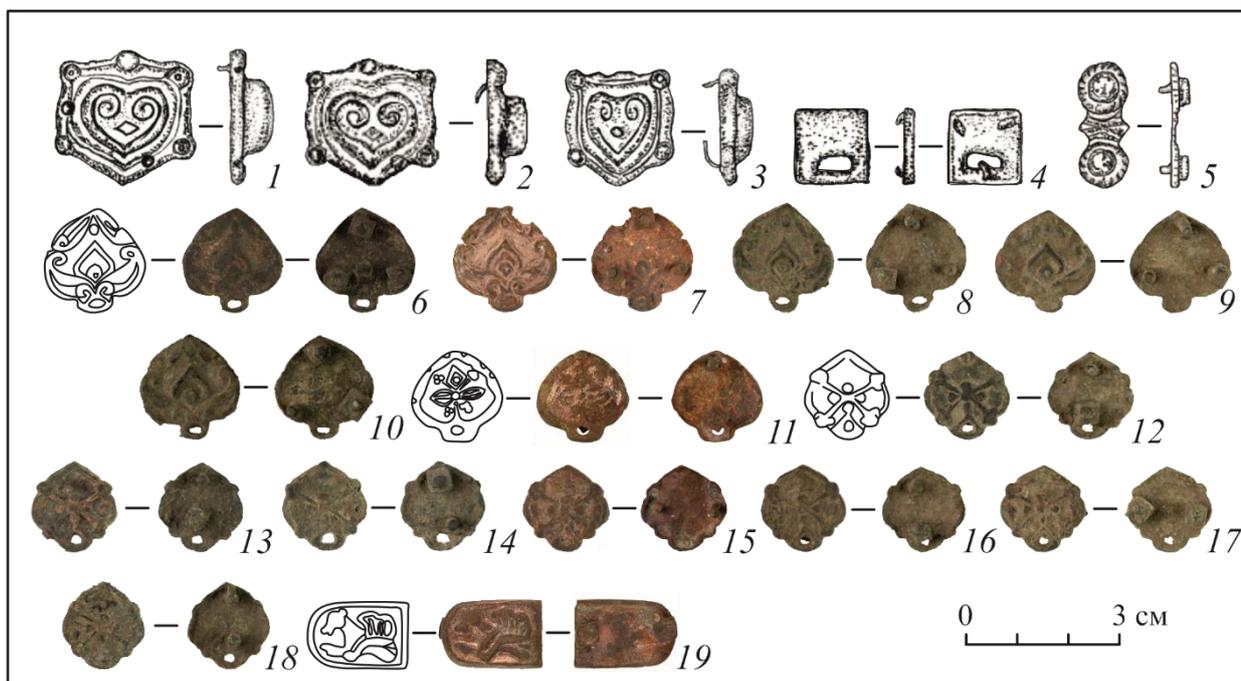

Рис. 1. Поясные накладки с территории Посемья. 1-5 – Горналь, селище 1; 6-19 – Кудярова гора, городище. 1-3 – белый металл (серебро?), 4-19 – бронза.

КУЛЬТУРА СОПОК: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

А. И. Волов

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, Россия*

Статья содержит общий обзор истории изучения сопок – погребальных памятников, характерных для Северо-Западного региона в VIII-X веках н.э. Текст доклада описывает ход развития исследований, введение нового терминологического аппарата, разницу подходов авторитетных исследователей. В ходе работы автор выделил несколько периодов изучения данной проблемы.

Ключевые слова: сопки, культура сопок, погребальные памятники Средневековья

Термин «культура сопок» не имеет устоявшегося определения в исторической науке, несмотря на усиленное изучение подобных древностей дискуссии вокруг этой формулировки продолжаются на протяжении уже почти полувека.

Существует несколько мнений касательно того, какие погребальные памятники следует именовать «сопками». Такие авторитетные исследователи как В. С. Пономарев, Г. С. Лебедев и В. П. Петренко предпринимали попытки классификации этих древностей (Петров, 1992. С. 108). Имеется множество публикаций, посвященных критериям выделения «культуры сопок» среди утвердившихся в науке археологических культур и включению её в контекст археологической, этнической и общеоисторической картины Северо-Западного региона во второй половине I-го тысячелетия н. э. Однако единого представления об определении, идентификации, терминологии, локализации, происхождении и хронологии «культуры сопок» в археологической науке так и не было сформировано. В задачи данной статьи входит краткая характеристика, анализ, а также возможная периодизация всей имеющейся обширной историографии, касающейся «культуры сопок».

Археологическое изучение погребальных памятников, за которыми в историографии закрепился термин «сопка», насчитывает не одно столетие. Ещё в 30-х гг. XVIII в. И. Г. Гмелин, Д. Кроер и Г. Ф. Миллер провели раскопки сопки у села Бронница. Работы не дали больших

результатов и не были завершены. Это событие является первым упоминанием подобных погребальных памятников в историографии.

В последующее столетие сопки неоднократно попадали в поле зрения исследователей, таких как П. С. Даллас, Н. Я. Озерцовский, Евгений Болховитинов (Митрополит Евгений). Все они проявляли к этим памятникам интерес, оставили описание, однако раскопок не вели. Археологическое изучение сопок было возобновлено лишь в 1820-1821 гг. З. Д. Ходаковским (Лебедев, 1992. С. 66).

З. Д. Ходаковским были раскопаны сопки в Ладого, под Новгородом и в Бежицах (Ходаковский, 1844. С. 373-375). Сведения автора об изучении сопок являются первыми в достаточной мере скрупулёзными для своего времени результатами раскопок этих памятников (Клейн, 2014. С. 229).

Следующие упоминания об археологическом исследовании сопок (помимо любительских раскопок помещика Н. А. Ушакова) относятся к 1873 г., когда Л. К. Ивановский провёл изыскания 6 насыпей в южной Приильменье. С этого времени можно констатировать увеличение интереса к этим памятникам. До революции раскопками сопок занимались Н. Г. Богословский, В. А. Прохоров, П. Б. Потехин, В. С. Передольский, П. А. Путьтин, Н. К. Рерих.

Но особенно важными стали результаты работ Н. Е. Бранденбурга, исследовавшего 10 подобных насыпей и издавшем в достаточной мере подробный отчет. По его

мнению, сопки следует выделять как отдельную группу, имеющую серьезные отличия от других погребальных памятников, представленных в регионе (Бранденбург, 1895. С. 91).

В советское время исследования сопки были продолжены усилиями сотрудников Новгородского музея, результаты которых кратко были описаны в статье В. С. Пономарева в 1938 г. Несколько сопки на р. Сяси были раскопаны В. И. Равдоникасом. Но наиболее важной публикацией является работа Н. Н. Чернягина «Длинные курганы и сопки», где автор произвел попытку собрать, обобщить и резюмировать все известные сведения об исследовании сопки (Седов, 1970. С. 8).

Позднее над исследованием сопки трудились Н. Н. Гурина, С. Н. Орлов и А. В. Куза, но работой, ознаменовавшей новый этап изучения этих древностей, стала публикация В. В. Седова 1970 г. «Новгородские сопки». В ней автор проанализировал результаты всех раскопанных объектов, провёл картографирование известных сопки, описал общие черты погребального обряда и опубликовал материалы части этих памятников. Последующие два десятилетия ознаменованы богатой историографией и значительным продвижением в изучении сопки.

Однако в исследовательской парадигме, основанной на классических методах изучения погребальных памятников, наметился кризис. Ни одна из предпринятых попыток типологизации сопки не была признана научным сообществом. Более того, так и не было введено в оборот развёрнутого определения этих курганов. В 1990 г. С. Л. Кузьмин предложил понятие «классической сопки».

Но уже в 1992 г. термин был признан «себя исчерпавшим», так как дотошный анализ материала показал индивидуальность каждого сооружения. Полностью аналогичных объектов в среде сопки практически нет (Петров, 1992. С. 109). В то же время критике была подвергнута сама целесообразность выделения КС и КДК в качестве археологических культур. В совместной статье Н. И. Петрова и А. В. Плохова

исследователи указали на то, что КС идентифицируется исключительно по наличию характерных погребальных памятников – сопки, зачастую даже археологически не исследованных, что в корне отличается от любой другой археологической культуры, выделяющейся по устойчивому набору признаков материальной культуры (Петров, Плохов, 1993. С. 60-63).

Совершенно иного подхода придерживается В. Я. Конецкий. По его мнению, носители КС использовали пашенное земледелие, в то время как КДК владели лишь подсечно-огневым. В этой разнице культурно-хозяйственных типов исследователь видит критерий для идентификации культуры: все сельские памятники этого времени, находящиеся в зоне пашенного земледелия, являются памятниками КС. Однако такая позиция также не соответствует принятому в археологической науке терминологическому аппарату.

В связи с тем, что изучение сопки в конце 90-х гг. XX в. зашло в определенного рода исследовательский тупик, публикации по КС свелись к минимуму, и на данный момент эта тематика по-прежнему остается мало освещаемой в литературе.

Таким образом, исследование сопки продолжается на протяжении уже более 150 лет, которые условно можно разбить на 3 основных периода:

1. Первый период (30-е гг. – кон. XIX в.). Характеризуется редкими несистемными раскопками, минимальной публикацией вещевого комплекса и, как следствие, отсутствием работ, посвященных этой тематике и написанных не авторами раскопок подобных памятников.

2. Второй период (кон. XIX – 70-е гг. XX вв.). Связан с появлением более широкого интереса в исследовательской среде, первых обобщающих работ, попытками вписать эти древности в общий контекст второй половины I тысячелетия н.э..

3. Третий период (70-е гг. XX – нач. XXI вв.). Характерен введением новой терминологии, более обширной глубиной исследования, включающей не только погребальные памятники, но и относящиеся к ним сельские памятники. Всплеском исследовательского интереса к проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бранденбург Н. Е. Курганы Южного Приладожья // Материалы по археологии России. Изд. Арх. комиссией. – №18. – СПб., 1895. – 156 с.

Клейн Л. С. История Российской археологии. Т. 1. – СПб.: Евразия, 2014. – 694 с.

Лебедев Г. С. История отечественной археологии, 1700-1917 гг. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. – 463 с.

Петров Н. И. О двух традициях сооружения сопки на Северо-Западе // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Вып. 4-5. – Великий Новгород: Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 1992. – С. 108-113.

Петров Н. И., Плохов А. Н. Термин «археологическая культура» и проблемы исследования культурно-исторических процессов на территории Северо-западной Руси эпохи раннего Средневековья // Новгород и новгородская земля. История и Археология. – Вып. 7. – Великий Новгород, 1993. – С. 59-69.

Седов В. В. Новгородские сопки // Археология СССР: САИ. – Вып. Е1-8. – М.: Наука, 1970. – 57 с.

Ходаковский З. Д. Сопки // Русский исторический сборник, издаваемый Императорским обществом истории и древностей российских. – Т. 7. – М., 1844. – С. 368-375.

CULTURE OF THE HILLS: THE HISTORY OF THE STUDY AND THE CURRENT STATE OF THE ISSUE

A. I. Volkov

Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

The article provides an overview of the history of the study of *sopka*'s. These are the mounds that were constructed in the Northwest region in the VIII-X centuries BC. The text of the report describes the progress of research, the introduction of a new terminological apparatus, the difference in approaches of authoritative researchers. During the work, the author identified several periods of study of this problem.

Keywords: *sopka*'s, culture of *sopka*'s, funerary objects of the Middle Ages.

Научный руководитель – Торопова Елена Владимировна, к.и.н., доцент.

ОБРАЗ ТОРА И СИМВОЛИКА ЕГО АТТРИБУТИКИ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ВОЕНИЗИРОВАННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ СКАНДИНАВОВ В ПЕРИОД С IX ПО XI ВВ.

О. В. Черепов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

На сегодняшний день в исторической науке возникает масса вопросов, связанных со стремительным видоизменением мировоззрения того или иного этноса, повлекшие за собой огромное множество действий, которые привели к редактированию вектора деятельности этого самого этноса. Подобным примером изменчивости может служить эпоха викингов, во времена которой народы скандинавского полуострова приступили к реформированию своего общества, которое началось с изменений их космологических догматов, что было отражено и в археологическом аспекте.

Ключевые слова: Тор, молот, мифы, амулеты, артефакты.

Историки и культурологи, занимавшиеся изучением скандинавского общества, отмечали, что происхождение, а также сам образ бога грома и молнии, возможно реконструировать через призму космологии скандинавского язычества. Согласно анализу текстов различных источников, в частности, «Младшей» и «Старшей» Эдды, известно, что матерью Тора являлась богиня воплощения земли Ёрд (Стеблин-Коменский, 1963. С. 59), в иных источниках имеются указания на то, что матерью громовержца была Фьёргун (Стеблин-Коменский, 1963. С. 15), имя которой совпадает с именем отца Фригг. Важно отметить, что имя Фьёргун объединяет образ Тора с именами громовержцев других индоевропейских этносов, в том числе, славянского Перуна. Контекстологический анализ источников указывает на то, что отцом бога являлся Один, однако, автор «Младшей Эдды» указывал, что Тор стал прообразом Трора, который, в свою очередь, имел статус первопредков всех богов. В тоже время следует обратить внимание на то, что Трором именовал себя и сам Один в знаменитом перечне имен – туле из «Речей Гримнира» (Стеблин-Коменский, 1963. С. 40). Исходя из вышесказанного, следует заключить, что судьба Тора имела частичные совпадения с судьбой Тюра, который был потеснен в иерархии скандинавского пантеона.

Подобные иерархические движения стали актуальны со второй половины IX в., когда верховенство государственного

строения скандинавов перешло от военной демократии к дружинному государству, что повлекло за собой реформирование языческих догматов скандинавов, передав большую значимость культу Вальхаллы. Однако, культ Тора оставался весьма популярным и значимым, о чем свидетельствовал Адам Бременский, когда описывал храм в Упсале. А согласно тексту источника, Тор, являясь сильнейшим среди богов и людей, имел владения, именуемые Трудвангар – «Поля силы», которые ничем не уступающие отцовским. Громовержец также управлял своим чертогом Бильскирнир – «Сверкающий как молния» (Стеблин-Коменский, 1963. С. 37).

Согласно мнению ряда исследователей, особое символическое значение имели сам облик и имя бога. Так, имя Тор, либо же германский Донар, означало «Гром, громовержец» (Фетисов, Щавелёв, 2009. С. 135). Также следует обратить внимание на упомянутых в источниках детей Тора, которые согласно сагам, воплощали его богатырские качества: имя его дочери Труд означало «Сила», а сыновья носили имена Моды и Магний, что символизировало «Смелость» и «Мощь». В облике бога особенно примечательна рыжего цвета борода, которая символизировала небесный огонь – молнии.

Сакральное влияние бога было отражено в частоте даваемых детям имен, связанных с этим асом. Среди подобных имен

наиболее популярными были такие, как Торольф, Торфинн, Торгрим, Торир, Тора, Торгейм и т.п. Исследователи отмечали, что подобные имена были популярны как в среде бондов, так и у знати (Петрухин, 2010. С. 172).

Археологи, занимавшиеся изучением эпохи викингов, обращали внимание на частые находки статуэток, отражавших образ Тора. Эти статуэтки являлись «портативными» карманными божками. Фигурка изображала мужчину, держащего себя за длинную бороду, последняя имела форму молота – знаменитого Мьёлльнира, который согласно мифологии, как и копье Гунгнир, был выкован цвергами. Традиция громовержцев разных этносов такова, что те, дабы вызвать молнии, потрясали своими бородами. Помимо божков археологам известны частые находки амулетов в виде молота, которые присуще различным погребениям. В свою очередь нумизматике известно множество монет эпохи викингов, имевших изображение громовержца (Лебедев, 1985. С. 44).

Ученые отмечали, что символическое значение Тора особо ярко прослеживается в песенных произведениях скальдов IX в., которые сообщали:

«Ведьмин враг деснице
Взял тяжелый молот,
Как узрил он рыбу,
Страны все обсевшу».

Данные строфы передают смысл основного мифологического сюжета скандинавского язычества, а именно – борьба громовержца Тора с Мировым змеем, главным противником богов, который был соизмерим с диаметром Мидгарда. Сам Тор именовался как «Ведьмин враг», поскольку вел борьбу с нечистой силой. Эти строфы представляли собой шифр, который в Исландии назвался кенинги (Николюкин, 2001. С. 352).

Ряд исследователей подчеркивали, что символизм Тора лежал в функционале его молота, который выходил за рамки природных явлений, поскольку, в первую очередь, являлся оружием. Этот ас давал благоприятные условия для проведения зе-

мельных работ только вследствие положительного исхода своих боевых действий. Тор олицетворял сильного и одинокого воина, защитника, которого Тацит сравнивал с Геркулесом (Бирлайн, 1997. С. 257).

Помимо молота Тор имел при себе два сакральных атрибута. Первый представлял из себя Пояс Силы, который, согласно сагам, вдвое прибавлял силу бога, а также железные рукавицы, без которых невозможно было держать в руках Мьёлльнир. Следовательно, атрибутика Тора являлась прямым отражением частичного военного снаряжения викингов (Дуглас, 2003. С. 32).

Таким образом, мифологическое влияние Тора на укрепление военизированного мировоззрения скандинавов заключалось в следующем:

Во-первых, несмотря на явное доминирование культа Одина, влияние Тора на военизированную часть населения скандинавского полуострова было весьма велико, что подтверждается упоминанием о пребывании идола этого бога в храме в Упсале;

Во-вторых, весьма символичным является описание детей бога, которые подчеркивали военные качества и свидетельствовали о божественной силе Тора;

В-третьих, Тор, как и его отец, владел чертогом воинов – Бильскирнир;

В-четвертых, как и любое божество, Тор преследует свое конечное предназначение, и в его случае – это борьба с Мировым змеем и защита мира богов и мира людей;

В-пятых, функционал божества отражается в его боевом облачении, которое символизирует защитное и наступательное снаряжение викингов;

В-шестых, популярность бога среди своих почитателей была зафиксирована присутствием его имени как компонента имен скандинавов;

В-седьмых, археологии и нумизматике известны различного рода источники, среди которых амулеты в виде молота, монеты с изображением бога, что также подчеркивает высокое положение бога в скандинавском обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. – М.: Крон-Пресс, 1997. – 336 с.
- Дуглас Дэвид Ч. Норманны: от завоеваний к достижениям. 1050-1100 гг. – СПб.: Евразия, 2003. – 416 с.
- Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Л.: Ленинградский университет, 1985. – 640 с.
- Николюкин А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: Интелвак, 2001. – 799 с.
- Петрухин В. Я. Мифы древней Скандинавии. – М.: Астрель, 2010. – 464 с.
- Стеблин-Каменский М. И. Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. – М.: АН СССР, 1963. – 260 с.
- Фетисов А. А., Щавелёв А. С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. – М.: Вече, 2009. – 336 с.

THE IMAGE OF THE TORUS AND THE SYMBOLOGY OF ITS ATTRIBUTES AS A FACTOR OF STRENGTHENING THE MILITARIZED WORLDVIEW OF THE SCANDINAVIANS IN THE PERIOD FROM IX TO XI CENTURIES

O. V. Cherepov

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Today, in historical science, a lot of questions arise related to the rapid modification of the worldview of this or that ethnic group, which entailed a huge number of actions that led to the editing of the vector of activity of this very ethnic group. A similar example of variability is the Viking Age, during which the peoples of the Scandinavian Peninsula began to reform their society, which began with changes in their cosmological dogmas, which was reflected in the archaeological aspect.

Keywords: Thor, hammer, myths, amulets, artifacts.

Научный руководитель – Кулабухов Владимир Семёнович, к.и.н., доцент.

«ГОЧЕВО. КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК 1». СОВРЕМЕННЫЕ ДАННЫЕ О СОСТОЯНИИ ПАМЯТНИКА

А. В. Симоненков

Курский государственный областной музей археологии, Курск, Россия

В публикации приводятся итоги работы по мониторингу состояния памятника археологии – «Гочево. Курганный могильник 1». Данные были получены как в результате визуального осмотра и обмера всех насыпей могильника, так и путём их фиксации высокоточным GNSS оборудованием. Итогом этих работ стало составление подробного топографического плана курганной группы.

Ключевые слова: село Гочево, река Псёл, археологический комплекс, курган, могильник.

Гочевский курганный могильник является одним из наиболее крупным выявленным и сохранившимся до нашего времени памятником данного типа на территории Восточной Европы. Памятник датируется концом X-XII вв. Он расположен на правом коренном берегу р. Псёл в 690 м к северо-западу от с. Гочево Беловского района Курской области и входит в состав Гочевского археологического комплекса, который включает в себя два городища («Крутой курган», Царский Дворец), неукрепленное поселение, два курганных («Курганный могильник 1», «Загородье») и один грунтовый могильник.

К моменту обнаружения курганной группы К. П. Сосновским в 1908 г. численность могильника оценивалась в 3,5 тысячи курганов (Зорин и др., 2000. С. 34). Уже в этот период часть некрополя подверглась сельскохозяйственной распашке. В советский период большая часть могильника оказалась окончательно распахана. Находившиеся в пределах сельскохозяйственных полей курганы не читаются на местности. На сегодняшний день сохранились только те курганы, которые были расположены в небольшом лесном массиве.

Первое археологическое исследование могильника осуществил в 1909 г. Д. Я. Самоквасов. Было вскрыто 278 насыпей. После смерти Д. Я. Самоквасова последующая работа на памятнике продолжилась в 1912 г. П. С. Рыковым. Обследованию подверглись 109 насыпей. В 1913 г. 35 курганов изучил В. С. Львович, а В. Н. Глазов в этом же 1913 г. раскопал еще 105

насыпей. Дальнейшее исследование памятника было продолжено В. Н. Глазовым в 1915 г. Археологические работы производились на 101 насыпи. В дальнейшем полевое изучение Гочевского могильника прерывается на достаточно длительный период (Стародубцев, 2017. С. 4). Работы возобновились только в 1994 г. экспедицией Курского государственного музея археологии под руководством Г. Ю. Стародубцева. За период с 1994 по 2000 гг., а также в 2002, 2016 и 2019 гг. изучено 22 насыпи основного курганного массива. Таким образом, на сегодняшний день за все годы археологического исследования Гочевского курганного могильника 1 изучено 650 насыпей (Симоненков, 2020. С. 10).

Стоит отметить, что с момента начала археологического изучения могильника проводятся работы по составлению его топографического плана путем глазомерной или инструментальной съемки. Первую подобную работу провел К. П. Сосновский. На плане 1909 г. было зафиксировано расположение всех памятников Гочевского археологического комплекса по отношению друг к другу. Однако, все насыпи основного курганного могильника были отражены схематично, без указания их реальных размеров и фиксации точного количества. Следующие два плана были составлены в 1912 г. П. С. Рыковым. А после, в 1913 и 1915 гг., В. Н. Глазовым. Вышеперечисленные топографические чертежи были выполнены в более крупных масштабах, на плане 1912 г. П. С. Рыков отобразил насыпи могильника в пропорциональном

масштабе. Тем не менее, на чертежах присутствовали большие погрешности в расположении курганов на могильнике, а также общие неточности в отображении окружающего рельефа местности.

В ходе изучения насыпей могильника силами Гочевской древнерусской экспедиции Курского областного музея археологии к 2000 г. посредством ручной инструментальной съемки создан план памятника. На нём было отражено 329 насыпей. Однако, в ходе последующих работ на могильнике оказалось, что и данный план не в полной мере достоверен.

В начале апреля 2019 и 2020 гг. разведочным отрядом Гочевской древнерусской экспедиции были проведены работы по уточнению современного состояния основного курганного могильника. Данная задача не могла быть решена без составления точного современного плана курганной группы. Сложность данной задачи обуславливалась расположением насыпей в лесной зоне, а также высокой плотностью расположения курганов по отношению друг к другу.

Для выполнения поставленной цели использовался метод топографической съемки при помощи GNSS приборов. Высокоточное геодезическое оборудование позволило зафиксировать каждый курган на местности и присвоить каждой насыпи индивидуальные GPS координаты в системе WGS 84 и МСК 46. Кроме того, ручным инструментальным способом замерялась высота и диаметр каждой насыпи. При наличии следов разрушения отмечался их характер. Как правило, это были округлые ямы или прямоугольные траншеи в центральной части курганов.

По завершению работ удалось зафиксировать 882 кургана. Из этого числа 248 насыпей визуально не имеют следов разрушения. В центральной части 63 курганов обнаружены небольшие заглубления округлой или квадратной формы шириной до 0,3 м и глубиной до 0,15 м. В насыпи 551 курганов зафиксированы разрушения в виде прямоугольных траншей или округлых ям. Оставшиеся 20 курганов полно-

стью разрушены. В данную статистику учитываются насыпи, раскопанные экспедицией Курского государственного музея археологии с 1994 по 2019 гг.

По характеру расположения насыпей можно говорить, о том, что могильник образовывался гнездовым способом. Данный тип роста некрополя хорошо прослеживается на всей сохранившейся части могильника. Стоит отметить, что в северной части памятника зафиксированы скопления, которые были оваломно оконтурены насыпями, но полностью образовавшееся внутренне пространство курганами заполнено не было. В этой же части некрополя уменьшается и общая концентрация насыпей. Курганы не плотно примыкают друг к другу, как в центральной и южной части могильника, а находятся на расстоянии в несколько метров друг от друга. Такое расположение позволило визуально проследить погребальные ровики у 28 насыпей (Рис. 1).

Общим итогом работ на территории курганной группы стало установление точного количества насыпей на данном памятнике археологии, что позволило по средствам GNSS оборудования создать подробный топографический план некрополя. Мониторинг состояния памятника показал, что 36% насыпей полностью целы или имеют незначительные следы разрушения. Только 2% курганов могильника полностью уничтожены. Целостность оставшихся насыпей нарушена. Разрушения порой затрагивают погребения в курганах. Но это обстоятельство все равно дает возможность изучать методом археологических раскопок такие курганы с целью выявления особенностей погребального обряда на данной территории. Стоит отметить, что проведённая работа позволила установить, что могильник рос не хаотично, а гнездовым типом.

Проделанная работа позволит локализовать участки, на которых проводили исследования археологи Царской России, что даст возможность более узко локализовать вещевой материал из погребений. Помимо этого, современный топографический план станет основой для последующих исследований могильника.

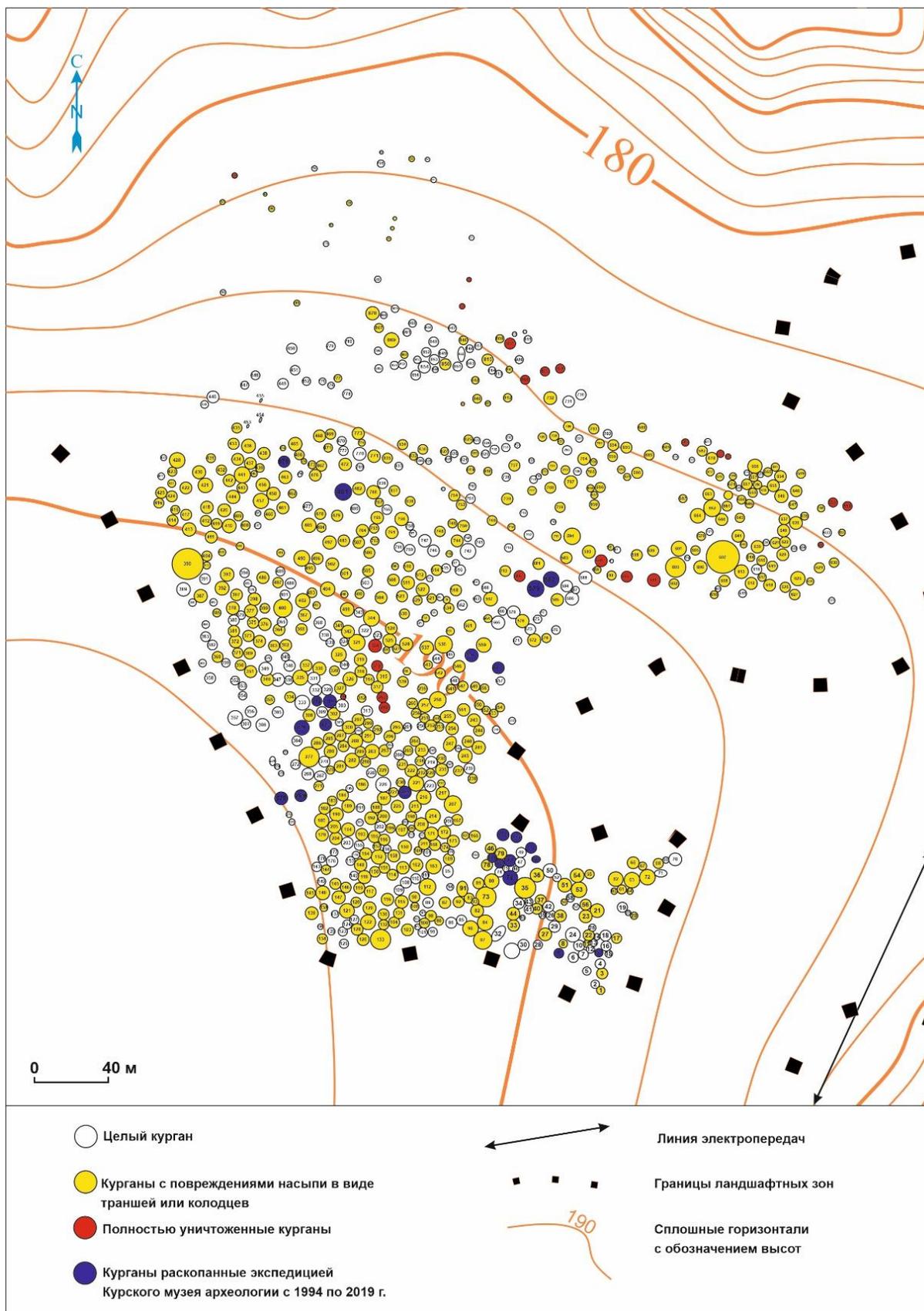

Рис. 1. Гочевский курганный могильник 1. Топографический план памятника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилёв А. Г. (при участии Плаксина И. М.). Курский край: история изучения курских древностей. Научно-популярная серия в 20 томах. Т. 5. – Курск, 2000. – 391 с.

Симоненков А. В. Отчёт о раскопках кургана № 86 на территории выявленного объекта археологического наследия «Гочево. Курганный могильник 1» около с. Гочево Беловского района Курской области в 2019 г. – Курск, 2020. – 79 с.

Стародубцев Г. Ю. Отчет о раскопках на территории выявленного объекта археологического наследия «Гочево, курганный могильник 1» около с. Гочево Беловского района Курской области в 2016 г. – Курск, 2017. – 54 с.

GOCHEVO BARROW NECROPOLIS 1. MODERN DATA ON THE STATE OF THE MONUMENT

A. V. Simonenkov

Kursk State Regional Museum of Archeology, Kursk, Russia

The publication contains the results of the work on monitoring the state of the archeological monument – «Gochevo. Burial mound 1». The data were obtained both as a result of visual inspection and measurement of all embankments of the repository, and by fixing them with high-precision GNSS equipment. The result of these works was the drawing up of a detailed topographic plan of the kurgan group.

Keywords: Gochevo village, Psel river, archaeological complex, mound, burial ground.

РЕСТАВРАЦИЯ ЧЕСНОКА (ПРОТИВОКОННОЕ ВООРУЖЕНИЕ)

И. В. Щербакова

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

В работе описывается методика реставрации предметов археологии из железа на примере «чеснока» из раскопок Билярского городища. Предмет прошел все необходимые стадии реставрации, что позволило приостановить его разрушение. Работы проводились в рамках интенсива по реставрации железа у магистров I курса профиля «Реставрация историко-культурного наследия».

Ключевые слова: реставрация железа, археология, Билярское городище, предметы вооружения.

Осенью 2019 г. под руководством художника-реставратора высшей категории С. Г. Буршневой для магистров первокурсников профиля «Реставрация историко-культурного наследия», направление «История искусств», ИМО КФУ был проведен интенсив по реставрации железа на примере коллекции предметов Билярского городища.

Билярское городище расположено на левом берегу р. Малый Черемшан на юго-восточной стороне с. Билярск в Алексеевском районе Республики Татарстан. Памятник занимает укрепленную площадь – 620 га, вместе с пригородами территория комплекса насчитывает около 800 га (История татар, 2006. С. 152). Древнерусские летописцы знали его под названием Великого города (Хузин и др., 2017. С. 11). Биляр – один из крупнейших ремесленных центров домонгольской Булгарии, но после монгольского нашествия он теряет всякое экономическое значение (Смирнов, 1951. С. 149).

В 2016-2017 гг. изыскания проводились на раскопе XLIV Билярского городища и на Билярском могильнике I (раскоп XLV). Коллекция вещевого материала из раскопа XLIV включала 2469 предметов (Бадеев и др., 2019. С. 331-332). Среди них был «чеснок», поступивший на реставрацию из Билярского музея-заповедника (рис. 1).

«Чеснок» – четырехзубая рогатка, применявшаяся для борьбы с конницей противника (Семыкин, 2015. С. 84; История татар, 2006. С. 157). Предмет состоял из заостренных шипов, сходящихся в одной точке и направленных в разные стороны. Три шипа имеют длину 2 см, 3 см, 3,3 см; четвертый шип утрачен.

Подобный «чеснок» с Билярского городища был подвержен металлографическим исследованием (Семыкин, 2015. С. 16). Полученные данные свидетельствуют о том, что предмет был откован из сырцово-неравномерно науглероженной стали. При изготовлении «чеснока» была применена операция кузнечной сварки (Семыкин, 2015. С. 84, 167; История татар, 2006. С. 157). Была выявлена феррито-перлитная структурная составляющая памятника с микротвердостью 221-274 кг/мм² (Семыкин, 2015. С. 84, 167).

Артефакт, поступивший в реставрацию, был с высокой степенью минерализации. Предмет увеличился в объеме, как за счет роста вторичной минеральной корки, так и вследствие коррозии металлического ядра (Буршнева, 2019. С. 26). Вторичная минеральная корка пористая и хрупкая, с многочисленными трещинами, от темно-коричневого до светло-коричневого оттенков. Имеются язвы, заполненные светло-желтыми порошкообразными продуктами коррозии – наличие подобных язв свидетельствует об активном протекании этого процесса. Магнитом было определено наличие металлического ядра. Исследования при помощи микроскопа с увеличением х40 выявили сеть мелких трещин на поверхности минеральной корки, а в местах ее утраты – рыхлые порошкообразные рыже-бурые продукты коррозии на металлическом ядре.

Данный предмет можно отнести к четвертой стадии сохранности – первичная и вторичная минеральные корки значительно утолщены, а металлическое ядро не

отражает оригинальную форму предмета. Поэтому разрушение минеральной корки на этой стадии может привести к утрате артефакта. (Буршнева, 2019. С. 18, 26; Шемаханская, 2015. С. 128).

Чтобы приостановить разрушение предмета, был проведен ряд реставрационных мероприятий, включающих укрепление, стабилизацию, расчистку и консервацию. Каждый этап фиксировался в реставрационном паспорте, отчете, дневнике, и обязательно фотографировался.

Для замедления физического разрушения поверхность предмета была укреплена методом нанесения профзаклеек марлевыми биндами на клей Paraloid B-72 (в смеси этанол-ацетон в пропорции 1:1). Предварительно предмет был пропитан 10% раствором Paraloid B-72. После полного высыхания клея проводился монтаж фрагмента шипа на основу точечным нанесением 30% раствора Paraloid B-72 в ацетоне щетинной кистью по минеральным коркам. Важно, чтобы раствор Paraloid B-72 не наносился на участки с обнажившемся металлическим ядром.

Далее следовала стабилизация активной коррозии. Ее провоцирует формирующееся под воздействием ионов хлора и при относительной влажности от 18 % на металлическом ядре соединение – акаганит. Он способствует растрескиванию минеральных корок, кроме того, разрушает металлическое ядро. При такой степени сохранности возможен метод стабилизации раствором щелочного сульфита с применением ультразвука (Буршнева, 2019. С. 26).

Первый цикл стабилизации раствором 0,5М щелочного сульфита в дистиллированной воде проводился с помещением предмета в ультразвуковую ванну на 30 минут. После чего он был промыт под проточной водой. Далее для ультразвуковой обработки «чеснок» погружался в дистиллированную воду циклами по 10 минут. Вода менялась, пока ее pH не стал нейтральным. Процедура просушки и стабилизации предмета в сушильном шкафу были повторены дважды.

Когда профзаклейки и клей с поверхности предмета были удалены, осуществлялась механическая расчистка до оригинальной поверхности. Использовалась бормашина со стальной радиальной крацовкой, алмазным и твердосплавным борами.

Ингибирование коррозии проводилось с помощью 5% спиртового раствора танина. Предмет был предварительно прогрет в течение 15 минут при температуре 95 °С. Излишки раствора танина после его высыхания были удалены тампонами с этанолом. После просушки наносилась консервирующая пропитка 5% раствором Paraloid B-72 в смеси ацетон/этанол (50/50). Когда первый слой полностью просох, раствор наносился повторно.

На завершающей стадии проводилась укрепляющая мастиковка слабых участков предмета раствором 30% Paraloid B-72 в ацетоне с добавлением сухих художественных пигментов и ацетона с помощью медицинского шпателя, скальпеля и зубочистки. «Чеснок» был просушен в естественных условиях в течение двух суток.

Матирование поверхности было выполнено с помощью восковой композиции с добавлением сухих художественных пигментов. Композиция наносилась и располировывалась щетинной кистью.

В результате реставрационных мероприятий «чеснок» был стабилизирован, его оригинальная поверхность была расчищена от продуктов коррозии, создающих опасные условия для сохранности, была восстановлена целостность предмета. Кроме того, произведенные реставрационные действия позволили выявить форму предмета. Благодаря консервирующему покрытию обеспечены условия для дальнейшего безопасного хранения и экспонирования предмета. Памятник приобрел экспозиционный вид.

В дальнейшем знания и опыт, приобретенные на интенсивах по реставрации, будут применены в музее-заповеднике «Дивногорье».

Рис. 1. «Чеснок» до и после реставрации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадеев Д. Ю., Худяков А. В., Шакиров З. Г., Археологические исследования на территории Билярского комплекса в 2016–2017 гг. // АО. 2017 год. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 331-334.
- Буршнева С. Г. Реставрация археологических и этнографических предметов из железа: учеб.-метод. пособие. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 88 с.
- Волжская Булгария и Великая Степь. История татар с древнейших времен: в. 7 т. Т. 2 / Под ред. Ф. Ш. Хузин. – Казань: Издательство «РухИЛ», 2006. – 956 с.
- Семыкин Ю. А. Черная металлургия и кузнечное производство Волжской Булгарии в VIII – начале XIII вв. // Археология евразийских степей. – Выпуск 21. – Казань: Отечество, 2015. – 228 с.
- Смирнов А. П. Волжские Булгары // Труды Государственного Исторического музея. – Вып. XIX. – М.: Издание Государственного Исторического музея, 1951. – 276 с.
- Хузин Ф. Ш., Валиулина С. И., Шакиров З. Г. Билярской археологической экспедиции – 50 лет: итоги и проблемы исследования Великого города // Археология евразийских степей. – №1. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, 2017. – С. 10-23.
- Шемаханская М. С. Металлы и вещи. История. Свойства. Разрушение. Реставрация. – М.: «Индрик», 2015. – 288 с., ил.

RESTAVRATION OF THE CALTROP (ANTIHORSE ARMAMENT)

I. V. Shcherbakova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

The work describes restoration method of archaeological objects from iron using the example of «caltrop» from the excavations of the Bilyar settlement. The object passed through all the necessary stages of restoration, which made it possible to suspend its destruction. The work was made within the framework of an intensive course on the restoration of iron with a master's degree of the I course of the profile «Restoration of historical and cultural heritage».

Keywords: restoration of iron, archeology, Bilyar settlement, weapons.

Научный руководитель – Буршнева Светлана Георгиевна, художник-реставратор высшей категории.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕКСТИЛЬ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Е. М. Калугина

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия*

В статье рассматриваются находки археологического текстиля из археологических памятников IX-XII вв. Северо-Востока России. При анализе находок исследуется ассортимент текстиля, его характеристики и особенности; выделяется привозной текстиль и текстиль местного производства; отмечаются факторы, влияющие на сохранность текстиля.

Ключевые слова: археологический текстиль, Домонгольская Русь, шерсть, шелк, золотные нити.

Изучение археологического текстиля позволяет получить сведения о различных сферах жизни Домонгольской Руси, в том числе, об ассортименте тканей, способах их изготовления, уровне развития ткачества, экономических связях отдельных древнерусских территорий между собой и с другими странами. При этом находки IX-XII вв. имеют особую важность, так как в это время происходило формирование Руси как государства.

На развитие северо-восточных регионов Руси влияло их расположение на территориях, где проходили важнейшие торговые пути, поэтому уже с IX в. эти регионы имели экономические отношения с другими частями Руси, а также с западными и восточными странами. О наличии торговых связей говорят находки привозного текстиля, в числе которого были шелк, шерсть, золотные нити и ленты. Вместе с тем, большинство тканей из шерсти и растительного сырья были местными.

Находки текстиля не являются массовыми, однако, они встречались на большинстве северо-восточных территорий. Представляется, что наиболее интересные образцы текстиля Северо-Востока найдены в Ярославском Поволжье (Тимеревский археологический комплекс), Суздале, Белоозере и на Кубенском озере (Мининский археологический комплекс).

Так, в Тимеревском комплексе основная часть находок текстиля происходит из курганов. Ткани обнаружены в 15 погребениях X-XI вв., их большая часть являлась

детальями костюма. В находках преобладали шелк и текстиль с золотными нитями. Шелк найден в 8 погребениях; золотные нити – в 10 (золотые и позолоченные – 6, серебряные – 2, металлические – 2); в 1 погребении – фрагмент проволоки от тесьмы.

В частности, в кургане 348 сохранился шелк полотняного плетения и серебряные нити со следами позолоты (Мальм и др., 1977. С. 60); в курганах 100, 394 – шелк саржевого плетения. В кургане 295 ворот и обшлага одежды были украшены полосами шелка с тесьмой из позолоченных серебряных нитей (Мальм и др., 1978. С. 72). В кургане 297 обнаружено золотное шитье от тесьмы (Дубов, Серых, 1992. С. 116-118); в курганах 285, 382, 422 – текстиль с золотными нитями; в курганах 68, 243 – шелк с серебряной канительной нитью; в курганах 263, 474 – тесьма из шелковых и металлических нитей; в кургане 385 – остатки проволоки от тесьмы.

Шелк был привозным, поступал из стран Востока и Средиземноморья.

В Тимерево также найдены ткани животного и растительного происхождения: курганы 100, 394 – ткань из шерсти; курган 459 – льняная ткань, являющаяся остатком рубахи; курган 164 – остатки холщового чехла от топора (Недошивина, Фехнер, 1987. С. 84).

Основная часть находок текстиля происходит из Суздаля. Текстиль сохранился в 23 погребениях на некрополе и в 100 курганах (Елкина, Сабурова, 1991. С. 58). Фрагменты являлись детальями одежды, в основном, частями воротников.

Также найдены тканевые украшения (ожерелки, голошейки). Обнаруженный текстиль датируется XI – сер. XII вв.

Суздальские ткани сделаны из шелка. Он был привозным, поступал из Византии и стран Востока. Большинство тканей – уточная саржа типа самит. Два воротника из более дешевой однослойной ткани саржевого и полотняного плетения считаются тканями азиатского производства.

На изнанке воротников сохранилась ткань от одежды из шелка или растительных волокон (Древняя Русь..., 1997. С. 100). Почти все воротники украшены золототкаными лентами, золотой и шелковой вышивкой; один украшен жемчужной обнизью местного производства. Узор на большинстве лент плетеный, на двух – зигзагообразный. Эти 2 фрагмента местного производства. На ленте из кургана 61 сделан дополнительный узор нитями из золота, характерный для испанского производства.

В отличие от Тимерева и Суздаля, где большая часть находок являлась привозным текстилем, в Белоозере он местный. Здесь найдены обрывки войлока и фрагмент войлочной шали с бахромой. Также многочисленны находки фрагментов тканей из шерсти, в их числе как прямого так и диагонального переплетений. Интересными являются найденные в горизонте XII в. в границах сгоревшего дома вязаные изделия из шерсти: детский башмак, туфля-шлепанец, фрагменты носка (Голубева, 1973. С. 191). Способ вязки аналогичен старинным русским чулкам без пятки. Там же обнаружены фрагменты мешковины и войлока.

Данные находки говорят о том, что на Белом озере валяли сукно, вязали из шерстяной пряжи и изготавливали ткани местного производства.

В Мининском комплексе большая часть текстиля происходит из могильника

Минино II. В погребениях 10, 48, 49 найдены два фрагмента воротников с основой из бересты. Воротники из шелка полотняного переплетения: к первому пришта шелковая тесьма саржевого плетения с золотыми нитями, второй украшен золотой вышивкой в прикреп (Археология..., 2009. С. 167-172).

В погребении 10 также найден фрагмент войлока; в погребении 56 – фрагменты воротника с золотой нитью; в погребении 21 – грубая ткань редкого плетения; в погребении 4 – фрагменты плотной ткани; в погребении 3 – остатки двух веревочных шнурков и ткань простого плетения (Археология..., 2007. С. 236-251). Фрагмент текстиля полотняного переплетения был обнаружен при раскопках селища Минино I.

Таким образом, в числе находок текстиля на Северо-Востоке встречаются ткани животного и растительного происхождения, а также шелк. При этом, на большинстве территорий Северо-Востока культурный слой не отличается большой влажностью, поэтому сохранность его плохая. Находки шерстяного текстиля преобладали лишь в Белоозере, что может объясняться сыростью его грунта, способствующей лучшему сохранению органики. В других местах находки шерсти малочисленны. Находки тканей из растительного сырья на всех территориях единичны, что связано с быстрым разрушением их в земле. Большая часть текстиля происходит из погребений. Шелковые ткани обнаружены в захоронениях всех исследованных северо-восточных территорий. Часто фрагменты их были пришиты к бересте или завернуты в нее (Суздаль, Минино), что способствовало сохранности. Также в захоронения

х широко представлен текстиль, украшенный золотой вышивкой и золототкаными лентами (Тимерево, Суздаль, Минино).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология севернорусской деревни IX-XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3-х т. / отв. ред. Н. А. Макаров / Т. 1: Поселения и могильники. – М.: Наука, 2007. – 374 с.

Археология севернорусской деревни IX-XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3-х т. / отв. ред. Н. А. Макаров / Т. 3: Палеоэкологические условия, быт и культура. – М.: Наука, 2009. – 233 с.

Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X-XIII вв. – М.: Наука, 1973. – 216 с.

Дубов И. В., Седых В. Н. Новые исследования Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров / под ред. А. Н. Кирпичникова, Е. А. Рябинина. – СПб.: Наука, 1992. – С. 115-123.

Древняя Русь. Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. – М.: Наука, 1997. – 368 с.

Ёлкина А. Е., Сабурова М.А. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаля // Материалы по средневековой археологии северо-восточной Руси / отв. ред. М. В. Седова. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1991. – С. 53-77.

Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Исследования Тимеревского могильника в Ярославле // АО 1976 года / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1977. – С. 59-60.

Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Исследования Тимеревского могильника близ Ярославля // АО 1977 года / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1978. – С. 72-73.

Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. – №2. – М.: АН СССР, 1987. – С. 70-89.

ARCHAEOLOGICAL TEXTILES OF THE NORTH-EASTERN REGION OF PRE-MONGOL RUS

E. M. Kalugina

The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

The article considers the finds of archaeological textiles from the archaeological sites of IX-XII centuries of the North East of Russia. When analyzing finds, the range of textiles, their nature and characteristics are studied; imported and local fabrics are identified and distinguished; factors affecting textiles safety are noted.

Keywords: archaeological textiles, Pre-Mongol Rus, wool, silk, gold thread.

Научный руководитель – Пашкова Татьяна Ильинична, к.и.н., доцент.

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ПЛЕТЯХ» НА ПОЛОВЕЦКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ

А. С. Онищенко

Донецкий республиканский краеведческий музей, Донецк, ДНР

В статье рассматриваются острия с кольцами, изображаемые на поясе мужских каменных изваяний 2-й пол. XI – 1-й пол. XIII вв. Эти предметы на скульптурах в научной литературе называются плетью, но после сопоставления их с археологическим материалом Восточной Европы было установлено возможное их функциональное назначение и происхождение.

Ключевые слова: каменные изваяния, половцы, острие с кольцом, средневековье.

Каменные изваяния являются одними из основных источников информации о материальной культуре половцев, кочевавших на территории от р. Волга до р. Ингулец. Изображённые на изваяниях одежда, оружие, бытовые предметы детально изучены, но есть ряд вещей, функциональное назначение которых еще не установлено. К таким предметам относится острие с кольцом, которое подвешено к поясу (рис. 1: 1-5).

Первой, кто обратил внимание на длинные полосы с кольцами на изваяниях, была С. А. Плетнёва. После анализа предметов вооружения мужских статуй она в своей работе выделила отдельную группу вещей, которую обозначила как «плетки». Она их описывает как «длинные узкие, заостренные предметы книзу, с прямыми или покрытыми насечками полосами с кольцом в средней части» (Плетнёва, 1974. С. 31). Также С. А. Плетнёва указывает, что аналогий им в погребальном инвентаре нет, но у пояса неоднократно обнаруживали кольца. Исследовательница предположила, что эти кольца от рукояти плетки, которая истлевет и не сохраняется (Плетнёва, 1974. С. 31). При изучении изображений на изваяниях удивляет мастерство, с которым выделена каждая вещь и деталь костюма. В большинстве случаев все показано до мельчайших деталей, но вот почему плетка изображалась так схематично? Следовательно, версия о том, что стрелы с кольцами относятся к предметам вооружения, не может не вызывать сомнений.

Изваяния с подвешенным к поясу острием встречаются на довольно обшир-

ной территории. Скульптуры с так называемыми «плетками» были обнаружены на территории Ставропольской возвышенности, Кубани, в Подонцовье, Крыму и Среднем и Нижнем Поднепровье. Таким образом, этот предмет встречается практически на всей территории Дешт-ы Кыпчак. Всего с такими изделиями насчитывается 19 скульптур. Стоит отметить, что в эту выборку попали изваяния с четко прослеживаемыми контурами «плетки». Очень часто встречаются похожие вещи в виде узкой полосы со стертой верхней частью, и все они определяются исследователями как нож.

На изваяниях острия с кольцами подвешены к поясу справа (рис. 1: 6), слева (рис. 1: 9), и зафиксирован один случай закрепления с тыльной стороны (рис. 1: 8). Крепится он к поясу с помощью ремешка, идущего к расширяющейся кверху головке стрелы. Эти «плетки» с кольцом бывают как орнаментированные косой насечкой (рис. 1: 4, 7), так и гладкие (рис. 1: 1-3, 5). Как считает О. И. Вергун, на раннем этапе эти предметы являлись вещами личного обихода представителей дружинной среды, поэтому им было присуще наличие декора и инкрустация (Вергун, 2006. С. 31). Это не первый случай изображения на изваяниях изделий, имеющих скандинавское происхождение. На скульптуре из кургана 1 у с. Сивашское Херсонской области вместо сосуда баночной формы изображен ритон (Онищенко, 2018. С. 180) (рис. 1: 10).

Если же проанализировать археологический материал, то мы увидим, что

изображения острия с кольцом распространены, в основном, на территории Северной и Северо-Восточной Европы. Эти предметы часто встречались при раскопках городищ и могильников, но всегда они относились учеными к различным типам вещей: булавки, острия, однозубые вилки, проколки, штыри, спицы для распутывания узлов и кольчатые фибулы (Tallgren, 1922. Lk. 134; Žak, 1960. S. 435; Wachowski, 1977. S. 447; Голубева, 1971. С. 114; Fanning, 1994; 2000. P. 79; Носов, Хвощинская, 2004. С. 227; Терський, 2007. С. 21; Henriksen, 2018. S. 15). В погребениях такие предметы находят в местах, где четко прослеживается присутствие скандинавского компонента. Находки на территории Скандинавии и Центральной Европы датируются IX-XIV вв. (Голубева, 1971. С. 114). Эти железные острия с подвижным кольцом стали объектом исследований в работах Я. Жака, Т. Fanning, Л. А. Голубевой и О. И. Вергун (Žak, 1960; Голубева, 1971; Fanning, 2000; Вергун, 2006). В погребениях кочевников 1-й пол. XII – XIII вв. на территории от р. Волга до р. Ингулец эти предметы встречаются редко (известно не более 20 случаев), и они вовсе не изучены. Как правило, в отчетах они упоминаются как серебряные и железные булавки или стержни с подвижным кольцом (Братченко и др., 1978; Кубышев и др., 1983; Берестнев, Крыганов, 1990. С. 113). Эти металлические острия в погребениях у кочевников расположены, как и у представителей скандинавской военной знати, в районе пояса или коленного сустава с левой или правой стороны. Очевидно, что так называемые «плети» через Киевскую Русь попали с территории Скандинавии и попали к кочевникам через торговые пути.

При описании половецких изваяний один раз упоминается предположение о длинной однозубой вилке, которой достают мясо из общего котла (Зеленский, 2001. С. 32). Нельзя не согласиться с этим, учитывая тот факт, что в погребениях кочевников находят изделия из серебра, то есть мягкого металла, что предполагает прокалывание мягких поверхностей. Также можно предположить, что на поясе у половецкой знати висели проколки для ремней, стилусы, булавки для одежды, острие для развязывания узлов. Металлические изделия с подвижным кольцом могли быть и статусным предметом, показывающим положение человека в социальной структуре половецкого общества. Я. Жак в работе не исключал многофункциональность рассматриваемой вещи (Žak, 1960, S. 435). Вероятно, острие с кольцом могло использоваться для различных целей в зависимости от обстоятельств.

Рассматриваемые предметы, показанные на поясе каменных изваяний 1-й пол. XII – XIII вв. относятся к группе бытовых вещей культуры дружинников. В научной литературе острия с подвижным кольцом в половецких погребениях и на изваяниях вовсе не освещены и этот вопрос требует дальнейших исследований. Изучение вещей скандинавского типа у кочевников позволит сузить количество вариантов их функционального назначения, время и пути их попадания на территорию Дешт-ы Кыпчак. Появление этих предметов в погребениях половцев свидетельствует о тесных культурных связях представителей дружины с кочевниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Берестнев С. И., Крыганов А. В. Два позднекочевнических погребения Самаро-Орельского междуречья // Питання археології Сумщини. Матеріали науково-практичної конференції «Проблеми вивчення і охорони пам'яток археології Сумщини», Суми, квітень, 1989. – Суми, 1990. – С. 112-115.

Братченко С. Н. Отчет Донецкой экспедиции за 1978 год / С. Н. Братченко, Я. П. Гершкович, Л. Ф. Константинеску, В. Н. Левченко, А. М. Смирнов, М. Л. Швецов, А. С. Шкарабан, А. А. Кротова // НА ИА НАНУ 1978/1 ф.е. 9058.

Вергун О. И. Железные иглы с кольцами на территории Восточной Европы (постановка вопроса) // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування Давньоруської держави) IX – XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів – Шестовиця, 20 – 23 липня 2006 р.). – Чернігів: Сіверянська думка, 2006. – С. 27-32.

Голубева Л. А. Назначение железных игл с кольцами // СА. – № 4. – 1971. – С. 114-126.

Зеленский Ю. В. Формирование коллекции половецких каменных изваяний Краснодарского историко-археологического музея-заповедника // Музейный вестник. – Краснодар, 2001. – С. 32-37.

Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Шилов Ю. А. и др. Отчет о работах Херсонской археологической экспедиции в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской и Запорожской областях в 1983 году // НА ИА НАНУ 1983/26 ф.е. 20850.

Носов Е. Н., Хвощинская Н. В. К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В. В. Седова. – М.: «Наука», 2004 – С. 227-233.

Онищенко А. С. Уникальное половецкое изваяние с рогом из святилища у села Сивашское (левобережье Днепра) // Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака. – Павлодар: «ЭКО», 2018. – С. 180-188.

Плетнёва С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. – Вып. Е4-02. – М.: Наука. – 1974. – 200 с.

Терський С. В. Оборонний комплекс середньовічного волинського міста Перемиля // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». – № 584: Держава та армія. – 2007. – С. 13-26.

Fanning T. Viking Age Ringed Pins from Dublin, Medieval Dublin Excavations 1962-81. – Ser. B. – Volume 4. – Dublin: Royal Irish Academy, 1994. – 140 p.

Fanning T. Viking age ringed pins from Denmark // Acta Archaeologica. –Vol. 70. – Copenhagen.: Institute of Archaeology, 2000. – P. 79-85.

Henriksen M. Odenses opståen. En gennemgang af udvalgte jordfundne genstandsgrupper fra Odense købstad med henblik på at eftervise spor af aktiviteter i sen jernalder og vikingetid // Centrum. Forskningscenter for centralitet. – Rapport nr. 5. – Odense Bysmuseer, 2018. – 44 s.

Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis, I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. – Dorpat: Druck von C. Mattiesen., 1922. – 140 lk.

Wachowski K. Chronologia i funkcja tzw. szpil pierścieniowatych w świetle znalezisk na Ostrówku w Opolu, «Archeologia Polski», XXII. – 1977. – S. 446-454.

Żak J. O pochodzeniu «szpil» pierścieniowatych na ziemiach polskich // Slavia Antiqua. – Vol. VII. – Warszawa – Poznan, 1960. – S. 407 – 442.

AS TO THE SO-CALLED «WHIPS» ON THE POLOVTSIAN STONE STATUES

A. S. Onyshchenko

Donetsk Republican Museum of Local Lore, Donetsk, Donetsk People's Republic

The points with a ring, depicted on the belt of male stone statues of the 2nd half of the 11th – 1st half of the 13th century, are considered in the article. These objects on statues are called a whip in scientific literature, but after comparing them with the archaeological material of Eastern Europe, their possible functional purpose and origin was established.

Keywords: stone statues, Polovtsians, a point with a ring, the Middle Ages.

Рис. 1. Каменные изваяния 2-й пол. XI – 1-й пол. XIII в. с изображёнными остриями с подвижными кольцами: 1-5 – острие с подвижным кольцом; 6 – курганный могильник Ливенцовский-VII, к.2 (г. Ростов-на-Дону, Ростовская обл.); 7, 8 – «Центральный музей Тавриды» (Республика Крым); 9 – станица Старолеушковская (Павловский р-н, Краснодарский край); 10 – Сивашское к.1 (Новотроицкий р-н, Херсонская обл.).

ИССЛЕДОВАНИЕ «ПЕЩЕРНОГО ГОРОДА» ТЕПЕ-КЕРМЕН В 2019 ГОДУ

В. Л. Руев, С. В. Неснов

ООО «Терра», Воронеж, Россия

В 2019 г. фирмой «Терра» были проведены археологические разведки на территории средневекового «пещерного города» Тепе-Кермен в Крыму. Памятник насчитывает до 250 искусственных пещер, включая христианские храмы. В ходе работ было уточнено современное состояние памятника, составлен топографический план и определены границы территории, подлежащей охране.

Ключевые слова: Крым, Тепе-Кермен, пещерный город, городище, христианские храмы.

В 2019 г. фирмой «Терра» были проведены археологические разведки с осуществлением локальных земляных работ в границах Бахчисарайского района Республики Крым, на основании Открытого листа № 74 от 20.02.2019 г., выданного на имя В. Л. Руева. Особое внимание уделялось так называемым «пещерным городам», имеющим статус объектов культурного наследия федерального значения.

Одним из самых характерных «пещерных городов», и в то же время наименее изученных, является Тепе-Кермен, некоторыми авторами именуемый также «пещерной церковью» (Якобсон, 1964. С. 32, 51). Памятник имеет важное научное значение и входит в список самых посещаемых туристических мест Крыма (Герцен, Махнева-Чернец, 2006. С. 98-102). Среди всех «пещерных городов» он выделяется самой большой концентрацией пещерных сооружений на относительно малой территории. Впервые памятник отмечен в сочинении П. Сумарокова (Сумароков, 1803. С. 42), старейшее относительно подробное описание Тепе-Кермена принадлежит П. И. Кёппену (Кёппен, 1837. С. 301-305). С конца XIX и в начале XX вв. на городище проводились визуальные археологические разведки (Боровко, 1913. С. 3-63; Гидалевич, 1914. С. 198-205; Никольский, 1927. С. 77-79). Впервые городище подверглось небольшим раскопкам экспедицией ГИМ под руководством Д. Л. Талиса в 1969-1972 гг. (Талис, 1971. С. 250-262; Талис, 1977. С. 98-104). В начале 1980-х гг. был открыт некрополь Тепе-Кермена VI–IX вв. (Мыц, 1991. С. 128). Ввиду начавшегося интенсивного

разграбления погребений, в конце 1990-х гг. экспедицией БГИКЗ (руководитель В. А. Петровский) были предприняты охранные исследования (Петровский, 2002. С. 81-98). В 2003-2004 гг. экспедицией Крымского филиала ИА НАНУ (руководитель В. Ю. Юрочкин) были возобновлены исследования на территории городища (Иванов, 2010. С. 61-62). Подробные планы и чертежи пещер опубликованы А. А. Гуськовым (Гуськов, 2007. С. 38-67). Несколько работ, посвященных в том числе и данному памятнику, выпустил Ю. М. Могаричёв (Могаричёв, 1992. С. 82-84; Могаричёв, 1997. С. 83-87; Могаричёв, 2005а. С. 154-159; Могаричёв, 2005б. С. 78-90; Могаричёв, 2018. С. 110-117).

Памятник расположен в 1,5 км к северо-западу от с. Кудрино и в 7 км к юго-востоку от Бахчисарая, на отдельно стоящей горе-останце высотой 544 м над уровнем моря. Плато стало осваиваться человеком в V-VI вв., основной культурный слой относится ко времени после X в., а угасло городище в XIII – начале XIV вв. Памятник изобилует пещерами, устроенными в обрывистых склонах горы-останца, на его территории насчитывается до 250 искусственных пещер различного назначения, расположенных в несколько ярусов. Одни из них служили для хозяйственных целей (подвалы, загонны для скота и др.), другие использовались в качестве боевых казематов, храмов, усыпальниц. Казематы сконцентрированы на западном склоне, а также на участке к востоку от въезда на плато. В нижнем ярусе находится большая часть пещерных сооружений

(около 213), которые зачастую использовались как загон для скота. Склоны Тепе-Кермена круты и обрывисты, высота обрывов достигает 12 м, исключая северную сторону, со стороны которой в прошлом имелся въезд на плато. Оборонительные сооружения Тепе-Кермена, предположительно, состояли из двух линий стен, верхняя из которых проходила по кромке обрывов, нижняя прикрывала доступ к пещерным сооружениям у подножия горы (Мыц, 1991. С. 128). Плато имеет площадь около 1,2 га, оно, видимо, было довольно густо застроено, однако, эта застройка пока слабо изучена (Талис, 1977. С. 98-104), она едва угадывается под дерновыми напластованиями.

На Тепе-Кермене известно несколько христианских храмов. Один из них – «Церковь с ризницей» – высечен в пещере на северном склоне горы во втором пещерном ярусе, длина его около 5,0 м, ширина – около 2,3 м, в южной стене имеется вход в другую пещеру, служившую, очевидно, складом церковной утвари (ризницей), в полу храма выдолблены две гробницы. К востоку от «Церкви с ризницей» в пещерах второго уровня расположен культово-погребальный комплекс. У южной оконечности городища известна наземная церковь, это небольшая часовня с одной полукруглой алтарной апсидой и стенами, сложенными из каменных плит длиной до 2,5 м и шириной до 1,3 м. Ещё один пещерный храм Тепе-Кермена, находящийся на северо-восточном склоне плато – «Церковь с баптистерием» – считается его главной достопримечательностью (Виноградов, Гайдуков, 2004. С. 13-35; Гуськов, 2007. С. 58-59; Могаричов, 2005. С. 78-90). Храм имеет два входа, между которыми расположены три окна, длина храма около 10,5 м, ширина

– около 4,5 м, высота – от 2,2 м перед алтарём до 2,6 м у правого входа. Алтарь, вырубленный из цельного камня, имел шесть колонн, из которых сохранилось только три, он сильно выдвинут вперёд. В полу храма имеются гробницы, несколько гробниц размещены и снаружи, рядом с храмом.

В целом, на данный момент «пещерный город» находится в руинированном состоянии, западный, северный и восточный склоны горы поросли лесом, через который проложены туристические тропы. Лесом поросла и большая часть плато, за исключением лишённых почвы скальных площадок, таких, например, как южная оконечность плато. В целях уточнения границ памятника на северном, относительно пологом склоне горы-останца были проведены земляные работы: заложено 5 шурфов общей площадью 5 кв. м. Шурфы располагались на склоне равномерно дугой с запада на восток, образовав полукруг с северной стороны горы радиусом 70-80 м относительно центра – въезда на плато. Почва во всех шурфах представляла собой тёмно-коричневый гумус с включением мелкого щебня мощностью от 30 до 50 см, далее шёл материк – рушенный скальный останец со светло-коричневым суглинком, либо цельные выходы скальной породы. Археологических находок в шурфах не выявлено. В ходе комплекса работ было зафиксировано современное состояние памятника, составлен топографический план и определены границы территории, подлежащей охране. Границы памятника были проведены по естественному рельефу, по подошве горы вдоль обрывистых склонов с пещерами. В итоге площадь территории памятника составила 43101 кв. м, она включает плато и склоны горы-останца с тремя ярусами пещерных сооружений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боровко Н. А. Тепе-Кермен. Пещерный город в Крыму // Записки Крымского Общества Естествоиспытателей и Любителей Природы – Т. 3. – Симферополь, 1913. – С. 3-63.

Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е. Тропа над пропастью: Пещерный монастырь на северном обрыве городища Тепе-Кермен // Сугдейский сборник. – Киев-Судак: Академ-периодика, 2004. – С. 13-35.

Герцен А. Г., Махнева-Чернец О. А. Пещерные города Крыма: Путеводитель. – Севастополь: Библекс, 2006. – 192 с.

Гидаевич А. Пещерный город Тепе-Кермен и его древнее еврейское кладбище // Еврейская старина: Трёхмесячник Еврейского историко-этнографического общества, издаваемый под редакцией С. М. Дубнова. – Т. VII, вып. 2. – СПб., 1914. – С. 198-205.

Гуськов А. А. Атлас пещерных городов Крыма. Путешествие к строителям и обитателям пещер. – Харьков: Курсор, 2007. – 202 с.

Иванов А. В. Населения «пещерного города» Тепе-Кермен по антропологическим данным // Проблемы истории, филологии, культуры. – № 2. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2010. – С. 61-75.

Кёппен П. И. О древностях Южного берега и гор Таврических / Крымский сборник. – СПб., 1837. – 409 с.

Могаричёв Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологи, интерпретации) // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь, 1992. – С. 82-84.

Могаричёв Ю. М. Пещерные церкви Таврики. – Симферополь: Таврия, 1997. – 383 с.

Могаричёв Ю. М. Пещерные города в Крыму. – Симферополь: Сонат, 2005а. – 192 с.

Могаричов Ю. М. «Церква з баптистерієм» городища Тепе-Кермен: проблеми датування та інтерпретації // Археологія. – №3. – Київ, 2005б. – С. 78–90.

Могаричёв Ю. М. Городище Тепе-Кермен в описании А.С. Уварова // ЛЕПТОН: Сборник научных статей в честь археолога Алексея Васильевича Пьянкова. Ред.-сост. С. Н. Малахов. – Армавир-Краснодар, 2018. – С. 110-117.

Мыц В. Л. Укрепления Таврики X-XV вв. – Киев: Наукова думка, 1991. – 163 с.

Никольский П. В. Бахчисарай и его окрестности: Культурно-исторические экскурсии. – Симферополь: Крымгосиздат, 1927. – 80 с.

Петровский В. А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. – Киев: Стилос, 2002. – С. 81-98.

Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. – СПб., 1803. – Ч.1. – 226 с.

Талис Д. Л. Позднесредневековая керамика Тепе-Кермена // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М.: Советская Россия, 1971. – С. 250-262.

Талис Д. Л. Городище Тепе-Кермен // КСИА. – №148. – М.: Изд-во Наука, 1977. – С. 98-104.

Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – М.-Л.: Наука, 1964. – 232 с.

EXPLORING THE «CAVE CITY» TEPE-KERMEN IN 2019

V. L. Ruev, S. V. Nesnov

TERRA LLC, Voronezh, Russia

In 2019, Terra conducted an archaeological survey on the territory of the medieval «cave city» Tepe-Kermen in the Crimea. The monument has up to 250 artificial caves, including Christian churches. During the work, the current state of the monument was clarified, a topographic plan was drawn up and the boundaries of the territory to be protected were determined.

Keyword: Crimea, Tepe-Kermen, the cave town, the settlement, Christian churches.

ЧУГУНОЛИТЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ДНЕПРО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII – XIV ВЕКАХ

К. В. Карепин

Донецкий национальный университет, Донецк, ДНР

Работа посвящена выявлению чугунолитейных центров в Днепро-Донском междуречье. Проанализирован комплекс существующих археологических источников и сделан краткий библиографический обзор самых актуальных работ. На их основе автор доказывает наличие развитой технологии производства чугуна среди местного населения.

Ключевые слова: Золотая Орда, ремесло, чугунолитейное производство, котлы.

Для средневековых обществ Степной зоны характерно развитое ремесленное производство. Оно всегда сопровождается формированием центров по производству специализированной продукции и стимулирует развитие структуры поселений. Наличие ремесла зачастую указывает на развитие тех или иных территорий, а в случае Средневековья – на наличие на данных территориях крупных поселений. При этом ремеслом, следы которого чаще всего можно обнаружить, за исключением гончарства, является обработка металлов.

Основная территория Степной зоны между Днепром и Доном в XIII-XIV вв. традиционно считается малонаселённой зоной. Её относят к периферии в Золотоордынском государстве. Связано такое мнение, прежде всего, с крайне малым корпусом письменных свидетельств об указанном регионе и его пока недостаточной археологической изученностью. Преимущественное большинство археологических работ, проводившихся на данных территориях, были связаны с разведками, картографированием памятников и сбором подъемного материала. И совсем незначительное число памятников было изучено археологическими методами.

Однако, даже этими работами было зафиксировано наличие большого количества поселенческих памятников, причём их географическое расположение свидетельствует о том, что места их основания не случайны и чётко укладываются в некую структуру, вероятнее всего связанную с торговыми путями, пролежавшими через Днепро-Донское междуречье (Карепин,

2017. С. 171). Но на нынешнем этапе изучения этой территории в период XIII-XIV вв., необходимо выяснить, все ли из этих поселений были простыми перевалочными пунктами, лежащими вдоль торговых путей, или же в некоторых из поселений зародилось своё ремесленное производство и, в частности, обработка металла.

В Золотой Орде из металлообрабатывающих производств самым распространённым являлось производство чугуна. Существует большое количество работ, освещающих как чугунолитейное ремесло на всей территории Золотой Орды (Рязанов, 2008), так и в конкретных её городах, например Азаке (Рязанов, 1993) и Болгаре (Семькин, 1996). При этом внимание уделено только крупнейшим городам, из-за чего складывается ощущение, что на прочих территориях, подвластных Золотой Орде, чугунные изделия не производились. Это касается и Днепро-Донского междуречья, поскольку упоминаются лишь находки из Азака, крайней восточной точки изучаемой территории.

Тем не менее, находки фрагментов чугунных изделий встречаются на всей территории Днепро-Донского междуречья. Так, на основе находок чугунных котлов в степях к западу от Дона, датированных не раньше первой половины XIV в. Э. Е. Кравченко и М. Л. Швецов смогли создать их классификацию (Кравченко, Швецов, 1992).

В той же работе авторы описывают многочисленные находки изделий из чугуна, которые, в основном, представлены фрагментами чугунных котлов различных

форм из Цариного городища. Они присутствуют практически во всех комплексах. Помимо котлов на данном памятнике известны чугунные гири, даже чугунная бита, отлитая в виде коровьего астрагала. Кроме этого, среди находок на городище довольно часты всплески металла. Вышесказанное указывает на то, что на территории Цариного городища в золотоордынское время функционировали чугунолитейные мастерские (Кравченко, Швецов, 1992).

Отдельного внимания заслуживает многослойное поселение у с. Обрыв Новоазовского района. Полевые исследования, проведённые в 2018 г., показали, что на поселении существовали долговременные жилые помещения. Пол помещения 1 имел подсыпку из кусков толченого шлака. Также, восточнее раскопа было обнаружено значительно число шлаков, криц (?), всплесков черного металла и стенок чугунных котлов. Это, а также собранная на памятнике в 2017 г. коллекция более чем из тридцати фрагментов чугунных котлов, что для небольшого поселения является значительным количеством, указывает на то, что население поселения Обрыв-2 занималось чугунолитейным производством (Кравченко, 2018. С. 89). Однако для подтверждения данного тезиса необходимы дальнейшие исследования, в ходе которых будут обнаружены горны, а до тех пор вопрос о занятиях ремеслом на данном памятнике является открытым.

Памятники с находками больших литейных тиглей, фрагментов чугунных казанов, либо же с иными признаками наличия чугунолитейного производства также широко представлены и в нижнем течении Днепра (Ельников, 2015).

Помимо производства чугунных изделий для собственных нужд, есть также

факты, указывающие на то, что произведённые на территории, контролируемой Ордой, изделия, шли на экспорт. В качестве примера можно привести публикацию материалов из раскопок Озаричского селища (Сумская область) на Украине, где чугунная посуда близка как по форме, так и по химическому составу к посуде, производимой в Золотой Орде и в Днепро-Донском междуречье, в частности. Авторы публикации указывают, что приведённая посуда, возможно, имеет местное происхождение (Беляева, 1977. С. 86), однако, даже в таком случае мы можем сделать вывод, что были заимствованы технологические характеристики чугунолитейного производства, такие как состав примесей и температура плавления. Эти технологии отличны от существовавших в Китае, Монголии и Центральной Азии в изучаемый период (Леньков, 1974; Терехова, 1974), но аналогичны технологиям, применявшимся всеми чугунолитейными центрами Золотой Орды. Заимствование же технологии говорит о том, что в технологическом плане население Днепро-Донского междуречья находилось на более высокой ступени развития, нежели русское население сопредельных с золотоордынскими территориями.

Таким образом, археологический материал указывает на то, что в золотоордынское время в Степной зоне Днепро-Донского междуречья и на сопредельных территориях получил развитие специфический вариант чёрной металлургии с весьма развитым удельным весом производства чугуна. В свою очередь, это ремесло ориентировалось, преимущественно, на литье котлов для внутреннего и внешнего рынка. Кроме того, продукция чугунолитейных центров оказывала существенное влияние на организацию внутренней торговли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляева С. А. Про середньовічне чавуноливарне виробництво // Археологія. – Київ: Наукова думка, 1977. – № 23. – С. 78-87.

Ельников М. В. Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье // Генуэзская Газария и Золотая Орда / отв. ред.: Сергей Геннадиевич Бочаров. – Кишинев: Stratum Plus, 2015. – С. 479-578.

Кравченко Э. Е. Поселение у с. Обрыв на Азовском побережье в Донбассе // Археология евразийских степей. – Казань, 2018. – № 4. – С. 88-92.

Кравченко Э. Е., Швецов М. Л. О находках фрагментов чугунных котлов на территориях к западу от Дона // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1992. – С. 102-113.

Карепин К. В. Система землепользования в Северном Приазовье в золотоордынский период // Материалы XII Международной археологической конференции студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока». – Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство ЮФУ, 2017. – С. 168-172.

Леньков В. Д. Metallurgy and metalworking in the XII century: (on the materials of the investigations of the Shajgin's settlement). – Novosibirsk: Nauka, 1974. – 170 p.

Рязанов С. В. О литье чугуна в Азаке // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. – Азов, 1993. – Вып. 11. – С. 225-228.

Рязанов С. В. Чугунолитейное ремесло в Золотой Орде // Известия АлтГУ. – Барнаул: изд-во Алтайского государственного ун-та, 2008. – № 4-2(60). – С. 159-168.

Семыкин Ю. А. Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996. – С. 88-153.

Терехова Н. Н. Технология чугунолитейного производства у древних монголов // СА. – М.: Наука, 1974. – № 1. – С. 69-78.

IRON FOUNDRIES IN REGION BETWEEN TWO RIVERS OF DNEPR AND DON IN THE SECOND HALF OF THE XIII – XIV CENTURIES

K. V. Karepin

Donetsk National University, Donetsk, DPR

The article deal with the identification of iron foundry centers in region between two rivers of Dnieper and Don. The complex of existing archaeological sources is analyzed and a brief bibliographic review of the most relevant works is made. On their basis, the author proves the existence of a developed technology for the production of cast iron among the local population.

Keywords: Golden Horde, craft, iron foundry, cauldrons.

Научный руководитель – Колесник Александр Викторович, д.и.н., доцент.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОДЕЖДЫ АЛТАЙСКОГО ТЮРКА ИЗ МОГИЛЬНИКА ВЫСОКАЯ ГОРА БОГУЧАРСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. В. Хорольская

*Воронежский государственный педагогический университет,
Воронеж, Россия*

Статья посвящена реконструкции одежды алтайского тюрка, относящегося ко второй половине XIII-XIV вв., обнаруженного в курганном могильнике Высокая гора в донском правобережье. Благодаря сохранности вещевого комплекса, а также опоре на аналогии, восстановлен характер одевания золотоордынского воина.

Ключевые слова: погребение, золотоордынец, одежда, реконструкция, тюрки, культура Кудыргэ.

В кургане № 2 могильника Высокая гора был найден погребенный мужчина – воин 35-40 лет. Из воинского снаряжения с покойным находились: железная кольчуга, железный шлем с кольчужной бармицей, копье, наконечники стрел в берестяном колчане, кольцо для стрельбы из лука. В погребении присутствовали и бытовые предметы: кресало и кремь, которые находились в кожаном чехле на бедре погребенного, нож в деревянных ножнах, деревянный гребень, серебряная пиала, медный казан, железные стремяна, кольца уздечки и звенья двусоставных удил. Остатки ткани были прошиты золотой нитью по шелковой основе, в ногах – кожаная подошва сапога с заостренным носком, остатки матерчатой сумки, поясной набор был выполнен из серебряного сплава и покрыт позолотой, а рядом с головой найдена золотая серьга.

Погребение датируется второй половиной XIII-XIV вв., имеет тюркское происхождение, и связано с культурой Кудыргэ Алтая, предположительно, относится к древнему племени теле.

В результате культурных взаимодействий народы полностью или частично заимствуют элементы традиционной одежды других племен и народов. Известно, что одежда и нравы тюрков импонировали китайской знати, поэтому и возникла мода на все тюркское (Кубарев, 2005. С. 42).

Основным компонентом одежды являлся кафтан. Материал кафтана мог быть из войлока с шелковой лицевой подкладкой из меха с той же подкладкой, но в случае с тюркским воином можно предположить,

что кафтан был из войлока с лицевой стороной из китайского шелка и без орнамента, так как орнамент был предпочтителен в более ранние периоды. Из золотоордынских материалов XIV в. (раскопки в Увекке, на Волге) происходит шелковый кафтан из китайской ткани (Яценко, 2009).

Предполагать, какой была нижняя часть костюма, сложно, так как в основном на изваяниях люди изображались не в полный рост, в погребениях сохраняется не полный комплекс. По Г. В. Кубареву штаны кочевников представляют собой очень консервативный элемент одежды. Полотнища, перегнутые пополам, образуют штанины, между которыми вшивают мотню (Кубарев, 2005. С. 46).

В целом, цветовая гамма одежды, с учетом их длительного нахождения в земле, была из шелка фиолетового, желто-зеленого и коричневого цветов.

Обувь кочевников специфична и должна отвечать определенным требованиям: «...езда на коне с появлением стремян обусловила наличие в обуви толстой подошвы, которая не утомляла ногу..., когда требовалось долго стоять на стремянах; плотного голенища, предохранявшего голень от стирания о ремень стремяни; различных по высоте передка и задка голенища, чтобы не подтирать коленную часть, и загнутого носка, который был удобнее прямого» (Василевич, 1963. С. 3-65).

Тюркское защитное вооружение состояло из щитов, кожаных и металлических наборных панцирей и кольчуг. В погребении находилась кольчуга, а также с ним

были найдены наконечники стрел. В монгольской классификации говорится о двух распространенных формах монгольской кольчуги. Первая – это традиционная (например, для Руси) форма «рубаци» с короткими рукавами и «разрезом» спереди на воротах доспеха. Также существовали «илчирбилиг хуяги» в виде распашных кольчужных халатов длиной до колена и ниже, застегивающиеся на груди, также имеющие короткие рукава (Горелик, 1987. С. 171). Кольчуга весила 18 килограммов и, судя по этому, можно сказать, что она, вероятно, имела вид распашного кольчужного халата, потому что форма кольчуги – «рубаци» имела вес около 10 килограмм.

Завершал воинскую экипировку пояс – непременный атрибут каждого воина. Наконечник пояса из кургана I могильника Курай IV имел на обороте орхонскую надпись, гласящую: «Хозяина [господина] Ак-Кюна... кушак». На подвесных ремешках к поясам подвешивались палаши, сабли, ножи, а также мешочки или маленькие сумочки с мелкими предметами – огнивом, оселком, оберегами (нередко в виде зубов человека) и пр. (Могильников, 1981. С. 41-42).

В погребении были найдены фрагменты пояса, выполненные из низкокачественного серебра. Пряжка отсутствовала, вероятно, она была утеряна в древности. В погребении были найдены квадратные плоские бляхи по форме близкие к геральдическому щиту и трехлопастные, некоторые из которых имели подвижный конец. На некоторых бляхах сохранились следы позолоты. На бляхах имелись изображения растительных, геометрических мотивов и птенца с длинным клювом (цапля?).

Крепление всех блях штифтовое. Порядок их расположения на поясе не восстанавливается. Можно предположить, что на

трехлопастных бляхах с подвижным концом крепилась матерчатая сумка, так как в более ранних типах поясов за кольца и пробитые в поясе отверстия, на бляхах-оправах крепился колчан, подвесные ремешки или другие предметы по типу ножа. Колчаны крепились к поясу при помощи железных колец и крючков (Тарнбул, МакБрайд, 2003. С. 6). Судя по положению колчанов в могилах, их носили у пояса на левом боку.

Можно сделать вывод, что тюркоязычный воин из погребения Высокая гора служил в рядах знати тяжелой кавалерии и был достаточно богато одет. Одежда воина состоит из: железного шлема с кольчужной бармицей (рис. 1:1), кафтана из войлока (рис. 1:2) и лицевой стороной из китайского шелка. На костях погребенного был найден шелк; так как войлок имеет меньшую прочность в отличие от шелка, можно предположить, что войлок в погребении мог не сохраниться. В образе присутствуют широкие штаны (рис. 1:3), заправленные в кожаные сапоги с заостренным носом (рис. 1:4). В этот период у золотоордынцев была популярна кольчуга, которая и была найдена в погребении тюрка. Кольчуга (рис. 1:5) была в виде распашного кольчужного халата. Образ дополнял пояс (рис. 1:6), с отделкой некоторых деталей в позолоте. На поясе был расположен кожаный чехол (рис. 1:7) или матерчатая сумка (рис. 1:8), берестяной колчан со стрелами (рис. 1:9), возможно, крепился нож (рис. 1:10). Наступательное оружие – копьё (рис. 1:11).

Тюркоязычный народ имеет очень богатую, вызывающую интерес историю и обширную культуру, требует большего и более детализированного изучения их предметов материальной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Василевич Г. М. Типы обуви народов Сибири // Сборник музея антропологии и этнографии. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. XXI. – С. 3-61.
- Горелик М. В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Изд-во Наука, 1987. – С. 163-208.
- Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 400 с.
- Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия: Археология СССР. – М.: Изд-во Наука, 1981. – С. 29-43.

Тарнбул С., МакБрайд А. Армия монгольской империи. – Военно-историческая серия «Солдаты»: Изд-во АСТ, 2003. – 12 с.

Яценко С. А. Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-й пол. VI – 1-й пол. VIII вв. (образы «Иных») // Изд-во Transoxiana (Internet-journal). – Buenos Aires, 2009. – № 14.

RECONSTRUCTION OF THE CLOSING OF AN ALTAI TURK FROM THE VYSOKAYA GORA BURIAL GROUND, BOGUCHARSKY DISTRICT, XORONEZH REGION

N. V. Khorolskaya

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

The article is devoted to the attempt to reconstruct the clothing of the Altai Turk, dating back to the second half of the XIII-XIV centuries. Thanks to the clothing complex, as well as reliance on literature and sources of archaeologists, professors, it turned out to restore the image of the clothes of the Golden Horde warrior.

Keywords: burial, Golden Horde, clothes, reconstruction, Turks, kudyrge culture.

Научный руководитель – Березуцкий Валерий Дмитриевич, к.и.н., доцент.

Рис. 1. Реконструкция одежды алтайского тюрка из могильника Высокая гора: 1 – железный шлем с кольчужной бармицей; 2 – кафтан из войлока; 3 – широкие штаны; 4 – кожаные сапоги с заостренным носом; 5 – кольчуга; 6 – пояс; 7 – кожаный чехол; 8 – матерчатая сумка; 9 – берестяной колчан со стрелами; 10 – нож; 11 – копьё.

ЮВЕЛИРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ПРИМЕНЕНИИ К ПРЕДМЕТАМ КУЛЬТОВОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЛИТЬЯ

А. Д. Муратбакиева

*Санкт-Петербургский государственный университет, Лаборатория археологии,
исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева,
Санкт-Петербург, Россия*

В статье рассматриваются наименования изделий культового литья. Приводятся примеры использования одних и тех же терминов разными авторами. В заключении подбирается наиболее нейтральное обозначение для одного вида изделий культового литья.

Ключевые слова: ювелирное дело, культовое литье, подвеска, оберег.

В археологии существует устоявшаяся номенклатура для обозначения различных находок, в том числе изделий из металла. Однако для культовых предметов дефиниции расплывчаты. На примере образа птицы с «личиной» на груди мы попытаемся проиллюстрировать обилие названий данной категории находок и постараемся подобрать подходящее наименование.

Для обозначения орнитомотфного образа используются слова: «подвеска», «бляха», «плакетка», «фигурка», «изображение», «идол», «накладка». Обозначения указывают на разное применение, однако, это не истинное назначение предмета, а лишь приписываемое учеными.

- Бляха (бляшка) (польск. *Błacha*) – украшение-накладка (Щапова и др., 2007. С. 41).

- Идол – изображение божества или духа, служащее объектом религиозного поклонения (URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com/search?идол>).

- Накладка – универсальное украшение, прикрепляющееся к одежде (Щапова и др., 2007. С. 43).

- Плакетка (фр. *plaque*) – разновидность медали, имеющая прямоугольную форму и деревянную подложку.

- Подвеска – ювелирное украшение с отверстием для крепления на цепочке, образующее кулон. Подвески могут быть разных форм, материалов, размеров, использоваться лицами обоего пола (URL: <https://tkaner.com/aksessuary/podveska/ukrasenie-podveska>).

- Фигурка – миниатюрная вещь законченной формы различного назначения;

- миниатюрная скульптурка (URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33822>).

Все дефиниции, так или иначе, связаны с ювелирным делом. Очевидно использование разных терминов, так как функция изделий доподлинно неизвестна. Пожалуй, единственный нехарактерный термин – это «плакетка». Под плакеткой подразумеваются большие многофигурные композиции без обработки внутренней стороны и без петель. В культовом литье плакетки представляют собой многофигурные сюжетные композиции, замкнутые в круг или прямоугольник.

По аналогии с шумящими и нешумящими подвесками Р. Д. Голдина относила птицевидные изображения к плоским подвескам (Группа II, тип 12) (Голдина, 1985. С. 46).

Напрашивается вопрос о различии терминов «подвеска» и «привеска». Подвеска – это украшение-основа, к которому крепятся остальные «привески». Чаще всего, данные слова взаимозаменяемы. Согласно словарю украшений, «привеска» – «универсальное украшение», которое входит в состав ожерелий или может крепиться прямо к одежде. К привескам относится бубенчик, медальон, рясна (цит. по: Щапова и др., 2007. С. 43). Медальон же представляет собой круглое плоское украшение, чаще всего называемое бляхой.

В книге «Ювелирное дело «земли вятичей» второй половины XI–XIII вв.» выделяются такие признаки привески, как форма и строение тулова, расположение

ушка и тулова в одной или разных плоскостях, форма канала, наличие стёртости металла (Зайцева, Сарачева, 2011). Авторы выделяют 4 группы привесок по их форме: объёмные, выпуклые, плоские и сложные. К сложным формам относятся: арочные, зооморфные привески, привески-ковшики, ножевидные, привески-кольца, криновидные (Там же. С. 200). Ю. М. Лесман также писал, что привески – наиболее массовые находки после браслетов. В основу деления был положен принцип крепления: привески с ушком, расположенным в плоскости, перпендикулярной поверхности привески, а также просто отверстие для привешивания. К ним также примыкает функциональная группа предметов – накладки – металлические иконки. (Лесман, 1990. С. 55-57).

В книге «Языческие привески Древней Руси X-XIV вв.» В. Е. Коршун, ссылаясь на мнение других исследователей, предполагает, что резкий всплеск ношения привесок был связан с принудительным использованием в костюме оберегов – образков или крестов (Коршун, 2012. С. 9). Автор делит привески на три группы: предметы заклинательной магии, задача которых охрана здоровья, достатка, обеспечение продолжения рода (обереги); привески

– предметы культа животных (зооморфные привески); привески, связанные с космогоническими представлениями (амулеты) (Там же. С. 10). Ко вторым, скорее всего, и относятся предметы культового литья.

В. Е. Коршун также выделяет 7 способов подвешивания. Нам же известно 6 способов крепления орнитоморфных идолов.

Итак, что же перед нами: украшения или культовые вещи? Ю. П. Чемякин и С. В. Кузьминых, рассматривая металлических птиц Иткульской культуры, отмечали, что наличие крепления нельзя сразу относить к признакам украшения, т.к. на иткульских птицах, найденных как ритуальные приношения, также имелись крепления (Чемякин, Кузьминых, 2011. С. 45). Так, можно сказать, что культовые предметы постепенно превращались в вотивы. Поэтому наиболее характерно использовать название «фигурка» или «подвеска», когда очевидно наличие крепления. В XI-XII вв. культовое назначение фигурок явно утрачивается, поэтому говорить, что это «идол», в полной мере нельзя. Однако, в литературе идол маркирует не обычное изображение птицы, а дополненное чертами человека или еще одного животного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск, 1985. – 280 с.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «земли вятичей» второй половины XI-XIII вв. – М.: Индрик, 2011. – 404 с.
- Идол. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://rusbig-enc-dict.slovaronline.com/search?идол> (дата обращения: 11.04.2020).
- Коршун В. Е. Языческие привески Древней Руси X-XIV веков. Выпуск I: Обереги. – М.: Группа «ИскательИ», 2012. – 200 с.
- Лесман Ю. М. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X-XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. – М., 1990. – С. 29-98.
- Украшение подвеска. [Электронный ресурс]. URL: <https://tkaner.com/aksessuary/podveska/ukrashenie-podveska> (дата обращения: 02.03.2020).
- Фигурка. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=33822> (дата обращения: 03.03.2020).
- Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В. Металлические орнитоморфные изображения раннего железного века Восточной Европы, Урала и Западной Сибири (лесная и лесостепная зоны) // Тверской археологический сборник. – Тверь: Изд-во «Триада», 2011. – Вып. 8. – Т. II. – С. 43-74.
- Щапова Ю. Л., Лихтер Ю. А., Сарачева Т. Г., Столярова Е. К. Морфология украшений. – М.: КДУ, 2007. – 102 с.

**JEWELRY TERMINOLOGY AS APPLIED TO THE OBJECTS
OF CULT METAL CASTING**

A. D. Muratbakieva

*St. Petersburg State University, Laboratory of Archeology, Historical Sociology and Cultural
Heritage named after G.S. Lebedev, St. Petersburg, Russia*

The article is devoted to the names of objects of metal cult casting. Examples of the use of the same names by different authors were given. In the conclusion, the most appropriate designation for one type of cult casting was found.

Keywords: jewelry, iconic casting, pendant, amulet.

Научный руководитель – Седых Валерий Никандрович, к.и.н., доцент.

АРХЕОЛОГИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АРХЕОЛОГИИ. ЭТНОГРАФИЯ

САМАРСКИЙ «ЗЕМЛЯНОЙ ЗАМОК» В XVIII – XXI вв.

М. А. Буевич

Самарский национальный исследовательский университет, г. Самара, Россия

Доклад посвящен истории Самарской крепости 1706 г. с момента ее сооружения до ее разборки в середине XIX в., а также обнаружению остатков сооружений, могущих быть отнесенными к крепости, в результате раскопок 2013-2014 и 2017 гг.

Ключевые слова: Самарская крепость, фортификация, история.

В середине XVI в. в результате походов Ивана IV на Казань и Астрахань к Московскому государству были присоединены земли в Поволжье, располагающиеся между этими двумя городами. Тогда же возникла необходимость в защите этих новых рубежей государства, что в итоге вылилось в основание здесь по приказу Федора Ивановича князем Григорием Засекиным сторожевых городов – крепостей – Самары, Саратова и Царицына. На протяжении XVII в. крепости продолжали играть роль укрепленных пограничных пунктов, дополняясь засечными линиями. При этом земли на левом берегу Волги оставались, в основном, незаселенными, за исключением округа Самары.

Несмотря на многочисленные пожары, вплоть до начала XVIII в. местные власти и население Самары пытались восстановить прежний облик укреплений. Только в 1704 г., когда в результате сильного пожара 1703 г. выгорела значительная часть посада и слобод, а также деревянная крепость с основными административными сооружениями, было решено возвести земляную крепость бастионного типа (Дубман, 2015. С. 152).

Новый «замок» был выстроен на свободном месте, примерно в 200 м к северо-востоку от сгоревшего кремля. Это была земляная крепость в форме, близкой к равностороннему ромбу, без бруствера, с частоколом по вершине вала, общая площадь которой не превышала 4 гектаров. По ее углам находились круглые земляные выступы с бруствером – больверки, в которых размещалась артиллерия. Три из них имели

дополнительные укрепления в виде бревенчатых казематов. О сооружениях внутри крепости сохранилось крайне мало сведений, вероятно, изначально здесь практически не было застройки, за исключением восьмиугольной башни из соснового леса, называемой раскатом. В крепость можно было попасть через двое проезжих ворот и одни – «тайнишные». Обе стороны крепости, обращенные к степи, были защищены с внешней стороны рвом с рогатками (Ширманов, 1971. С. 12-13).

У северного больверка была устроена проезжая 4-х угольная башня, от которой, закрывая от нападений расположенные рядом слободы и посад, шли укрепления, называемые тарасами, оканчивавшимися воротами и башней. Тарасы представляли собой бревенчатые рубленые укрепления с поперечными перерубами. Образовавшиеся внутри камеры засыпали землей и камнем. Для того чтобы усилить этот оборонительный рубеж, в забор были встроены еще 2 башни. Далее, на протяжении примерно 320 м, тянулся забор, защищенный 2 сосновыми башнями. Затем к Волге около 107 м шли рогатки в 2 ряда. Таким образом, общая протяженность укреплений, защищавших город от нападений со стороны степи и тянувшихся от р. Самары до Волги, вместе с внешней стороной замка, составляла около 1,5 км (Ширманов, 1971. С. 13-15).

На юге, по правому крутому берегу р. Самары, город также имел укрепления, хотя и более легкие. От южного бастиона «замка» до р. Самары шел забор (его протя-

женность составляла около 134,5 м) и линия рогаток, а затем, вдоль правого берега р. Самары к Волге, также шла линия рогаток (Дубман, 2014. С. 117).

С созданием крепостей Оренбургской линии граница сильно отодвинулась на юг. Земляные укрепления «замка» и примыкающая к нему система укреплений утратили свое военное значение. В начале 1740-х гг. предпринимались попытки составить проект усиления крепости за счет возведения земляных валов вместо деревянных сооружений, однако они успехом не увенчались (Ласковский, 1865. С. 93). Укрепления, не подвергавшиеся ремонту, быстро оплывали и ветшали, приходя в негодность, и уже в 1769 г. проезжавший здесь П. С. Паллас нашел лишь следы вала (Ширманов, 1971. С. 21). Последние упоминания о крепостных сооружениях относятся ко времени пожаров 1848-1850-х гг., когда жители, спасаясь от огня, выносили свое имущество на «валы». Окончательно они были срыты в 1851–1853 гг. (Дубман, 2015. С. 156). В северо-восточной части бывшей крепости, на выровненной земле, был разведен сад, который назывался Лишин сквер, позднее – Александровский сад (Дубман, 2014. С. 122). Позднее, ближе к р. Самаре, примыкая к юго-восточной границе бывшего «замка», складывается будущая Полицейская площадь, сейчас – Хлебная (Дубман, 2014. С. 123).

В 2013 г. в этой части города проводились археологические работы под руководством Н. А. Лифанова, целью которых была оценка мощности культурного слоя. В результате был выявлен культурный слой старше 100 лет на территории упоминавшейся Хлебной площади, что послужило поводом к проведению здесь в октябре того

же года археологических раскопок (Лифанов, 2014. С. 16-17). По завершении раскоп площадью 144 кв. м был законсервирован, а работы продолжены в 2014 г. под руководством П. Ф. Кузнецова на том же участке. После завершения работ раскоп также был законсервирован. Итогом проведенных раскопок стало обнаружение материала, относящегося к XVIII-XIX вв., а также остатков песчаной насыпи, укрепленной деревянными клетями и настилом (Кузнецов, 2016. С. 2). Обнаруженный материал и сооружения, по всей видимости, относятся к укреплениям крепости, либо сооружениям, находившимся внутри ее. В 2017 г. работы на памятнике были продолжены сотрудниками саратовского АНО «НИЦ» под руководством Д. Д. Шмелёва. Была вскрыта значительно большая площадь памятника (800 кв. м) (Шмелев, 2017. С. 36), однако, сами работы, в частности, камеральная обработка материала, были организованы, по мнению Н. А. Лифанова и С. Э. Зубова, небрежно и непрофессионально (Зубов, Лифанов, 2018. С. 163). При завершении работ раскоп и сооружения в нем не успели в должной степени законсервировать, в результате этот участок памятника был, фактически, уничтожен из-за произошедшей коммунальной аварии.

Таким образом, Самарский «Земляной замок» является довольно интересным с исторической и археологической точек зрения объектом, представляющим из себя пример первых крепостей, соорудившихся по западному образцу в отсутствие четких инструкций и ясного представления о технологии. Исходя из этого, видится необходимым дальнейшее изучение данного памятника, прежде всего, специалистами археологами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дубман Э. Л. Историческая записка к археологическим работам 2013 г. на территории г. Самара // Лифанов Н. А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок на территории городского округа Самара в границах ул. Водников, ул. Крупской, ул. князя Григория Засекина (объект культурного наследия регионального значения «Крепость и город Самара») в 2013 г. по Открытому листу №1190 от 21 августа 2013 г. – Самара, 2014. – С. 108-124.

Дубман Э. Л. Земляная крепость в Самаре и другие оборонительные сооружения региона в конце XVII – начале XVIII в. // «Самарский край в истории России». Выпуск 5.

Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П. В. Алабина. – Самара: «Издательство СЦН РАН», 2015. – С. 147-161.

Зубов С. Э., Лифанов Н. А. Археологические исследования на территории Хлебной площади г. Самары в 2013-2014 и 2017 гг. // Теория и практика археологических исследований. №4 (24). – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2018. – С. 162-173.

Кузнецов П. Ф. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических полевых работ (археологические раскопки) в г. Самара на территории выявленного объекта археологического наследия «Территория крепости 1706 г.», на участке, ограниченном ул. Водников, ул. Крупской, ул. князя Григория Засекина, по Открытому листу № 708 от 30 июня 2014 г. в 2014 г. – Самара, 2016. – 279 с.

Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. III. – СПб, 1865. – 1016 с.

Лифанов Н. А. Отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок на территории городского округа Самара в границах ул. Водников, ул. Крупской, ул. князя Григория Засекина (объект культурного наследия регионального значения «Крепость и город Самара») в 2013 г. по Открытому листу №1190 от 21 августа 2013 г. – Самара, 2014. – 135 с.

Ширманов А. К. Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI-XVIII веках // Краеведческие записки. Вып. 2. – Куйбышев, 1971. – С. 3-23.

Шмелёв Д. Д. Технический отчет о выполненных археологических работах (раскопках) на объекте археологического наследия поселения «Старая Самара. Деревянные сооружения», возведенные не позднее середины XIX века», расположенного по адресу: г. Самара, Самарский район, площадь Хлебная». – Саратов, 2017. – 347 с.

SAMARA «EARTH CASTLE» IN THE XVIII-XXI C.

M. A. Buevich

Samara national research university, Samara, Russia

The report focuses on the history of Samara fortress 1706 since its construction until its dismantling in the mid-nineteenth century and the discovery of the remains of structures that could be attributed to the Fort, excavations 2013-2014 and 2017.

Keywords: Samara fortress, fortification, history.

Научный руководитель – Дубман Эдуард Лейбович, д.и.н., профессор.

МОТИВЫ ДЕКОРА БЕРЕСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ГОРОДИЩА УСТЬ-ВОЙКАРСКОЕ-1

Н. Н. Ковалева

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В статье рассматриваются орнаментированные берестяные изделия из городища Усть-Войкарское-1, полученные в процессе раскопок 2012-2016 гг. Городище является памятником эпохи позднего Средневековья – Нового времени Приполярной зоны Западной Сибири. Исследуются иконография орнаментов, мотивы, а также их взаимосвязь с мифологией обских угров.

Ключевые слова: городище Усть-Войкарское, северные ханты, береста, орнамент, зооморфный, орнитоморфный, антропоморфный, стиль, мотив, мифология.

Городище Усть-Войкарское-1 находится в Шурышкарском районе ЯНАО в 2,2 км к СВ от с. Усть-Войкары. Исторически эта территория считается местом проживания северных хантов. Городище расположено на холме размерами примерно 50 на 100 м, высотой от 7 до 11 м. Согласно дендрохронологическому анализу архитектурные объекты, исследованные на городище, датируются у подножия холма XIV–XV вв., а на его вершине – XVII – концом XIX вв. Работы на городище в 2012-2016 гг. проводились Приобским отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А. В. Новикова (Новиков, Гаркуша, 2017. С. 141). В результате была получена большая коллекция артефактов, в том числе орнаментированных берестяных изделий, представлявших собой подпрямоугольные короба разных размеров и цилиндрические емкости.

Многие берестяные изделия были декорированы в технике выскабливания. На 15-ти наиболее полно сохранившихся фрагментах изделий нанесены зооморфные орнаменты. Особенно очевидны орнитоморфные орнаменты, так как они сохраняют реалистичные черты птиц. Среди них три профильных изображения и одно фасовое.

Симметричное изображение птицы в фас нанесено на круглую крышку берестяного изделия диаметром около 28 см и представляет собой геральдическую композицию, передающую состояние полета. Крылья птицы расправлены и подняты вверх. Туловище птицы – вытянутый многоугольник, переходящий в длинную шею. В туловище птицы вписаны геометрические фигуры. Фасовое изображение птицы

на бересте встречается нечасто, так, в этнографической коллекции Казымских хантов подобный орнамент носит название «трясгузка». Войкарское фасовое изображение больше напоминает орла. Схожий орнамент можно увидеть в археологической коллекции Надымского городка (Кардаш, 2009. С. 244. Рис. 3.49 – 4).

Профильные фигуры птиц ассиметричны. Они представляют собой схематично реалистичные изображения птиц с длинной изогнутой шеей. По очертаниям птиц в профиль можно предположить даже породу, например, по изогнутой шее можно сказать, что это лебедь. Одна из птиц нанесена на дно изделия подпрямоугольной формы с высокими стенками, имеющее размер в развернутом виде 21 x 21,7 см. Два других изображения птицы нанесены на берестяную ленту, представляющую собой стенки цилиндрического сосуда высотой около 24 см. Туловище в форме овала заполнено «чешуйчатой» штриховкой. Поднятое вверх крыло напоминает ветви дерева (рис. 1: 2). В целом, иконография профильных орнитоморфных орнаментов соответствует канонам изобразительных традиций обских угров (Рындина, 1995. С. 249-250).

В образе птиц обские угры почитали духов-покровителей своего рода. Орел считался священной птицей (Паллас, 1788. С. 81). Свидетельство о почитании гуся принадлежит Г. Новицкому и относится к началу XVIII в. «Это был бог птиц водных: лебедей, гусей и пр.» (Бауло, 2011. С. 326).

В коллекции Усть-Войкарского городища есть «медвежьи орнаменты» (рис. 1: 3, 4). Отличие этих орнаментов в том, что

они изображают не реалистичное животное, а его как бы распластанную шкуру: туловище образовано вытянутым многоугольником, голова в виде ромба или развилки, раздвоенный хвост и разведенные в стороны лапы. В коллекции содержатся орнаменты от самых простых каноничных изображений до усложненных, с разрастающимися в разные стороны ветвеобразными лапами. «Медвежьи орнаменты» широко известны в этнографических коллекциях (Рындина, 1995. С. 239). Пять «медведей» из Войкарского городка нанесены на дно подпрямоугольных коробов размером от спичечного коробка до крупных – в разложенном виде 22 x 20 см.

Популярность «медвежьих орнаментов» объясняется культом медведя у северных хантов и манси. Широко известен Медвежий праздник, устраиваемый в честь убитого на охоте медведя. Центральной фигурой праздника являлась шкура убитого зверя (Иванов, 1954. С. 55).

Два изображения из коллекции с большой долей вероятности можно отнести к антропоморфным орнаментам. Орнамент, напоминающий «жука» (рис. 1: 5), именуется у угров человеком или получеловеком, иногда медведем. За ним часто скрывается сильно стилизованный, утративший сходство с реальным изображением, образ всадника на лошади. В процессе стилизации «ноги всадника и лошадь сливаются в единую округлую линию с криволинейными отростками. Возникшей орнаментальной фигуре присуща симметричность» (Рындина, 1995. С. 241). Данный орнамент встречается у северных групп хантов и северных манси (Рындина, 1995. С. 112).

Второе изображение (рис. 1: 6) близко по очертаниям к «медведю»: ромбовидная голова и распротёртые в разные стороны ветвящиеся руки, но в отличие от «мед-

ведя» туловище изображено простой линией, ноги крючкообразные короткие. Похожих орнаментов нет в этнографических коллекциях. Вывод о том, что орнамент антропоморфен, напрашивается при сопоставлении с композицией из археологической коллекции Полуйского городка (Кардаш, 2013. С. 238, рис. 3.20: 1), который можно трактовать «с определенной долей вероятности, как изображение человека, сидящего в запряженной нарте» (Кардаш, 2013 С. 190).

Слияние образа медведя и человека можно объяснить, обратившись к обско-угорской мифологии, согласно которой, например, медведь являлся сыном либо младшим братом верховного бога Нумиторума, которого отец в наказание заслушание обратил в медведя и сослал в мир людей (Карьялайнен, 1996. С. 12; Иванов, 1954. С. 55).

Таким образом, анализ декорированных берестяных изделий коллекции городища Усть-Войкарское-1 показал, что различные элементы декора наносились на крышки и поверхность стенок цилиндрических емкостей, а также на дно коробов. Преобладающими мотивами являются «медведи» и «птицы». Одиночный зооморфный мотив выступает единственной главной фигурой композиции, заключенной в рамку. Орнаменты исполнены в криволинейном стиле. Образы, изображенные на бересте, связаны с мифологическими представлениями их создателей. Кроме того, береза у обских угров считалась священным деревом – деревом жизни (Волдина, 2015. С. 85). А витиеватость крыльев птиц и конечностей животных, которые больше напоминают ветви деревьев и иногда заполняют все свободное пространство композиции, может быть, в том числе, символом этого древа жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бауло А. В. Священные места тотемных предков в орнитоморфном облике у обских угров // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томс. гос. ун-та, 2011. – Вып. 9. – С. 324-338.

Волдина Т. В. Образ древа жизни в традиционной культуре обских угров в контексте реинкарнации // Финно–угорский мир. – 2015. – № 4. – С. 84-90.

Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 837 с.

Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. – Екатеринбург – Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2009. – 360 с.

Кардаш О. В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург – Салехард: Изд-во «Магеллан», 2013. – 380 с. (Обдорские городки конца XVI – первой половины XVIII вв. История и материальная культура).

Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов / пер. с нем. Н. В. Лукиной. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. – Т. 3. – 247 с.

Новиков А. В., Гаркуша Ю. Н. Предварительные результаты полевых исследований городища Усть-Войкарское-1 (Приполярная зона Западной Сибири) в 2012 – 2016 гг. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – №3 (88) июль – сентябрь 2017 года. – С. 141-149.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства: Часть 2. Половина 1. – СПб.: Имп. АН, 1788. – 624 с.

Рындина О. М. Орнамент. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. – Т. 3. – 640 с.

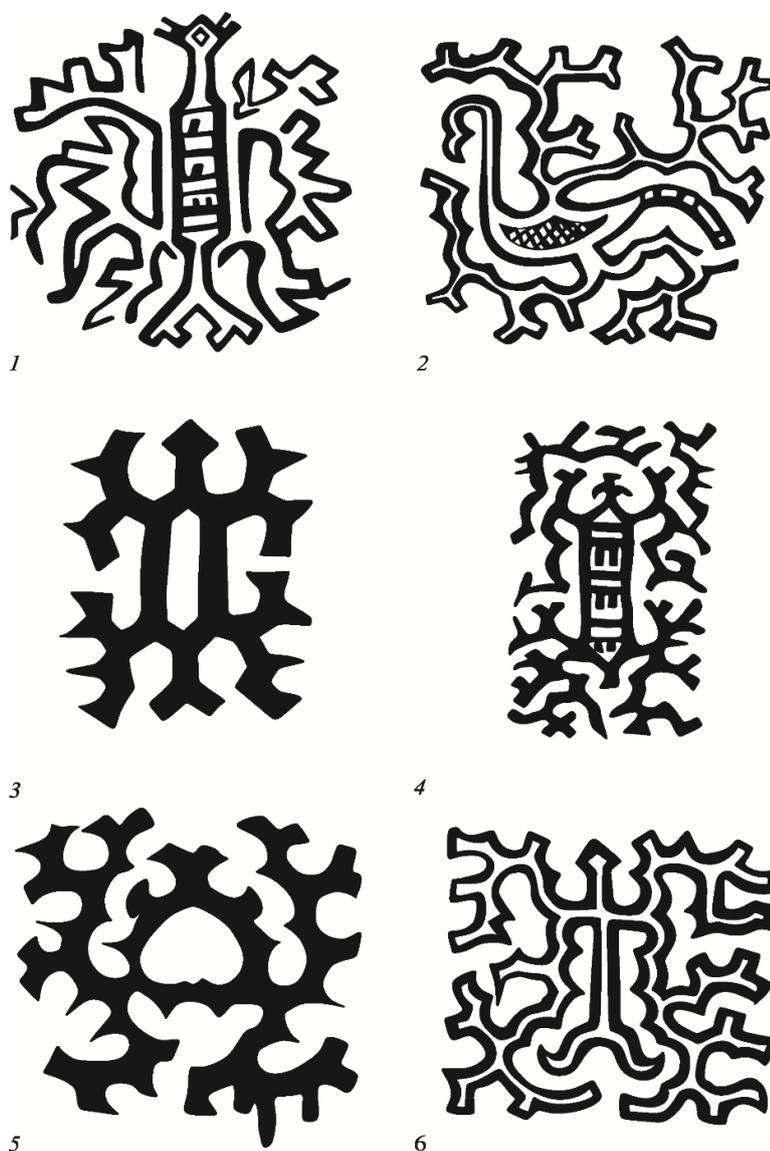

Рис. 1. Орнаменты Войкарского городка.

1 – Орнитоморфный орнамент в фас; 2 – Орнитоморфный орнамент в профиль; 3 – 4 – «Медвежий орнамент»; 5 – Антропоморфный орнамент – «жук»; 6 – Антропоморфный орнамент

DÉCOR MOTIVES ON BIRCH BARK PRODUCTS OF THE UST-VOIKARSKOYE-1 SETTLEMENTS

N. N. Kovaleva

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

The article deals with ornamented birch bark products from the Ust-Voikarskoye-1 settlements, obtained during excavations in 2012-2016. The settlements is a monument of the late Middle Ages – Modern times of the Subpolar zone of Western Siberia. The iconography of ornaments, motives, as well as their relationship with the mythology of the Ob Ugrians are investigated.

Keywords: Ust-Voikar settlements, northern Khanty, birch bark, ornament, zoomorphic, ornithomorphic, anthropomorphic, style, motif, mythology.

Научный руководитель – Новиков Андрей Владиленович, к.и.н., доцент.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ АБХАЗИИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Р. У. Мамац-ипа

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

В данной публикации предлагается авторская периодизация истории изучения палеолитических памятников Абхазии с момента первого открытия (1933 г.) вплоть до настоящего времени; охарактеризован вклад в этот процесс ведущих научных учреждений и исследователей.

Ключевые слова: палеолит Абхазии, история археологии, С. Н. Замятнин, Л. Н. Соловьёв, В. П. Любин.

Начало изучения палеолита Абхазии приходится на 1933 г., когда Л. Н. Соловьёв сделал первые находки кремневых орудий на территории с. Яштуха севернее Сухума (Воронов, 2014. С. 10). Последующие три года (1934–1936) ознаменовались открытием нескольких десятков палеолитических памятников благодаря целенаправленным усилиям палеолитического отряда совместной экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР (Ленинград) и созданного тогда же Абхазского научно-исследовательского института краеведения (Сухум). Л. Н. Соловьёв зафиксировал серию стоянок в Центральной и Южной Абхазии (Лечкоп, Гвард, Келасур, Апианча, Нижняя Лемса, Ягиш, Захаровка, Отап, Моква, Очамчира, Илор, Ачигвара, Гал, Цхири, Чубурхиндж и др.); С. Н. Замятнин – в Северо-Западной Абхазии (Гагра, Колхида, Отхара, Бармыш, Гудаута, Лыхны, Кюр-дере, Эшера и др.). Активное участие в этих работах приняли М. М. Иващенко, П. И. Борисковский, М. З. Паничкина, А. Н. Каландадзе. Геологическое исследование выявленных стоянок проводили Г. Ф. Мирчинк, В. И. Громов, Е. В. Шанцер (Воронов, 2014. С. 10).

Всего за три полевых сезона в Абхазии было открыто 42 местонахождения остатков палеолитической эпохи, локализующихся вдоль береговой линии. Их хронологическое членение было предложено С. Н. Замятниным: древнепалеолитические, домустьерские местонахождения (Ашель, Клектон) – 10; мустьерские местонахождения – 23; верхнепалеолитические – 9 (Замятнин, 1937. С. 8).

В 1938 г. в Абхазии были начаты раскопки пещерных стоянок каменного века. Первым памятником стала многослойная стоянка эпохи верхнего палеолита и мезолита в гроте Кеп-Богаз близ с. Цебельда, обследованная Л. Н. Соловьёвым. Но основное внимание учёный сосредоточил на открытой неподалёку многослойной стоянке в гроте Хупын (Холодный грот) (Соловьёв, 1971. С. 6).

В послевоенное десятилетие изучение памятников каменного века Абхазии ограничивалось лишь кратковременными разведками Л. Н. Соловьёва на Анухвском плато (Воронов, 2014. С. 11).

С 1958 по 1967 гг. Институт истории АН Грузинской ССР организует ежегодную экспедицию для изучения палеолита под руководством Н. З. Бердзенишвили. Она продолжила работы на Яштухской стоянке и начала раскопки мезолитической стоянки в пещере Куабчара близ с. Цебельда. В 1962–1967 гг. совместно с Л. Д. Церетели вела исследование грота Джампал в районе с. Амткел (Воронов, 2014. С. 11–12).

Одновременно к изучению палеолита Западного Кавказа возвращаются и ленинградские исследователи – сотрудники Ленинградского отделения Института археологии АН СССР: И. И. Коробков, Е. А. Векилова, В. П. Любин.

В конце XX в. изучение каменного века Западного Кавказа продолжили ученики В. П. Любина – Д. А. Чистяков, М. Х. Хварцкия, С. А. Кулаков. Важным этапом в исследовании палеолита явились обширные полевые работы, предпринятые археологом М. Х. Хварцкия и геологом Н. Е. Поляковой в

1980–1991 гг. в Северной и Центральной Абхазии. В отличие от предшественников они приурочили свои рекогносцировки к полосе низкогорий и даже средних гор (среднее течение р. Бзыбь между Главным Кавказским и Бзыбским хребтами). В ходе этих работ в Сухумском и Гудаутском районах было выявлено до 50 перспективных пещерных убежищ и столько же палеолитических местонахождений открытого типа (Кулаков и др., 2018. С. 44).

В 2014–2016 гг. совместная Российско-Абхазская археологическая экспедиция возобновила полевые исследования палеолита Абхазии. Усилия были направлены на выявление стратифицированных участков на площади уже известных палеолитических памятников, а также на поиск новых

памятников каменного века. В первую очередь, работы были произведены на Яштухском местонахождении: были обследованы большая поляна на северо-западном склоне горы Яштуха (пункт получил название «Яштух – Суходол-Поляна»), а также район стыка юго-западной оконечности урочища Суходол с сухой долиной р. Восточной Гумисты (пункт «Яштух-Суходол-1») (Кулаков и др., 2018. С. 45). В 2015 г. экспедиция провела полевые междисциплинарные исследования пещерной стоянки Мачагуа – первого многослойного стратифицированного памятника мустьерской эпохи на территории Абхазии⁹. В результате накоплена богатая коллекция артефактов разных эпох каменного века, с которой ещё предстоит работа по систематизации и анализу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронов Ю. Н. История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.) // Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. 4. – Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, 2014. – С. 5-67.

Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. – Сухум: ИАК АН СССР, 1937. – 59 с.

Кулаков С. А., Джогуа А. И., Цвинария И. И. Некоторые итоги совместных российско-абхазских работ по палеолиту в 2014–2016 гг. // Материалы международной научной конференции, посвящённой 75-летию со дня рождения учёного-кавказоведа Ю. Н. Воронова. – Сухум: Абгосмузей, 2018. – С. 44-53.

Соловьёв Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита Абхазии. – Сухум: Алашара, 1971. – 133 с.

PALEOLITHIC MONUMENTS OF ABKHAZIA: HISTORY OF STUDY

R. U. Mamats-ipa

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

This publication proposes the author's periodization of history of the study of the Paleolithic monuments of Abkhazia from the moment of the first discovery (1933) up to the present time; the contribution of leading scientific institutions and researchers to this process is characterized.

Keywords: The Paleolithic of Abkhazia, history of archeology, S.N. Zamyatnin, L. N. Solovyov, V. P. Lubin.

Научный руководитель – Захарова Елена Юрьевна, д.и.н., профессор.

⁹ Результаты работ не опубликованы. Предварительная информация была озвучена в докладе С. А. Кулакова, М. А. Кульковой, Т. В. Сапелко. «Новые биостратиграфические данные по пещерной стоянке Мачагуа» на V

Абхазской международной археологической конференции, посвящённой 100-летию М. М. Трапш (Сухум, 2015). Благодарим С. А. Кулакова за предоставленную информацию.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕГО ГОРОДА УРУК (ВАРКА) И ЕГО КЕРАМИКИ В УРУКСКИЙ ПЕРИОД (4000-3500 ГГ. ДО Н.Э.)

А. Х. Алхуссейни

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

В данной статье рассматривается очерк исследований керамического комплекса Урукского периода. Работа выполнена на основе опубликованных данных немецких и иракских археологов, также представлены результаты археологических раскопок древнего города Урук (Варки). В результате проделанной работы показаны наиболее важные черты гончарного искусства, характерные для этого периода в Месопотамии.

Ключевые слова: археологическая экспедиция, Месопотамия, Урук, гончарное производство, керамика.

Урук считается величайшим и древнейшим городом цивилизации шумеров. Его основание относится к III тыс. до н.э. Библия называет его Эрех, упоминая сразу же после Вавилона. Древние греки называли его Орхон. В III в. н.э. Урук был покинут своими жителями и больше не возродился. Потом это имя исчезло из истории. Сейчас на месте древнего города находится поселок Варка, он расположен к северо-западу от Ура, в 56 км выше по течению Евфрата.

В XIX в. интерес к этому древнему городу привлекал внимание многих ученых из разных стран. Первым исследователем был английский геолог Уильям Лофтус. В результате раскопок, проводившихся с перерывами в 1849, 1853 и 1854 гг., было обнаружено довольно много интересных находок (Басма Чи, 1947. С. 36).

В 1912 г. раскопки продолжились немецкой экспедицией под руководством инженера Юлиуса Гордона. На протяжении чуть более полутора лет в результате системных раскопок были исследованы сам город и его близлежащие окрестности. Археологи выяснили, что постройки были окружены огромной стеной длиной около 9 км по периметру, а в середине, на самом высоком месте, располагался храм Э-Анна – шумерского бога неба. Одна из самых важных находок, хранящихся в музее Ирака, является знаменитая жертвенная алебастровая ваза с тремя рядами барельефов. Исследователи считают, что ваза была повреждена в древности. Под тяжестью обрушившегося здания она раскололась

на пятнадцать частей и шумерские мастера много тысяч лет назад собрали её обломки и скрепили их медными обручами. Также было найдено множество всевозможных глиняных табличек, написанных клинописью и химеритской письменностью, раскопаны храмы с изысканным дизайном и оформлением. Некоторые стены были построены из особого типа саманных кирпичей, которые до сих пор называют немецким термином Римкен (араб. Римшен) (Margaret, 2005. P. 28). Экспедицией Ю. Гордона в Уруке также было найдено большое количество храмов и культовых сооружений, восходящих к эпохе Аль-Убейд (5300–4000 г. до н. э.).

Шумерское искусство ведет свое начало с росписи керамических изделий. Уже на примере керамики из Урука, дошедшей до нас с конца IV тыс. до н.э., можно распознать его основные черты, для которого характерен геометризм, строго выдержанная орнаментальность, ритмическая организация произведения и тонкое чувство формы. Иногда сосуд украшен геометрическим или растительным орнаментом, в некоторых же случаях мы видим стилизованные изображения птиц и животных (Гуляев, 2004. С. 43). Вся керамика этого времени расписана красным, черным, коричневым и фиолетовым узорами по светлomu фону. Переход от орнаментальной росписи сосудов к керамическому рельефу совершается в начале III тыс. до н.э. в производстве, известном как «алебастровый сосуд

Инанны из Урука». Здесь четко видна первая попытка перейти от ритмичного и бессистемного расположения предметов к некоему прообразу рассказа.

Археометрический анализ обнаруженных изделий из керамики Урука привел к получению очень однородных местных глин, использовавшихся от позднего периода Урука до парфянского периода с небольшими, но значительными различиями в их термическом поведении. Глиняные Буллы позднего периода Урука также были изготовлены из местной глины и поэтому не могли быть импортированы из Элама.

Керамика (др. греч. κέρσιος – глина) – изделия из неорганических материалов (к примеру, глины) и их смесей с минеральными добавками, которые изготавливали специально под воздействием высокой температуры с последующим охлаждением.

Древний человек в гончарной промышленности эпохи Варки использовал глину, а также камень и металл при изготовлении бытовых и сельскохозяйственных изделий. В период Урука гончарное производство начало развиваться от ручного производства до промышленного. В III тыс. до н.э. был изобретен гончарный круг для изготовления керамики.

Гончарный круг в этот период представлял собой небольшой деревянный кружок на короткой оси – вроде круглого столика. Одной рукой гончар вращал столик, а другой придавал куску глины нужную форму. Посуда, изготовленная на гончарном круге, становилась более тонкой и изящной. Использование круга позволяло ускорить процесс производства посуды.

Изготовленная керамика играла роль и в последующих поколениях истории Месопотамии без каких-либо перерывов и оставалась для каждой эпохи гордостью, которая отличала ее от других времен (Margaret, 2005. P. 35).

Во время археологических раскопок были обнаружены принципиально новые виды керамических изделий, нехарактерные для данного периода. Их изготавливали на гончарном круге, но по орнаменту они выглядели намного скромнее, отличались от пёстро раскрашенной керамики времени Аль-Убейд.

В представленных археологических исследованиях были обнаружены остатки керамической мастерской, где в отвалах был найден даже гончарный круг из обожженной глины. В этом периоде использовали и новые формы глиняных сосудов с высокой ручкой и длинным носиком, явно воспроизводившие металлический прототип (Басма Чи, 1955. С. 4). В Уруке технологическое описание керамических черепков, включающее все аспекты, такие как глина, температурный режим, условия обжига, визуальный и тактильный внешний вид черепка, методы формования, обработки поверхности и, если присутствовали, методы украшения, был впервые разработан в 1982 г. для документации керамики, извлеченной из изыскательских работ, и был дополнительно разработан для раскопок в 1985 и 1989 гг. Нерасписная керамика, преимущественно, светлая, но также существовала и покрытая красным ангобом, и черноглиняная (Даббах, 1985. С. 20).

Наиболее распространенный орнамент того времени – шашечный (символизовавший течение времени, смену дня и ночи), многолепестковая розетка богини (Инанны) Иштар, волнистая линия (символ водной стихии, источник жизни), «мальтийский крест», двойная секира, букраний (Баурро, 1977. С. 102). Три последних орнамента относились к соляным божествам. Букраний – бычий череп – также изображался в виде двойной секиры.

Изящество форм керамики находятся в тесной связи с чистотой отделки; основные формы сосудов – плоские чаши или сосуды в виде кубка (Исмаил, 1975. С. 20, 24).

В результате данной исследовательской работы подведем небольшое умозаключение. Для керамики периода 4000-3500 гг. до н.э. свойственны широкие кувшины с ручками, украшенные одноцветным или многоцветным геометрическим орнаментом. Искусство данного времени активно использует многообразное применение цвета. Полихромия присутствует в керамике, в монументальной скульптуре – в виде инкрустации глаз.

Важные черты керамики древнего Урука:

1. Старая керамика Урука красная. Когда красный цвет прогорит, он становится почти матовым серым, темно-серым или даже черным. Цвет объясняется температурой печи и воздействием дыма на нее, также изделия покрыты скошенными или изогнутыми краями.

2. Серый тип керамики Урука не содержит надписей.

3. Большинство моделей этого типа представляют собой сферические чаши, вогнутые чаши и колбы с тонкими концами, а также горшки большого размера.

4. Глиняные изделия Урука часто характеризуются кувшинами с закрученными кранами, банками с длинными кранами, сосудами из красной глины с четырьмя ушами.

Благодаря археологическим раскопкам, проведенным в древнем городе Урук, было найдено много глиняных статуэток, относящихся к эпохе Варка. Это самая важная характерная черта керамики в данный период. Керамика продолжала играть существенную роль в последующих эпохах истории Месопотамии без каких-либо перерывов в разные эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Басма Чи Ф. Ваза Урука // Шумер, Т. 3, ч. 1. – Багдад, 1947. – 101 с.

Басма Чи Ф. Урук // Шумер, №11. – Багдад, 1955. – 75 с.

Баурро А. Шумер искусства и культуры (перевод Аль-Тикрити Салим). – Багдад, 1977. – 183 с.

Гуляев В. И. Шумер. Вавилон. Ассирия: 5000 лет истории. – М.: Алетея, 2004. – 440 с.

Даббах Т. Керамика в доисторические эпохи – Иракская энциклопедия, часть III. – Багдад, 1985. – 178 с.

Исмаил А. Н. Искусство Ближнего Востока и Старого Света. – Каир, 1975. – 240 с.

Margaret E.S. Fifty years of archaeological research in Iraq. – Berlin, 2005. – 146 p.

THE HISTORICAL STUDY FOR THE ANCIENT CITY OF URUK (WARKA) AND ITS CERAMICS URUK PERIOD (4000-3500 BC)

A. H. Alhusseini

Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia

This article discusses an outline of the studies of the ceramic complex of the Uruk period. The work was carried out on the basis of published data of German and Iraqi archaeologists, and the results of archaeological excavations of the ancient city of Uruk (Warka) are presented. As a result of the work, the most important features of the pottery art, characteristic of this period in Mesopotamia, are shown.

Keyword. archaeological expedition, Mesopotamia, Uruk, pottery production, ceramics.

Научный руководитель – Вязов Леонид Александрович, к.и.н., доцент.

КУРГАНЫ У СЕЛА МАРКИ КАМЕНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

М. В. Бояркин

Воронежский областной краеведческий музей, Воронеж, Россия

Публикация посвящена истории изучения курганов у села Марки Каменского района Воронежской области. Приводятся данные об их современном состоянии.

Ключевые слова: история археологии, А. Я. Кожевников, В. Н. Тевяшов, курган.

Курганы у села Марки Острогожского уезда Воронежской губернии (ныне Каменский район Воронежской области) относятся к числу тех археологических объектов, которые известны с XIX в. Начальный период в их изучении связан с деятельностью профессора Московского университета Алексея Яковлевича Кожевникова, который производил раскопки могильника в 1872 г. (Захарова, 2012. С. 11). Как пишет А. А. Спицын, «курганов здесь находилось несколько, вышиною 3-4 арш. и в 1 арш.» (Спицын, 1896. С. 137), но А. Я. Кожевниковым была вскрыта только одна насыпь, под которой обнаружено захоронение XIV в. Спустя более чем сто лет после этих работ воронежский археолог М. В. Цыбин аргументировал точку зрения, что «погребение оставлено половцами, продолжавшими кочевать в Подонье в золотоордынский период» (Цыбин, 1986. С. 264). В захоронении рядом с погребённым находилось копьё, огниво, кремь и лопата, остатки седла, удила и стремена, серебряная золотоордынская монета (Цыбин, 1986. С. 264). Эти и другие находки из этого комплекса хранятся в ГИМе (ИРИМ, 1893. С. 363-364).

Дальнейшее изучение курганов в окрестностях с. Марки связано с деятельностью В. Н. Тевяшова (1840-1919) – известного воронежского краеведа, который на склоне лет увлекся археологией. Его биография уже была предметом исследования специалистов (Акиншин, Ласунский, 2009. С. 201-220), поэтому лишь вкратце остановимся на ней.

В. Н. Тевяшов является представителем старинного дворянского рода, он получил военное образование, но был далек от военной службы и всю свою жизнь испол-

нял различные административные должности в Воронежской губернии. С 1900 г., после выхода в отставку, начинает активно заниматься краеведением, эпизодически проводя и археологические исследования (Бояркин, 2018. С. 111).

Свои первые полевые сезоны В. Н. Тевяшов провёл в 1900 и 1901 гг. и посвятил их изучению курганного могильника близ слободы Владимировка Острогожского уезда. Об этом мы уже писали в одной из наших публикаций (Бояркин, 2018. С. 111-114). Спустя 10 лет Владимир Николаевич вновь произвёл раскопки курганов близ с. Марки на правом берегу Дона, расположенные по соседству с его родной Колыбелкой. Возможно, интерес Владимира Николаевича был обусловлен желанием продолжить раскопки А. Я. Кожевникова, в которых, как считает Е. Ю. Захарова (Захарова, 2012. С.11), В. Н. Тевяшов мог принимать участие.

В. Н. Тевяшовым было исследовано два курганных могильника, находившихся поблизости друг от друга. Всего было вскрыто 11 насыпей: пять из семи курганов в первом могильнике и шесть из тринадцати насыпей второй курганной группы. Раскопки проводились колодцами и траншеями.

Все исследованные курганы первого могильника содержали захоронения эпохи бронзы, а обнаруженные сосуды следует относить к донской лесостепной срубной культуре (Захарова, 2012. С. 11). В кургане №1 было выявлено девять захоронений, отличающихся единообразием погребального обряда: сохранившиеся фрагменты скелетов свидетельствовали о скорченном положении костяков с ориентировкой головы на север или северо-восток.

В ходе раскопок второй курганной группы был выявлен материал, относящийся к разным культурам и эпохам. Всего было обнаружено четыре погребения: три погребения в кургане № 1 (два погребения доновожской абашевской культуры); одно кочевническое погребение из кургана № 4, которое содержало стремя, кресало, железную пряжку и кольцо. В курганах №№ 3, 5, 6 зафиксированы фрагментарные остатки скелетов, ориентированные головой на восток или север. В. Н. Тевяшов датировал найденные погребения «каменно-бронзовом периодом» и соотносил их с эпохой киммерийцев, живших в бассейне Дона до скифов.

Результаты В. Н. Тевяшов отразил в своём отчёте, под названием «Киммерийская эпоха в Воронежской губернии», который был прочитан А. И. Мартиновичем на заседании ВУАК 23 января 1912 г. (Захарова, 2012. С. 12). Отметим, что отчёт В. Н. Тевяшова сохранился в архиве Г. В. Подгаецкого (РА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 145. Л. 179-190), но без иллюстраций.

В 1994 г. постановлением администрации Воронежской области №510 от 18.04.1994 «О мерах по сохранению историко-культурного наследия Воронежской

области» Маркинская курганная группа 1, Маркинская курганная группа 2, Маркинский курган 1, Маркинский курган 2, Маркинское поселение 1, Маркинское поселение 2 были внесены в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников и культуры) народов Российской Федерации. С целью мониторинга современного состояния курганов и возможного их соотнесения с изученными В. Н. Тевяшовым был организован выезд автора в составе рабочей группы (д.и.н Е. Ю. Захарова, к.и.н. А. Н. Бессуднов, М. В. Бояркин, С. О. Егоров) к месту расположения курганов. В результате выяснилось, что могильники визуальнo не фиксируются, что, вероятнее всего, является результатом длительной распашки. Выявленные одиночные курганные насыпи (?) требуют целенаправленного обследования в ходе археологической разведки. К настоящему времени в фондах Воронежского областного краеведческого музея завершена работа по поиску материалов, полученных В. Н. Тевяшовым в ходе раскопок. К сожалению, мы вынуждены констатировать отсутствие документации и каких-либо артефактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акиншин А. Н., Ласунский О. Г. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 430 с.

Бояркин М. В. Коллекция древностей В. Н. Тевяшова в фондах Воронежского областного краеведческого музея // I Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 1-4 февраля 2018 г., Самара): Материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. – Самара: Самарский университет, 2018. – С. 111-114.

Захарова Е. Ю. Археологические занятия Владимира Николаевича Тевяшова // Восточноевропейские древности: сборник науч. трудов. – Воронеж: Научная книга, 2012. – С. 4-14.

Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников. 2-е дополн. изд. М., 1893.

Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. III. Воронежская губерния // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1-2. Новая серия. 1895. – СПб., 1896. – С. 132-140.

Цыбин М. В. Погребения средневековых кочевников X–XIV вв. в Среднем Подонье // СА. – 1986. – № 3. – С. 257-266.

**KURGANS NEAR THE VILLAGE MARKY KAMENSKY DISTRICT,
VORONEZH REGION: HISTORY OF THE STUDY AND CURRENT STATE**

M. V. Boyarkin

Voronezh Regional Museum of Local History

The publication is devoted to the history of the study of mounds near the village of Marki in the Kamensky district of the Voronezh Region. Data on their current state are given.

Keywords: history of archeology, A. Y. Kozhevnikov, V. N. Tevyashov, mound.

Научный руководитель – Захарова Елена Юрьевна, д.и.н., профессор.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИАРАЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА СЕВЕРНЫЙ ТАГИСКЕН В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕСКИФСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА

Д. П. Петрищева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена обзору проблем, связанных с определением роли позднебронзового могильника Северный Тагискен в сложении раннесакской культуры Восточного Приаралья. Памятник рассматривается как один из субстратов последующей культуры, однако выяснение механизмов передачи традиции осложнено вопросами его датирования и культурной атрибуции.

Ключевые слова: Восточное Приаралье, Северный Тагискен, раннесакская культура.

Раннесакская культура в Восточном Приаралье (этим понятием здесь обозначена древняя дельта Сырдарьи, территории современной Кызылординской области Республики Казахстан) на данный момент представлена тремя памятниками. Это курганные некрополи Южный Тагискен и Уйгарак, открытые в 1959 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, и небольшой, имеющий такой же вид, могильник Сенгир-Там-2, выявленный в 2014 г. Исследователи датируют их концом VIII-V вв. до н. э. (Вишневская, 1973. С. 128; Итина, Яблонский, 2001. С. 112; Курманкулов, Утубаев, 2019. С. 143). Территориально и хронологически к ним примыкает некрополь Северный Тагискен (открыт в 1959 г.), состоящий из сложных сооружений из сырцового кирпича (мавзолеев). Он относится к эпохе поздней бронзы и является для раннесакских могильников «подстилающим» пластом (Итина, Яблонский, 2001. С. 107), что заставляет в связи с вопросом формирования культуры скифского типа в Приаралье рассмотреть его отдельно.

В начале 1960-х гг. могильник был датирован С. П. Толстовым IX-VIII вв. до н. э. на основе аналогий его керамики с бегазыдандыбаевской культурой Центрального и Восточного Казахстана (далее – БДК) и втульчатых двухлопастных наконечников стрел, известных по степным памятникам конца поздней бронзы (Толстов, 1962. С. 85), и отнесён к этапу, непосредственно предшествующему раннесакскому времени. По мнению С. П. Толстова, северотагискенский погребальный обряд является

прямым прототипом раннесакского (Толстов, 1962. С. 201-203). Иную дату памятника предложил М. П. Грязнов. Опираясь на уточнённую хронологию БДК и её сходства с Тагискеном, исследователь считал возможным определять время комплекса концом II тыс. до н. э. (Грязнов, 1970. С. 42). Тем не менее, преемственность между традициями двух эпох не отрицалась. О. А. Вишневская склонна была видеть её и в обрядности и, частично, в предметном комплексе могильников (Вишневская, 1973. С. 65). Автохтонное происхождение раннесакской культуры Приаралья поддерживал и Л. Р. Кызласов, но он считал, что в основе традиции находится БДК, локальным вариантом которой являются тагискенские мавзолеи (Кызласов, 1977. С. 71). Позже, при публикации материалов Северного Тагискена М. А. Итина и Л. Т. Яблонский, не отрицая сходства похоронного обряда в двух группах памятников, всё же не поддержали идею прямой генетической связи культур. Признаки разрыва исследователи видели в отсутствии в позднебронзовом могильнике железных орудий, предметов звериного стиля и характерных сакских сосудов, а в поздних некрополях – строениях из сырца и практически любых сходств с вещами предыдущей эпохи (Итина, Яблонский, 2001. С. 110). На данный момент Северный Тагискен следует рассматривать уже не как прямой прототип, а как один из субстратов культуры скифского типа в конкретном регионе. Так, по мнению Д. Г. Савинова, начальная

скифская традиция, имея единый центральноазиатский источник происхождения, в разных районах своего распространения сочеталась с местными культурами и вбирала в себя их черты, чем и оказалась обусловлена специфика каждого региона её распространения (Савинов, 2002. С. 75).

Проблема участия населения, оставившего Северный Тагискен, в сложении раннесакского комплекса связана с вопросами культурной принадлежности и датировки памятника. Самая яркая из аналогий для него – открытый в 2001 г. в семипалатинском Прииртышье могильник Кара-Оба, датированный XII в. до н. э. и отнесённый к БДК (Бейсенов и др., 2014б. С. 175). Материалы Кара-Обы имеют целый ряд сходств с Тагискеном. Главные из них – сочетание монументальной архитектуры и сырцового кирпича, наличие в комплексах керамики БДК и одних и тех же наконечников стрел. Это позволило сделать вывод об одинаковой культурной принадлежности двух памятников (Бейсенов и др., 2014а. С. 180). Однако и для самой БДК имеется ряд вопросов. До сих пор непонятными остаются процессы её возникновения, ареал и состав (Федорук, 2006), что обуславливает разные точки зрения на её связь с Приаралем. По мнению В. В. Варфоломеева и А. А. Ткачёва, этот регион является крайней юго-западной точкой ареала БДК (Варфоломеев, 2011. С. 225; Ткачёв, 2013. С. 333). В. Г. Ломан наоборот считает целесообразным искать истоки БДК в низовьях Сырдарьи и Амударьи (Ломан, 2013. С. 257). К тому же, данная культура, судя по радиоуглеродным датам памятников, имеет чрезвычайно протяжённость во времени (XV – VIII вв. до н.э.) и нуждается в уточнении периодизации (Бейсенов и др.,

2014б. С. 169), что затрудняет датировку и Северного Тагискена, однако показывает, что он должен быть отнесён к более раннему, чем IX-VIII вв., периоду. Итальянский исследователь Ж. Л. Бонора предложил датировать Тагискен XV-XIII вв. до н.э. Обоснованием тому может стать уточнённая хронология земледельческих памятников юга Туркмении и Узбекистана (Намазга-депе, Сапаллитепа), и возможность синхронизировать их с культурами степной бронзы (Bonora, 2018. P. 319-320).

Анализ погребального обряда двух групп памятников – позднебронзовой и раннесакской – показывает значительное число сходных элементов, которые, однако, имеют разное соотношение: в раннесакских могильниках распространение получили черты обряда, представленные на Тагискене в небольшом количестве и не образующие каких-то закономерностей (таблица 1), что можно интерпретировать как выборочное перенятие традиции, возможное при схожей картине мира у двух обществ. В то же время в материальной культуре позднебронзового могильника встречено незначительное количество вещей, имеющих связь с раннескифским культурным комплексом (конусовидные серьги, пряжки с грибовидной застёжкой). Однако, всё это предметы, распространённые не только в Северном Тагискене, но и в БДК, которая тоже является одним из субстратов позднейшей культуры (Чугунов, 2015. С. 476-477). Соответственно, неясным остаётся механизм передачи традиции. Таким образом, несмотря на то, что Северный Тагискен является памятником предскифского времени, выяснение степени его участия в формировании раннесакской культуры Приаралья только предстоит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Мерц В. К., Мерц И. В. Раскопки могильника Караоба в 2013 г.: предварительное сообщение // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. – Астана, 2014а. – С. 173-186.

Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014б. – 192 с., 20 с. цв. ил.

Варфоломеев В. В. Бегазы-дандыбаевская культура степей Центральной Евразии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Т. 1. – Алматы, 2011. – С. 210-240.

Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака // Труды ХАЭЭ. – Т. 8. – М.: Наука, 1973. – 160 с.

Грязнов М. П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. – № 122. – М., 1970. – С. 37-43.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. – 187 с.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 295 с: илл.

Курманкулов Ж., Утубаев Ж. Р. Сенгир-Там-2: новые исследования на памятнике в Восточном Приаралье. // Самарский научный вестник. – 2019. – Т. 8. – № 4 (29). – С. 138-144.

Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры. // СА. – №2. – М., 1977. – С. 69-86.

Ломан В. Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. – Алматы, 2013. – С. 247-259.

Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб: СПбГУ, 2002. – 204 с.

Ткачев А. А. К проблеме сложения позднебронзового единства в степной зоне Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. – Алматы, 2013. – С. 330-339.

Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М: Издательство восточной литературы, 1962. – 321 с.

Федорук А. С. Бегазы-дандыбаевский феномен: история изучения и историография // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. – Павлодар, 2006. – С. 127-148.

Чугунов К. В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXVII. – СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – С. 457-486.

Bonora G. L. A General Revision of the Chronology of the Tagisken North Burial Ground. // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. – №24. – 2018. – P. 307-330.

STUDIES OF THE TAGISKEN NORTH BURIAL GROUND IN THE CONTEXT OF FORMATION EARLY SCYTHIAN CULTURE IN EAST OF PRE-ARAL REGION

Д. П. Петрищева

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

This article is about the review of the problems Tagisken North`s burial ground studies in the context of formation early Scythian culture in East of Aral Sea. The author believe that this site may be one of parts of the Early Scythian`s culture, but a character of relations Tagisken north and cemeteries of the Scythian period is not clear until.

Keywords: East Pre-Aral region, Tagisken North Burial Ground, early Saka culture.

Научный руководитель – Савинов Дмитрий Глебович, д.и.н., профессор.

Таблица 1. Сопоставление степени выраженности общих признаков погребального обряда в Северном Тагискене и раннесакских могильниках (по: Вишневская, 1973; Итина, Яблонский, 1997; Итина, Яблонский, 2001; Курманкулов, Утубаев, 2019).

		Северный Тагискен			Раннесакские могильники (Южный Тагискен, Уйгарак, Сенгир-Там-2)		
Признак	№ признака	Общее число погребений	Число погребений с признаком	Процент, %	Общее число погребений	Число погребений с признаком	Процент, %
Сочетание квадрата и круга в планировке	1	32	9	28,1	112	2	1,8
Постройка с круглой внешней стеной	2		6	18,75		9	8
Постройки с обходным коридором	3		4	12,5		2	1,8
Камера на древнем горизонте	4		3	9,4		29	25,9
Камера заглублена	5		29	90,6		73	65,2
Наличие входа в сооружение	6		9	28,1		19	17
Столбовая конструкция	7		3	9,4		23	20,5
Имитация столбовой постройки	8		1	3,2		52	46,4
"Канавки" по периметру камеры	9		2	6,25		11	9,8
Циновки	10		4	12,5		62	55,3
Сожжение погребальной конструкции	11		14	43,75		11	9,8

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА СЛАВЯНСКОГО МИРА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ

Н. Е. Арсёнова

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Статья посвящена истории изучения городища «Михайловский кордон» и Лысогорского могильника на р. Воронеж. Внимание уделено именно этим двум памятникам в связи с тем, что некоторые курганы могильника могли быть оставлены населением городища. Оба памятника известны с конца XIX в.

Ключевые слова: славяне, городище, курганный могильник, боршевская культура, Воронеж.

На северной окраине г. Воронеж в воронежской нагорной дубраве (правый берег р. Воронеж) находится комплекс славянских памятников конца I тыс. н.э. Он включает: 4 городища (Кузнецовское, Михайловский кордон, I и II Белогорское), 5 курганных могильников (Кузнецовский, Лысогорский, I, II, III Белогорские), а также несколько поселений. На этих памятниках проводились исследования с начала XX в. (Ефименко, Третьяков, 1948; Москаленко, 1981; Винников, 1984; Пряхин и др., 1997).

Лысогорский могильник известен с конца XIX в. В 1880-х гг. секретарь Воронежского губернского статистического комитета Л. Б. Вейнберг провел разведку в Воронежской нагорной дубраве, в ходе которой осмотрел 4 городища на правом берегу р. Воронеж и провел археологические раскопки курганов на Лысой горе. В 1890 г. он совместно с воронежским краеведом Е. Л. Марковым совершил экспедицию по славянским памятникам на правом берегу р. Воронеж, проведя вновь археологические раскопки курганов на исследуемом могильнике (Москаленко, 1981. С. 24).

В начале XX в. к археологическому исследованию могильника приступили члены Воронежского губернского статистического комитета, Ученой архивной комиссии и Комиссии по устройству музея: А. И. Милютин, С. Е. Зверев, В. Д. Языков, А. И. Мартинович. Тогда же ими была предпринята первая попытка подсчета имеющихся в могильнике курганных насыпей. Под руководством А. И. Мартиновича в те же годы здесь было раскопано 11 курганов

(Пряхин и др., 1997. С. 20). В 1924 г. на Лысогорском могильнике сотрудником Воронежского областного краеведческого музея Д. Д. Леоновым было вскрыто 3 насыпи. Но документация и информация об этих раскопках не сохранилась (Винников, 1984. С. 48).

В 1928 г. экспедицией ГАИМК под руководством П. П. Ефименко был исследован один курган. В совместной работе с П. Н. Третьяковым они констатировали, что эти курганы по особенностям погребальной практики близки боршевским (Ефименко, Третьяков, 1948. С. 110-111). Таким образом, впервые курганный могильник на Лысой горе был отнесен к боршевской археологической культуре, что подтверждают дальнейшие археологические исследования на могильнике.

В 1940-е гг. сотрудник Воронежского музея Н. В. Валукинский на территории могильника выявил остатки могильной ямы с разрушенным славянским погребением (Пряхин и др., 1997. С. 20).

В 1952 г. при обследовании курганного могильника археологической экспедицией ВГУ под руководством А. Н. Москаленко в ходе разведочных работ по правому берегу р. Воронеж в обрыве берега были зафиксированы остатки полуземлянки. В 1962 г. на могильнике в обнажении берега был выявлен культурный слой толщиной в 15-20 см, который содержал кости животных и обломки посуды боршевского типа (Москаленко, 1981. С. 4).

С 1965 г. археологическая экспедиция ВГУ начинает проводить здесь систематические археологические исследования. В 1965 и 1967 гг. полевые работы здесь велись под руководством А. Н. Москаленко (Москаленко, 1981. С. 49-50). За два года на могильнике было вскрыто 4 насыпи.

Но основные работы Воронежского университета на Лысогорском могильнике осуществлялись в 1973, 1978-1980, 1985 гг. под руководством А. З. Винникова. В результате общее количество исследованных здесь археологами ВГУ курганов составило 29. А. З. Винниковым было проведено первое крупное исследование погребальной обрядности донских славян (боршевской археологической культуры) с включением в анализ полученных данных из курганов Лысогорского могильника (Винников, 1984. С. 46-71).

В 1996 г. археологическая экспедиция ВГУ под руководством М. В. Цыбина провела раскопки одной курганной насыпи с прилегающей площадью, где были зафиксированы ровики в виде овальных углублений, находящиеся в северо-восточной и юго-восточной стороне от насыпи. Тогда же был снят инструментальный план могильника, в котором было зафиксировано 237 курганов (Цыбин, 1997).

В полевые сезоны 2018–2019 гг. под руководством Н. Е. Арсёновой экспедицией Археологического музея Воронежского университета были возобновлены работы на территории Лысогорского могильника и исследованы курганы № 151 и № 85 (Арсёнова, 2019; Арсёнова, 2020).

На север от Лысогорского могильника в 970 м от кургана № 237 находится «городище у Михайловского кордона» (Ефименко, Третьяков, 1948. С. 107).

В 30-е гг. XX в. это городище неоднократно посещалось Н. В. Валукинским, включившим его в список известных археологических памятников на территории Воронежской области (Валукинский, 1948. С. 300).

В 1960 г. городище «Михайловский кордон» было принято на государственную охрану под названием «Древнеславянское городище» (постановление Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 года №

1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР»).

В 1962 г. городище обследовалось археологической экспедицией Воронежского университета под руководством А. Н. Москаленко. В культурном слое, толщина которого составляла 0,5 м, была собрана керамика боршевского типа, несколько фрагментов от сосудов раннего железного века, что указывало на многослойность памятника (Москаленко, 1962. С. 17).

В 1986 и 1989 гг. на памятнике были проведены раскопки славянским отрядом экспедиции ВГУ под руководством А. З. Винникова. В 1986 г. в северо-восточной части городища были заложены раскоп 1 (площадь 60 кв. м) и два шурфа (Винников, 1986). В 1989 г. изучались две линии укреплений. На внешней линии был заложен раскоп 2 (129 кв. м), на внутренней – раскоп 3 (36 кв. м) (Винников, 1989). Во время археологических работ были получены материалы эпохи бронзы, скифской и сарматской эпох. Но основные материалы относятся к славянской боршевской культуре конца I тыс. н. э. В эти же годы был снят инструментальный план памятника, на который были нанесены западины от построек, впоследствии опубликованный руководителем раскопок (Винников, 1995. Рис. 5).

В 1994–1996 гг. экспедицией ВГУ под руководством А. Д. Пряхина городище было повторно обследовано. В 1994 г. за внешней линией укреплений заложены два шурфа, в которых встречены только обломки от стенок сосудов раннего железного века (Пряхин, 1994). В 1995 г. в рамках выполнения научной темы «Археологическое наследие народов России» проведено дополнительное обследование памятника, осмотр обнажений почвенного слоя (Разуваев, 1995). В 1996 г. археологами ВГУ выполнена подробная инструментальная съемка плана памятника в масштабе 1:1000 с нанесением западин от древних построек (более 630), сооружений периода Великой Отечественной войны. Материалы эпохи бронзы членятся на две группы: среднедонской катакомбной культуры и воронежской культуры (III тыс. до н. э.). Материалы раннего железного века (сер. I тыс. до н. э. –

первые века н. э.) включают свидетельства скифского и сарматского периодов. Основные по массовости материалы относятся к славянской боршевской культуре конца I тыс. н. э., включая исследованные две линии оборонительных сооружений, три полуземляночные постройки, десять хозяйственных ям (Пряхин и др., 1997. С. 29-32).

В 2017 г. А. З. Винниковым и М. В. Цыбиным была осуществлена полная публикация результатов полевого исследования городища в 1986 и 1989 гг. (Винников, Цыбин, 2017. С. 80-93). В 2018 г. комплекс памятников на северной окраине г. Воронеж, в том числе и городище у Михайловского кордона, был включен в список выявленных объектов культурного наследия Воронежской области под наименованием «Достопримечательное место Ван-

тит» (приказ управления по охране объектов культурного наследия Воронежской области № 71-01-07/119 от 26.06.2018 г.). Проведенная в 2018 г. археологическая разведка в Нагорной дубраве сотрудниками АМБУ под руководством Д. А. Томилина способствовала детализации границ памятника (Томилин, 2019. С. 31).

Следует отметить, что планируется продолжение исследований как на могильнике, так и на городище совместно с палеоантропологами и палеопочвоведом, с целью выявления связи этих двух памятников.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и правительства Воронежской области в рамках научного проекта № 19-49-363003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсёнова Н. Е. Отчет об археологических раскопках кургана № 151 в составе объекта культурного наследия федерального значения «Курганный комплекс Лысая гора» на северной окраине г. Воронеж в 2018 г. // НА АМБУ. – Р-1, № 319. – 2019. – 87 с.

Арсёнова Н. Е. Отчет об археологических раскопках кургана № 85 курганной группы Лысая гора на северной окраине г. Воронежа в 2019 г. // Архив ИА РАН. – 2020. – 98 с.

Валукинский Н.В. Материалы к археологической карте г. Воронежа // СА. 1948. Т. X. – С. 291-301.

Винников А. З. Славянские курганы лесостепного Дона. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1984. – 192 с.

Винников А. З. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1986 году // Архив ИА РАН. – Р-1, № 11762. – 1986. – 191 л.

Винников А. З. Отчет о работе славянского отряда археологической экспедиции Воронежского университета в 1989 году // Архив ИА РАН. – Р-1, № 13864. – 1989.

Винников А. З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI в.). – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. – 168 с.

Винников А. З., Цыбин М. В. Славянское городище у «Михайловского кордона» на р. Воронеж // Верхнедонской археологический сборник. – Вып. 8. – Липецк: изд-во ЛГПУ, 2017. – С. 81-93.

Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону // МИА. – № 8. – М.-Л., 1948. – 121 с.

Москаленко А. Н. Отчет к открытому листу № 56 на право производства археологических разведок в пределах Воронежской и Липецкой областей в 1962 году // Архив ИА РАН. – 1962. – Р-1. – № 2474. – 103 с.

Москаленко А. Н. Славяне на Дону (боршевская культура). – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1981. – 160 с.

Пряхин А. Д. Отчет об археологических исследованиях на территории Воронежского археологического микрорайона (Воронежская обл.) и о раскопках Лавского городища (Липецкая обл.) в 1994 г. // НА АМБУ. – 1994. – Р-1. – № 200. – 74 с.

Пряхин А. Д., Беседин В. А., Разуваев Ю. Д., Цыбин М. В. Вантит. Изучение микро-региона памятников у северной окраины г. Воронежа. – Выпуск 1. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. – 43 с.

Разуваев Ю. Д. Отчет о разведке по р. Воронеж на северной окраине г. Воронежа в 1995 г. // НА АМБУ. – 1995. – Р-1. – № 129. – 46 с.

Томилин Д. А. Отчет об археологической разведке в центральном районе г. Воронеж на территории государственного природного заказника «Воронежская нагорная дубрава» по правому берегу Воронежского водохранилища в 2018 г. (открытый лист № 447) // НА АМБУ. 2019. – Р-1. – № 317. – 109 с.

Цыбин М. В. Отчет об исследовании Кузнецовского и Лысогорского могильников у северной окраины г. Воронежа. Воронеж, 1997 // НА АМБУ. – 1997. – Р-1. – № 176. – 25 с.

THE SOUTH-EASTERN EDGE OF THE SLAVIC WORLD DURING THE FORMATION OF THE OLD RUSSIAN STATE: HISTORY OF THE STUDY OF MONUMENTS

N. E. Arsenova

Voronezh State University, Voronezh, Russia

The article is devoted to the history of studying the Mikhailovsky cordon settlement and the Lysogorsky burial ground on the Voronezh river. Attention is paid to these two monuments due to the fact that some burial mounds may have been left by the population of the settlement. Both monuments are known from the end of the XIX century.

Keywords: the Slavs, hillfort, burial ground, Borshevskaya archeological culture, Voronezh.

МЕГАЛИТЫ И МОНУМЕНТАЛИЗМ В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ ОСТРОВНОЙ ЧАСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В. А. Соколовский

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В статье будут рассмотрены мегалитические комплексы островной части Юго-Восточной Азии, а именно Гунунг-Паданг, Тугу-Геде и Лоре-Линду. Главной особенностью этих сооружений в регионе является их отличие, как визуальное, так и классификационное, от западноевропейских монументов, что позволяет привести новые данные о появлении монументализма в древних обществах.

Ключевые слова: мегалиты, монументализм, островная часть Юго-Восточной Азии.

Островная часть Юго-Восточной Азии (Island Southeast Asia – ISEA), известная также как Ист-Индия и Малайский архипелаг, занимает территорию современных Индонезии, Филиппин, Восточной Малайзии, Восточного Тимора, Брунея и нескольких мелких архипелагов.

В русскоязычной археологической литературе островная часть Юго-Восточной Азии рассмотрена в работах по первоначальному заселению человеком и неолитизации региона, погребальным традициям. Публикации по мегалитическим комплексам островной части Юго-Восточной Азии пока носят «предварительный характер», но в последнее время основаны не только на обзоре литературы, но и на очном знакомстве в ходе коротких полевых проектов (Табарев, Гаврилина, 2020).

Мегалиты являются одной из самых сложных для интерпретации категорией археологических памятников. Большая часть таких памятников связана с погребальными или поминальными ритуалами, а конструкция мегалитов предполагает должное развитие общества, построившего их (Ренфрю, 1984; Комиссаров, 2011). Л. С. Марсадолов, например, выделяет пять типов мегалитов: от малых (объем 1-5 м³) до «исполинов» (более 30 м³ и 100 т) (Марсадолов, 2016).

Мегалиты островной части Юго-Восточной Азии наиболее ярко представлены на территории Индонезии. Мегалитические комплексы в этом регионе датируются временем от финального неолита до средневековья. Идею того, что мегалитические сооружения в регионе появились в неолите,

предложил Роберт фон Хейне-Гелдерн, обозначив две волны миграций:

1. Неолитическая, с преобладанием менгиров, дольменов, каменных террас – 4500-3500 л. н.

2. В эпоху бронзы и раннего железа с каменными саркофагами, погребальными урнами и гробницами – ок. 2500 л. н. (Heine-Geldern, 1928; Табарев, Гаврилина, 2020).

Один из самых знаменитых мегалитических комплексов региона – Гунунг-Паданг – находится в провинции Западная Ява и впервые был задокументирован Николасом Кромом в 1914 г. Комплекс располагается у подножья потухшего вулкана высотой около 150 м. Но Гунунг-Паданг необычен не только этим: архитектура комплекса впечатлительна и эффектна. Комплекс сформирован из серии 13 террас, из которых только 5 сохранились достаточно хорошо и доступны для посещения. Остатки сооружений представлены лестницами, каменными насыпями, фундаментами, материалом для которых служили четырех-, пяти-, шестигранные блоки из базальта и дацита, сформированные под действием высоких температур (Steimer-Herbet, 2018; Табарев, Гаврилина, 2020). В 2014 г. в ходе раскопок была заложена серия шурфов между разными участками террас, что помогло выявить уголь для проб, которые указали даты в промежутке от 117 до 45 гг. до н.э. (Yondri, 2017). Масштабность комплекса и его месторасположение предполагает строительство в несколько этапов. Архитектурный стиль Гунунг-Паданга, как отмечает Т. Стеймер-Хербет, испытал силь-

ное влияние индийской иконографии, поэтому логично предположить, что комплекс служил местом консолидации местного населения, «исповедующего мегалитические традиции с индуистской общиной», хотя и нет точных сведений об эксплуатации комплекса местным населением (Steimer-Herbet, 2018).

Для соседа Гунунг-Паданга по острову, комплексу Тугу-Геде, характерно использование его местными жителями в анимистических практиках. Вертикально поставленные менгиры высотой 35–40 см (самый крупный из них достигает 4 м в высоту) местное население чтит до сих пор (Steimer-Herbet, 2018). Постоянно действующие ритуалы местного населения затрудняют исследования комплекса, однако, есть предположения, что самые ранние участки Тугу-Геде «могут быть связаны с финалом неолита – началом эпохи палеометалла (около 2500 л. н.) с последующими дополнениями индо-буддистского и мусульманского времени (Табарев, Гаврилина, 2020).

На острове Сулавеси в районе Лоре-Линду располагается одноименный мегалитический комплекс, который часто называют «остров Пасхи в Сулавеси». Комплекс состоит более чем из 400 гранитных мегалитов, 30 из которых являются антропоморфными, но некоторые исследователи склоняются к тому, что статуи антропоморфные, т.к. они напоминают обезьян. Т. Стеймер-Хербет указывает на то, что это предположение ошибочно, т.к. «скульптор сосредоточился на позвоночнике и изобразил их лицом вверх, чтобы передать чрезвычайно рабское отношение» (Steimer-Herbet, 2018). Рядом со статуями встречаются каламбы (*kalamba*) – цилиндрические кувшины, иногда закрытые каменной крышкой (их высота, в среднем, от 0,92 до 1,80 м и диаметр от 0,77 до 2,16 м). Каламбы служили коллективными гробницами, вмещавшими останки минимум 10 человек. В ходе раскопок были обнаружены следы увечий на эксгумированных

зубах и следы кремации костей. Погребения сопровождалось халцедоновыми бусинами, глиняными кувшинами, железными орудиями (копья и топоры), точильным камнем. Поскольку в погребальном инвентаре содержатся предметы престижа, то, вероятно, каламбы предназначались для элиты местного общества. Хотя первое упоминание о комплексе произошло в 1889 г., а в 1977 г. он был классифицирован ЮНЕСКО как мировой биосферный заповедник, археологам до сих пор трудно определить возраст мегалитов Лоре-Линду. В 2006 г. исследования в двух каламбах показали на хронологический диапазон между 766–1272 гг., что совпадает с изменениями климата между VIII и XIII вв., которые привели к засухе и, в дальнейшем, к уходу людей из района Лоре-Линду (Kirleis et al., 2011).

Очевидно, что мегалитические комплексы островной части Юго-Восточной Азии отражают различные культурные традиции местного населения под заметным влиянием сопредельных территорий (Индия и Индокитай). Термин «мегалит», который обычно ассоциируется с каменными западноевропейскими изваяниями, не всегда применим к мегалитам описанного региона. Большая часть памятников «не моно-, а полилитичны, они состоят из десятков, сотен и даже тысяч камней» (Табарев, Гаврилина, 2020). Такая специфика мегалитических комплексов региона, а именно их полилитичность (например, комплекс Гунунг-Паданг), говорит о проявлениях монументализма в древних обществах охотников-собираателей-рыболовов и ранних земледельцев островной части Юго-Восточной Азии.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00010, «Древние культуры островной части Юго-Восточной Азии: происхождение, особенности и региональное значение».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Комиссаров С. А. Мегалитические конструкции и их значение // Сибирь на перекрестке мировых религий. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. – С. 271–273.

Марсадолов Л. С. Сакральная археология и классификация мегалитов // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – №3. – С. 44-62.

Ренфрю К. Социальная археология мегалитических памятников // В мире науки. – 1984. – № 1. – С. 80-91.

Табарев А. В., Гаврилина Т. А. Мегалитические комплексы тропической части тихоокеанского бассейна: Индонезия // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – №1. – С. 152-165.

Heine-Geldern R. Die Megalithen Südostasiens und ihre Bedeutung für die Klärung der Megalithenfrage in Europa und Polynesien // *Anthropos*. 1928. V. XXIII. – P. 276-315.

Kirleis, W., Pillar, V. D. and Behling, H. Humanenvironment interactions in mountain rainforests: archaeobotanical evidence from central Sulawesi, Indonesia. *Veget Hist Archeobot* 20: 165-179.

Steimer-Herbet T. Indonesian Megaliths: A Forgotten Cultural Heritage. – Oxford: Archaeopress. *Archaeology*, 2018. – 104 p.

Yondri L., Hum M. Situs Gunung Padang: kebudayaan, manusia, dan lingkungan. CV. Semiotika, 2017. – 382 p.

MEGALITHS AND MONUMENTALISM IN THE ANCIENT CULTURES OF THE ISLAND SOUTHEAST ASIA

V. A. Sokolovsky

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

The article is devoted to the megalithic complexes of Island Southeast Asia, namely Gunung Padang, Tugu Gede and Lore Lindu. The main feature of these structures in the region is their difference, both visual and classification, from Western European monuments, which allows us to bring new data on the emergence of monumentalism in ancient societies.

Keywords: megaliths, monumentalism, Island Southeast Asia.

Научный руководитель – Табарев Андрей Владимирович, д.и.н., доцент.

ЕЩЕ РАЗ ОБ АРХЕОЛОГИИ В ЖИЗНИ ВОРОНЕЖСКОГО ДВОРЯНИНА А. Д. ЧЕРТКОВА

В. В. Бажина

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Статья посвящена археологической деятельности воронежского помещика А. Д. Черткова. Дана краткая характеристика коллекции древностей и полевых работ.

Ключевые слова: история археологии, А. Д. Чертков, Воронежская губерния.

Имя Александра Дмитриевича Черткова внесено в большинство энциклопедических и справочных изданий дореволюционной, советской и нынешней России и не без оснований. Он был разносторонней личностью: историком, нумизматом, археологом, создателем уникальной библиотеки, почетным членом Русского археологического общества и президентом Императорского общества истории и древностей Российских (Горский, 1905. С. 348).

Александр Дмитриевич Чертков родился 19 июня 1789 г. в Воронеже в родовитой и состоятельной дворянской семье (Фролова, 2007. С. 62). Первоначальное образование получил дома, в совершенстве овладел французским и немецким языками, но, что было тогда редкостью, занимался русским, равно как и отечественной историей. Учителем Александра был Г. П. Успенский, благодаря которому у Черткова уже в юности зародился интерес к родной старине (Формозов, 2007. С. 40). В конце 1807 г. в возрасте 19 лет Чертков переезжает в Петербург и поступает в Министерство внутренних дел. На фоне патриотического подъема он переходит в лейб-гвардии конный полк и участвует в боях 1813–1814 гг. в Европе (Немировский, 1988. С. 46).

В 1822 г. Александр Дмитриевич вышел в отставку, а затем 2 года провел в Западной Европе (Акиншин, Ласунский, 2009. С. 133). Во Флоренции Чертков, тесно общаясь с итальянским священником и ученым Себастьяно Чампи, начинает интересоваться итальянскими древностями (Формозов, 2007. С. 40). Тогда он всерьез увлекся археологией и античной культурой. С 1825 г. Александр Дмитриевич обосновался в Москве, лето проводил в слободе

Ольховатке Острогожского уезда (Фролова, 2007. С. 181), где составил минералогический кабинет, собрал коллекцию бабочек и описывал флору Острогожского уезда (Горский, 1905. С. 347). В 1828 г. началась русско-турецкая война, вследствие чего он вновь поступает на военную службу (Немировский, 1988. С. 48).

По её окончании широко образованный Чертков посвящает себя наукам и административной деятельности. Сначала он, преимущественно, занимался естественными дисциплинами, но постепенно интерес к истории оттеснил биологию и геологию на второй план. В дворянских семьях всегда собирали монеты, но Чертков со свойственным ему научным подходом систематизировал собранную коллекцию. С 1834 по 1842 гг. в нескольких выпусках издавался труд Александра Дмитриевича «Описание русских монет», который заложил основы отечественной нумизматики (Горский, 1905. С. 349).

В 1831 г. умирает его отец, Дмитрий Васильевич Чертков, оставляя в наследство слободу Ольховатка Острогожского уезда Воронежской губернии, куда входили хутора Марченков, Гирлы, Неровновка, Шапошниковка. Кроме этого, Александр получил слободу Дегтярную с хутором Ивановым в Валуйском уезде (Извлечение из описания помещичьих имений, 1860. С. 18).

Помимо монет Александр Дмитриевич коллекционировал древности. В 1825–1844 гг. в Подмоскowie строился канал между Истрой и Сестрой. У села Загорье были обнаружены интересные археологические находки: кости мамонта, два кремневых наконечника стрел и семь бронзовых изделий (топор-кельт и 6 наконечников стрел с шипами и втулками). Лейтенант

Ропп, наблюдавший за ходом работ, доставил артефакты Г. И. Фишеру фон Вальдгейму, который сделал опись в двух изданиях, а затем передал Черткову (Гатцук, 1864б. Стб. 1255-1256). Бронзовые предметы, несомненно, синхронны и относятся к VII в. до н. э. (Формозов, 2007. С. 42).

С 25 февраля 1833 г. Александр Дмитриевич становится действительным членом Московского общества истории и древностей Российских при Московском университете, а в 1848 году избирается его председателем, сменив на этом посту подавшего в отставку графа С. Г. Строганова (Немировский, 1988. С. 51). Чертков опубликовал несколько книг и десятка два статей по истории античного мира, ранних славян и древней Руси. За эти труды в 1842 г. его избрали в Петербургскую Академию наук (Формозов, 2007. С.42).

Чертков стал первым, чьи раскопки подмосковных курганов можно назвать научными. В 1838 г. граф Н. А. Толстой, пожелав расширить свои хозяйственные постройки в имении Верхогрязье под Звенигородом, приказал срыть 5 из 16 насыпей в расположенной там курганной группе (Фролова, 2007. С. 246). Попавшиеся в земле старинные металлические вещи были описаны в «Журнале Министерства внутренних дел» и присланы в Общество истории и древностей Российских (Забелин, 1839. С. 84-90). Осмотрев их, Чертков решил раскопать оставшиеся курганы. Четыре из них удалось изучить уже в сентябре 1838 г. Сообщение о своих исследованиях и сделанных находках Чертков напечатал в третьем томе «Русского исторического

сборника» в 1839 г. Остальные семь курганов подверглись раскопкам в 1845 г., а полный отчет за два полевых сезона увидел свет в Петербурге в «Записках Археологическо-нумизматического общества» на русском и французском языках (Формозов, 2007. С. 43). И к той, и к другой статье приложены гравированные рисунки – первые научные публикации древних предметов из Подмосковья. Полевые работы Александра Дмитриевича можно оценить высоко, так как уже в первой половине XIX в. он делал то, что не всегда делали уже опытные археологи XX в.

Необходимо отметить, что издание статей о результатах деятельности в Подмосковье не ограничило интерес Черткова к археологическим древностям. Это подтверждают обнаруженные при разборе бумаг литографические таблицы с рисунками некоторых артефактов из его коллекции. В 1864 г. в Русском архиве были опубликованы статьи А. А. Гатцука, где он приводит характеристику лишь некоторых находок из коллекции, предполагая, что Александр Дмитриевич не успел подготовить к изданию собранные им древности, так как не было никаких пояснений относительно их происхождения (Гатцук, 1864а. Стб. 1000-1004; Гатцук, 1864б. 1255-1257). Также Гатцук говорит о том, что часть предметов Чертков обнаружил в раскопанных им курганах в селах Дмитровского уезда.

Доподлинно неизвестно, проводились ли раскопки в имениях Александра Черткова в Воронежской губернии, и выяснение этого вопроса мы считаем одной из актуальных проблем нашего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акиншин А. Н., Ласунский О. Г. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Историко-генеалогические очерки с приложением Перечня дворянских родов Воронежской губернии. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2009. – 432 с.

Гатцук А. А. О некоторых древних вещах из Чертковского собрания // Русский архив. – №9. – М.: Типография В. Грачева и Ко, 1864а. – Стб. 1001-1004.

Гатцук А. А. Ещё древние вещи Чертковского собрания // Русский архив. – №11-12. – М.: Типография В. Грачева и Ко, 1864б. – Стб. 1255-1257.

Горский В. Чертков Александр Дмитриевич // Русский биографический словарь. – Т. 22. – Спб.: типография И. Н. Скороходова, 1905. – С. 346-354.

Забелин И. Е. Список и указатель С. XXVI. О древностях, найденных в курганах сельца Верхогрязье, принадлежащего помещику Звенигородского уезда Толстому // Журнал Министерства внутренних дел. – Ч. 33. № 9. – Спб., 1839. – С. 84-90.

Извлечение из описания помещичьих имений. Воронежская губерния // Сведения о помещичьих имениях. – Т. 1. – Спб.: Типография В. Безобразова и комп, 1860. – С. 18-20.

Немировский А. И. Александр Дмитриевич Чертков (опыт научной биографии) // Вопросы истории. – №10. – М.: Российская академия наук, 1988. – С. 44-59.

Формозов А. А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – 184 с.

Фролова М. М. Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858). – М.: Издательство Главвархива Москвы, 2007. – 592 с.

ONCE AGAIN ABOUT ARCHEOLOGY IN THE LIFE OF VORONEZH NOBLEMAN A. D. CHERTKOV

V. V. Bazhina

Voronezh state University, Voronezh, Russia

The article is devoted to the archaeological activity of Voronezh landowner A. D. Chertkov. A brief description of the collection of antiquities and field works is given.

Keywords: history of archaeology, A. D. Chertkov, Voronezh province.

Научный руководитель – Захарова Елена Юрьевна, д.и.н., профессор.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Л. М. САВЁЛОВА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ

Т. В. Бирюкова

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Публикация посвящена археологическим исследованиям Л. М. Савёлова на территории Воронежской губернии в начале XX века. Он принимал активное участие в работе Воронежской ученой архивной комиссии и других обществ при подготовке к XII Археологическому съезду.

Ключевые слова: Л. М. Савёлов, Воронежская губерния, ВУАК, XII Археологический съезд.

Леонид Михайлович Савёлов (1868-1947 гг.) – один из представителей воронежского дворянского рода – в научных кругах хорошо известен как видный генеалог, историк, архивист. В воронежский период жизни (1892-1904), во время пребывания в должности предводителя дворянства Коротоякского уезда, Леонид Михайлович стал интересоваться археологией, причем впоследствии он к этой деятельности не возвращался.

В начале XX в. началась серьезная подготовка к XII Археологическому съезду в Харькове (1902), и это послужило причиной обширного изучения Воронежской губернии в археологическом отношении. Для более детального изучения края, поиска данных и их систематизации было принято решение о создании 23 октября 1900 г. особой подготовительной комиссии при Воронежском губернском статистическом комитете (Замаева, 2005. С. 68). В это же время была организована Воронежская ученая архивная комиссия. Поскольку цели обеих комиссий совпали, они были объединены в одну.

Первое заседание ВУАК состоялось 1 декабря 1900 г., с этого момента началась упорная работа. Одной из задач, поставленных перед Л. М. Савёловым, было составление археологической карты Воронежской губернии. Для ее решения Леонид Михайлович обратился в столичные и местные учреждения с просьбой о предоставлении любого ценного материала (Замаева, 2005. С. 69). Однако мало кто откликнулся для оказания помощи, поэтому при составлении карты возникло много трудностей.

Уже в декабре 1901 г. Л. М. Савёлов предоставил ВУАК результат своих работ –

реферат «Расположение курганов и городищ в Коротоякском уезде», который вошел в основу доклада для XII Археологического съезда. Реферат был дополнен новыми данными после более детального изучения памятников.

На заседании ВУАК 15 мая 1902 г. Леонид Михайлович сообщил о новых результатах исследовательской работы. Им были произведены пробные раскопки Маяцкого городища. В отчете М. П. Трунова, члена ВУАК, сообщается, что Л. М. Савёлов заложил раскоп «в одной неглубокой впадине в северо-западном углу городища». Там было обнаружено много костей животных, черепки и два меловых камня, на одном из которых было высечено животное, похожее на собаку. К сожалению, камни остались незамеченными и были выброшены, но местный мельник сохранил их и впоследствии передал М. П. Трунову (Захарова, Кондратьева, 2011. С. 120-121).

Летом того же года Л. М. Савёловым было вскрыто два кургана около слободы Репьевки. В одном из них был обнаружен небольшой обделанный камень, в другом кургане находок не оказалось (Труды..., 1905. С. 166). Тем же летом был вскрыт курган около села Горки, в ходе раскопок был найден «небольшой камень со следами отделки и с какими-то правильно расположенными зарубками» (Труды..., 1905. С. 165). Отчетов о проведении данных работ составлено не было, но Леонид Михайлович упоминает о результатах раскопок в своем докладе на Археологическом съезде.

23 августа 1902 г. Л. М. Савёлов выступил на Харьковском съезде с докладом

«Коротоякский уезд Воронежской губернии в археологическом отношении». Исследователь перечисляет количество и местонахождение археологических памятников, расположенных, в основном, вдоль рек. В докладе имеются сведения о 12 городищах, 4 майданах и о более чем 630 курганах. Большинство курганов Леонид Михайлович называет «сторожевыми», аргументируя это тем, что они находились на возвышенности, и «служили прекрасными обзорными пунктами» (Труды..., 1902. С. 115).

Л. М. Савёлов сообщает о находке 86 курганов вблизи Борщево, на горе «Городище». Эти памятники он не характеризует как сторожевые в силу их многочисленности, к тому же при их распашке крестьянам попадались человеческие кости и что-то вроде чугунных пуль. Леонид Михайлович отметил Голышевское городище со следами укреплений в виде 3 рядов валов, по народному преданию на этом памятнике были найдены серебряные монеты треугольной формы (Труды..., 1905. С. 161). Также упоминаются городище около села Сторожевое, где были найдены железная доска и железные пули; курган в урочище Городище, около которого тянется полукруглым валом, что свидетельствует о существовании укрепления в древности (Труды..., 1902. С. 118-119). Это лишь некоторые примеры археологических памятников, отмеченных Л. М. Савёловым.

Большую ценность представляет карта Коротоякского уезда. На карту при помощи принятых в то время среди специалистов условных знаков были нанесены только археологические объекты: курганы (более 630), городища (12), майданы (3), валы, сторожи, колодези, пещеры, могилы, места находок каменных, бронзовых, железных и гончарных предметов, человеческих и мамонтовых костей, монет (Бессуднов, 2016. С. 78). Она была вместе с рефератом опубликована в «Трудах съезда». Карта содержала множество недостатков, поскольку Леонид Михайлович не имел большого опыта и познаний в сфере археологии, тем не менее, его работа была высоко оценена участниками. Это является признанием заслуг Л. М. Савёлова, так как не все работы выступающих на съезде были опубликованы.

Леонид Михайлович придавал большое значение вопросу об охране и сохранении археологического наследия. В докладе он называет множество «разрытых» курганов, которые пострадали от рук кладоискателей, многие были распаханы, поэтому ученый призывает профессиональных археологов к детальному изучению памятников.

Материалы, собранные и опубликованные Л. М. Савёловым, являются ценным источником для исследователей археологических памятников воронежского края и в наши дни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бессуднов А. Н. Об археологических занятиях Л. М. Савёлова // *Filo Ariadne*. – 2016. – № 2. URL: filoariadne.esrae.ru/4-42 (дата обращения: 10.11.2020).

Замаева Е. В. Л. М. Савёлов и археологические исследования в Воронежской губернии начала XX века // *Исторические записки*. Вып. 11. – Воронеж, 2005. – С. 67-74.

Захарова Е. Ю., Кондратьева С. К. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) // *Труды музея-заповедника «Дивногорье»*. Вып. 2. – Воронеж: Кварта, 2011. – 216 с.

Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902 / Ред. П. С. Уварова. – Т. 1. – М., 1905. – IV, 771 с.

Труды Воронежской ученой архивной комиссии. – Вып. 1. – Воронеж: Типолитография Губернского Правления, 1902. – 150, 229, LXVIII с.

**L. M. SAVELOV's ACTIVITY ON THE ARCHAEOLOGICAL STUDY
OF THE VORONEZH PROVINCE**

T. V. Biryukova

Voronezh state University, Voronezh, Russia

The article is devoted to the archaeological research of L. M. Savelov on the territory of the Voronezh province at the beginning of the XX century. He took an active part in the work of the Voronezh scientific archive Commission, as well as other organizations to prepare for the XII Archaeological Congress.

Keywords: L. M. Savelov, Voronezh province, VUAK, XII Archaeological Congress.

Научный руководитель – Захарова Елена Юрьевна, д.и.н., профессор.

ГОЧЕВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК В МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЙ К. П. СОСНОВСКОГО

А. Ю. Кононович

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

Материалы Гочевского могильника – это сложный комплекс, включающий многообразные традиции погребального обряда и разнообразный инвентарь древнерусской культуры конца X–XII вв. Цель данной работы – публикация письма К. П. Сосновского, в котором сформулирована гипотеза о происхождении народности, оставившей Гочевский курганный могильник.

Ключевые слова: Гочевский археологический комплекс, курганный могильник, К. П. Сосновский.

Константин Петрович Сосновский, курский чиновник и археолог-любитель, в 1909 г. становится членом Курской Губернской ученой архивной комиссии, главного в то время учреждения, способствующего развитию краеведения и археологии края.

Главный вклад Сосновского в изучение данной территории – это составленный им план памятников по течению р. Псёл. План выполнен с большой аккуратностью и возможной точностью (Сосновский, 1911. С. 299–320). Результаты его экспедиции по важности для археологии региона того времени можно сравнить лишь с работой В. Г. Ляскоронского, выполненной для памятников, расположенных вдоль течения р. Псёл и Ворсклы, но в Полтавской области (Ляскоронский, 1907. С. 158–198).

К. П. Сосновский опубликовал лишь малую часть своих исследований (Щавелёв, 1994. С. 56–57). Однако, по оставшейся переписке исследователя с профессором Д. Я. Самоквасовым и членом ИАК А. А. Спицыным, можно осветить ряд исследований и археологических работ, предпринятых К. П. Сосновским в Курской губернии (Щавелёв, 2016. С. 330–336; РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 116. Л. 2–3).

В 1909 г. К. П. Сосновский сопровождает Д. Я. Самоквасова в поездке по памятникам Курской губернии, на которых впоследствии Константин Петрович провел раскопки на высоком для того времени методическом уровне, о чем свидетельствуют описание его работ в письмах (Щавелёв, 2016. С. 330–336). Таковы, например, памятники Шмырёво, Пены, Чернецкое городище.

Непосредственное участие К. П. Сосновский принимал в раскопках Гочевских курганов под руководством Д. Я. Самоквасова. Помимо раскопок К. П. Сосновского остро интересовал вопрос о происхождении народности, расселившейся по Пслу. В письме от 16 мая 1911 г. к Д. Я. Самоквасову, К. П. Сосновский пишет: «если не будет найдена северская летопись, то исключительно археологическим путем должен быть разрешен этот вопрос (*происхождения народности – А. К.*)» (Щавелёв, 2016. С. 336).

Целью данной работы является публикация письма К. П. Сосновского, в котором сформулирована гипотеза, отличающаяся от других известных точек зрения на происхождение народности, оставившей Гочевский курганный могильник.

Из письма К. П. Сосновского к А. А. Спицыну (*Орфография-пунктуация и стиль автора сохранены – А. К.*):

«1. Наиболее интереснымъ является определение народности, жившей по р. Пслу, начиная от Обоянского и кончая Гадячским уездомъ, и оставившей городища съ сопровождающими ихъ курганниками, въ которыхъ мы встречаемъ однообразный обрядъ погребенія и одинаковый инвентарь. Городища эти следующие: Белогорское и Миропольское в Суджанском уезде (Самоквасов. Могилы Рус.Зем., стр. 212 и 216), Гочевское въ Обоянскомъ уезде (Дневникъ раскопок у Вас долженъ быть; прилагаю к этому письму таблицы, которая подготавливаю къ изданію дневника покойного Самоквасова) и Броварскій въ Гадячскомъ уезде (2 вып., XX

т., Труд. Моск. А.Общ. Хвойко). Затем раскопки Самоквасова в г. Глинске Роменского уезда на р. Суле (М.Р.З. стр. 218) указывают, что эта народность жила не только на Псле, но распространилась и в стороне от этой реки.

Если сравнивать инвентарь и обряд погребений этих курганников с теми, которые описаны Вами и Еременко в Записках Рус.Ар.Общ. (Труд. Отд. Р. и Сл. Ар., т.1), то невольно обращает внимание на поразительное их сходство и задаешь себе вопрос, не имеем ли мы здесь дело с Радимичами? Гочевские раскопки указывают на небольшую примесь Северян с основной народностью, южнее же по Псле, повидимому, Северяне не жили; такъговорять, по крайней мере, Суджанскія и Броварскія раскопки.

Вопрос, какъ видите, интересный, и разрешение его обещает осветить многие темные стороны летописной истории: область расселения Радимичей и Северян, определение народности, выселившейся в 1117 году в Русь «придоша Беловежцы в Русь» и можетъ быть определена положением г. Белойвежи.

Из Истории Северянской Земли Багалея пытается определить и положение Белой вежи и народность (стр. 22 и 127), но я не могу сказать, чтобы ему это удалось. Дело в том, что в походе 1149 года Юрия Долгорукого на Переяславль положение Старой Беловежи определяется довольно ясно, когда Вы читаете летопись с картой в руках: по ходу передвижения войск Юрия этот городъ надо искать в наших городищах на Псле, с другой стороны, называть Северянами Беловежцев еще рано, так как, по видимому, на Псле и Суле их не было, а жили здесь какая то другая народность (вероятнее всего – Радимичи).

В этом изыскании Багалея ценнее всего указание, куда перешли Беловежцы. Но я полагаю, что в Ваших руках находится возможность проверки этой теории Багалея. Для этого нужно сделать раскопки около селений Белемеш и 2-го Беловежъ на юге Черниговской губ. В верховьях р. Остра. Если при этом же эти раскопки дадут совпадения инвентаря и обряда погребений с раскопками на Псле, то определится и положение г. Беловежи.

Заслуживает внимания следующий факт: городища по Псле расположены на берегахъ, где мель выступает толстым пластомъ на поверхность. Следовательно, слово «беловежцы» можно читать и так: жители городов, расположенных на белыхъ берегахъ, или жители «белых городов».

Если Вы признаете выдвигаемый мною вопрос заслуживающим внимания и разрешите его поставить в первую очередь, то начинающему археологу нужно начать с Гочевского городища. Хотя Самоквасов в 1909 году и вскрыл здесь 283 кургана, но это лишь ничтожная часть того, что здесь иметься (по минимальному подсчету их около 3500), и если проводить раскопки планомерно, то можно встретить такие погребения, которые заставят придти к другим выводам. К тому же с раскопкой этого могильника нужно спешить, так как крестьяне ходатайствуют о разрешении распахать землю подъ курстарником, в котором находится наиболее сохранявшаяся часть курганика.» (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1912 г. Д. 116. Л. 2-3).

Таким образом, главный тезис, выдвигаемый К. П. Сосновским, заключается в том, что Гочевский могильник оставили радимичи, населявшие данную территорию, однако, по характерному инвентарю присутствует северянский след, хотя сами северяне южнее уже не жили. Местное население – радимичи, а пришлое – северяне, и появились северяне, возможно, из древнерусского на тот момент города Белая Вежа.

Материалы Гочевского могильника рассматриваются как сложный комплекс, включающий многообразные традиции погребального обряда и разнообразный инвентарь, что, в целом, отражает становление и развитие древнерусской культуры конца X-XII вв. В дальнейшем нам предстоит проверить данную гипотезу К.П. Сосновского, т.к. в Гочевском могильнике действительно присутствуют многокомпонентный погребальный обряд и инвентарь.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-49-460002 «Гочевский курганный могильник. Материалы исследований 1909-2016 годов в архивных и музейных собраниях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сосновский К. П. Городища и курганы в бассейне верхнего течения реки Псла в пределах Обоянского уезда Курской губернии // Труды Курской Губернской ученой архивной комиссии. – Вып. 1. – Курск, 1911. – С. 299-320.

Ляскоронский В. Г. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы по течению рек Псла и Ворсклы // Тр. XIII АС. Т. 1, 1907. – С. 158-198.

Щавелёв С. П. К. П. Сосновский и его археологические работы в Посеймье // Проблемы раннеславянской и древнерусской археологии Посеймья. – Белополье, 1994. – С. 56-57.

Щавелёв С. П. Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911). – М.: Флинта, 2016. – 506 с.

THE GOCHESKY BURIAL MOUND GROUP AS PRESENTED IN THE RESEARCH OF K. P. SOSNOVSKY

A. Yu. Kononovich

State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia

The archaeological material from the Gochevsky burial ground demonstrates diverse burial rite traditions, and also includes many artifacts that illustrate the Ancient Rus culture over the period from the end of the 10th to the 12th centuries. The purpose of this study is the publication of K. P. Sosnovsky's letter, in which he offered a hypothesis about the origin of the culture which constructed the Gochevsky burial mound complex.

Keywords: Gochevsky archaeological complex; burial mounds group; K. P. Sosnovsky.

О ВКЛАДЕ С. Д. НЕЧАЕВА В СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

В. С. Чекрыжова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия*

В статье рассматривается и оценивается вклад данковского помещика С. Д. Нечаева в сохранение историко-культурного наследия России. Работа касается самого раннего определения места Куликовской битвы, увековечивания значимого исторического события, сбора статистики уральских заводов, информации о пермском старообрядчестве.

Ключевые слова: С. Д. Нечаев, Куликово поле, Куликовская битва, историко-культурное наследие.

Степан Дмитриевич Нечаев – патриот и общественный деятель XIX в., известен как историк и археолог-любитель, популяризатор народного образования и просвещения, живо интересующийся проблемами литературы и истории, активно занимающийся благотворительностью и меценатством. Степан Дмитриевич родился 18 июля 1792 г. в семье состоятельного помещика в с. Сторожевая Слобода Данковского уезда Рязанской губернии, получил прекрасное домашнее образование, позволившее продолжить учёбу в Московском университете и поступить на государственную службу, довольно успешную в будущем.

Тульский публицист И. В. Грачёва отмечала, что С. Д. Нечаев обладал редким даром объединять людей для служения общественному благу, был строг к себе, невысоко ценил свои литературные таланты, не стремился к известности и больше всего уважал практическую общественную пользу (Грачёва, 2005; Грачёва, 2009). По этому же поводу С. Л. Мухина сообщает: «Когда он был при смерти, выяснилось, что его не на что будет хоронить», так как всё своё состояние он истратил на благотворительную деятельность и на приобретение предметов искусства (Мухина, 1995. С. 104).

С 1819 г. С. Д. Нечаев был членом Союза благоденствия, московской масонской ложи «Ищущих манн», которая служила прикрытием декабристских организаций (Список братьев масонов..., 1999. С. 72). Он избежал ареста и наказания благодаря осторожности и покровительству графа

А. Г. Строганова, оценившего умного и деятельного помещика.

Степан Дмитриевич радел за сохранение ИКН России, и посвятил этому всю жизнь. Он был членом университетского Общества любителей российской словесности, действительным членом Общества истории и древностей российских, а с 1838-1839 гг. – его вице-президентом, при этом активно изучал летописи, публиковал статьи и всячески привлекал внимание специалистов и общества к месту, на котором, предположительно, произошло Куликовское сражение – одна из самых значимых битв в истории России.

С. Д. Нечаев был наследным владельцем земель у нижнего течения Непрядвы, селца Куликовка (Шаховское), которое являлось одним из многих населенных пунктов подобного названия, расположенных на Куликовом поле (Азбелев, 2014. С. 146). Он продолжил дело отца и многие годы создавал первый в мире музей Куликовской битвы.

С. Д. Нечаев вспоминал идею возведения памятника на месте освободительной битвы: «Нынешний г. Губернатор, Граф Владимир Фёдорович Васильев, первый предложил мысль о сооружении приличного памятника Дмитрию Донскому на самом месте знаменитой победы его над Мамаем на славном поле Куликов, лежащем за реками Доном и Непрядвою в Епифанском уезде нашей губернии... Известный наш художник И. П. Мартос трудится теперь над проектом сего драгоценного для всех русских монумента» (Нечаев, 1820. С. 149).

Под будущий памятник С. Д. Нечаев провел сбор народных средств и сам пожертвовал основную сумму (Ломов, 2013. С. 24). В одной статье он пишет следующее: «Если благодарное потомство, благоговей к принесённой здесь жертве за свободу отечества, почитит достойным памятником столь знаменитое место; то можно полагать за верное, что одна из сих высот избрана будет пьедесталом для сей святыни» (Нечаев, 1821. С. 128). В 1850 г. на Красном холме была открыта созданная по проекту архитектора А. П. Брюллова памятная колонна в честь победы русского войска. Помимо этого Нечаев выступил инициатором сбора средств на постройку храма в этом месте, но не смог довести дело при жизни.

В 1823 г. С. Д. Нечаев в Вестнике Европы представляет ко вниманию археологические находки из окрестностей Куликова поля: кресты, стрелы, секиры-бердыши и пр. Эти и все последующие артефакты, приобретаемые у крестьян, старьевщиков и антикваров, он хранил в археологическом домашнем музее своего имения Сторожева – первом в России музее в память о величайшей освободительной битве. Одну из находок – толстое серебряное кольцо – Степан Дмитриевич подарил А. Бестужеву-Марлинскому, другую – оружие прошлого – ко дню рождения сына В. К. Александра Николаевича Николая (Клоков, 2015. С. 110). С. Д. Нечаева по праву называют первым исследователем Куликова поля, его ископаемой истории, определения самого места сражения и сохранения исторического наследия.

Помимо деятельности, связанной с полем, С. Д. Нечаев внёс большой вклад в изучение старообрядчества. Он с интересом собирал рукописи, образцы старообрядческой поэзии и другие фольклорные материалы, создавал планы исследования о расколах. В 1827 г. была опубликована «Записка о сектах, существующих в Пермской губернии», в которой были затронуты три

религиозных течения: «поповщина», «беспоповщина» и скопчество; причины появления, разумные способы борьбы с явлением. Подобного исследования уральского старообрядчества и сектантства до С. Д. Нечаева не производилось (Шкерин, 2006).

Степан Дмитриевич посетил все важнейшие заводы страны, изучал «Краткое описание следственных дел о перекрещенцах по Нижнетагильским и Гороблагодатским заводам», собирал историко-статистические сведения уральских горных заводов и уделял внимание не только производству, но и нраву, образу жизни рабочих и местных жителей (Мухина, 2018).

При последующем изучении находок С. Д. Нечаева и проведении раскопок на Куликовом поле, правильность выбранного места грандиозной битвы встала под вопросом, что мельком можно заметить и в словах самого Степана Дмитриевича (Нечаев, 1825. С. 380-381). С. Н. Азбелев, автор новейшей научно аргументированной версии о месте Куликовской битвы, и некоторые другие исследователи предполагают, что район событий следует переместить на 40-50 км западнее от принятого. Однако деятельность С. Д. Нечаева в сохранении ИКН России нельзя недооценивать. Пусть его исследования имели любительский характер, тем не менее, они заложили определённую базу для создания музея-заповедника Куликово поле и сопутствующих памятников, храмов и монументов, началу профессионального изучения летописного поля, поиска места сражения и относящихся к нему археологических памятников.

Умер С. Д. Нечаев 17 сентября 1860 г. в своем имении в селе Сторожевая Слобода (сейчас с. Полибино Данковского района), похоронен в Московском Новодевичьем монастыре. Несмотря на отсутствие записей и в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, и в Советской энциклопедии, память об этом человеке и его достижениях продолжает жить и бережно храниться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азбелев С. Н. К вопросу о месте и дате Куликовской битвы (историографические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – № 3(57). – М., 2014. – С. 145-151. [Электронный ресурс] // Объединенный каталог «Пресса России» – URL: <https://www.pressa-ru.ru/rucont/edition/13431/> (дата обращения 02.07.2020)

- Грачёва И. В. Декабрист во главе Синода // Нева. – № 10. – СПб., 2005. – С. 227-231.
- Грачёва И. В. «Путь трудной чести и добра...» (Жизнь и творчество С. Д. Нечаева). Т. 19. – Рязань: Узорочье, 2009. – 94 с. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Refdb.ru – URL: <https://refdb.ru/look/1940464.html> (дата обращения 02.07.2020)
- Клоков А. Ю. Усадьба в селе Полибино Данковского района. Усадьбы Липецкого края. – Липецк, 2015. – С. 97-118.
- Ломов В. М. 100 великих меценатов и филантропов [Электронный ресурс] // Библиотека книг KodGes.ru, 2006-2020. – М.: Вече, 2013. – URL: https://www.kodges.ru/static/read_90320_1_53.html (дата обращения 02.07.2020)
- Мухина С. Л. Три поколения ценителей русского искусства // Записки краеведческого общества. – Вып. 1. – Липецк, 1995. – С. 103-105.
- Мухина С. Л. Современник декабристов С. Д. Нечаев [Электронный ресурс] // Астана: Цифровая библиотека Казахстана (BIBLIO.KZ). – Дата обновления: 01.06.2018. – URL: <https://biblio.kz/m/articles/view/СОВРЕМЕННИК-ДЕКАБРИСТОВ-С-Д-НЕЧАЕВ> (дата обращения: 07.07.2020)
- Нечаев С. Д. Письмо из Тулы // Вестник Европы. – № 22. – М., 1820. – С. 140-150.
- Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. – № 14. – М., 1821. – С. 125-129.
- Нечаев С. Д. Отечественные известия // Московский телеграф. – Ч. 1. № 4. – М., 1825. – С. 377-381.
- Список братьев масонов, составляющих ложу Ищущих Манны в Москве 1822 год // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.). – М., 1999. – Вып. IX. – С. 72-73.
- Шкерин В. А. «Драгоценные заблуждения»: декабрист С. Д. Нечаев о старообрядчестве и сектантстве [Электронный ресурс] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – М., 2006. – №1 (5). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dragotsennye-zabluzhdeniya-dekabrist-s-d-nechaev-o-staroobryadchestve-i-sektantstve> (дата обращения: 08.07.2020).

ON THE CONTRIBUTION OF S.D. NECHAEV TO THE PRESERVATION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA

V. S. Chekryzhova

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenova-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia

The article examines and evaluates the contribution of the Dankovsky landowner S. D. Nechaev to the preservation of the historical and cultural heritage of Russia. The work concerns the earliest determination of the place of the The Battle of Kulikovo, the perpetuation of a significant historical event, the collection of statistics from the Ural factories, information about the Perm Old Believers.

Keywords: S. D. Nechaev, Kulikovo field, The Battle of Kulikovo, historical and cultural heritage.

Научный руководитель – Бессуднов Александр Николаевич, к.и.н., доцент.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИИМК В РАБОТЕ КОМИССИИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ АН СССР

А. А. Кудрявцев, С. А. Володин

Институт археологии РАН, Москва, Россия

В декабре 1941 г. оставшиеся в столице сотрудники Московского отделения ИИМК начали участвовать в работе Комиссии по истории Великой Отечественной войны. В рамках ее задач они занимались археологическими наблюдениями и фиксацией разрушений архитектурных памятников, что обеспечило работу Института в сложных условиях военного времени.

Ключевые слова: Институт истории материальной культуры, Комиссия И. И. Минца, Чрезвычайная государственная комиссия, история археологии.

В первые месяцы Великой Отечественной войны работа Московского отделения Института истории материальной культуры АН СССР (МО ИИМК), как и большинства других академических учреждений, была нарушена и приостановлена. Часть сотрудников оказалась на фронте, включая заведующего С. П. Толстова, другие – в эвакуации. Вести привычную научную деятельность стало практически невозможно. К осени 1941 г. ситуация только ухудшилась, фактически прервалась связь с головным отделением в Ленинграде. Тогда же была проведена частичная эвакуация института в Ташкент.

Тем не менее, функционирование МО ИИМК не прекращалось даже в самый сложный период (октябрь – ноябрь 1941 г.). Небольшой коллектив из пяти научных сотрудников, оставшийся в Москве, смог обеспечить работу учреждения как с административной, так и с юридической стороны (Платонова, 1991. С. 52-53).

Это было обусловлено тем, что археологи МО ИИМК нашли применение своей работе в условиях военного времени. С «целью принятия охранных мер» они регулярно выезжали в прифронтовые районы Подмосковья для обследования археологических памятников, поврежденных в ходе прокладки окопов и блиндажей, проводили археологические наблюдения в самой столице и ее окрестностях, осмотрели Сетунское, Лыткаринское, Дьяковское городища. Позже они посетили Звенигород и Дмитров (Пассек,

1943. С. 123; Киселев, 1943. С. 60-62). Полевыми работами археологи не ограничивались. В личном фонде Т. С. Пассек хранится проект приказа «по строительству оборонительных сооружений Московской области» для военнослужащих, который должен был регламентировать их действия в случае обнаружения археологических комплексов. В документе также указывалась необходимость содействия сотрудникам ИИМК при их изысканиях «как на самих оборонительных рубежах, так и в зоне их строительства» (Архив ИА РАН. Ф. 11. Д. 76. Л. 1-2).

В декабре 1941 г. сотрудники МО ИИМК примкнули к работе Комиссии по составлению хроники событий обороны Москвы АН СССР, организованной И. И. Минцем. В дальнейшем она получили название Комиссии по истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее – Комиссия).

Она была создана 10 декабря 1941 г., но первые документы, связанные с участием в ней археологов, датируются уже 11 декабря. Письмо директору ИИМК М. И. Артамонову с сообщением о начале работы в Комиссии Е. И. Горюновой, В. Н. Чернецова, С. В. Киселева и Т. С. Пассек датируется 18 декабря 1941 г. (Карпюк, 2019. С. 173; Платонова, 1991. С. 53-54).

Может показаться, что археологическая тематика не соответствовала целям Комиссии, занимавшейся сбором и систематизацией материалов по истории войны. Однако, вопрос полноценного участия в

ней археологов решался на уровне Президиума АН СССР (Вклад историков..., 2015. С. 57). Вероятно, свою роль здесь сыграли как инициативы уполномоченного МО ИИМК В. Н. Чернецова и ученого секретаря Т. С. Пассек, так и стремление И. И. Минца придать Комиссии максимально широкий охват.

Опубликован тематический план работы археологов МО ИИМК для Комиссии на 1942 г., в который были включены археологические наблюдения и участие в организации выставок (Карпюк, 2019. С. 174). В личном фонде С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой хранятся документы, дневники и фотографии, связанные с их деятельностью в Комиссии (Архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 69; 129, 179). Среди них – справка С. В. Киселева от 5 января 1942 г., подписанная В. Н. Чернецовым и И. И. Минцом, в которой указаны его темы исследований для Комиссии: «археологическое изучение древних памятников на территории Москвы в связи с земляными работами и собирание древних предметов, найденных на этих работах; музеи и выставки Москвы в дни Отечественной войны» (Архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 129. Л. 178).

В рамках Комиссии сотрудники МО ИИМК стали выезжать в освобожденные города Московской области для фиксации разрушений. Начало этому было положено самим И. И. Минцем, посетившим в конце декабря 1941 г. разгромленную Ясную Поляну (Вклад историков..., 2015. С. 78).

В январе 1942 г. археологи посетили Можайск, где были осмотрены Лужецкий монастырь, Никольский собор, повреждения мемориальных памятников Бородинского поля. Сохранилось командировочное удостоверение С. В. Киселева от 19 января 1942 г. в Истру, где указана цель поездки: «установление разрушений и ущерба, нанесенного немецким захватчикам монастырю и музею «Новый Иерусалим» (Архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 129. Л. 179). На фотографиях из этой по-

ездки представлены взорванный Воскресенский собор, разрушения в самой Истре (Архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 69).

Той же зимой 1942 г. отряд археологов под руководством А. П. Смирнова обследовал Волоколамск и Иосифо-Волоцкий монастырь, посетив разграбленные усадьбы Гончаровых и Чернышевых в с. Ярополец. Помимо составления актов А. П. Смирнов и Л. А. Евтюхова публиковали результаты осмотра разрушений Новоиерусалимского и Иосифо-Волоцкого монастырей в газетах («На боевом посту», «Московский большевик», «Вечерняя Москва»), подробно информируя об их истории и архитектуре, а также утратах, понесенных в период оккупации.

Однако, с весны 1942 г. поездки археологов прекращаются. Деятельность Комиссии целиком сосредоточилась на хронике войны. Работа сотрудников МО ИИМК продолжилась в рамках работы Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), образованной в ноябре 1942 г. Она отличалась большими масштабом и задачами – археологи составляли списки памятников, инструкции о принципе оценки разрушений. В 1944 г. было организовано восемь экспедиций с целью фиксации утрат культурного наследия (Итоги и перспективы..., 1945. С. 143-158).

Участие в Комиссии И. И. Минца позволило сотрудникам МО ИИМК поддерживать работу Института в условиях зимы 1941/1942 гг. и послужило базой для полноценного участия в ЧГК в 1943–1944 гг. В сложных условиях им удалось перестроить свою работу и на уровне Президиума АН СССР и органов государственной власти доказать значение археологической науки. Это является ярким примером инициативы советских ученых в годы Великой Отечественной войны.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Минобрнауки России МК-1429.2019.6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / отв. ред. С. В. Журавлёв – М.; СПб., Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 383 с.

Карпюк С. Г. Московское отделение ИИМК, лето 1941 – зима 1941/1942 гг. // РА. – № 2. – М., 2019. – С. 167-177.

Киселёв С. В. Два военных года советской археологии // ВАН. – № 9-10. – М., 1943. – С. 56-62.

Итоги и перспективы развития советской археологии (Материалы для делегатов Всесоюзного археологического совещания) / Под общ. ред. акад. В. П. Потёмкина – М., 1945. – 195 с.

Пассек Т. С. Московское отделение Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра в дни Великой Отечественной войны // ВАН. – № 6. – М., 1943. – С. 122-125.

Платонова Н. И. Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Археология и социальный прогресс – Вып. 1 – М.: ИА РАН, 1991. – С. 45-78.

ACTIVITIES OF THE MOSCOW DEPARTMENT ИИМК EMPLOYEES IN THE FRAMEWORK OF THE COMMISSION ON THE GREAT PATRIOTIC WAR HISTORY

A. A. Kudryavtsev, S. A. Volodin

Institute of archaeology RAS, Moscow, Russia

In December 1941 Moscow departments ИИМК employees, who remained in the capital, began to participate in the work of the Commission on the Great Patriotic War History. As part of its tasks, they were engaged in archaeological observations and fixing the destruction of architectural monuments, which ensured the work of the Institute in difficult wartime conditions.

Keywords: Institute for the History of Material Culture, Commission of I.I. Mints, Extraordinary State Commission, History of Archeology.

РОЛЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ДИВНОГОРЬЯ

Ю. Н. Городцова

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

В данном исследовании прослеживается роль Императорской археологической комиссии в изучении памятников Дивногорья, среди которых в первую очередь выделяется Маяцкий археологический комплекс. В работе Комиссии выделяется два направления: публикация отдельных находок и проведение полевых научных изысканий профессиональными археологами.

Ключевые слова: Императорская археологическая комиссия, А. А. Спицын, Н. Е. Макаренко, Дивногорье, Маяцкий археологический комплекс.

Четвертая Международная научная конференция «АРХЕОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ» посвящена 80-летию профессора А. З. Винникова, чья работа неразрывно связана с исследованиями, которые проводились на территории Дивногорья. В первую очередь мы говорим об изучении Маяцкого археологического комплекса, памятника раннего Средневековья (IX-X вв.), привлекавшего внимание профессиональных археологов и в дореволюционный период – среди них были и представители Императорской археологической комиссии (далее – ИАК). Обобщающий анализ роли деятельности ИАК в археологии Центрального Черноземья России уже предпринимался со стороны Е. Ю. Захаровой (Захарова, 2014. С. 33-37). Ряд важных и интересных источников из рукописного архива Института истории материальной культуры РАН был опубликован в монографии Е. Ю. Захаровой и С. К. Кондратьевой (Захарова, Кондратьева, 2011).

Е. Ю. Захарова в своей статье обосновывает два этапа работы ИАК в отношении древностей Центрального Черноземья: 1859-1886 гг., когда основными направлениями были контролирование процесса обнаружения случайных находок и привлечение к сотрудничеству губернских статистических комитетов, и второй этап (1886-1917 гг.), включающий планомерное изучение памятников указанной выше территории – Дивногорье не осталось в стороне (Захарова, 2014. С. 33).

В частности, в 1890 г. из Воронежского губернского статистического комитета от имени губернатора (от 28 февраля

1890 г. № 50) в ИАК поступают кувшин и два серебряных кольца с камушками (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 1 об.). Рисунки предметов с соответствующим описанием было принято опубликовать в «Отчете ИАК» (Б. Частные приношения и случайные находки, 1893. С. 117, рис. 67, 68), а сами вещи были переданы на хранение в Императорский Российский исторический музей. Сейчас они помещены в экспозицию Государственного исторического музея. К случайным находкам, чьи изображения были помещены А. А. Спицыным в Отчет ИАК, относятся и обнаруженные крестьянином В. Боковым близ Дивногорского монастыря «медный топор с опущенным обухом и медный наконечник копья» (Отдел II. Случайные находки и приобретения, 1904. С. 125, рис. 209, 210). Последние были переданы Л. М. Савёлову, а затем направлены в Комиссию с дальнейшим возвращением в Воронежский музей. Рисунки этих предметов были опубликованы С. Н. Замятинным, связывающим их с эпохой бронзы (Замятин, 1922. С. 14, рис. 5).

Целенаправленные исследования непосредственно членами Археологической комиссии начинаются с инициативы известного отечественного археолога Александра Андреевича Спицына, лично посетившего Дивногорье в 1906 г. (с 18 августа по 1 сентября). Археологические памятники Воронежской губернии попадают в сферу интересов А. А. Спицына в середине 90-х гг. XIX в. в связи с подготовкой к печати сведений о городищах и курганах, собранных, но не проанализированных

Д. Я. Самоквасовым. Информация о памятниках Дивногорья помещена в раздел древностей Лысянской волости Острогожского уезда (Спицын, 1896б. С. 291-292). В этом же издании опубликована обобщающая работа Александра Андреевича, посвященная древностям Воронежской губернии, где уделяется внимание и дивногорской тематике (Спицын, 1896а. С. 132-140). Приезд А. А. Спицына в Дивногорье был вызван необходимостью определения размеров Маяцкого городища, что археолог и сделал. Впоследствии в своей статье «Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца» он оставил подробное описание памятника и сделал вывод о том, что Маяцкое городище представляет собой «остатки монастырька с церковью, пещерным храмом и кладбищем» (Спицын, 1909. С. 78-79), что, как известно, не подтвердилось археологическими раскопками в дальнейшем.

Независимо от полевых исследований Воронежской ученой архивной комиссии в 1908 г. и 1909 г. раскопки на Маяцком комплексе по поручению А. А. Спицына проводил его ученик из Санкт-Петербурга, Николай Емельянович Макаренко. Результаты проведенных за время командировок работ были изложены в Отчетах ИАК (7. Воронежская губерния, 1912. С. 163-165; 16. Воронежская губерния, 1913. С. 189-190) и в отдельном труде (Макаренко, 1911). Первая поездка в Дивногорье включала снятие плана городища и его подробное описание (Макаренко, 1911. С. 7-9); была раскопана юго-восточная стена в средней ее части, частично изучена цитадель и внешняя часть восточного угла крепости (Макаренко, 1911. С. 12-20). Второй полевой сезон был связан с изучением части стены у ворот,

внутренней и внешней стены у южного угла; закладкой траншеи на площади городища для определения состава и толщины культурного слоя и изучением двух впадин на площади городища и десяти впадин, расположенных за пределами крепости на поле, примыкающем к городищу с восточной стороны; велся учет находок камней с рисунками, надписями и отдельными знаками (Макаренко, 1911. С. 20-42). Часть археологической коллекции с дивногорских памятников поступила в Эрмитаж (Захарова, Кондратьева, 2011. С. 144). В дальнейшем Н. Е. Макаренко к анализу полученных материалов не обращался, однако его результаты, зафиксированные для начала XX века должным образом, в течение полувека стали основополагающими для ученых, занимающихся проблемами салтово-маяцкой культуры на Среднем Дону. Со временем актуальной стала необходимость продолжения работ на этом памятнике. С. А. Плетневой, Г. Е. Афанасьевым, А. З. Винниковым и другими археологами Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции (1975-1982) было произведено дополнительное изучение объектов, раскопанных Николаем Емельяновичем, что уточнило и полученные ранее данные.

В целом, вклад ИАК в изучение памятников Дивногорья может быть охарактеризован следующим образом: во-первых, сбор и публикация информации о случайных находках на данной территории, во-вторых, командирование профессиональных археологов для проведения полевых исследований, результаты которых вплоть до 70-х гг. XX века определяли представления о салтово-маяцкой культуре на Среднем Дону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1909 и 1910 годы. – СПб., 1913. – С. 189-190.

Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1908 год. – СПб., 1912. – С. 163-165.

Б. Частные приношения и случайные находки // Отчет ИАК за 1890 год. – СПб., 1893. – С. 111-125.

Замятин С. Н. Очерки по доистории Воронежского края (каменный и бронзовый век в Воронежской губернии). – Воронеж: типография 1 отделение автономного управления, 1922. – 16 с.

Захарова Е. Ю. Роль Императорской Археологической Комиссии в археологии Центрального Черноземья России // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – №1. – Воронеж, 2014. – С. 33-37.

Захарова Е. Ю., Кондратьева С. К. Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) // Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 2. – Воронеж: Кварта, 2011. – 216 с.

Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907-1909 годов // Известия ИАК. – Вып. 43. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1911 – 130 с.

Об открытии старинного судна и подземных ходов в Воронежской губ. // РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. 35 л.

Отдел II. Случайные находки и приобретения // Отчет ИАК за 1902 г. – СПб., 1904. – С. 120-145.

Спицын А. А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении: III. Воронежская губ. // Записки Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 1-2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. – СПб., 1896а. – С. 132-140.

Спицын А. А. Сведения 1873 года о городищах и курганах: Воронежская губ. // Записки Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 1-2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. – СПб., 1896б. – С. 286-306.

Спицын А. А. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XIX. – СПб., 1909. – С. 67-79.

ROLE OF THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION IN THE STUDY OF DIVNOGORIYE MONUMENTS

Y. N. Gorodtsova

Voronezh State University, Voronezh, Russia

This study traces the role of the Imperial archaeological Commission in studying the monuments of Divnogorie, among which the Mayatsk archaeological complex stands out in the first place. The commission's work is divided into two areas: publishing individual findings and conducting field research by professional archaeologist.

Keywords: Imperial archaeological commission, A. A. Spitsyn, N. E. Makarenko, Divnogorie, Mayatsk archaeological complex.

Научный руководитель – Захарова Елена Юрьевна, д.и.н., профессор.

ДРЕВНОСТИ КОСТЁНОК В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВОРОНЕЖСКИХ КРАЕВЕДОВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Р. В. Пахомов

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

Данная публикация посвящена работам представителей Воронежского губернского статистического комитета, проводивших исследования археологических памятников в с. Костёнки Воронежской губернии в последние десятилетия XIX в. В результате были получены новые материалы каменного и бронзового веков, а также дополнительные сведения по истории изучения памятников на этой территории.

Ключевые слова: Костёнки, Воронежский губернский статистический комитет, кости мамонта, кремневые наконечники стрел.

Исследования И. С. Полякова (1879) и А. И. Кельсиева (1881) в с. Костёнки Воронежской губернии привели к началу изучения памятников эпохи каменного века на Дону (Платонова, 2010. С. 137). Несмотря на то, что к концу 1880-х гг. интерес к каменному веку в нашей стране стал постепенно угасать (Платонова, 2010. С. 147), костяковские древности продолжали привлекать внимание исследователей, в том числе представителей Воронежского губернского статистического комитета, работам которых и посвящена данная публикация.

22 сентября 1884 г. секретарем Воронежского статистического комитета стал состоявший на службе в Воронежском губернском правлении Л. Б. Вейнберг, обративший на себя особое внимание как талантливый и деятельный сотрудник неофициальной части Воронежских губернских ведомостей, где он с 1882 г. поместил целый ряд статей и заметок по разным отделам: историко-статистическому, сельскохозяйственному, медицинскому (Воскресенский, 1893. С. 48). Им были организованы не только издания исторических трудов, но и поездки краеведов по уездам Воронежской губернии для археологических исследований (Захарова, 2006. С. 73). Последние затронули и территорию Костёнок.

В 1888-1889 гг. древностями Воронежского края заинтересовалось Московское археологическое общество. По его поручению под руководством Л. Б. Вейнберга комитетом были проведены работы по учету данных об археологических памятни-

ках и отдельных находках. В итоге были собраны сведения, положившие начало воронежской статистике по археологии края (Зверев, 1893. С. 163). В указанной статье приведены данные об археологических находках, обнаруженных в период с 1863 по 1893 гг., и история формирования коллекций губернского музея (Зверев, 1893. С. 163-164). При характеристике находок из с. Костёнки С. Е. Зверев описывает два интересных эпизода: в 1888 г. при раскопках кургана у села были обнаружены в большом количестве кремневые наконечники стрел (Зверев, 1893. С. 164); тогда же в поле крестьян с. Костёнки при раскопках двух курганов оказались выявлены человеческие кости с бронзовыми украшениями, браслет, серьги и около костей – глиняная посуда в поврежденном состоянии (в виде корчажек и черепков) (Зверев, 1893. С. 165). Как можно заметить, здесь приведено не так много сведений, но они указывают на тот факт, что исследования на территории Костёнок продолжались, причем оказались выявлены находки не только каменного, но и бронзового веков.

В 1890 г. Московское археологическое общество поручило Л. Б. Вейнбергу выяснить значение городища на Дивьих горах и исследовать течение Дона для установления местонахождения Червлёного Яра (Поташкина, 2004. С. 138). Совершая поездку вместе с писателем, краеведом и членом Воронежского губернского статистического комитета Е. Л. Марковым, он по дороге в Дивногорье посетил и с. Костёнки,

проведя осмотр его памятников (Поташкина, 2004. С. 140). В итоге оказались изучены как курганы эпохи бронзы, так и каменные изделия. Более подробная информация, касающаяся изучения костенковских памятников данными исследователями, представлена в сообщении Е. Л. Маркова (Марков, 1891. С. 72-90). В 1890 г. под руководством его и Л. Б. Вейнберга были осуществлены раскопки старых ям в нескольких дворах. В результате оказались обнаружены несколько мамонтовых костей в раздробленном состоянии. Некоторые из них выявлялись в избах. Помимо этого, в местах большого скопления костей находились и кремневые орудия. Спустя несколько дней после пребывания Е. Л. Маркова и Л. Б. Вейнберга в Костёнках волостной старшина прислал в Воронеж отлично сохранившийся зуб мамонта с частью челюсти, куски бивней. Собранные находки дали возможность предположить первому, что «костенковская уютная долина, окруженная высокими лесистыми холмами, спереди широкою скатертью реки, – служила в доисторические времена местом долговременной оседлости какого-нибудь племени каменного века, а кости мамонтов – остатки его пирований» (Марков, 1891. С. 81). За 11 лет до этого сходные позиции выдвигал и И. С. Поляков. Так, в своей работе «Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию» он отмечал: «...человек

жил вместе с мамонтом, составлявшим для него господствующую пищу; кости мамонта, найденные около пепелищ, суть действительные кухонные остатки первобытного человека» (Поляков, 1880. С. 29). Помимо указанных сведений, касающихся каменного века, Е. Л. Марков упоминает курганы эпохи бронзы, расположенные в окрестностях Костёнок по правому берегу Дона, такие как Становой и Гремячий (Марков, 1891. С. 86-87). Вместе с археологическими материалами, он привнес ценную информацию по истории изучения территории Костёнок. Так, именно Е. Л. Марков упоминает Миллера и Вебера, как одних из первых, кто обратил внимание на костенковские кости (Марков, 1891. С. 77), а также легенду о звере Индере (Марков, 1891. С. 82). Кроме того, им были приведены сведения и по истории города Костёнска (Марков, 1891. С. 82-84).

Таким образом, в последние десятилетия XIX в. интерес к костенковским древностям демонстрировали представители Воронежского губернского статистического комитета, что нашло отражение в работах Е. Л. Маркова и С. Е. Зверева. Хотя исследования носили краткосрочный и точечный характер, благодаря им были получены и новые материалы, и дополнена история изучения данной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воскресенский Н. В. Исторический обзор деятельности Воронежского Губернского Статистического Комитета // Памятная книжка Воронежской губернии 1893 года. – Воронеж: Воронежский Губернский Статистический Комитет, 1893. – С. 1-84.

Захарова Е. Ю. Археология в деятельности Воронежского губернского статистического комитета // Вестник ВГУ, серия: история, политология, социология. – Вып. 1. – Воронеж, 2006. – С. 71-75.

Зверев С. Е. Воронежские древности (Статистические данные о находках древних каменных и бронзовых изделий в Воронежской губернии с 1863 по 1893 года) // Памятная книжка Воронежской губернии 1893 года. – Воронеж: Воронежский Губернский Статистический Комитет, 1893. – С. 161-167.

Марков Е. Л. Древний город Костёнск // Русский вестник. – Т. 217. Вып. № 12. – Воронеж, 1891. – С. 72-90.

Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2010. – 316 с.

Поляков И. С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию, исполненная по поручению Императорской Академии наук. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1880. – 81 с.

Поташкина Н. А. Л. Б. Вейнберг и археологические экскурсии 1888-1890 гг. // Из истории Воронежского края: сборник статей. – Вып. 12. – Воронеж, 2004. – С. 134-144.

**KOSTENKI'S ANTIQUITIES IN THE VORONEZH LOCAL HISTORIAN'S STUDIES
(MID-TO-LATE XIX CENTURY)**

R. V. Pahomov

Voronezh State University, Voronezh, Russia

Present publication is dedicated to the works of the Voronezh regional statistical comitee's representatives that conducted researches of the archeological Kostenki's monuments in last decennary of nineteenth century. As a result, new materials of the Stone and Bronze Ages in company with the additional facts about history of monument's study on this territory were received.

Keywords: Kostenki, Voronezh regional statistical comitee, mammoth's bones, flint head.

Научный руководитель – Захарова Елена Юрьевна, д.и.н., профессор.

ДРЕВНОСТИ САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ НА ВСЕРОССИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЪЕЗДАХ

О. К. Сухова

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия*

Исследование направлено на изучение печатных изданий Всероссийских Археологических съездов во второй половине XIX – начале XX вв. Выявлены и перечислены публикации докладов об археологических и письменных памятниках Самарской и Симбирской губ., представленные на I, IV, VII, XII, XIII АС.

Ключевые слова: Самара, Симбирск, Всероссийские Археологические съезды.

С 1869 по 1911 гг. Московским Археологическим обществом (МАО) в разных городах Российской империи были организованы пятнадцать Всероссийских Археологических съездов (АС). Шестнадцатый съезд, подготовленный в Пскове в 1914 г., не состоялся.

В работе АС принимали участие выдающиеся отечественные археологи, историки, архивисты, искусствоведы и представители других научных направлений. На заседаниях секций съездов участниками велось обсуждение не только прочитанных докладов, но и вопросов решения актуальных проблем науки.

Количество участников АС в среднем превышало триста человек. По итогам Съездов издавались «Труды», альбомы с рисунками находок, каталоги выставок и др. (Серых, 2014. С. 11, 164).

Ни Самара, ни Симбирск не принимали у себя АС, но доклады об археологических и письменных памятниках губерний были представлены на некоторых из них, а отдельные артефакты экспонировались на выставках Съездов.

В первом томе «Трудов» I АС, состоявшегося в Москве в 1869 г., напечатано сообщение этнографа П. И. Мельникова о курганах Симбирской, Нижегородской и Казанской губерний (Мельников, 1871. С. 159-162). Автор приводит легенды, которыми местные жители объясняли существование курганов, или маров. По свидетельству крестьян «...в разрытых марях ни денег, ни каких-либо сокровищ не находили, что нечистая сила, оберегающая клады, обыкновенно обращала их в угли и

глиняные черепки, а иногда и кости» (Мельников, 1871. С. 161).

На I АС прозвучал доклад К. И. Невоструева «О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств», в котором упоминаются городища на Самарской Луке, Симбирское, Арбухимское, Кудеярово, три Ундорских городища и др. К докладу прилагается карта городищ «Волжско-Болгарского и Казанского царств». Работа Невоструева, изданная в трудах Съезда, стала первым серьезным исследованием по археологии Поволжья (Невоструев, 1871).

На Археологических съездах представители Самары и Симбирска появляются только через 8 лет на IV АС, проходившем в Казани в 1877 г.

Инспектор Симбирской классической гимназии И. Я. Христофоров прочел доклад о старинных рукописях Симбирской Карамзинской библиотеки и документах из архива управляющего Симбирской удельной конторой А. Ф. Белокрысенко. Документы полезны для изучения истории Симбирского края; некоторые акты касаются приграничных уездов Казанской, Нижегородской и Пензенской губерний. Два хронографа из Карамзинской библиотеки были привезены докладчиком на АС (Христофоров, 1891. С. 27-42).

Приват-доцент при кафедре русского права Казанского университета Н. П. Загоскин прочел реферат о рассмотренном им по поручению Предварительного Комитета IV АС собрании актов князя В. И. Баюшева из Симбирска. Собрание, состоящее из 346 актов XVII-XVIII вв., представляет важный

юридический материал по истории края, куда входят: Нижний Новгород, Казань, Симбирск и Пенза (Протоколы..., 1884, С. LI-LIII).

Членами IV АС из Симбирска числились: князь В. И. Баюшев, А. Ф. Белокрысенко, В. Н. Поливанов, С. Н. Теселкен, И. Я. Яковлев.

Заочно участие в Съезде принял управляющий Самарской палатой государственных имуществ П. В. Алабин, который лично на Съезде присутствовать не мог, поскольку в апреле 1877 г. выехал из Самары на театр военных действий русско-турецкой войны. Реферат П. В. Алабина «О древностях Самарского края» был зачитан на заседании отделения древностей первобытных 13 августа 1877 г. киевским делегатом В. Л. Беренштамом, о чем свидетельствуют протоколы заседаний Съезда. В докладе перечислены известные автору археологические памятники и случайные находки, сделанные в Самарской губернии со второй половины XIX в. П. В. Алабин прислал на съезд 11 предметов из Кинельского могильника (Алабин, 1884. С. 121-127; Протоколы..., 1884. С. С-СІ; Серых, 2004. С. 151).

Председатель МАО П. С. Уварова в своей публикации о музеях России в «Трудах» VII АС, проходившего в Ярославле в 1887 г., отмечает следующее: 1) как и во многих городах, в Самаре и Симбирске при губернских статистических комитетах музеев не учреждались; 2) при Самарском реальном училище хранилась коллекция предметов палеонтологии, геодезии и геологии. Кроме того, автор положительно отзывается о каталоге Самарского Публичного музея, присланном П. В. Алабиным (Уварова, 1891. С. 262, 268, 323).

В ходе работы съезда в Ярославле свой доклад «Следы курганной старины в Симбирской губ.» представил археолог В. Н. Поливанов. На археологическую выставку Съезда исследователь привез

находки из кургана «Провальный Шишок» близ д. Валуевки и литой медный сосуд из Сенгилеевского уезда. Заметка о происхождении артефакта и его фототипия опубликованы в «Трудах» Съезда вместе с докладом (Поливанов, 1890. С. 35-39; Указатель..., 1887. С. 72, 100).

С 1895 г. Симбирская губернская ученая архивная комиссия (СГУАК) под председательством В. Н. Поливанова составляет археологическую карту Симбирской губ. Расходы на издание археологической карты изначально взял на себя предварительный комитет XI АС в Киеве (1899), которому В. Н. Поливанов посвятил свой труд, но «этого не состоялось». В 1900 г. СГУАК решила напечатать карту на собственные средства и посвятить работу уже XII Археологическому съезду в Харькове (1902) (Поливанов, 1900).

На Харьковском съезде В. Н. Поливанов принимал участие с «Очерком казацкой колонизации в Симбирском Поволжье», где затронул вопрос развития русской колонизации XVI–XVII вв. (Поливанов, 1905. С. 24-29).

На XIII АС в Екатеринославле (1905) прозвучал доклад преподавателя Екатеринославской духовной семинарии В. А. Беднова «Краткие сведения об архиве Самарского пустынно-Никольского монастыря» (Беднов, 1908. С. 174-184).

Подводя итог, отметим, что активная деятельность Археологических съездов слабо затронула Самаро-Симбирское Поволжье. Ключевыми фигурами, выступившими с докладами об археологических древностях, стали В. Н. Поливанов и П. В. Алабин. Остальные делегаты сообщали о письменных памятниках старины.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-40115 (Древности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алабин П. В. Нам известные остатки древности в Самарском крае // Труды IV АС в Казани. 1877. – Т. I. – Казань: Тип. Императорского университета, 1884. – С. 121-127.

Беднов В. А. Краткие сведения об архиве Самарского пустынно-Никольского монастыря // Труды XIII АС в Екатеринославле. 1905. – Т. II. – М.: Тов. тип. А. И. Мамонтова, 1908. – С. 174-184.

Мельников П. И. Мары или курганы в губерниях Симбирской, Нижегородской и Казанской // Труды I АС в Москве. 1869. – Т. I. – М.: Синодальная тип., 1871. – С. 159-162.

Невоструев К. И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств // Труды I АС в Москве. 1869. – Т. II. – М.: Синодальная тип., 1871. – С. 521-571.

Поливанов В. Н. Следы курганной старины в Симбирской губернии // Труды VII АС в Ярославле. 1887. – Т. I. – М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1890. – С. 35-39.

Поливанов В. Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-литография А. Т. Токарева, 1900. – 71 с.

Поливанов В. Н. Очерк казацкой колонизации в Симбирском Поволжье // Труды XII АС в Харькове. 1902. – Т. II. – М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1905. – С. 24-29.

Протоколы заседаний съезда // Труды IV АС в Казани. 1877. – Т. I. – Казань: Типография Императорского Университета, 1884. – С. XXXII-CXXXVII.

Серых Д. В. Новые документы об археологической и музейной деятельности П. В. Алабина // Самарский край в истории России: Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 180-летию со дня рождения П. В. Алабина. – Вып. 2. – Самара: Типография ООО «Глагол», 2004. – С. 151-169.

Серых Д. В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв.: монография. – Казань, 2014. – 188 с.

Уварова П. С. Областные музеи // Труды VII АС в Ярославле. 1887. – Т. II. – М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1891. – С. 259-323.

Указатель выставки при VII АС. Ярославль: Типо-литография Г. В. Фальк, 1887. – [2], 136, 15 с.

Христофоров И. Я. О старинных рукописях в Симбирской Карамзинской библиотеке // Труды IV АС в Казани. 1877. – Т. II. – Казань: Тип. Императорского Университета, 1891. – С. 27-42.

ANTIQUITIES OF THE SAMARA AND SIMBIRSK PROVINCES AT ALL-RUSSIAN ARCHAEOLOGICAL CONGRESSES

O. K. Sukhova

Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russia

The research is aimed at studying a compilation following the results of all-Russian Archaeological congresses in the second half of the XIX-early XX centuries. Publications of reports on archaeological and written monuments of the Samara and Simbirsk provinces presented at the I, IV, VII, XII and XIII congresses are identified and listed.

Keywords: Samara; Simbirsk, Russian Archaeological Congresses.

Научный руководитель – Серых Данила Витальевич, к.и.н.

ДОБРАЧНЫЕ ПОЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЮЖНОРУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Д. В. Осташова

*Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия*

Рассматривается проблема добрачных половых отношений южнорусского населения в пореформенный период. Анализируются реакция общества на потерю девственности и рождение внебрачных детей.

Ключевые слова: южнорусское население, добрачные половые отношения, XIX – XX вв.

Добрачные половые отношения – важный аспект культуры народа и показатель строгости уклада жизни. В историографии существует две абсолютно противоположные позиции по поводу возможности подобного рода отношений. Согласно первой, половые отношения до брака находились под строгим табу. Запрет охранялся не только боязнью наказания, но и пониманием самого человека, что табуированное действие омерзительно. Так, М. М. Громыко отмечает, что в основе нравственности сельской русской молодежи лежало понятие о грехе, которое препятствовало вседозволенности в добрачных половых отношениях (Громыко, 1991. С. 252). С другой стороны, в ряде этнографических работ говорится о наличии добрачных половых отношений, которые, отчасти, считались в русской деревне даже нормой. Так, З. З. Мухина полагает, что половые отношения до брака играли важную роль в жизни молодежи (Мухина, 2010. С. 67).

Изучение такой интимной сферы жизни, как добрачные половые связи, встречает значительное количество сложностей. К сожалению, мы обладаем незначительным спектром источников для решения этой проблемы применительно к южнорусскому населению. Среди них ярко выделяется «Этнографическое бюро» князя В. Н. Тенишева и работа О. П. Семёновой-Тян-Шанской «Жизнь Ивана». Сразу отметим, что в произведении «Жизнь Ивана» заметно некоторое пренебрежительное, «дворянское» отношение к крестьянской жизни.

Одним из главных моментов знакомства молодёжи друг с другом являлись ве-

черные гуляния, которые в разных местностях имели разное название: улицы, вечерницы, посиделки, вечерки и др. В Тульской губернии, в Шульгинской волости, на посиделки собирались исключительно девушки, а встречи с парнями происходили на улице (Тенишев, 2008. С. 415). «В Воронежской губернии вечерницы устраиваются молодежью обоего пола, преимущественно в осенние вечера, в хате одинокой старухи» (Пушкарева, 2004. С. 95). Сначала собирались девушки, пели песни, вели разговоры на свои темы. Как только появлялись парни, начинались игры. В Одоевском уезде Тульской губернии «никаких особых вольностей парни с девушками не позволяют» (Тенишев, 2008. С. 437). Встречается информация, что была и некоторая распушенность: в Калужской губернии в Жиздринском уезде «на ночлежках забеременела от 15-летнего малого девка» (Тенишев, 2005. С. 202).

О. П. Семёнова-Тян-Шанская отмечает, что на улицах «поют песни, пьют, едят, пляшут, играют в карты (дурачки) и в игры монахи, соседи, казачки и т.п. Все эти игры сводятся к поцелуям». Автор отмечает, что чем «неприличнее» ведет себя девушка, тем большим успехом она пользуется (Семёнова-Тян-Шанская, 1914. С. 45). Относительно легкости нравов молодежи Семёнова-Тян-Шанская пишет, что ей способствует хождение парней в чужие деревни и ухаживание за другими девушками (Семёнова-Тян-Шанская, 1914. С. 41). Поэтому в Шульгинской волости Тульской губернии к парням из других деревень было враждебное отношение (Тенишев, 2008. С. 415).

Данные «Этнографического бюро» противоречивы. В Одоевском уезде Тульской губернии потеря девственности была редким случаем и приравнивалась к греху и преступлению (Тенишев, 2008. С. 437). Наоборот, информатор Калужского уезда сообщает, что большая часть ухаживаний в итоге сводилась к половым отношениям. Отмечается, что «слишком мало найдется девушек, которые бы оставались девственными в 18-20 лет» (Тенишев, 2005. С. 307). В Мещовском уезде Калужской губернии девушки не только любят слушать «сальности», но и часто сами говорят их; хватание за любые части тела не считается чем-то ужасным («от этого не полиняешь»), «даже поспать с парнем не считается ни за что» (Тенишев, 2005. С. 556).

Реакция общества на потерю невинности была неоднозначной. В Жиздринском уезде Калужской губернии обычай доказательства девственности не был распространен. Однако, если узнавали о безнравственности девушки, то это ложилось позором на всю ее семью, а ее соблазнителя абсолютно никто не осуждал (Тенишев, 2005. С. 168). В Мещовском уезде Калужской губернии о таких девушках выражались так: «без дна», «замарала свой хвост» и др. (Тенишев, 2005. С. 556). Подруги могли отвернуться от бесчестной, парни начинали вести себя вольно с такими девушками, могли изнасиловать. Были возможны избиения, но в дальнейшем «на потерю невинности мало обращают внимание» (Тенишев, 2005. С. 556). Можно сделать вывод, что отношение местных к этому вопросу смягчилось. В Одоевском уезде Тульской губернии в

случае, если узнают о нечистоте невесты, «ей подставляется утром после брачной ночи скамья о 3 ножках» (Тенишев, 2008. С. 437). В Стрелецкой волости девственности также придавалось большое значение, были случаи отказа женихов от своих невест после первой брачной ночи. Аргумент был следующий: «не целка» (Тенишев, 2008. С. 454).

Были случаи рождения детей до брака. По данным О. П. Семёновой-Тян-Шанской, процент незаконных рождений у незамужних невелик в сравнении с «нечестными» девушками (Семёнова-Тян-Шанская, 1914. С. 57). За 4 года было 2 случая детоубийств. В Мещовском уезде Калужской губернии большинство внебрачных детей умирало в раннем детстве т.к. «беременные девушки не берегутся» (Тенишев, 2005. С. 558). По данным Калужской и Тульской губерний, отец вообще не имеет никакого отношения к ребенку. Если же мать решает заботиться о своем чаде, то вырастая, он получает обидные прозвища: «самохотенок» или по имени матери (например, «Матрёныч»). Родственники незаконнорождённого ребенка смотрят «как на незаконного участника в доме» (Тенишев, 2005. С. 558-559).

Таким образом, добрачные половые отношения в южнорусских губерниях в пореформенный период существовали: где-то они были распространены в большей степени, где-то в меньшей. В отдельных уездах, при сохранении старого уклада жизни, наблюдается отчасти снисходительное отношение к поведению молодёжи и потери целомудрия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Громыко М. М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 269 с.
- Мухина З. З. «Девка на поре, не удержишь на дворе...» (о девичьей чести в крестьянской среде центральной России во второй половине XIX – начале XX вв.) // Женщина в российском обществе. – №3. – Иваново, 2010. – С. 58-68.
- Пушкарёва Н. Л. «А се грехи злые, смертные...»: русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX – начала XX века. – М.: Ладомир, 2004. – 705 с.
- Семёнова-Тян-Шанская О. П. Жизнь Ивана. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1914. – 136 с.
- Тенишев В. Н. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. т. 3. Калужская губерния. – СПб.: Деловая полиграфия, 2005. – 647 с.

Тенишев В. Н. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. – СПб.: Деловая полиграфия, 2008. – 599 с.

SEXUAL RELATIONS BEFORE MARRIAGE AMONG THE RURAL SOUTH RUSSIAN POPULATION IN THE PERIOD AFTER REFORMS

D. V. Ostashova

LGPU them. P. P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia

The problem of sexual relations before marriage among the southern Russian population in the period after the reforms is considered. The reaction of society to the loss of virginity and the birth of illegitimate children is analyzed.

Keywords: South Russian population, premarital sexual relations, XIX – XX centuries.

Научный руководитель – Земцов Григорий Леонидович, к.и.н., доцент.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ ЮЖНОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

А. Ю. Леснухин

*Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семёнова-Тян-Шанского, Липецк, Россия*

В данной работе устанавливаются истоки, последовательность и преемственность в истории исследования демонологических верований южнорусского населения на материале как локального, так и общезтнографического свойств.

Ключевые слова: южные русские, этнография, демонология, история исследования.

Этнографические исследования в России начались ещё в XVIII в., прежде всего, путешественниками-натуралистами, которые преследовали, главным образом, естественнонаучный интерес. Тем не менее, уже в XIX в. изучение этнографии и демонологии, в частности, возрастает. Учёные опираются на фольклор, диалектологию и прочие науки, помогающие систематизировать знания о духовной жизни народа (Зеленин, 1991. С. 10).

Ввиду отсутствия в России XIX в. кафедр русской этнографии в университетах, научные этнографические исследования сосредотачивались, главным образом, в учёных обществах. Среди них следует отметить Этнографическое отделение Русского Географического Общества, организовавшее в том числе и экспедицию О. П. Семёновой-Тян-Шанской 1903 г. с целью сбора этнографической информации на территории Рязанской, Московской, Тамбовской, Орловской, Воронежской и Тульской губерний (Зеленин, 1991. С. 11).

Позднее, по материалам экспедиции О. П. Семёнова-Тян-Шанская написала книгу «Жизнь «Ивана»: очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний», отражающую, в частности, демонологические представления южнорусского населения (Семёнова-Тян-Шанская, 2010. С. 61, 119, 158).

В 1848 г. Русское Географическое Общество опубликовало этнографическую программу и опросные листы, предлагающие желающим присылать в общество описания и материалы. Помимо прочего, программа предполагала сбор информации и демонологического свойства и была

разослана по губерниям, в том числе, и по южнорусским. Программа имела большое значение, ежегодно поступало более сотни ответов, которые позже были преобразованы в этнографические монографии и сборники материалов. Часть ответов была опубликована в журнале Русского Географического Общества «Этнографический сборник» (Зеленин, 1991. С. 12).

Говоря о результатах деятельности общества в изучении непосредственно демонологических представлений южнорусского населения, стоит так же отметить статьи «Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной» А. И. Трунова и «Очерк верований крестьян Елатомского уезда Тамбовской губернии» А. П. Звонкова (Цит. по: Зеленин, 1991. С. 425).

Заслуживает особого внимания работа В. И. Даля «О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа», публиковавшаяся в 1845-1846 гг. в виде статей в журнале «Иллюстрация». Они содержат классификацию поверий по разрядам и описание ряда демонологических персонажей на материале этнографических опросников, рассылавшихся по Центральной России. Однако наиболее монументальным трудом данного периода является «Нечистая, неведомая и крестная сила» С. В. Максимова 1903 г. издания, включающее в себя масштабное исследование демонологических представлений населения центральной России. Труд включает в себя описание демонов дома и двора, заложных покойников, колдунов, ведьм и прочих (Зеленин, 1991. С. 26; Максимов, 1903. С. 3-193).

На следующем этапе развития этнографических исследований, прежде всего,

следует отметить Д. К. Зеленина, известного, прежде всего, «Востоочнославянской этнографией», обобщающим трудом по русской народной культуре, впервые опубликованным в 1927 г. Монография содержит главу о народных верованиях, среди которых упоминаются и южнорусские (Зеленин, 1991. С. 410-426).

Не менее важен в контексте освещаемой темы его труд «Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки», содержащий очень подробное описание погребального обряда заложных покойников и демонов, с ними связанных (Зеленин, 1995. С. 88-288).

Из современных исследований по данной теме следует выделить две работы В. И. Дынина: «Русская демонология: опыт выделения локальных вариантов» (Воронеж, 1993) и «Когда расцветает папоротник» (Воронеж, 1999), которые наиболее интересны в контексте исследования непосредственно южнорусских демонологических представлений.

Работа «Когда расцветает папоротник» предлагает классификацию демонов по месту их обитания, содержит обширную главу с подробным описанием как самих духов, так и обрядов, с ними связанных (Дынин, 1999. С. 210-256).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дынин В. И. Когда расцветает папоротник. Народные верования и обряды южнорусского крестьянства XIX-XX веков. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 210 с.

Зеленин Д. К. Востоочнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.

Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила, – Спб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 526 с.

Семёнова-Тян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана». Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний, – М.: Ломоносовъ, 2010. – 192 с.

THE HISTORY OF STUDYING DEMONOLOGICAL BELIEFS OF THE SOUTH RUSSIAN POPULATION

A. Y. Lesnukhin

Lipetsk State Pedagogical University. P. P. Semenova-Tyan-Shanski, Lipetsk, Russia

This work establishes the origins, consistency and continuity in the history of the study of demonological beliefs of the South Russian population on the basis of both local and general ethnographic properties.

Keywords: southern Russians, ethnography, demonology, research history.

Научный руководитель – Бессуднов Александр Николаевич, к.и.н., доцент.

Ю. В. КНОРОЗОВ И ЕГО ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ МАЙЯ

Е. С. Поляков

*Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, Россия*

В публикации повествуется о нелёгком жизненном пути основателя советской школы майянистики Ю. В. Кнорозова, который, несмотря на все испытания судьбы, добился главного – сумел прославить себя и советскую науку на весь мир. Особый акцент при этом делается на дешифровке древних письменностей индейцев майя и то, как это способствовало изучению цивилизации Мезоамериканского региона.

Ключевые слова: Ю. В. Кнорозов, майя, Мезоамерика, дешифровка, фонетическое письмо.

История человечества хранит много загадок. И те, что связаны с индейцами майя, стоят в этом ряду, пожалуй, среди первых. Майя хранят много тайн, начиная от тайны своего происхождения и заканчивая тайной гибели великой цивилизации.

Человек так устроен, что неизведанное всегда манит его. Индейцы майя в этом отношении не являются исключением. Науке известно немало специалистов, изучающих древних майя: их называют майянистами. Наиболее крупные из них представлены американцем Сильванусом Морли, мексиканцем Альберто Русом Луилье, датчанином Франсом Бломом и др. Эти люди, несомненно, много сделали для изучения доколумбовой цивилизации Мезоамерики. Однако немалый вклад в изучение цивилизации майя внесли как советские, так и российские учёные.

В данной публикации мы поговорим лишь об одном, но, без сомнения, очень знаковом человеке, который сделал, как казалось, невозможное – дешифровал иероглифическую письменность майя. Это – Юрий Валентинович Кнорозов.

Ю. В. Кнорозов родился 19 ноября (хотя сам он всегда утверждал, что рождён 31 августа) 1922 г. в посёлке Южном, недалеко от Харькова в семье русских интеллигентов Кнорозовых Валентина Дмитриевича и Александры Сергеевны, урожденной Макаровой (Кнорозов, 2018).

Не затрагивая тему детства и школьных лет будущего основателя советской школы майянистики, перейдём к его сту-

денческим годам. В 1939 г. Юрий Валентинович поступает на исторический факультет Харьковского государственного университета им. А. М. Горького, учёбу в котором прервала Великая Отечественная война. В страшные годы войны будущий ученый оказался на оккупированной территории, и это обстоятельство сыграло отрицательную роль в его дальнейшей судьбе. Сначала для него закрылись двери аспирантуры, а затем надолго была исключена возможность выезда за рубеж (Ершова, 2004. С. 477).

Лишь в октябре 1943 г. Ю. В. Кнорозов продолжает обучение, поступив на 2 курс исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, окончил который в 1948 г.

Во время учёбы в университете молодой этнолог мало интересовался вопросами, связанными с индейцами майя. Всё меняется после неудачной попытки поступления в аспирантуру и переезда Юрия Валентиновича в Ленинград – город, где когда-то встретились его родители, а вскоре и для него он станет местом научных увлечений, прославивших никому не известного учёного на весь мир.

Но было бы преувеличением утверждать, что только магия культурной столицы сыграла ключевую роль в выборе дальнейшего пути молодого учёного. Ещё в 1945 г. Ю. В. Кнорозов внимательно прочитал статью немецкого исследователя Пауля Шельхаса «Дешифровка письма майя – неразрешимая проблема». Скорее всего,

именно тогда юный ученый и принял вызов. Неспроста девизом его жизни были слова: «То, что создано одним человеческим умом не может не быть разгадано другим» (Цит. по: Ершова, 2004. С. 479).

Чтобы дать объективную оценку проделанной Ю. В. Кнорозовым работе, о которой в дальнейшем пойдет речь, изначально следует обратиться к истории расшифровки языка древней цивилизации Мезоамерики.

Первые попытки дешифровки относятся к середине XIX в., когда в библиотеках Европы были обнаружены три сохранившихся рукописи майя и издание францисканского монаха Диего де Ланды «Сообщение о делах в Юкатане» (Кнорозов, 1955).

Однако за десятилетия исследований учёные всего мира не смогли даже точно определить характер письма майя. Верно выдвинутая французской лингвистической школой идея фонетического письма, была вскоре отвергнута, а вместо нее выдвинут тезис об идеографическом характере письменности майя, что делало дальнейшую дешифровку невозможной. Дошло до того, что после открытия немецким учёным Эрнстом Фёрстеманом календарно-астрономического характера значительного числа знаков в древних рукописях, под изучением иероглифов майя стало пониматься исключительно изучение календаря (Кнорозов, 1952. С. 104).

Как нельзя кстати к середине 1950-х гг. к успешной разгадке принципа расшифровки письма майя пришел Ю. В. Кнорозов, который с 1952 г. на эту тему публикует серию статей, а после решает подготовить кандидатскую диссертацию. Её защита проходила в Москве 29 марта 1955 г. и произвела настоящий фурор в научном сообществе. Это была сенсация. Советский учёный, ни разу не побывавший в джунглях Центральной Америки, смог сделать то, чего не сумели добиться лингвисты многих стран, десятилетиями работавшие в местах обитания древних майя. Заслуги Кнорозова были по достоинству оценены. По итогам

заседания диссертационного совета соискателю было присвоено звание не кандидата, а доктора исторических наук.

Ю. В. Кнорозов смог чётко установить, что система письменности майя является типичной иероглификой, на основании чего ему удалось определить принципы дешифровки. Однако окончательно система расшифровки древнего письма будет разработана позже, и получит название «метод позиционной статистики». Основы метода будут изложены в фундаментальной монографии «Письменность индейцев майя», которая и принесёт дешифровщику мировую известность.

Таким образом, Юрий Валентинович за одно десятилетие сделал больше для дешифровки письма майя, чем вся майянистика предшествующего периода. Он смог добыть главное – ключ к пониманию древнего народа Мезоамерики, т.к. понять особенности его мышления позволяет, прежде всего, письменный источник. Если археология позволяет узнать, что майя совершали человеческие жертвоприношения в храмах, то письменный источник – понять роль этих жертвоприношений в жизни индейцев.

На этом история Юрия Валентиновича и майя не заканчивается. 1990-е гг. ознаменовались для ранее невыездного учёного посещением мест, загадки которых он смог разгадать, находясь далеко за их пределами.

Судьбы Ю. В. Кнорозова и майя переплелись настолько, что их не смогла разорвать неумолимая сила времени. Лишь закономерный процесс окончания человеческого бытия подвёл черту под этой историей 30 марта 1999 г. В этот день Юрий Валентинович скончался в Елизаветинской больнице Санкт-Петербурга, куда он был доставлен после инсульта.

Ю. В. Кнорозова нет с нами уже более двух десятилетий, однако, его наследие не может позволить нам забыть столь великую личность. Неспроста доктор исторических наук Г. Г. Ершова назвала свой последний труд, посвящённый дешифровщику письма майя, «Последний гений XX века...» (Ершова, 2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ершова Г. Г. Юрий Валентинович Кнорозов // Портреты историков. Время и судьбы. – М., Наука, 2004. – С. 474-491.

Ершова Г. Г. Последний гений XX века: Юрий Кнорозов: судьба ученого. – М.: РГГУ, 2019. – 798 с.

Кнорозов Ю. В. Древняя письменность Центральной Америки // Советская этнография. – 1952. – № 3. – С. 100-118.

Кнорозов Ю. В. Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 53 с.

Кнорозов Ю. В. Избранные труды. – СПб.: МАЭ РАН, 2018. – 594+II с.; портрет.

Yu. V. KNOROZOV AND ITS CONTRIBUTION TO THE STUDY OF MAYA CIVILIZATION

E. S. Polyakov

*Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskogo,
Lipetsk, Russia*

The publication tells about the difficult life path of the founder of the Soviet school of Mayan studies Yu. V. Knorozov, who, despite all the trials of fate, achieved the main thing – he managed to glorify himself and Soviet science throughout the world. Particular emphasis is placed on deciphering the ancient writing of the Maya Indians and how this contributed to the study of the civilization of the Mesoamerican region.

Keywords: Yu. V. Knorozov, Maya, Mesoamerica, decryption, phonetic writing.

Научный руководитель – Бессуднов Александр Николаевич, к.и.н., доцент.

МОРЕХОДСТВО В ДРЕВНИХ КУЛЬТУРАХ ОСТРОВНОЙ ЧАСТИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ, ПОЛИНЕЗИИ И ЮЖНОЙ АМЕРИКИ: КОНТАКТЫ, ТОРГОВЛЯ, КОЛОНИЗАЦИЯ

А. Р. Агапова

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

В тезисах рассматриваются современное состояние изученности и основная проблематика исследований морской жизни (в особенности мореходства) обитателей Тихоокеанского бассейна на территории островной части Юго-Восточной Азии, Океании (в особенности Полинезии) и северного побережья Южной Америки (Колумбия, Эквадор и Перу), начиная с неолита и до этнографии. Недавно полученные генетические данные полинезийских и южноамериканских индивидов позволяют расширить наше представление о жизни и взаимодействиях в транстихоокеанском пространстве и возродить теорию Т. Хейердала.

Ключевые слова: островная часть Юго-Восточной Азии, Полинезия, Южная Америка, мореплаватели, технологии, лодки-каное-плоты, неолит, австронезийцы.

История строительства каное, плотов, устройство такелажа и навигация в Тихоокеанском бассейне до австронезийской (меланезийской), австронезийской и юго-восточноазиатской групп населения в неолитический и ранний исторический периоды является одним из популярных аспектов истории Океании и Юго-Восточной Азии. Чуть меньше внимания уделялось навигационным навыкам южноамериканских индейцев (Smith, Haslett, 2000). Недавние сенсационные генетические открытия, показавшие взаимодействие полинезийцев и индейцев Южной Америки в доколумбовый период (Ioannidis, 2020), меняют это положение.

Долбленка или обшитое досками каное с аутригером (балластом) и парусом были основными способами колонизации народов, которые расселялись по островной части Юго-Восточной Азии и дальше по Тихому океану в течение нескольких тысяч лет.

Неолитические миграции австронезийцев, начало которых относится к 5 000 л. н., сопровождалось не только перемещением целых семей, но также собак, кур и клубневых по морю, достигли Меланезии около 3 500 л. н. и продвинулись далее в Западную Полинезию (Ranney, 2018).

Существует т.н. «долгая пауза» между австронезийской колонизацией Тайваня и австронезийской колонизацией из Тайваня (Табарев, Патрушева, 2018). Имеется разрыв в 1 000 лет (примерно с 4 300 по 3 300 гг. до н. э.)

между колонизацией земледельцами Тайваня и последующей диффузией на Филиппины, а также ещё один разрыв (примерно с 1 200 по 200 гг. до н. э.) между колонизацией носителей культурной традиции лапита (КТЛ) Западной и Восточной Полинезии (Diamond, 2000). Р. Бласт предполагает, что эти длительные паузы были вызваны временем, необходимым для развития двух скачков в технологии изготовления лодок. Революция в судостроении, которая включила Филиппины и Индонезию в зону досягаемости, возможно, была связана с изобретением аутригерного каное. Точно также вторая революция в судостроении, необходимая для овладения открытым океаном, отделяющим о-ва Восточной Полинезии, связано с изобретением полинезийского двухкорпусного парусного каное на платформе, которое европейские мореплаватели XVIII в. оценили как достойного соперника европейским морским судам (Там же). Двигаясь на восток, австронезийцы достигли Маркизских островов к 200 г. до н.э., к 500 г. н.э. колонизировали Гавайи и о. Пасхи (Рапа-Нуи), к 1200 г. н.э. – Новую Зеландию (Horridge, 2006).

Важное место в исследовании этого вопроса принадлежит П. Беллвуду, который понятие «австронезийцы» положил в основу своей гипотезы «Из Тайваня» (Беллвуд, 1986). Существует альтернативная гипотеза распространения австронезийской языковой семьи В. Солхейма «Нусантао»

(система морской торговли и коммуникации Нусантао). В гипотезе «Нусантао» основное место отводится не миграциям, а морской торговле и контактам, благодаря которым технологические инновации быстро распространяются по обширному региону (Табарев, Патрушева, 2018).

Несмотря на то, что австронезийцы перенесли из Азии многие культурные особенности, возможно, происходившие из центрального и южного Китая, такие как изготовление ткани из волокон, татуировка, определенные декоративные узоры, изготовление керамики, стили топоров (тесел), домашняя свинья, собака и курица, конструкции домов, в австронезийских лодках нет никаких следов китайских лодочных технологий и наоборот (Horrige, 2006).

Точно так же, среди родственных австронезийцев в материковой части Юго-Восточной Азии мало следов использования тихоокеанских лодок. Это подтверждает идею о том, что те детали конструкции лодок, которые характерны для австронезийцев Пасифики, были адаптированы на островах во время или после того, как они покинули континентальную Азию.

На островах Юго-Восточной Азии треугольная оснастка уступила место трапециевидному парусу на фиксированной мачте, что также означало принятие фиксированного руля направления. Предел распространения этих технологических изменений хорошо соответствует пределу распространения металлических инструментов и других товаров торговцами из Азии. Для Океании, следовательно, было мало возможностей изменять технологии судостроения, так как в этот регион металл не проникал до европейского прихода (Horrige, 2006).

Известные каменные деньги из Палау регулярно привозили на Яп, также была традиция у китайских купцов привозить с Филиппин трепанг (морские огурцы). У всех групп Микронезии была регулярная торговля, визиты или межостровные войны.

Путешествия, о которых мы узнаем из традиционных полинезийских мифов, отличались от путешествий в Микронезии – они были менее частыми, проходили на большие расстояния и связаны с первоначальным исследованием, а не с регулярными маршру-

тами. Единственная сохранившаяся и регулярная торговля между островами на большие расстояния, о которой мы знаем из рассказов о Полинезии XVIII и начала XIX вв., имела место в группе островов Сообщества и Туамоту в Восточной Полинезии и в треугольнике Фиджи-Тонга-Самоа в Западной Полинезии.

Рапа-Нуи был известен инкам и более древним доколумбовым культурам (возможно, мочика в Перу, мантеньо в Эквадоре), и археологические находки убедительно свидетельствуют о том, что некоторые аспекты южноамериканской культуры и растений распространились здесь, а возможно, и в других частях Восточной Полинезии. Наличие полинезийских куриных костей в Эквадоре и Чили (памятник Эль Ареналь), косвенно подтвердили, что эти путешественники добрались до Нового Света. Радиоуглеродный анализ датировал кости периодом между 1304 и 1424 г. н.э. (Borrell, 2007), а южноамериканский сладкий картофель (батат), хлопок, бутылочная тыква и другие растения отправились на запад в Полинезию. Дискуссия продолжается, но доказательства существования транспорта в обоих направлениях до 1500 г. н.э. становятся все более твердыми.

Южноамериканский сладкий картофель в Полинезии, по словам П. Кирша и А. Монтенегро, несомненно, связан своим происхождением с Андами. Когда-то считалось, что он был завезен испанскими и португальскими моряками в XVI в., но археологические данные показывают, что полинезийцы выращивали клубень намного раньше (Borrell, 2007).

А. Монтенегро отмечает, что лингвистическое сходство между словом народа кечуа, обозначающим клубень – «*кумал*», и полинезийским словом «*кумала*» должно означать, что их контакты, как минимум, были, а как максимум, были продолжительными. П. Кирш, археолог из Калифорнийского университета в Беркли, считает, что наиболее вероятным было отплытие полинезийцев в Южную Америку (Borrell, 2007).

Генетические исследования предоставили убедительные доказательства контактов полинезийцев с индейцами (Ioannidis, 2020). На самых восточных полинезийских

островах – о. Пализер (арх. Туамоту), Мангарева (арх. Гамбье), Маркизских о-вах, Рапа-Нуи – зафиксированы генетические маркеры двух групп коренных индейцев. Эти компоненты характерны для центрально- и южно-индейского населения Америки (современного и древнего). Центральный индейский компонент характерен для коренных мексиканцев (сапотеков) и коренных жителей Колумбии (зону). Интересно, что индейский компонент, обнаруженный на восточных полинезийских островах, сейчас находится не в прибрежной, а в континентальной части Колумбии.

Самые ранние признаки примеси из обеих групп (полинезийских и южноамери-

канских) в Полинезии находятся на южно-маркизских островах (1150 г. н.э.), на Рапа-Нуи (1380 г. н.э) (Там же).

Важное открытие недавнего генетического анализа в том, что Рапа-Нуи не начальная точка смешения. Скорее всего, распространение шло из Центральной и Восточной Полинезии (юг Маркизских о-вов) на другие территории не позднее 1200 г. н.э.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00010 «Древние культуры островной части Юго-Восточной Азии: происхождение, особенности и региональное значение».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху. Пер. с англ. – М.: Наука, 1986. – 523 с.

Табарев А. В., Патрушева А. Е. Неолит островной части Юго-Восточной Азии: особенности, гипотезы, дискуссии // Теория и практика археологических исследований, 2018. № 1(28). – С. 165-179.

Borrell B. DNA reveals how the chicken crossed the sea // Nature. 2007. № 447. – P. 620-621.

Diamond J. M. Linguistics: Taiwan's gift to the World // Nature. 2000. № 403. – P. 709-710.

Horridge A. The Austronesian Conquest of the Sea – Upwind // The Austronesians: Historical and Comparative Perspectives Ed. by J. J. Fox. ANU Press, 2006. – P. 143-160.

Ioannidis A. J. Native American gene flow into Polynesia predating Easter Island settlement // Nature. 2020. № 583. 8 Jul. – P. 572-577.

Raney K. L. The Polynesian voyaging canoe: the regionalization of seafaring technologies. – Oregon: Clark Honors College. 2018. – 79 p.

Smith C. M., Haslett J. F. Construction and Sailing characteristics of a Pre-Columbian Raft Replica // Bulletin of Primitive Technology. 2000. No. 20. – P. 13-31.

NAVIGATION IN THE ANCIENT CULTURES OF ISLAND SOUTHEAST ASIA, POLYNESIA, AND SOUTH AMERICA: CONTACTS, TRADE, COLONIZATION

A. R. Agapova

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

The thesis consider the current state of knowledge and the main problems of research of marine life (especially navigation) of the inhabitants of the Pacific basin on the territory of Island Southeast Asia, Oceania (especially Polynesia) and the northern coast of South America (Colombia, Ecuador and Peru), from the Neolithic to ethnography. Recently obtained genetic data of Polynesian and South American individuals make it possible to expand our understanding of life and interactions in the transpacific space and to revive T. Heyerdahl's theory.

Keywords: Island Southeast Asia, Polynesia, South America, sailors, technology, boats-canoes-rafts, Neolithic, Austronesians.

Научный руководитель – Табарев Андрей Владимирович, д.и.н., доцент.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКМ – Азовский краеведческий музей
АлтГУ – Алтайский государственный университет
АлтГПУ – Алтайский государственный педагогический университет
АМБУ – Археологический музей Воронежского университета
АНО «НИЦ» – Автономная некоммерческая организация «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия»
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АС – Археологический съезд
БГИКЗ – Бахчисарайский государственный историко-культурный заповедник
БДК – бегазы-дандыбаевская культура
БИ – Боспорские исследования
БРОО «Общество любителей древней истории» – Белгородская региональная общественная организация «Общество любителей древней истории»
ВАН – Вестник Академии наук
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет
ВДИ – Вестник древней истории
ВНУ им. В. Даля – Восточноукраинский национальный университет имени В. И. Даля
ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей
ВУАК – Воронежская ученая архивная комиссия
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИН РАН – Геологический институт Российской Академии наук
ГУК «Донецкий республиканский краеведческий музей» – Государственное учреждение культуры «Донецкий республиканский краеведческий музей»
ДБ – Древности Боспора
ДНР – Донецкая народная республика
ЗРАО – Записки русского археологического общества
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАК – Императорская Археологическая Комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГ РАН – Институт географии РАН
ИЖС – индивидуальное жилищное строительство
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИКН – историко-культурное наследие
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
ИМО КФУ – Институт международных отношений Казанского федерального университета
ИРИМ – Императорский Российский исторический музей
ИТЦ – Инженерно технический центр
ИФХиБПП РАН – Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
КарНЦ РАН – Карельский научный центр РАН
КДК – культура длинных курганов
КС – культура сопок
КСИА – Краткие сообщения Института археологии

ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет
ЛНР – Луганская народная республика
ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии Наук СССР
ЛРНОО «Археологические исследования» – Липецкая региональная научная общественная организация «Археологические исследования»
МАО – Московское Археологическое общество
МАОУ СОШ № 1 – Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 1
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В. М. Васильева
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН
МБС – Микроскоп бинокулярный стереоскопический
МГОУ – Московский государственный областной университет
МИА – Материалы и исследования по археологии
МНПП – Магистральный нефтепродуктопровод
МО ИИМК РАН – московское отделение ИИМК РАН
НА – Научный архив
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИ – Научно-исследовательский институт
НИУ «БелГУ» – Белгородский государственный национальный исследовательский университет
НКГМ – Новосибирский краеведческий государственный музей
ОАН – объект археологического наследия
ОБУК «Государственная дирекция культурного наследия Липецкой области» – областное бюджетное учреждение культуры «Государственная дирекция культурного наследия Липецкой области»
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ОКН – объект культурного наследия
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ООО «БАЭ» – Общество с ограниченной ответственностью «Белгородская археологическая экспертиза»
ООО НПЦ «Черноземье» – Общество с ограниченной ответственностью Научно-производственный центр «Черноземье»
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
РА – Российская археология
РА ИИМК РАН – Рукописный архив ИИМК РАН
РАН – Российская академия наук
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РГПУ им. А. И. Герцена – Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
РСМ – Раннеславянский мир
РСФСР – Российская советская федеративная социалистическая республика
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СГУАК – Симбирская губернская ученая архивная комиссия
СНУ ім. В. Даля – Східноукраїнський національний університет імені Володимира Даля
СО РАН – Сибирское отделение РАН

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СЦН РАН – Самарский научный центр РАН
Удм. ИИЯЛИ УО АН СССР – Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского отделения Академии наук СССР
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
УФСБ России по Белгородской области – Управление федеральной службы безопасности России по Белгородской области
ФГБОУ ВО «ИГУ» – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»
ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЧГК – чрезвычайная государственная комиссия
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЮФУ – Южный федеральный университет
ЭТЛ ИИМК РАН – Экспериментально-трассологическая лаборатория ИИМК РАН
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ

автореферат дисс. док. ист. наук – автореферат диссертации доктора исторических наук

автореферат дисс. канд. ист. наук – автореферат диссертации кандидата исторических наук

автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. биол. н. – автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата биологических наук

акад. – академик

арх. – архипелаг

арш. – аршин

В – восток

в., вв. – век, века

В. К. – Великий Князь

в пер. – в переводе

в т.ч. – в том числе

всеросс. науч. конф. – всероссийская научная конференция

втор. пол. – вторая половина

вып. – выпуск

г., гг. – год, годы

г.о. – городской округ

губ. – губерния

д. – дело

д.г.-м.н. – доктор геолого-минералогических наук

д.и.н. – доктор исторических наук

дер. – деревня

дисс. д-ра ист. наук – диссертация доктора исторических наук

дисс. канд. ист. наук – диссертация кандидата исторических наук

до н.э. – до нашей эры

др. – другое, другие

ед. – единица

ж/д – железнодорожный

изд. – издание

изд-во – издательство

кал. лет – калиброванных лет

кв. м – квадратный метр

к.г.н. – кандидат географических наук

к.и.н. – кандидат исторических наук

кн. – книга
кон. – конец
л. – лист
л. н. – лет назад
науч. ред. – научный редактор
нач. – начало
н.э. – наша эра
о., о-ва – остров, острова
обр. – образец
оз. – озеро
оп. – опись
отв. ред. – ответственный редактор
п., погр. – погребение
пер. пол. – первая половина
под. ред., под общ. ред. – под редакцией, под общей редакцией
пол. – половина
пос. – поселок
пр. – прочее
р. – река
ред. – редактор
ред.-сост. – редактор-составитель
с. – село
сб. научн. тр. – сборник научных трудов
СВ – северо-восток
сер. – середина
совр. – современный
спец. – специальность
ССЗ – северо-северо-запад
т. – том
тип. – типография
тр. – труды
тыс. – тысяч или тысячелетие
тыс. л.н. – тысяч лет назад
т.д. – так далее
т.е. – то есть
т.к. – так как
т.н. – так называемая, так называемый
ув. – увеличение
унив. тип. – университетская типография
уч. – участок
учеб.-метод. пособие – учебно-методическое пособие
ф. – фонд
хут. – хутор
цит. – цитата
ч. – часть
экз. – экземпляр
Ю – юг
ЮВ – юго-восток
ЮЗ – юго-запад
ЮЮВ – юго-юго-восток

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агапова Алина Романовна (anila.agap.13@mail.ru), Новосибирский государственный национальный исследовательский университет (Новосибирск), 4 курс бакалавриата.

Алхуссейни Амир Хамид Саффах (safah436@gmail.com), Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань), аспирант 3 курса.

Арсенова Наталья Евгеньевна (arsyu1@yandex.ru), Воронежского государственного университета (Воронеж), главный хранитель Археологического музея.

Бажина Вероника Владиславовна (veronika_bazhina@list.ru), Воронежский государственный университет (Воронеж), 2 курс магистратуры.

Балашов Александр Александрович (2012balashov@gmail.com), Курский государственный университет (Курск), младший научный сотрудник НИИ археологии юго-востока Руси.

Бессуднов Александр Николаевич (bessudnov_an@mail.ru), Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк), доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, кандидат исторических наук.

Бирюкова Татьяна Викторовна (tanya-birukoova@mail.ru), Воронежский государственный университет (Воронеж), 3 курс бакалавриата.

Божко Андрей Александрович (andrbozhko@yandex.ru), БРОО «Общество любителей древней истории» (Белгород), президент.

Бояркин Михаил Викторович (mikhail_boyarkin@mail.ru), Воронежский областной краеведческий музей (Воронеж), заведующий отделом.

Бувевич Михаил Алексеевич (buevichm64@mail.ru), Самарский национальный исследовательский университет (Самара), 4 курс бакалавриата

Васильева Татьяна Анатольевна (tattya@list.ru), Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск), научный сотрудник сектора археологии, кандидат исторических наук.

Волов Андрей Игоревич (Andrey-Igorevich97@yandex.ru), Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород), 2 курс магистратуры.

Володин Семен Алексеевич (volodinsaimon@gmail.com), Институт археологии РАН (Москва), младший научный сотрудник Научно-отраслевого архива.

Воронков Станислав Александрович (voronkov.stanislav149@gmail.com), Череповецкое музейное объединение (Череповец), научный сотрудник музея археологии.

Гиблова Анастасия Андреевна (b.vorona76@mail.ru), Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), 4 курс бакалавриата.

Гольшкин Александр Олегович (11.10.48@mail.ru), Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк), 1 курс магистратуры.

Городцова Юлия Николаевна (yuliya.gorodtsova@yandex.ru), Воронежский государственный университет (Воронеж), 1 курс аспирантуры.

Грехов Сергей Вадимович (sergeigreh@mail.ru), МАОУ СОШ № 1 (Кушва, Свердловская область), учитель истории.

Гриб Максим Александрович (42209@mail.ru), Алтайский государственный университет (Барнаул), 1 курс магистратуры.

Димидов Лев Георгиевич (dimidovlev@yandex.ru), Южный Федеральный университет (Ростов-на-Дону), 4 курс бакалавриата.

Долгов Андрей Олегович (dolgov.andrey@sgspu.ru), Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), 3 курс бакалавриата.

Дугина Елена Михайловна (dugina.elena@mail.ru), ОБУК «Государственная дирекция культурного наследия Липецкой области» (Липецк), юрисконсульт.

Ермаков Тихон Константинович (erm-tihon@mail.ru), Новосибирский государственный университет (Новосибирск), лаборант лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии.

Журбенко Лилия Николаевна (zhurbenko@bsu.edu.ru), Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород), 2 курс магистратуры; БРОО «Общество любителей древней истории», научный сотрудник.

Игнатъев Юрий Иванович (ignatev.yura.97@mail.ru), Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), 1 курс магистратуры.

Калугина Елизавета Михайловна (kalugina_lizaa@mail.ru), Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), 4 курс бакалавриата.

Карепин Константин Владимирович (karepin.kostya@mail.ru), Донецкий национальный университет (Донецк, ДНР), 2 курс магистратуры.

Качесова Ольга Александровна (ka4esova99@yandex.ru), Алтайский государственный университет (Барнаул), 1 курс магистратуры.

Клюкойть Артём Александрович (artyuom.klyukoit@yandex.ru), ЛРНОО «Археологические исследования» (Липецк), научный сотрудник.

Ковалёва Ника Николаевна (voshlykov@mail.ru), Новосибирский государственный университет (Новосибирск), 4 курс бакалавриата.

Коваленко Петр Петрович (p_kov@mail.ru), Луганский государственный педагогический университет (Луганск, ЛНР), младший научный сотрудник Центра археологии и этнографии.

Кокоткина Анастасия Васильевна (annaakulova@yandex.ru), ЛРНОО «Археологические исследования» (Липецк), научный сотрудник.

Кононович Александра Юрьевна (Kononovich.a.u@gmail.com), Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), младший научный сотрудник Отдела истории русской культуры.

Костылёва Анастасия Андреевна (kostileva89@mail.ru), Управление государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области (Белгород), консультант отдела государственного учёта и регулирования градостроительной деятельности.

Кудрявцев Андрей Алексеевич (a-kudravtsev@yandex.ru), Институт археологии РАН (Москва), научный сотрудник Научно-отраслевого архива, кандидат исторических наук.

Кузьмина Анна Владимировна (a_substitution@mail.ru), Череповецкий государственный университет (Череповец), 3 курс бакалавриата.

Ларочкин Артем Александрович (koshara-mac-dak@yandex.ru), Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск), 1 курс магистратуры.

Леснухин Александр Юрьевич (ao2pfal1tjmts4al8tov@gmail.com), Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк), 4 курс бакалавриата.

Лошаков Константин Александрович (kinstantin_@mail.ru), Управление государственной охраны объектов культурного наследия Белгородской области (Белгород), начальник отдела государственной охраны, сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия.

Лукинцева Валерия Алексеевна (marskot7@mail.ru), Череповецкий государственный университет (Череповец), младший научный сотрудник кафедры истории и философии.

Лысенко Татьяна Анатольевна (lysenko.313@yandex.ru), Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж), 4 курс бакалавриата.

Мамац-ипа Рамзет Урусканович (enatikx@gmail.com), Воронежский государственный университет (Воронеж), 1 курс аспирантуры.

Манько Никита Владимирович (nikita_manko98@mail.ru), Донецкий национальный университет (Донецк, ДНР), 2 курс магистратуры.

Муратбакиева Анастасия Дмитриевна (NMuratbakieva@gmail.com), Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), исследователь-стажёр Лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г. С. Лебедева.

Непочатова Анна Владимировна (ann-nep@yandex.ru), Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород), 3 курс бакалавриата.

Неснов Степан Владимирович (nesnovs@yandex.ru), ООО «Терра» (Воронеж), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Онищенко Алексей Сергеевич (aexa1022@gmail.com), Донецкий республиканский краеведческий музей (Донецк, ДНР), младший научный сотрудник.

Осипов Сергей Григорьевич (osipov.s9621@gmail.com), Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), 2 курс магистратуры.

Осташова Дарья Васильевна (dashaost2390@gmail.com), Липецкий государственный педагогический институт имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк), 3 курс бакалавриата.

Панкина Анна Ильинична (pankina1995b@mail.ru), Новосибирский государственный университет (Новосибирск), лаборант Лаборатории мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии.

Пантелеева Татьяна Юрьевна (panteleeva.tatyana.99@mail.ru), Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), 4 курс бакалавриата.

Пахомов Роман Викторович (RomanPachomov77@yandex.ru), Воронежский государственный университет (Воронеж), 2 курс магистратуры.

Петрищева Дарья Павловна (Brightpaw@yandex.ru), Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург), 4 курс бакалавриата.

Поляков Евгений Сергеевич (eugeny.p0lyakov@yandex.ru), Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк), 3 курс бакалавриата.

Потапова Анастасия Владимировна (anastassia4272@gmail.com), Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (Пущино, Московская область), научный сотрудник лаборатории археологического почвоведения отдела эволюции и экологии почв.

Ракишева Айгуль Идрисовна (rakisheva.a18@mail.ru), Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), 4 курс бакалавриата.

Ронжова Светлана Сергеевна (svetlana.ronzhova@yandex.ru), Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), 4 курс бакалавриата.

Руев Владимир Леонидович (vl.ruev@gmail.com), Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь), доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии, кандидат исторических наук.

Рукина Наталия Сергеевна (n.rukina@list.ru), Воронежский государственный университет (Воронеж), 2 курс магистратуры; государственный археологический музей-заповедник «Костенки» (Воронеж), специалист Отдела экскурсионной, выставочной и научно-просветительской деятельности.

Рюмин Иван Вячеславович (irv12345@mail.ru), Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск), 1 курс магистратуры.

Сарапулкин Владимир Александрович (sarapulkin@bsu.edu.ru), Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород), доцент кафедры Российской истории и документоведения, кандидат исторических наук.

Саратовцева Анастасия Викторовна (saratovceva1999@mail.ru), Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), 4 курс бакалавриата.

Святой Ян Сергеевич (yan.sviatoi@yandex.ru), БРОО «Общество любителей древней истории» (Белгород), научный сотрудник.

Симоненков Алексей Владимирович (aexskif@gmail.com), Курский государственный областной музей археологии (Курск), научный сотрудник экспозиционного отдела.

Симонов Сергей Сергеевич (79513066986@yandex.ru), ЛРНОО «Археологические исследования» (Липецк), научный сотрудник.

Соколовский Василий Андреевич (v.sokolovskii@g.nsu.ru), Новосибирский государственный университет (Новосибирск), 3 курс бакалавриата.

Степикин Александр Ильич (stepikin.alexandr@yandex.ru), Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), 4 курс бакалавриата.

Сухова Олеся Константиновна (Olespisareva@yandex.ru), Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), 1 курс аспирантуры; Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина (Самара), старший научный сотрудник.

Тихонов Роман Владимирович (478042316789@mail.ru), Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Елец, Липецкая область), доцент кафедры истории и историко-культурного наследия, кандидат исторических наук.

Трошкина Марина Алексеевна (marinatroschckina@yandex.ru), Череповецкий государственный университет (Череповец), 2 курс бакалавриата.

Уварова Кристина Александровна (kuuvarova@gmail.com), Самарский государственный социально-педагогический университет (Самара), 1 курс магистратуры.

Ушкова Алина Павловна (alinau25@gmail.com), Воронежский государственный технический университет (Воронеж), 1 курс магистратуры.

Фомин Кирилл Витальевич (1290585@bsu.edu.ru), Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород), 3 курс бакалавриата.

Хорольская Наталья Викторовна (izumrudik_99@mail.ru), Воронежский государственный педагогический университет (Воронеж), 4 курс бакалавриата.

Цыкин Максим Сергеевич (tsykin.max@mail.ru), Самарский национально-исследовательский университет (Самара), 4 курса бакалавриата.

Чекрыжова Виктория Сергеевна (hjh.jhhgj@mail.ru), Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк), 2 курс бакалавриата.

Черепов Олег Валерьевич (olegcherepov1012@mail.ru), Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород), 2 курс магистратуры.

Чхатарашвили Гурам Леонидович (gurami.chxa87@yahoo.com), Батумский археологический музей (Батуми, Грузия), научный сотрудник, кандидат исторических наук.

Шеменёв Сергей Викторович (shemenyov.serzh88@yandex.ru), ЛРНОО «Археологические исследования» (Липецк), научный сотрудник.

Шишканов Никита Васильевич (nikita.vlnd@yandex.ru), Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), 4 курс бакалавриата.

Шушлебин Андрей Игоревич (Duck2000@mail.ru), Воронежский государственный университет, (Воронеж), 3 курс бакалавриата.

Щербакова Инна Владимировна (innka757@mail.ru), Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань), 2 курс магистратуры; музей-заповедник «Дивногорье» (Воронеж), младший научный сотрудник.

Юркина Елизавета Сергеевна (eli9725@mail.ru), Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского (Липецк), 2 курс магистратуры; ЛРНОО «Археологические исследования» (Липецк), научный сотрудник.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МОЛОДЫХ

Сборник научных статей Четвертой международной научной конференции,
посвящённой 80-летию со дня рождения профессора А. З. Винникова

(г. Белгород, 11-12 ноября 2020 года)

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: В.С. Берегова
Выпускающий редактор: Л.П. Котенко

В оформлении обложки использованы
бронзовые коробочка, цепь и фибула
(погр. 5 Маяцкого селища, раскопки В. А. Сарапулкина, 2008 год)

Подписано в печать 31.01.2022. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 16,0. Тираж 200 экз. Заказ 9
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48